

ВИТАЛИЙ НАДЫРШИН

**ОШИБКА
ИМПЕРАТОРА.
ВОЙНА**

6+

Виталий Аркадьевич Надыршин

Ошибка императора. Война

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55339982

SelfPub; 2020

Аннотация

Лондон середины XIX века – финансовый и политический центр всего мира. А финансовым и политическим центром Лондона была Даунинг-стрит. Именно здесь принимались решения, которые ввергнут ряд стран в кровавую войну с Россией. На почве антирусской ненависти объединятся даже традиционные соперники: Великобритания и Франция. Эту войну в Европе назовут Восточной, в России – Крымской. Интервенты нападут на северные, западные, восточные и южные границы России. Они заблокируют Кронштадт, поселения на Балтийском и Белом морях, на Камчатке, города на Чёрном море. Турки высадутся на Кавказ. Эта война не стала мировой только потому, что на всех фронтах, кроме Крыма, интервенты не смогли разгромить Россию. По признанию многих политиков того времени, война эта была совершенно бессмысленной. Россия вскоре вернула себе Севастополь. Что приобрели Великобритания, Франция и Турция – кроме людских и финансовых потерь? Бог им судья!

Содержание

Часть первая	5
Странный визит	9
Лорд Палмерстон	39
Великосветский бал	79
Разговор императора с английским послом	126
Князь Меншиков. Переговоры в Турции	158
Часть вторая	218
Синопский бой	218
Фрегат «Аврора»	253
Заседание совета Адмиралтейства	274
Осторожный адмирал	300
Бомарзунд. Павшая крепость	310
Часть третья	335
И снова «Аврора»	335
Город святых апостолов. Генерал Завойко	342
Бой за Петропавловск	360
Часть четвёртая	390
Тревожные будни	390
Военный совет в доме Корнилова	404
Союзники совещаются	435
Октябрь 1854 года	452
Сражения в октябре	472
Антон Аниканов	495

Отставной советник Шорохов

513

Роковое совещание

551

Много лет спустя

584

Часть первая

Не вините прошлое, господа,
его создавали ваши предки.

1847 год. Лондон.

Обычный, ничем не примечательный воскресный день, тихий и скучный, подходил к концу. Моросит и шуршит по крышам домов мелкий надоевший, хотя и привычный дождь. Редкие прохожие с зонтами над головой, держась ближе к свету уличных фонарей, спешат поскорее покинуть сырые лондонские улицы.

Напротив старинного особняка, что на Ломбард-стрит, под кроной большого с растопыренными во все стороны ветками дерева стоят двое мужчин. Судя по доносившему отсюда разговору, приглушаемому шелестом дождя, один из них говорит явно раздражённо, второй, напротив спокойно, совершенно не реагируя на недовольство своего товарища. Последняя фраза спокойного мужчины, что ждать придётся, возможно, долго, окончательно расстроила недовольного коллегу.

– Что-что? Ждать до ночи?.. И так торчим с самого утра. Торговец уличными балладами, и тот на нас смотрел весь день подозрительно... И как ещё полицию не вызвал?!.. А теперь до следующего утра, что ли, торчать здесь будем?..

– Чего разошёлся?.. Надо, будем и до утра... Чарльз Роуэн¹ меня лично предупредил о важности слежки за этим иностранцем по фамилии Наполеон. Кстати, он случаем не родственник бывшего императора Франции?

– Да какая нам разница? А если он и вовсе не придет?.. Дожились, и по выходным нет отдыха. Подумаешь, Наполеон, пусть и родственник... Понаехало их тут с континента... Вон мои родственники пишут, что у них в Бельгии демонстрации всякие проходят, недовольны люди правительства своими... Бунтуют, демонстрации там всякие... Газеты читаешь – волосы дыбом... Люди недовольны... Вся Европа бастует. Куда мир катится?.. Вот и этот французик сбежал к нам в Лондон из своей Франции от беспорядков. Тьфу... Теперь торчи здесь... Что бы он...

Цокот копыт лошадей, тащивших гроыхавший по булыжной мостовой омнибус, заполненный пассажирами в отличие от буднего дня лишь наполовину, заглушил последние слова рассерженного человека. Зато через несколько секунд опять послышался строгий, начальственный голос его напарника:

– Да тихо ты! Разорался. Придёт не придёт – не наше дело. Начальству виднее... А коль и придёт, то, думаю, уже скоро. Чего ему совсем в ночь-то визиты наносить русскому послу? Поди, не друзя с ним. Так что жди, не кипятись. Нам что главное – не прохлопать этого эмигранта... И доложить...

---

¹ Один из начальников лондонской полиции.

А дальше не наше дело. А что понаехало из Европы люда разного, согласен. Работы у нас прибавилось, это точно.

– А платить больше не стали. Вот и стоим мы тут под дождём... Тьфу...

Недовольный голос на несколько секунд замолк, но потом опять раздражённо произнёс: – Не прохлопать?!.. В темноте-то? Мы что, совы?

– Светло там. Фонарь у парадной... Ослеп?..

После некоторой паузы тот же недовольный человек добавил:

– Спички дай, а то мои отсырели, курить охота. Этот Филипп Моррис, что недавно табачную лавку открыл на Бонд-стрит, совсем обнаглел. Вчера шёл мимо, заглянул. Дай, думаю, куплю сигару или сигарету, побалуюсь в воскресенье, а как на цены посмотрел, чуть не упал. Уж лучше трубку курить – всё дешевле. И что обидно, супруга его, стерва, стоит и ухмыляется мне в лицо, а братец этого Филиппа на дверь этак нагло показал. Уроды...

– Так брось эту паскудную привычку. Не кури... – и, не услышав ответа, с раздражением добавил: – На твои спички... Покури, потом пройдишь возле дома посла, посмотри, что вокруг делается...

– Пройдишь?!.. Без зонта... И так уже промок...

– Потерпишь, не сахарный...

Вскоре разговор затих. Тишину вечерних улиц нарушали только шум проезжавших мимо конных экипажей, шаги

немногочисленных прохожих да далёкий лай собак...

Странный визит

В большой гостиной особняка российского посла, удобно расположившись в глубоких креслах, придвинутых к начинавшему гаснуть камину, в ожидании вечерней трапезы сидели трое: хозяйка дома и гостивший у них родственник – морской офицер в чине мичмана.

Добротная и солидная обстановка залы говорила о высоком статусе хозяина. И пусть мебель от времени несколько потускнела, в ней уже не было прежней яркости лака, зато она приобрела налёт некой романтической старины, что только подчёркивало её качество и статутность владельца. Значимость хозяина дополнял также и григорианский камин, выложенный в стиле Палладио мрамором и элементами из тёмного камня. А вот большой ковёр на полу в общий интерьер явно не вписывался: не в меру яркий и, по всей видимости, недавно приобретённый.

Сверкая малиновыми искорками, прогоревшие дрова в камине слегка дымились: чуть-чуть попахивало дымком. Одна из свечей напольного канделябра, неожиданно пыхнув остатком фитиля, погасла и закоптила. И хотя в гостиной не стало темнее, и света было вполне достаточно, из глубины одного из кресел тут же раздался недовольный женский голос:

– Ну вот, опять сгорела, подлая! Денег на эти свечи не

напасёшься...

На изящном столике с гнутыми ножками лежали небрежно разбросанные газеты, тут же – фарфоровый кофейник, вазочка с печеньем и три маленькие чашечки.

Посол России в Великобритании барон Филипп Иванович Бруннов вместе с супругой и родственником вел неспешный разговор, и все пили кофе.

В домашнем халате, с шарфом на шее, вытянув вперёд укутанные шерстяным пледом ноги, посол лениво, часто невпопад отвечал на вопросы супруги.

Родственник, прикрыв глаза, в разговоре старших почти не участвовал – дремал. Беседовали в основном супруги и то, видимо, больше для приличия, дабы уж совсем не молчать при родственнике, и по большей части говорила супруга. Был слышен её нудный сварливый голос, настойчиво намекавший мужу о нехватке денег в семейном бюджете в связи с дороговизной продуктов, свечей, а главное – дров.

Думая о своём, Филипп Иванович прихлёбывал уже успевший остыть ароматный кофе, на причитания жены только укоризненно покачивал головой и, вздыхая, бубнил:

– Это Лондон, Шарлотта! А что ты хотела, матушка: в Европе – революции, кругом – кризис. Смотри, что в Австрии венгры творят... Хотят выйти из состава Австро-Венгрии. Не позавидуешь императору Фердинанду. По его нижайшей просьбе к нашему императору русские войска усмиряют бунтовщиков. Потом опять Европа будет злословить, мол, рус-

ские – душители свободы. . .

И жене было непонятно: то ли муж тотчас примет меры к пополнению бюджета, то ли он осуждает англичан за скачущие цены на рынках, то ли переживает за Фердинанда. Однако что-либо уточнить она не решалась, знала – бесполезно.

Пятидесятилетний посол наружность имел, прямо скажем, совсем не привлекательную: рослый, фигура – тучная, оканчивающаяся большой бритой головой с тяжёлой челюстью. Его мясистое лицо, не выражавшее ничего, кроме безразличия, на ответственных встречах (что часто сбивало с толку противную сторону), как правило, и в домашней обстановке оставалось таким же – безучастным к житейским проблемам.

Свой высокий пост Филипп Иванович занимал уже много лет и получил его не только благодаря способностям и знаниям, но и из-за своего происхождения. Чего скрывать, он был потомком померанских рыцарей, берущих своё начало с XV века. Однако, помимо сказанного, потомок рыцарей обладал ещё весьма красивым почерком и безупречным стилем составления дипломатических документов. Когда-то именно на это и обратил внимание тогда ещё вице-канцлер России Карл Васильевич Нессельроде².

Под стать своему дядюшке, но, слава богу, не внешнею, был и молодой человек: тоже рослый и тоже с круп-

---

² Канцлер Российской империи Нессельроде Карл Вильгельмович (Васильевич).

ной головой, широкоплечий шатен с аккуратными усиками, делающими его внешность не только более взрослой, но и весьма привлекательной. Двадцати лет от роду, он впервые оказался в Англии, да, пожалуй, и за границей тоже. По указанию морского ведомства родственник посла изучал строительство кораблей на паровой тяге – пароходо-фрегатов. Как раз такой корабль по заказу России строился на одной из английских верфей и уже был на выходе: на нём вот-вот начнутся швартовые и ходовые испытания. Так, по крайней мере, совсем недавно находясь в гостях у посла, заверил командир этого корабля капитан 1 ранга Владимир Корнилов.

Филиппу Ивановичу сорокасемилетний морской офицер понравился. В ладно сидящем мундире с эполетами, среднего роста, с тонкой и стройной талией, с правильным, почти классическим профилем и почему-то всегда со строгим выражением лица, Корнилов производил впечатление умного и преданного своему делу офицера.

Бруннов украдкой бросил взгляд на своего родственника. Полусонное состояние мичмана, развалившегося в кресле, несколько диссонировало с возникшим перед глазами портретом Корнилова. Но посол успокаивал себя: «У парня всё ещё впереди».

В свободное от службы время мичман всегда наносил визиты своим высокопоставленным родственникам, попутно знакомясь с достопримечательностями этого большого и красивого города. Вот и теперь, после очередной прогулки

по городу, сидя в полудрёмном состоянии, он мысленно перебирал свои впечатления. А их было много...

«Уже молчу о корабле, пар – дело новое, нужное, за ним будущее, но сам Лондон... Впечатляет! Чего стоит только один музей восковых фигур мадам Тюссо на Бейкер-стрит... Вольтер и Жан-Жак Руссо стоят там словно живые. А «Кабинет ужасов»... Аж страшно... Жаль, стажировка заканчивается...» – лениво размышлял про себя родственник, по привычке приглаживая свои усики.

Посол тоже размышлял, но вслух. Его тревожило запланированное на этот вечер посещение некоего Шарля-Луи Наполеона, слуга которого ещё вчера предупредил о визите своего хозяина.

– Странный визит... И почему в воскресный день да ещё поздним вечером?.. Ужо и не знаю, по параду одеваться аль нет. Родственником как-никак Наполеону Бонапарту этот Шарль-Луи приходится, – проворчал Филипп Иванович. – Племянник этого самого аспида Наполеона I, косточки коего, поди, истлели ужо за четверть века.

– А имя-то потомкам своё оставил, антихрист... Да ещё какое!.. Ты, батюшка, сам рассуди: как принять такого визитёра в халате-то? Чай, пусть видит иконостас на твоей груди. Одних орденов у тебя, почитай, аж восемь штук... – подала голос жена посла.

– Тётушка! Нашли чем удивлять! У этого племянника, глядишь, тех орденов поболее будет. Наполеон же!.. – не от-

крывая глаз, лениво высказал своё мнение молодой человек.

– Верно, конечно, матушка. А ты, Антоша, знать должён: протокол есть протокол. Но тут закавыка: протокол не про гостя писан. Беглый он заключённый... Какой тут протокол?.. Переворот, вишь ли, захотел сотворить в Париже этот Наполеоша. Законного французского короля сместить и республику, аль ещё чего, провозгласить. Эк выдумал! Однако, слава богу, не случилось! Посадили бунтаря на семь лет в крепость Гам, что во Франции. Так этот антихрист в том годе сбежал оттудова и в Бельгию подался, а ужо потом сюда – в Лондон. Англичане, хотя враждуют с французами, а пригрели беспокойного родственника Наполеона на всякий случай. Живёт шельмец в роскоши на Сент-Джонс Вуд³ и, заметьте, не с кем-нибудь, а с первой городской красавицей мисс Харриет Говард – молодой, богатой и со связями. Вот этот революционер и хорохорится, политического деятеля из себя строит. Тоже мне Бонапарт Наполеон!.. И потом, как пишет посол во Франции Петр Петрович Пален, в тюрьме этого Шарля-Луи посещали многие известные личности, но вызывает подозрение одна – лорд Малмсбери, представитель известной фамилии английских дипломатов. Ты, Антоша, поди, и не слыхивал о таком.

В знак согласия родственник вяло кивнул головой.

– А кто его послал? – продолжил Филипп Иванович. – О чём они беседовали, неизвестно. А не ведёт ли этот Наполе-

---

³ Престижный район [Лондона](#),

он двойную игру?.. Нет, официальный приём негоже делать. Не буду одеваться парадно.

Приняв решение, Филипп Иванович глубоко и с удовлетворением вздохнул и тут же чихнул. Не найдя в карманах халата платка, чертыхнулся, с недовольным видом скинул на пол плед, зевнул и энергично поднялся. Почёсываясь, он подошёл к окну и, несколько поднатужившись, приподнял раму.

В гостиную хлынул свежий влажный воздух, смешанный с тонким запахом кофе, идущим из расположенной невдалеке старой и весьма популярной кофейни Ллойда. Заведение-то старое, более ста пятидесяти лет, да именно это и привлекает жителей и гостей: многие хотят посидеть на дубовых стульях, где сиживали их деды и прадеды – капитаны кораблей, больше похожие на пиратов, судовладельцы, морские брокеры и банкиры. Довольно часто бывал там и Филипп Иванович. Пустовала кофейня Эдварда Ллойда весьма редко.

– Филипп Иванович, батюшка! Как можно? Пожалуйста, закрой окно. Сквозняк! Простудишься сам и Антошу застудишь, – запричитала жена.

Назло супруге Филипп Иванович поднял окно ещё выше, пробурчав: – Не бойсь, Шарлотта! Меня не продует, а мичман к ветрам привыкшим долён быть!

За окном – поздний вечер. Лондонская погода и в воскресный день не баловала: слякоть, мелкий дождь сыплет и сыплет...

Хмуро и со скучающим видом барон стал разглядывать улицу. По булыжной мостовой уныло плелись одиночные экипажи, выбивая колёсами характерный дробный звук, да прохожие, обходя лужи, торопились по своим делам.

Вот показалась пассажирская карета, запряженная четвёркой уставших лошадей. Даже при свете фонарей было видно, что карета прибыла издалека: животные едва переставляли ноги. На козлах рядом с кучером крупного телосложения под зонтом сидел мальчишка. На плоской крыше стояло несколько корзин, укрытых холстиной. Небольшое оконце салона было наглухо задёрнуто занавеской: пассажиров не было видно. Тарахтя колёсами, карета медленно проплыла мимо дома посла, держа путь на городскую стоянку.

Неподалёку сердито и хрипло залаяла собака, из-за раскидистого дерева, что напротив дома, мелькнул огонёк, и всё опять затихло.

С улицы в комнату стали залетать капельки дождя. Опять чертыхнувшись, Филипп Иванович опустил окно.

– Семь лет живу здесь, а привыкнуть не могу. Как эти бритты живут в такой слякоти? Ни лета нормального, ни зимой тебе мороза приличного... Тьфу!.. – пробурчал он. – Может, оттого и министры у королевы бестолковые. Упрямыцы со странностями в английском духе. Хотят всегда одного, а поступают совершенно противоположно своему желанию. Устал я общаться с этими англичанами, ей Богу, устал.

– Кстати, дядюшка, – лениво произнёс племянник, – а по-

чему «бритты»?.. От Британии?..

Филипп Иванович опять сел в кресло, накиннул на ноги плед, отпил из чашки кофе и заговорил тем же ленивым, что и родственник, голосом:

– Сказать честно, достоверной версии пока не существует. Но есть легенда, будто бы римский полководец Цезарь где-то оставил запись о галльских войнах: мол, эти варвары-кельты красят свои тела в синий цвет, чтобы в битве иметь устрашающий вид. Но то ли это просто краска, то ли татуировка с краской, точно неизвестно. Вот в Европе позже и стали эти племена называть кельтским словом «претани», что означает «раскрашенный», «татуированный». Видимо, от этого слова впоследствии и произошло название «Британия...» Так это или нет, история умалчивает.

– Выходит, римляне варварами называли предков англичан? А теперь так называют нас, русских? А мы кому передадим это определение?... А, Филипп Иванович? – с ехидцей в голосе произнёс родственник. – Очень хотелось бы вернуть сие определение «раскрашенным» обратно.

Бруннов не ответил. Но, видимо, слова Антона пришлись по душе послу, и он улыбнулся.

В это время со скрипом открылась дверь. Показалась голова служанки.

– К вам гость, Филипп Иванович. Смешной такой... Говорит, что француз, а сам на ишпанца смахивает.

– Приглашай, Марфа. Только забери сперва чайник и

чашки. Завари кофе – французы его любят. Хотя подожди. Узнай у этого «ишпанца», кофе аль чай с молоком пить будет, аль чё покрепче. А ты, матушка, иди к себе. Наполеон, поди, пришёл не кофеи с нами распивать. А ты останься, Антон. Послушай, об чём беседа будет.

Супруга посла нехотя встала, не спеша размотала на себе плед и медленно малыми шажками направилась к выходу. Ей страсть как хотелось поглядеть на знаменитого родственника самого Бонапарта Наполеона.

И она, к своему удовольствию, столкнулась с ним в двери. Гость в зеленом сюртуке с застёгнутыми пуговицами до самого подбородка галантно раскланялся с женщиной (уж что-то, а это французы делать мастера).

– Нас покидает такая очаровательная дама? Сударыня, почту за честь побыть в компании с вами, – голосом с интонацией дамского угодника произнёс гость на французском языке.

Шарлотта уже было остановилась, раздумывая, а не остаться ли ей... Но любезный поклонник очаровательных дам поспешно добавил:

– Как жаль, что уходите, мадам! – и бесцеремонно прошёл в гостиную.

«Очаровательная дама» бросила в сторону гостя томный взгляд и, покачивая толстым задом, протиснулась в проём двери.

Антоша ухмыльнулся. Чтобы не рассмеяться (родствен-

ница всё ж), отвернулся. При приближении француза молодой человек поднялся с кресла.

Мужчины галантно раскланялись. Установилась неловкая пауза. Не встречавшиеся ранее джентльмены пристально изучали друг друга.

Вид российского посла в домашнем халате француза расстроил. Его усы и коротко стриженная бородка дрогнули, губы недовольно скривились, брови нахмурились. Острые светло-карие глаза, только что внимательно обшаривающие нескладную фигуру посла, зло блеснули.

Филипп Иванович заметил недовольство визитёра, чему совсем не огорчился, и демонстративно хмыкнул. О госте он был ранее слышан, читал даже лишённые оригинальности его наивные политические брошюры. Однако воочию этого Наполеона видел впервые. Как опытному дипломату, ему хватило совсем немного времени, чтобы составить для себя портрет гостя:

«Росту небольшого, возраст – сорок лет, не более. Рыжеватая козлиная бородка, усы стрелками... Вытянутый овал лица, тонкий нос, высокий лоб... Внешность заурядная, без видимого, на первый взгляд, внешнего сходства с великим родственником. Черты лица вялые, капризные. Вот только глаза... красивые и с какой-то загадочной глубиной. Где-то там, в этой глубине, светился огонёк неугомонности и непомерного тщеславия. Не мудрено!.. Как же, фамилия обязывает. Видать, потаённые надежды на будущее не покидают

родственника великого злодея-императора».

И что ещё неприятно поразило Филиппа Ивановича: этот огонёк тщеславия рвался наружу. Посол даже испугался результатов своих наблюдений.

«Точно будет денег просить на свои прожекты, – решил он. – Вялые черты лица – маска для прикрытия бунтарских наклонностей... Весьма опасный тип. Подальше надо от него держаться. А Марфа права, на испанского гранда действительно похож, но без фамильярной привилегии надевать свою шляпу в присутствии короля без его на то разрешения. Здесь другой шарм нужен».

Размышления посла прервала служанка: внесла поднос с очередным кофейником и чашками.

Широко улыбнувшись, Филипп Иванович гостеприимно пригласил француза к столу. Лицо барона приобрело отпечаток прямодушной откровенности, который приобретают только весьма искушённые в политике лица.

Из уважения к гостю говорить посол стал на его родном языке. Филипп Иванович представил Наполеону родственника.

Антон почтительно склонил голову и, слегка щёлкнув каблуками, тоже на французском произнёс:

– Антон Аниканов, – и горделиво добавил: – Мичман флота его императорского величества.

– Да-да, Антоша только-только получил сие звание. После окончания Морского кадетского корпуса он более года про-

служил на флоте гардемаринном. Сейчас заканчивает стажироваться на пароходо-фрегате, что строится на местной верфи. И двое его братьев тоже служат на флотах России-матушки. Думаю, они тоже весьма скоро получают мичманские звания, – уточнил Филипп Иванович.

– Похвально, – равнодушно кивнул гость в сторону родственника.

Мужчины сели.

– Пожалуйте, сударь, кофе. А горячего грога не желаете?.. В дороге, поди, промёрзли, весна нынче холодная. Антоша, не поленись, сходи, прикажи подать сей божественный напиток.

Молодой человек вышел и вскоре вернулся.

– Как вам аглицкая погода, сударь? После прекрасной Франции к лондонской сырости привыкнуть весьма трудно, не так ли? Да, поди, и скучно вам здесь?

– Что вам сказать, господин посол? Человек – такое создание божье, что привыкнет и к аду небесному, а коль надо будет, и с чертями найдёт общий язык. А у меня, как вы сами понимаете, особого выбора нет. За шесть лет тюрьмы я ко многому привык. Случай представился – сбежал. Зачем, когда всего один год остался, и сам не пойму.

Посол сделал удивлённое лицо.

– Видимо, так было угодно моему ангелу-хранителю, – поспешил уточнить гость. – Но, сказать честно, сударь, скучать мне и в тюрьме не приходилось. Я холостой, как вы, наде-

юсь, знаете, но я трудился... – француз ухмыльнулся. – Двое прекрасных мальчишек – тому подтверждение. А в перерывах между этими трудными занятиями, – тут Наполеон рассмеялся, – пописывал статейки и прочее. Уж не знаю, знакомы ли вы с моими книгами, писанными в тюрьме: «Об уничтожении пауперизма» и «О прошедшем и будущем артиллерии». Весьма занятные книжонки, я вам скажу.

Как и все пишущие люди, считающие, что их нелёгкий писательский труд очень интересен окружающим, Луи Наполеон замечтался. Он вдруг представил себя великим философом, учёным с мировым именем...

– А ещё, господа, я статью написал о возможности прорытия канала на Панамском перешейке для соединения Атлантического океана с Тихим...

Но тут гость спохватился. Он взглянул на хозяина квартиры, сидящего с лицом, выражение которого ничего, кроме скуки, не выражало, на сонного племянника и сменил тему беседы.

Приняв вид довольного своей жизнью человека, Наполеон продолжил:

– Да я и в Лондоне не скучаю. В Чизлхерсте⁴ часто бываю, а там моих сородичей больше, чем англичан. Есть чем себя занять.

Филипп Иванович отметил на лице гостя едва заметное судорожное подёргивание. Приоткрытые, как у маленьких

---

⁴ Пригород юго-восточного Лондона.

детей, губы, вздёрнутые брови и, опять же, глаза, придавали ему воинственное, хотя и рассеянное выражение, какое бывает у нетерпеливых людей, стремящихся поскорее приступить к главной цели своего визита.

Положив одну руку на пояс, другой картинно упёршись в край стола, отчего его фигура приобрела некоторую монументальность, со свойственной французам горячностью Наполеон произнёс:

– Господин посол! Примите мои извинения за столь неудачно выбранный для визита день, но этого требуют обстоятельства. Мне, сударь, не хотелось бы лишний раз привлекать внимание к своей особе и, конечно, к нашей с вами встрече. Начальники этих лондонских «бобби»⁵ – Чарльз Роуэн и Ричард Мейнон – строго-настрого меня предупредили о нежелательности контактов с послами иностранных государств, а с вами, русскими, – тем более. Но думаю, что ищейки с Уайт-холла⁶ по воскресным дням не работают. Так что сами понимаете...

– Понимаю, конечно, сударь. Я вас внимательно слушаю.

– Господин посол, вы, конечно, знаете, что творится в Европе. Первая половина девятнадцатого века!.. Боже, как время бежит... Франция, Италия, Венгрия охвачены национальными волнениями. Идеи равенства, братства и свободы,

---

⁵ В честь бывшего министра внутренних дел Роберта Пиля (уменьшительное – Бобби) английских полицейских окрестили «бобби».

⁶ Первоначальный адрес полиции Большого Лондона (Скотланд-Ярд).

в общем, всякая модная нынче чушь, витают кругом. Да что далеко ходить, в свет весьма скоро выйдет труд, а я это знаю наверняка, мой знакомый издатель сообщил, неких авторов: Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Сей труд будет называться «Манифест Коммунистической партии». Как пишут эти господа: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма», видите ли. Вот вам, господин посол, реальный трактат, призывающий к революционным идеям по переустройству общества. Народные массы бурлят, они хотят революций. И совершенно нет гарантий, что эти вольнодумные идеи не залетят в вашу страну, Россию.

Манерно, двумя пальчиками Наполеон взял со стола чашку с кофе, втянул в себя аромат свежесваренного напитка и с той же манерностью, закатив глаза, осторожно сделал два небольших глотка.

Филипп Иванович молчал, с гостем не спорил. Теперь он был точно уверен, что француз пришёл за деньгами. Видимо, опять хочет подпрячься в бунтарскую телегу, грохочущую по дорогам Европы, да без денег-то как? Такое сие невозможно. Вопрос лишь: сколько?

А Луи Наполеон продолжал:

– Не мне вам говорить: лондонские газеты и The Times и Observer и Sunday Times полны статей на эту тему.

– Вынужден с вами согласиться, сударь. Даже News of the World, что выходит в Лондоне лишь по воскресным дням, и та стала популярной благодаря публикациям именно этих

модных материалов. А издаётся эта газета специально для простого рабочего люда. И тираж её растёт! И здесь я с вами вынужден буду согласиться, действительно опасно, сударь.

– Вот-вот! – энергично произнёс Луи Наполеон. – О чём сие говорит?.. Теперь это не просто кулуарные разговоры в салонах и клубах, а горячее обсуждение идей, завораживающих своими красивыми, но совершенно пустыми посулами. Красивые слова будоражат массы, что, согласитесь, господа, весьма опасно.

В это время вошла Марфа. Она внесла поднос, на котором стояли серебряные бокалы и кувшин с горячим грогом. Вопросительно посмотрев на Филиппа Ивановича, она, не дожидаясь его знака, осторожно разлила грог. Хмельной запах напитка, сдобренного разными специями, заполнил помещение. Мужчины принюхались, машинально потянув носом.

Антон, внимательно наблюдавший за диалогом старших товарищей, тоже не преминул похвастаться своей осведомлённостью:

– У нас на корабле слухи ходят, что в Венгрии, коль верить газетам, особенно в её южных районах, совсем не спокойно. Трещит по швам Австро-Венгерская империя. Ой как трещит. Венгры бунтуют, пытаются выйти из состава Австрии. Да и северная Италия того же желает. В Париже строят баррикады. Народные волнения в Германии. А покровительствует этим событиям Великобритания в лице, ну, если верить тем же лондонским газетам, лорд Палмерстон И чем

всё закончится – неизвестно. ⁷

В знак согласия с молодым человеком Филипп Иванович и Луи Наполеон снисходительно кивнули.

– Великая вещь, господа, – газеты! Так вот, господин посол, я написал письмо вашему императору, в котором изложил своё видение европейских дел и план, как всё подправить. Для чего и хочу попросить аудиенции у Николая I. При получении согласия готов немедля выехать в Петербург.

Бруннов удивлённо взглянул на гостя.

– Позвольте вас спросить, сударь, а какую же причину столь неожиданного предложения я обязан сообщить своему начальству, в частности, генерал-лейтенанту Орлову, начальнику третьего Собственного его императорского величества отделения. Именно он, Алексей Фёдорович, принимает подобные решения.

Наполеон удивлённо вскинул голову:

– Хм... Причину?.. А разве вашего царя не беспокоят национально-революционные события в Европе? Я и мои сподвижники могли бы совместно с Россией бороться против этих самых революций. Конечно, для этого нужны деньги, и немалые, господин посол, о чём я тоже изложил в послании. А ещё я хотел бы лично выразить вашему государю признательность за доброе отношение к моей матери, ныне покой-

---

⁷ Генри Джон Темпл (1784-1865) 3-й виконт Палмерстон – английский государственный деятель, долгие годы руководил обороной и внешней политикой Великобритании.

ной, Гортензии де Богарне, проявленное вашим императором Александром в 1814 году. Да и вообще хотел бы ознакомиться с Россией, это моя давняя мечта. Чем же не причины для встречи с государем? И потом, господин посол, молодой человек не зря упомянул лорда Палмерстона – умный и коварный, так называемый либерал. Думаю, действительно по его плану происходят все эти революции. Австро-Венгрия – империя, что опасно для Англии в её стремлении править миром. Турция тоже империя, но слабая и Англии не опасна. Османы уже не в счёт.

И, словно отгоняя назойливую муху, француз небрежно махнул рукой.

– Остаётесь вы, господин посол, – Россия! Великобритания не потерпит равных, а тем более сильных, рядом с собой.

Наполеон замолчал. Его глаза под нахмуренными бровями смотрели на посла пристально и с некоторым недоумением.

«Господи, какие же тупые эти русские... Какая ещё нужна весомая причина для моей встречи с их императором?» – мысленно удивлялся он.

– Вынужден с вами согласиться, сударь. Не зря Великобритания не вошла в «Священный союз»⁸. Снаружи его легче развалить: недовольство масс, революции, кризисы в Ев-

---

⁸ «Священный союз» – союз [России](#), [Пруссии](#), [Австрии](#) и других стран (кроме Англии, Турции и Римского Папы), созданный с целью поддержания [международного правопорядка](#) в Европе.

ропе – конечно, дело рук англичан... Они всё делают, чтобы лишить мою страну европейской поддержки. Однако надеюсь, у них хватит ума не строить так нагло козни в отношении России, – произнёс Бруннов.

Затем, словно вспомнив о просьбе Наполеона, добавил:

– Ну, посетить Россию, сударь, – милости просим. Никто вам мешать не будет... А вот личная встреча с государем... Вопрос далеко не простой. Вы – лицо частное, к тому же... Ну, вы понимаете, о чём я говорю. Но я обязательно отправлю ваше послание господину Орлову наипервейшей оказией. Не сомневайтесь, сударь! Тем более, эта оказия будет через два дня на корабле, на котором мой племянник Антон отбывает в Санкт-Петербург.

Наполеон расстегнул верхние пуговицы фрака, вытащил из внутреннего кармана письмо и, помахав им в воздухе, словно ещё раздумывая, решительно положил конверт на стол.

Не сговариваясь, мужчины сделали по глотку грога и, поймав напиток, допили уже остывший кофе.

Поговорив ещё некоторое время, гость заторопился. Церемонно раскланявшись с хозяином и его родственником, Шарль-Луи Наполеон покинул дом русского посла.

Филипп Иванович подошёл к окну. Дождь продолжал моросить. В свете уличного фонаря он разглядел, как задрапированный в длинный плащ с пелериной, в глубоко надвинутой шляпе с узкими полями визитёр усаживается в чёрный

неприметный кэб. Возница услужливо подал пассажиру руку.

Мимо кареты в это время не спеша прогуливался прохожий.

«Странно, – отметил Филипп Иванович, – без зонта».

На мгновение прохожий остановился возле кэба и затем неспешной походкой продолжил свой путь.

А Шарль-Луи перед тем, как окончательно нырнуть внутрь салона, бросил взгляд на окно. На какую-то долю секунды взгляды недавних собеседников встретились. В свете уличного фонаря посол разглядел на лице француза явно недобрую усмешку.

«К чему бы это? – удивился он. – Да нет, показалось... Что может замышлять неудавшийся политик с тюремным сроком... Пусть и Наполеон...» – успокоил себя Филипп Иванович.

Кэб тронулся, затарахтели колеса, дробно застучали копыта лошадей по мостовой, и вскоре странный визитёр скрылся за пеленой мелкого дождика.

– Франция меня не сильно беспокоит. Отношения у нас с ней неплохие. С королевой английской после недавнего визита государя тоже вроде бы... А вот с правительством её величества не всё так просто... Англия есть Англия, Антоша, – продолжая разглядывать сквозь окно улицу, нравоучительно заговорил Филипп Иванович.

– Интересный народ – англичане, Антон. Как нация они

образовались из германских племён англов, саксов, фризов и ютов, и в своё время все вместе ассимилировали местное население – кельтов. Свою лепту, конечно, внесли скандинавы и норманны. В общем, получилась весьма гремучая смесь. А потом англы, саксы и норманны довольно скоро слились в единый народ. И нация, надо признать, получилась предприимчивая и наглая: живенько нахватала колоний и там расселилась. Америка, Канада, Австралия, Новая Зеландия и, конечно, Индия... Богатства рекой текут сюда, в Лондон. Отсюда и могущество англосаксов, и огромный флот, и влияние в мире...

– Да нам-то тоже грех жаловаться, Филипп Иванович. И мы вроде не бедные. Вон сколько земли у нас.

– Что верно, то верно!

Филипп Иванович отошёл от окна и сел в кресло.

– Ма-лю-се-нь-кое только уточнение, Антоша: у нас нет колоний. Мы, в отличие от англосаксов, не грабим территории, что под скипетром российским находятся, а живём единой жизнью и с ними, и со всеми народностями. Бриты не прочь и у нас откусить земли, им только дай послабление... Ухо остро с ними держать надобно.

– Напасть, что ли, на нас могут? Да нешто такое возможно, Филипп Иванович?

– Всё возможно, Антон. Я не перестаю удивляться, как удается кучке развратных английских аристократов на этом ничтожном островке строить козни против всего мира? – с

раздражением произнёс Филипп Иванович.

И тут же с ещё большим недовольством добавил:

– Всюду этот Палмерстон нос свой суёт. И не стесняется, поганец, заявлять в парламенте: где бы, мол, в мире ни оказался британец, он может сделать все что угодно, ибо за ним – Англия, а за ней – мощь королевского флота. Вот потому-то чванливые аристократы Туманного Альбиона так нагло провоцируют в Европе революции. Тьфу...

– Теперь этот странный визит француза... – сочувственно произнёс родственник. – Интересно, разрешат ему встречу с нашим императором? Ежели что, этот родственник Наполеона и к англичанам может обратиться за поддержкой.

– Не думаю. Между Англией и Францией – вековая вражда за те же колонии. И потом, англичане – смертельные враги его дяди, Наполеона I. Вряд ли французы пойдут на сближение с ними в ближайшие десятилетия... И хотя их монархи обменялись обоюдными визитами, пустое всё это: истеблишмент обеих стран во главе с правительствами терпеть не могут друг друга. Правда, не скрою, меня несколько встревожило посещение в тюрьме Шарля Наполеона лордом Малмсбери⁹, о чём скромно умолчал наш сегодняшний визитёр. И потом... этот неожиданный побег француза из тюрьмы после randevу с англичанином... И это за год до его освобождения?!.. Не англичане ли помогли?.. Хотят наладить отношения между собой? Вряд ли, конечно... Однако сие не мо-

---

⁹ Видный политический деятель Англии.

жет не настораживать.

Посол помолчал и добавил:

– И всё же я не вижу причин для сближения этих стран. Нет, не вижу... – Он тяжело вздохнул и как-то не совсем уверенно произнёс: – Вряд ли, Антон, я буду рекомендовать Петербургу рандеву нашего императора с беглым арестантом. Не думаю, что этот Наполеон будет полезен нам. Какой из него теперь политический деятель?.. Но решать сие в столице есть кому. К тому же моему шефу Карлу Васильевичу пиши не пиши, а всё равно он выскажет удобное для государя мнение. Зачем раздражать царя-батюшку?.. Потому-то столько лет канцлер и сидит на своем месте.

Затем Филипп Иванович подошёл к камину, взял каминную кочергу изящной работы и, похлопывая ею угли, произнёс:

– Я, Антоша, с тобой письмо передам Карлу Васильевичу. Думаю, канцлер и тебя, и братьев твоих, Михаила и Григория, без своего внимания не оставит. А уж как там дальше будет, вам решать. Господь ведь нам только жизнь даёт, а судьбу свою каждый сам выбирает.

Филипп Иванович перекрестился и произнес:

– Давай, мичман, собирайся, пора ужинать. Тётка твоя изнервничалась, поди, нас ожидаючи.

Подходя к двери, он неожиданно обернулся. На его лице появилась грустная улыбка.

– Эх, молодость, молодость! Гляжу я на тебя, Антон, и

завидую. Всё у тебя ещё впереди: и радости, и огорчения!

Затем он с опасением посмотрел на дверь: не открыта ли? И почти шёпотом проговорил:

– А вот к моему совету прислушайся. Коль хочешь жить в свое удовольствие и уважать себя, не женись, Антоша, как можно дольше, – и, заговорщицки приставив палец к губам, вышел.

Вскоре Бруннов получил ответ из Петербурга, в котором с удовлетворением прочитал, что Шарлю-Луи Наполеону было отказано в личной аудиенции с российским императором Николаем I.

На первый взгляд, вполне логичное решение, учитывая неопределённый статус Наполеона на тот момент. Император не хотел портить отношения ни с Францией, ни с Англией из-за встречи с человеком с сомнительной репутацией. К тому же российские послы во Франции, Англии, Австрии и Берлине не рекомендовали этого делать. И император согласился с их мнением.

Ах, как опрометчиво поступил государь, отказавшись от встречи с родственником Бонапарта. Желание этого Наполеона ближе познакомиться с Россией, конечно, только предлог. Шарль-Луи искал союзников для осуществления своих бунтарских планов. И неизвестно, как бы история повернулась далее, найди он понимание с русским императором. И что оставалось французу?.. Путь один – искать союз с другой империей – Великобританией, способной дать денег на его

планы.

А ведь известно: на то она и политика, чтобы знать о действиях противников сегодня и предвидеть их действия в будущем.

Скоро, совсем скоро уверенность Николая I в полной лояльности к нему Европы, помноженная на доклады российских политиков, что Европа не способна выступать единым фронтом, приведёт Россию к большой беде.

А Европа бурлила. В первой половине девятнадцатого века экономику европейских государств охватил кризис, приведший к снижению производства и обесцениванию денег. Массово закрывались предприятия. Отсюда – безработица и недовольства. Во многих европейских странах начались народные выступления. Особенной активностью отличалась Австро-Венгрия: венгры захотели выйти из состава империи Габсбургов...

Не отставала от бастующих венгров спокойная и сытая Пруссия, недовольная в рамках Германского союза доминирующим положением австрийской империей: немцы требовали от своего правительства экономических преобразований.

Все это создавало в наэлектризованной революционными идеями Европе дополнительные условия для новых массовых выступлений. И они, эти выступления, не замедлили случиться во Франции, Италии, Бельгии...

23 февраля¹⁰ 1848 года во Франции разразилась настоящая революция. Толпы восставших захватили жизненно важные узлы, предприятия и учреждения Парижа. На улицах гремела «Марсельеза»¹¹. В создавшейся ситуации король Франции Луи-Филипп вынужден был оставить престол и бежать в Англию. Монархия в стране была свергнута. Франция была объявлена республикой. Парламент учредил Временное правительство.

В апреле 1848 года Шарль-Луи Наполеон покинул Лондон и вернулся на родину, где его сторонники развили бурную политическую деятельность. Однако деятельность Наполеона понравилась не всем: он опять был выслан из страны, теперь уже вновь созданным народным правительством. Казалось бы, племяннику бывшего императора Франции рассчитывать было не на что... Но сторонники монархии, бонапартисты, заочно выдвинули Наполеона кандидатом в учредительное собрание. И, о чудо!.. Он победил в четырёх департаментах. Но радоваться Наполеону было рано: республиканцы признали незаконным его выдвижение.

Политические бури в стране, а главное – нежелание партий договориться между собой, привели в сентябре 1848 года к дополнительным выборам, на которых бывший арестант наконец-то стал законным депутатом учредительного собрания.

---

¹⁰ Здесь и далее даты даны по старому стилю.

¹¹ С ноября 1793 года – государственный гимн Франции.

И вот в декабре 1848 года происходит ещё одно чудо... Сторонникам Шарля-Луи Наполеона удалось избрать своего лидера с популярной в народе фамилией президентом Франции!.. За него проголосовало абсолютное большинство граждан – около пяти с половиной миллионов! Его главный соперник получил в три раза меньше. Однако честолюбивые замыслы Наполеона шли дальше.

2 декабря 1851 года Шарль-Луи Наполеон организовал государственный переворот, арестовал и заточил в тюрьму всех своих противников. Теперь оставалось только одно – объявить себя императором... Что он и сделал.

Ровно через год, в конце 1852 года, под именем Наполеон III Шарль-Луи Наполеон объявил себя императором Франции. Так, во Франции была установлена Вторая империя.

С удвоенной силой закрипели перья всех дипломатов Европы. Барон Бруннов доносил Нессельроде, что в Лондоне все очень встревожены событиями в Париже, что там боятся войны, которую может начать новый император Франции, начиненный, как бомба, «наполеоновскими идеями», что трехсоттысячная армия французов будто бы уже начинает бряцать оружием, дабы придать больше блеска ореолу племянника воинственного дяди. И поговаривают, что первой жертвой может стать Германия.

На этом донесении Николай I размахисто и уверенно начертал: «Если Франция и начнет войну, то начнёт её против Англии, так как это более вероятно, чем возможно».

– Англия совершенно не способна к сухопутной войне, господа, – говорил император своим приближённым. – Она имеет прекрасный флот, но не имеет значительных сухопутных сил, а с кем же и воевать Франции, как не с соседом, не имеющим большой армии?!.. Да-да, господа, она замарширует на северо-запад.

И политики Лондона стали готовить все доводы к тому, чтобы тучу, нависшую над ними и готовую вот-вот выпустить свои молнии, направить с территории Франции на юго-восток.

А русские послы в Европе в своих докладах в Петербург не всегда верно освещали положение дел в этих странах. Они не уловили разжигаемую англичанами русофобию и тенденцию сближения государств на идее негативного отношения к России. Канцлер Нессельроде, если и чувствовал враждебное отношение к своей стране, скрытое за маской дипломатической болтовни и приторной вежливостью, но старался лишний раз не акцентировать на этом внимание:

«Зачем расстраивать царя?..» – думал он.

А потому император не разобрался в европейской политике – хитрой, лживой и агрессивной; он переоценил неприимимость и враждебность в отношениях между Францией и Англией и одновременно понадеялся на надёжность англо-русских связей. Никто из приближённых к императору не видел (или не хотел видеть) главного: за спиной императора Николая I горячо любимая им Англия договорилась с Фран-

цией о совместных действиях против Российской империи. Дабы иметь повод для агрессии, английский истеблишмент усиленно подталкивал Турцию на конфликт с Россией. На фоне раздутой с помощью средств массовой информации якобы агрессивной политики России Англия и Франция постепенно накапливали силы на подступах к её границам. На верфях и в портах Великобритании, Франции и частично Турции шла интенсивная подготовка к военным походам на Восток.

К концу 1852 года Россия оказалась без союзников, но об этом император Николай I еще не догадывался, он был уверен, что его империя сильна как никогда.

Ах, как ошибался государь...

И чтобы убедиться в этом, давайте, судари, возьмём зонтики и опять заглянем в дождливый город Лондон, где подслушаем один весьма интересный разговор...

Лорд Палмерстон

«Как трудно жить, когда с
Россией никто не воюет».
Лорд Палмерстон.
Конец декабря 1852 года.

С утра, как обычно, пасмурно. И хотя дождь, по-видимому, не собирался, но, глядя из окон на серые тучи, жители Лондона знали: погода изменчива – зонты обязательны.

Сэр Генри, английский аристократ почтенного возраста, это помнил и лично проследил, чтобы этот незаменимый аксессуар слуга не позабыл подать ему перед выходом из дома.

Конец недели. Неожиданный вызов в Букингемский дворец. Его, министра иностранных дел, хочет видеть королева. Чем закончится визит, сэр Генри не знал и оттого немного волновался.

Неброская, без всяких излишеств карета, служившая сэру Генри не один год, остановилась за квартал от королевского дворца.

Из окошка салона выглянул сам хозяин. Он подозрительно посмотрел на небо, для пущей убедительности высунул наружу руку: не моросит ли дождь? И только убедившись в отсутствии такового, осторожно ступил на небольшую лесенку, предварительно опущенную слугой-кучером. Не успел

сэр Генри сделать пару шагов, как к нему подскочил нищий.

От неожиданности он вздрогнул и беспомощно посмотрел на кучера. «Откуда он здесь?» – читалось в его взгляде. Слуга виновато развёл руками: мол, не ведаю...

В грязном одеянии, хотя, если приглядеться, скорее, в давно не стираной некогда приличной одежде, нищий протянул к пожилому джентльмену ладонь для милостыни. Сэр Генри невольно сделал шаг назад и поморщился: от нищего исходил неприятный запах давно не мытого тела. Нищий плутовато разглядывал подвернувшегося с утра солидного господина и, видимо, будучи опытным в таких делах, понял: без денег он не уйдёт. Весь его облик преобразился: на его губах заиграла плохо скрытая ухмылка. Вместо просителя, коим он был только что, перед сэром Генри стоял уже наглый уличный попрошайка, старавшийся подойти к джентльмену как можно ближе, дабы, по понятным причинам, ускорить процесс выдачи денег. И нищий уже не просил, он требовал. Почти на голову выше сэра Генри, попрошайка нагло поднёс свою ладонь к самому лицу пожилого господина.

Сэр Генри опять поморщился. Он понял, что этот проходимец от него не отстанет, давать все равно придётся и не стоит медлить, пока его одежда не пропиталась этим очень неприятным запахом. Сэр Генри так огорчённо и тяжело вздохнул, что ладонь нищего от испуга за старого джентльмена (а вдруг старику станет плохо с сердцем?) дрогнула.

Поспешно сунув руку в свой карман, старый джентльмен

достал трехпенсовик и молча, с нескрываемой брезгливостью вложил монету в грязную ладонь нищего. Со словами «Боже, храни королеву!» попрошайка быстро-быстро, едва не бегом, поспешил удалиться.

Сэр Генри хмыкнул, удивившись такой благодарности не в свой адрес. Он ещё раз посмотрел в сторону кучера, погрозил зачем-то ему своим зонтом и, покачав головой, поспешил в сторону дворца.

Букингемский дворец, огромный и монументальный, как и сама Британская империя, стоял во всём своём великолепии напротив улиц Пэлл-Мэлл и Грин-парка, являя собой прекрасный пример архитектурного шедевра.

Выстроенный полтора столетия назад для герцога Букингемского, дворец в дальнейшем перешёл в собственность королевской семьи. Однако, несмотря на роскошество апартаментов, не все жившие в нём были счастливы. К их числу, правда, не относилась царствующая нынче королева Виктория. Она была любима мужем, детьми и своими подданными.

Забот у монаршей особы хватало всегда. Королева многое контролировала лично. Даже в строительство дополнительного зала для официальных приёмов, огромного, почти сорок ярдов в длину и двадцать в ширину, она постоянно вмешивалась. Богатая отделка зала требовала больших средств, и королева каждый раз, согласовывая с подрядчиками цены, тяжело вздыхала и не стеснялась торговаться. Но, несмотря

на это, суммы на отделку зала из казны уходили большие.

Что ж, Британская империя себе это могла позволить, хотя в воздухе уже сгушались тучи больших событий, требующих в дальнейшем громадных вложений. Каких?..

Вот на этот вопрос и должен был ответить пожилой джентльмен, сэр Генри, лорд Палместрон. Он как раз входил в парадные двери дворца.

Сдав слугам верхнюю одежду, шляпу и зонт-трость, гость оглядел себя в большом зеркале, принялся к одежде и без сопровождения (внутренне расположение помещений он знал) направился в кабинет королевы.

Поднимаясь по широкой дворцовой лестнице на второй этаж, сэр Генри услышал раздававшиеся сверху возбуждённые детские голоса и приглушённый разговор взрослых. Очутившись на этаже, он увидел, как из распахнутой двери приёмной королевы выходят гувернантки и нянюшки, а за ними шумной толпой, толкая друг друга, идут отпрыски королевской фамилии. Вытянув по сторонам руки, нянечки создали импровизированный коридор, и гувернантки аккуратно подталкивали по нему шумную детвору в сторону открывшейся в это время двери в конце широкого коридора, возле которой стоял слуга.

«Свидание с венценосными родителями, видимо, закончено, теперь моя очередь», – решил пожилой джентльмен.

Дети неохотно покидали отца и мать. Старшие, Виктория и Альберт-Эдуард, оглядывались назад, одновременно ухит-

ряться толкать в спины сестру Алису и брата Альфреда. Те огрызались, и при этом все четверо дружно и громко выражали своё неудовольствие по поводу предстоящих нудных уроков. Зато младшие, Елена и Луиза, шли спокойно, тихонько переговариваясь между собой. Крохотный Артур вообще вёл себя смирно, не возмущался, как старшие, а спокойно восседал на руках одной из нянек.

Сэр Генри улыбнулся. Его умилила одна деталь: рыжеватые, в папу-немца, волосы детей.

Он с почтительным полупоклоном и вежливой улыбкой пропустил всю эту разновозрастную толпу, которая, кажется, даже и не заметила седовласого под семьдесят лет джентльмена.

Взрослые вежливо, не повышая голоса, наконец, загнали королевских отпрысков куда положено. Слуга тут же закрыл за ними дверь. Сразу стало тихо. Но тут тишину нарушил бой часов: полдень.

С последним ударом курантов из приёмной вышел камергер-распорядитель, статный, высокий, с официальным строгим лицом. Безучастно взглянув на посетителя, он вежливо произнёс:

– Прошу следовать за мной, сэр! Её величество ждёт вас.

Миновав приёмную, они подошли к широким дверям. Камергер открыл обе половинки, сделал два шага вперёд и металлическим голосом произнёс:

– Министр внутренних дел, сэр Генри Джон Темпл, тре-

тий виконт¹² лорд Палмерстон, ваше величество.

– Проси, – услышал сэр Генри хорошо знакомый мелодичный голос королевы.

Палмерстон вошел в кабинет королевы: большой, богато обставленный ещё её дедом, Георгом III, и отцом, королём Эдуардом. Как он и ожидал, королева Виктория была не одна. Справа от пылающего камина за большим письменным столом сидел её муж, принц Альберт. Принц, по известным только ему причинам, недолго любил старого аристократа и сейчас совершенно неприлично, словно впервые видит министра своей супруги, разглядывал старого джентльмена.

Одних лет с супругой, принц выглядел моложе своей жены. Его красивое холёное лицо, обрамленное бакенбардами и аккуратными усиками, мягкий говор с небольшим, едва заметным акцентом, стройная фигура, высокий рост способствовали весьма нежному отношению королевы к своему красавцу-супругу. Брак их был счастливым, сэр Генри знал это наверняка. А как не верить: семеро принцев и принцесс только что покинули кабинет.

«При такой производительности эта пара обеспечит женихами и невестами все монархии Европы. Только за это можно каждый день начинать с восторженного «Боже, храни королеву!» – успел подумать сэр Генри, прежде чем поздороваться.

С детства не привыкший к подобострастию, виконт, скло-

---

¹² Титул дворянства, средний между бароном и графом.

нив немного голову, сдержанно и с достоинством поздоровался с королевской четой. На лице королевы мелькнула лёгкая гримаса неудовольствия, но она тут же исчезла, уступив место привитой с детства дежурной, вежливо-покровительственной улыбке. Государыня протянула своему министру руку для поцелуя.

– Сэр Генри! Я пригласила вас, чтобы выразить своё неудовольствие, – капризно, но достаточно строго и внушительно, как и подобает монаршей особе, произнесла она.

Королева многозначительно взглянула на мужа и продолжила:

– Мне не нравится, когда мои подданные не ставят свою королеву в известность по весьма важным для Англии вопросам.

– И даже не согласовывают свои действия с членами кабинета, – язвительно добавил супруг.

– Ваше величество, я готов понести заслуженное наказание, коль провинился, но скажите мне причину вашего недовольства.

– Вы, виконт, как министр редко и с запозданием докладываете мне о своих действиях, а некоторые свои поспешные решения вообще скрываете от меня. Я уже высказала свои претензии главе правительства графу Абердину.

И она, отвернувшись от Палмерстона, опять посмотрела на принца.

– Вы понимаете, милорд, о чём я говорю?

– Ваше величество, вы имеете в виду мою депешу, в которой я поддержал президента Франции Шарля-Луи Наполеона в связи с его провозглашением императором? Я действительно передал это послание через нашего посла в Париже барона Коули.

Не ожидавшая такой догадливости от министра, королева, несколько другим тоном недовольно произнесла:

– Не только, но и это тоже, сэръ Генри.

– Вы, милорд, поставили нас в крайне неловкое положение, – опять подал голос принц Альберт. – Вам прекрасно известно, что, несмотря на наши разногласия с Францией, мы в достаточно дружеских отношениях с её королем Луи-Филиппом. Не вы ли в 1843 году готовили наш первый за три столетия визит во Францию, Палмерстон? И теперь, когда французские бунтари сначала лишили престола законного короля, затем произвели очередной переворот, упразднили республику, объявив монархию, вы торопитесь поздравить этого выскочку Шарля-Луи Наполеона?!.. Стыдно, милорд. Стыдно!

– Видите ли, ваше величество, – глядя на королеву, несколько раздражённо и с долей иронии произнёс сэръ Генри, – не Наполеон свергал короля, и моя поддержка, как министра правительства, далеко не поспешная, как вы изволили выразиться, а весьма и весьма своевременная. А что поспешил, на то были веские причины. У меня просто не было времени согласовать сие действие с вашим величеством.

И потом, – он повернулся в сторону принца, – я, ваша светлость, лично поздравлял не Шарля-Луи Наполеона, а императора Франции – монарха крупной европейской страны, которую в скором будущем хотел бы видеть в роли нашего союзника.

Во время своей речи Палмерстон дважды делал паузу, тщательно подбирая слова, чтобы избежать сарказма в адрес принца Альберта, которого недолюбливал за его не английское происхождение.

Королеве не понравился тон министра, и она, чтобы прекратить возможную перепалку между мужчинами, с лёгким укором, в котором сквозило явное недовольство, произнесла:

– Странно слышать это, милорд. Я всегда готова к общению с моими подданными, тем более с моим министром.

– Получить аудиенцию вашего величества – дело не одного дня. Протокол... Его неприлично нарушать без особой на то причины. Позвольте, ваше величество, рассказать вам маленькую предысторию моего поступка.

Королева, пожав плечами, кивнула.

– Как вы знаете, ваше величество, Шарль-Луи Наполеон за свою революционную деятельность сидел в тюрьме. Отсидев шесть лет, он в 1846 году бежал из неё к нам, в Лондон. Вы, ваше величество, сами дали на это своё разрешение.

В знак согласия королева опять кивнула.

– Так вот, живя в Лондоне, ещё в 1847 году этот Шарль-

Луи тайно посетил русского посла, но наши лондонские «бобби»¹³ об этом визите узнали. О чём говорили посол Бруннов и Наполеон, мы не знаем, однако, как потом выяснилось, француз передал послу письмо, в котором просил о личной аудиенции с русским императором Николаем I. Нас тогда это весьма встревожило.

Увидев удивлённое лицо королевы, сэр Генри поспешно пояснил:

– У нас есть свой человек в Санкт-Петербурге, ваше величество.

– У этого человека есть имя? – поинтересовался супруг королевы.

– Извините, ваша светлость! Сие есть государственная тайна. Я не вправе назвать его имя, но, поверьте мне, это лицо весьма значимо. Вот этот человек и сообщил мне содержание того письма, а также он передал, что Наполеону было отказано в его просьбе. Император Николай не стал встречаться с тогда ещё беглым политиком.

– Император правильно сделал: беглый арестант... Какая встреча?... Русские щепетильны в подобных делах, не то что некоторые, – не без доли ехидства вставил принц Альберт.

Совсем не по-королевски хихикнув, королева произнесла:

– Кто же знал тогда, что этот «маленький Наполеон» неожиданно станет президентом Франции, а затем и императором? Выходит, сэр Генри, русские просчитались?..

---

¹³ Полицейские.

– Именно так, ваше величество. Мы же благодаря вашему дальновидному решению дать приют беглецу выиграли! – льстя королеве, напыщенно произнёс сэр Генри.

Он заметил, как при этих словах зарумянились щеки принца, а в глазах королевы появился довольный блеск.

Королева не спеша села в кресло, затем плавным движением руки в сторону дивана напротив пригласила сесть министра.

– Продолжайте, сэр Генри. Но мы с принцем Альбертом так и не поняли причину вашей поспешности с поздравлением. Так ведь, дорогой? – нежно взглянув на супруга, произнесла она.

Принц Альберт кивнул головой:

– Надеюсь, сэр Генри более убедительно объяснит свой поступок.

Палмерстон скромно сел на краешек дивана.

– Вы же, господа, понимаете, что после разгрома Российской Бонапарта и появления русских войск в Париже сие не могло не насторожить все европейские страны. Не надо забывать: границы Российской империи в ходе почти непрерывных военных кампаний постоянно расширяются. В конце прошлого века на западе после раздела Речи Посполитой¹⁴ во владения Российской империи отошли значительные территории. На юге после двух войн с Турцией – Крым и почти весь Северный Кавказ. Усиление России не нравится нико-

---

¹⁴ Польша (совр.).

му.

– Допустим, и Великобритания не сидела сложа руки, – самодовольно произнёс принц Альберт.

– Согласен, ваша светлость. Однако сравнивать Англию и Россию – смешно. Вот потому-то правительство вашего величества усиленно ищет пути объединения европейских стран против этого монстра – России. Признаюсь, ваше величество, мы не брезгуем ничем. На всякий случай не оставляли Шарля Наполеона без внимания. По моей просьбе лорд Малмсбери¹⁵ ещё пять лет назад посетил бунтаря в тюрьме, чему, кстати, арестант удивился, но был весьма рад. Они тогда нашли общий язык по многим вопросам, в том числе и по России.

Супруги с удивлением переглянулись. Заметив это, министр дал пояснение:

– Потому нас и удивил неожиданный визит нашего подопечного к русскому послу... Причём этот визит он нанес в воскресный день, да ещё поздним вечером, то есть тайно. Меня это насторожило. Однако желаемого, как мы знаем, Наполеон не получил: встреча с русским императором не состоялась, и наш гость, видимо, обиделся на русских, и сильно. Что весьма важно, ваше величество. А тут баррикады на улицах Парижа. Народ лишил трона короля. Наш француз срочно отбыл на родину. И, как вы, ваше величество, метко подметили, «маленький Наполеон» неожиданно стал во

---

¹⁵ Английский политический деятель XIX века.

главе республики, а вскоре и императором. Русские опомнились, и, несмотря на негативное отношение царя Николая к Наполеону, стали искать пути примирения с ним. Вот почему, ваше величество, я постарался опередить всех и выразить поддержку императору Франции первым. При этом я от имени правительства, единственный из всех участников «Священного союза», назвал Шарля-Луи Наполеона титулом, приличествующим только монархам, что очень обидело императора Николая. Как мы знаем, царь Николай не признаёт переворот во Франции законным, а, следовательно, её президента-императора – себе равным. Однако сей маленький факт ещё более расположил Наполеона к нам, англичанам.

От такой длинной речи, да ещё в жарко натопленном помещении, на лбу сэра Генри выступили капельки пота. Он аккуратно промокнул платочком лоб и замер в ожидании ответной реакции королевской четы.

– Ну, хорошо! – сказал принц. – Это как-то оправдывает ваш поступок. В соперничестве с Россией нам действительно необходимо иметь сильных союзников. Но в то же время, сэр Генри, Великобритании как-то не с руки иметь взаимоотношения с государем, взявшим власть незаконным, бунтарским путём. Это может ударить по авторитету Великобритании среди венценосных особ Европы. И вот вам результат! Царь Николай уже высказал через посла нам своё неудовольствие по этому поводу. Он просит наказать виновных. Ну и

как нам теперь быть?

А что мог ответить сэр Генри? Возникла пауза...

– А это Россия, милорд. И нам придётся с ней считаться. И потом, а как же наша вековая неприязнь к Франции? Так ведь, дорогая? – добавил супруг, обращаясь к королеве.

При упоминании России королева нахмурилась. Морщина, пробороздившая её лоб, сделала еще довольно привлекательное лицо Виктории сразу постаревшим и уставшим. Она несколько тяжеловато поднялась с кресла и стала медленно прохаживаться по кабинету. Воцарилась тишина, нарушаемая потрескиванием поленьев в камине.

Палмерстон тоже встал. Он с сочувствием смотрел на свою королеву, догадываясь о причине резкой смены её настроения.

В 1839 году только-только вступившая на английский престол тогда ещё незамужняя молоденькая Виктория весьма сильно увлеклась гостившим в Лондоне сыном русского императора Николая I, красавцем Александром. Идиллия молодых людей продолжалась около пяти месяцев, и поговаривали... Впрочем, это только слухи! Как вдруг неожиданно наследник русского престола покинул пределы Туманного Альбиона. Королева обиделась на Александра Николаевича, как, впрочем, и на Россию в целом. Оскорблённое девичье сердце... Девушки такое не прощают. Королева стала скрытой русофобкой, но об этом мало кто знал. Впрочем, это тоже только догадки... Политические интересы Англии,

видимо, и есть причина русофобии.

«Вот что значит английская сдержанность... А, по сообщению нашего агента, царь Николай даже не догадывается о неприязни к нему несостоявшейся невестки. И прекрасно...» – чуть было вслух не произнёс Палмерстон.

Королева прервала размышления своего министра:

– Супруг мой прав. Нам придётся крепко подумать над просьбой русского царя, сэра Генри, и, конечно, мы примем решение.

Министр с безразличным видом пожал плечами:

– Как вам будет угодно, ваше величество.

Сделав небольшую паузу, королева совсем неожиданно произнесла:

– Так вы сказали, сэр Генри, что вели разговор с Наполеоном о России?

– Да, ваше величество. И, смею вас заверить, Шарль-Луи согласился вести совместные действия против русских.

При этих словах королева скривилась.

– Хм... Ну если вы, сэр Генри, обо всё договорились с Наполеоном ещё до его восхождения на престол, тогда почему он всё-таки захотел встретиться с русским императором? Наполеон же, скорее всего, знал о встрече нашей королевы с Николаем I в мае 1844 года здесь, в Лондоне. Он, полагаю, догадывался и о наших дружеских отношениях. Что хотел Наполеон предложить русским? Как считаете, Палмерстон? – продолжил мысль супруги принц Альберт.

– Да-да, было бы интересно и нам узнать: не ведёт ли Наполеон двойную игру? А может, и того хуже... Не имел ли он желания договориться с царём Николаем о совместных действиях против Великобритании? – поддержала мужа королева.

– В полной осведомлённости Наполеона о результатах вашей встречи с русским царём, ваше величество, я не уверен. Почему он хотел лично встретиться с царём Николаем?.. Деньги, ваше величество, деньги! Этому авантюристу было всё равно, кто ему их даст. А по поводу двойной игры... Мы, дипломаты, всегда ведём эти игры, коль того требуют интересы страны, – опять с недовольной интонацией проговорил министр, но тут же спохватился и, взглянув в сторону принца, уже другим тоном произнёс:

– Я, ваша светлость, отвечу на ваш вопрос об авторитете Великобритании. Мощь нашей страны позволяет нам не сильно заботиться о приличиях, коль того требуют обстоятельства. Англия всегда права, даже если и не права. Авторитет нашей страны незыблем, несмотря ни на что!

Сэр Генри позволил себе сделать паузу, давая королевской чете осознать сказанное. И в конце добавил:

– И почём знать, может быть, новый император Франции станет вашим лучшим другом, ваше величество. Что было бы весьма кстати, учитывая наши планы в отношении России, особенно после того, как её войска подавили венгерское восстание.

– Ну, насчёт авторитета Англии мы с вами, сэр Генри, полностью согласны. А вот по поводу дружбы... Этот ужасный император-президент, пусть и племянник самого Наполеона, вряд ли станет нашим другом, – пробурчал принц. – А русских, – добавил он, вставая с кресла, – надо хоть как-то уважать, лорд Палмерстон. Брат нынешнего императора Николая, покойный Александр I, как-никак, крестный отец моей супруги, королевы Великобритании. Да и Николай I при встрече нам всем весьма пришёлся по душе. Не надо об этом забывать.

Лёгкая тень недовольства опять пробежала по лицу государыни.

– Как я понимаю, правительство моего государства хочет начать военную конфронтацию с Россией?

– Да, ваше величество. И не просто конфронтацию, как вы изволили выразиться, а настоящую войну. Россия – страна огромная и непонятная нам, европейцам. По мнению многих моих коллег из Европы, возникла реальная необходимость борьбы за свободу и независимость европейских стран от этого монстра. Угроза москвитов поработить цивилизованные страны растёт год от года. И святая обязанность англичан перед человечеством – защитить...

– Ах, оставьте, милорд, эти площадные лозунги лорда Дадли Стюарта¹⁶ для выступлений в Палате общин. Лорд Стюарт, как мне известно, уже лет двадцать на всех углах

---

¹⁶ Английский политик начала XIX века, призывающий к войне с Россией.

проповедует о русской угрозе, даже когда и причин-то для этого особых не было. Как тут не сформироваться негативному общественному мнению против русского императора? Так что не надо нас агитировать... Лучше говорите по существу, – недовольно перебил министра принц. – Говорите о реальных угрозах со стороны России. Захват Индии, например... И я с вами соглашусь. Как пишут газеты, действительно не мешало бы загнать русских вглубь своих лесов и полей, коих у них тьма-тьмуца. Пусть себе обрабатывают земли и не распространяют свои идеи миролюбия по сторонам.

– Да-да, сэръ Генри, – вмешалась королева. – Говорить надо о конфликте интересов между Россией, Великобританией и Францией за господство на Ближнем Востоке вообще и в Чёрном море в частности. А не о миссии английских послов по защите интересов других стран от России. Это всё пустые слова и не более. Прежде всего – интересы Англии. Тогда как-то будет оправданно стремление англичан начать военные действия против России.

Министр в это время задумался, мечтая о победном финале своих планов, не отреагировал на слова своей королевы и, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Мы возьмём Россию в клещи: начнём военные действия по нескольким направлениям, причём почти одновременно. С её-то территорией русские сразу и не поймут масштабность всей кампании. Для начала заблокируем подступы к их столице, Санкт-Петербургу, и северным территориям. За-

тем высадимся на её дальневосточных окраинах: Камчатка, Аляска, побережье Берингова и Охотского морей плюс острова... Богатейший край, ваше величество. И наконец – юг России: Крымский полуостров, база её флота на Чёрном море – Севастополь. Наша цель не может быть достигнута до тех пор, пока будут существовать Севастополь и русский флот на Чёрном море. Большие затраты?.. Да!.. Но взятие Севастополя и занятие Крыма, уверяю вас, ваше величество, вознаградят все военные издержки.

– Крым, Севастополь – оправданно, не спору. Однако позвольте, сэр Генри, спросить: Камчатка, Аляска... Это же так далеко... Справимся ли? – искренне удивился принц.

– Совсем не лишним будет вспомнить, ваша светлость, нашу победу над Китаем¹⁷... Тоже не близко, но справились же!.. И потом, в тех совершенно глухих и малолюдных местах практически нет русских укреплений и населения. Так, небольшие поселения, одно из которых – недавно образованный Петропавловск, – ответил сэр Генри. – А в тех краях, господа, огромные необжитые территории... Почему бы там не развеяться Британскому флагу?

– Хорошо, это как-то будет оправдывать нашу военную кампанию. Но Крым... сэр Генри, – не совсем уверенно произнесла королева. – Мне кажется странным...

... Некоторые наши генералы считают нецелесообразным начинать эти действия против России. Ведь, как говорят во-

---

¹⁷ Первая опиумная война в Китае в 1840-1842 годах.

енные, нам до сих пор неизвестны реальные силы русских даже в Крыму, не говоря по всей стране.

– Ваше величество, нам нельзя допустить распада Турции, и это главное. Хочу напомнить слова бывшего члена парламента Томаса Этвуда. Он говорил, что завтра русские получат крепости на Дарданеллах и понадобятся миллионы фунтов стерлингов, чтобы выдворить их оттуда. Разве не так? Его слова, как мы видим, подтверждаются.

Палмерстон сделал паузу, а затем продолжил:

– Правительство Великобритании скрупулёзно оценило создавшуюся ситуацию в России. Царь Николай уверен в крепости своей власти, надёжности армии и флота. Однако, как нам известно, это не совсем так. У России огромные территории, и отсюда – слабая управляемость на местах, неуёмное казнокрадство на всех уровнях, слабая, по сравнению с нами, промышленность...

– Это не ответ, милорд, – перебила министра королева. – Так уж всё плохо у русских? Верится в это, сэр Генри, с трудом. Всё, что вы перечислили, существует в России много веков, и ничего, она только крепнет. Русский флот вполне боеспособный, армия – одна из самых больших и преданна своему императору...

– Ваше величество, мои и сэра Этвуда слова подтверждаются сообщениями некоторых высокопоставленных лиц из ближайшего окружения императора. Русский истеблишмент весьма неоднороден. Правительство Великобритании счита-

ет, что сейчас самое время приступить к военным действиям с этим монстром.

Зная отношение Виктории к русскому императору, принц Альберт подошёл к супруге. Приобняв её, он, не глядя в сторону министра, произнёс:

– Война, дорогая, отвлечёт наш народ от якобинских настроений. Хватит этих революций... Страшно бывает порой. Они прокатились даже по Пруссии. Мне прямо-таки стыдно за добрых немцев. Зачем и они выражали недовольство? Что с ними случилось?

Принц повернулся в сторону министра:

– И кто, дорогая, может гарантировать, что эта зараза не затаилась в Великобритании? Может, и правильно, что наше правительство приняло такое решение.

– Принц Альберт опять прав, сэр Генри. Прав в отношении императора Александра I, моего крёстного, – раздражённо сказала королева, акцентируя внимание на имени своего крёстного. – Супруг мой прав и в отношении наших договорённостей с Николаем I на известной вам встрече... Но, как мы знаем, Россия – огромная страна, дорогой, – взглянув в сторону мужа, с огорчением добавила она. – И здесь уже не до дружеских отношений и родственных связей. Я порой с ужасом смотрю на географическую карту: Россия давит своей огромностью, нависая над Европой, как грозовая туча. Кажется, что вот-вот из этой тучи ударит молния и разверзнутся хляби небесные, которые и без того круглый

год не жалеют для нас влаги. Наши острова вместе с моим королевством, словно щепку, смоем в Атлантический океан. Страшно, Альберт!.. А пример, приведённый сэром Генри по поводу русских войск в Париже, есть напоминание нам о бдительности. И всё же опасность в военной кампании есть и очень большая. Это – Россия!.. Нам ли об этом забывать?!

Выслушав королеву, Палмерстон тут же с готовностью добавил:

– Да, опасно, ваше величество! Политика русских агрессивна. Она обусловлена, уж извините меня, ваше величество, и дружественным к русскому императору отношением некоторых членов нашего правительства. А вот и подтверждение русской агрессии: дивизии, что стоят в Молдавии и Валахии¹⁸, судя по сообщениям нашей агентуры, неожиданно стали пополняться резервами и усиленно снабжаться боеприпасами и провиантом. Спрашивается, для каких целей?.. Где гарантия, что русские войска не пойдут дальше?

– Но, милорд! Здесь причина ясна, – произнёс супруг королевы. – По законам, в которых не приходится сомневаться, эти территории условно автономны. А причина неожиданного пополнения дивизий, мне кажется, в другом... У православных и католиков в Турции идут распри по поводу контроля над святынями христианства в Палестине: Храмом Рождества Христова в Вифлееме и Храмом Гроба Господня

---

¹⁸ Историческая область (включая Молдавию), расположенная на юге современной Румынии.

в Иерусалиме. Точнее, кому султан отдаст ключи от храмов для ремонта. Бедный султан оказался меж двух огней: с одной стороны – католический император Франции Наполеон, с другой – православный русский царь Николай. И оба требуют выгод для себя. А иначе...

Принц Альберт для наглядности погрозил пальцем.

– Думаю, ваша светлость, это только повод. Планы императора Николая более глобальны. Константинополь... Проводы... Усиление своего влияния на Ближнем Востоке... Вот его цели. Но пустить Россию туда – значит спустя несколько лет увидеть её в Индии. И это поставит под угрозу само существование Англии как великой державы. Мы же помним намерения русских в 1800 году вместе с Бонапартом Наполеоном завоевать Индию. Некий генерал Платов уже был в пути... И только внезапная смерть императора Павла I остановила этот поход и разрушила планы союзников.

– Как-то вовремя умер император Павел... Не находите, сэр Генри? – иронично произнесла королева.

Палмерстон усмехнулся и загадочно произнёс:

– На всё воля Господа, ваше величество.

Старый политик явно не собирался развивать тему смерти русского императора, так удачно для Англии погибшего от рук своих придворных.

– Воля Господа?!... Наверное, вы правы. Но повторюсь... Это весьма опасная затея, сэр Генри, – начинать военные действия, да ещё против такой страны, как Россия... Вам

должно быть известно, что войну легче начать, чем потом её остановить! – пылко произнёс принц.

– Конечно, всегда есть риск, – уклончиво ответил министр. – Вот здесь нам и потребуются Франция и Турция, ваша светлость.

– Вы, милорд, уверены в них? – вставила королева.

– Уверен, ваше величество. Вы знаете, как я негативно отношусь к Франции. Я не сторонник налаживать с французами каких-либо дружеских отношений. Но...

Шарль-Луи Наполеон по характеру – отпетый авантюрист. Он рвётся в драку, жаждет реванша за поражение своего дяди в 1812 году. И этим надо воспользоваться. Надо управлять Россией извне, ослаблять её путём войны с ней. И в данном случае французский император нам поможет. Люди типа Шарля-Луи Наполеона легко идут на обман и обиду других людей ради своих амбиций, но весьма обидчивы в отношении себя. Вот и оскорбление, нанесённое ему однажды русским царём, отказавшим в аудиенции, сыграет, думаю, не последнюю роль.

– Но позвольте, сэр Генри! – с искренним возмущением произнёс принц. – Тори – люди старой закалки, в отличие от виггов, они весьма подозрительно относятся к вашей тесной дружбе с Францией. Не забывайте, милорд, в этой стране сильные революционные настроения, и это опасно для Великобритании.

Принц Альберт посмотрел на супругу. Королева, заинте-

ресованная речью мужа, молчала.

– Как можно доверять французам? – продолжил Альберт. – Мне пришлось как-то познакомиться с неким трактатом одного из генералов польского происхождения, состоящего при штабе Наполеона I перед вторжением его в Россию. Этот поляк положил на стол императора интересный документ. Я даже записал его название.

Принц подошёл к столу, полистал лежавшие там бумаги и вытащил то, что искал.

– Вот он. Одно только название чего стоит: «О способах избавления Европы от влияния России, а благодаря этому – и от влияния Англии». Что имел в виду этот генерал под «избавлением влияния от Англии», милорд? Почему вы думаете, что нынешний родственник Наполеона не читал сей трактат и не воспылал желанием вернуть былое величие своей страны за счёт Англии? Сами же говорите – авантюрист. А Великобритания действительно стояла, стоит и будет стоять на пути Франции.

– Фамилия этого поляка Сокольниковский, ваша светлость. И нам неизвестно, читал ли вообще Наполеон I этот трактат, а коль читал, принял ли какое-либо решение?.. И потом, ваша светлость, когда это было?.. Франция теперь далека от того могущества. Нет, не думаю, что Наполеон III способен на самостоятельные действия. Без нас, англичан, он ничего не сделает.

Принц Альберт что-то недовольно пробурчал, но дальше

спорить не стал. Королева с интересом и даже с некоторым обожанием посмотрела на супруга. А сэр Генри продолжил:

– Это относится и к Турции. Султан знает, что империя его слаба, и стоит на дрожащих коленях. Без нас он тоже не поднимется. А у него, как и у французов, есть мечта: вернуть Крым и Черкессию¹⁹. По крайней мере, султан этих целей и не скрывает. Нет-нет, ваше величество, эти страны будут нашими верными союзниками, не сомневайтесь. Каждый хочет урвать, уж извините, ваше величество, за это слово, кусок от жирного русского пирога. И повторюсь: никак сие не можно без нас, ваших подданных.

И Палмерстон эффектно склонил голову перед королевой.

– Надо полагать, наше правительство желает участвовать в этом дележе не только из любви к французскому императору и турецкому султану, – ехидно вставил принц Альберт.

– Безусловно, ваша светлость. Каждое государство не прочь расширить свои владения за счёт других, и Англия – не исключение.

– Тогда, сэр Генри, – с иронией произнесла королева, – вынуждена сделать вам замечание. Упустили вы, милорд, возможность выкупить у России поселение Форт-Росс в американской Калифорнии. Обузой была эта территория для России – слишком далеко, а Великобритании не помешала бы. Её купил в 1841 году какой-то проходимец. Это не дела-

---

¹⁹ Кавказ.

ет чести нашему правительству, совсем не делает.

– Увы, ваше величество, я согласен с вами. Но я тогда был очень занят вместе с Францией подписанием с Турцией конвенции о проливах Босфор и Дарданеллы. Непросто было лишить Россию права монопольного пользования. Сами понимаете...

Королева понимающе развела руками.

– Вернусь к разговору о союзниках, – продолжил Палмерстон. – Сардинское королевство Пьемонт тоже желает участвовать в этой игре. Правда, премьер-министр граф Кавур, этот чрезвычайно любезный на первый взгляд политик, держит пока нейтралитет, но поверьте, ваше величество, он его нарушит, обязательно нарушит, как только у нас появятся успехи в военных действиях.

Палмерстон сделал паузу, а затем добавил:

– Но этот Кавур – хитрый политик. Не сомневаюсь, за участие в войне с Россией он будет требовать слишком многого, однако, я думаю, мы договоримся. А что поделать?.. Коалиция европейских стран нам крайне необходима. Ну... хотя бы её видимость. Вот Австрия пока колеблется, но точно не будет против. Швеция, Дания, Пруссия и ряд других стран тоже держат нейтралитет, но вы же, ваше величество, сами понимаете: всё зависит от успеха нашей кампании...

– Ну, время покажет, будут ли успехи. Вот с Францией и Австрией всё понятно, а от Пьемонта серьёзной помощи ждать не приходится, но Османская империя слаба как ни-

когда, – воскликнул принц Альберт.

Палмерстон загадочно улыбнулся и тоном преподавателя, уставшего объяснять нерадивому ученику тему урока, ответил:

– Слабая, конечно, она слабая, да сил у неё хватит начать войну против России. Под турецкие знамёна встают бывшие польские и венгерские мятежники плюс османский флот. Великобритания поможет Турции на первом этапе, ваша светлость, и деньгами, и советниками.

– Но чтобы помогать Турции, а тем более конфликтовать с Россией, нужны хоть какие-то основания или повод, в конце концов, сэр Генри, – требовательно произнесла королева.

– Они будут, ваше величество. Наш посол в Турции, Чарльз Стратфорд-Каннинг, совсем недавно вернулся из Константинополя. И он вернулся, можно сказать, с победой. Посол стал доверенным лицом и даже другом султана Абдул-Меджида I и его кабинета. Сэр Стратфорд оказывал огромное влияние на проводимую султаном внешнюю политику. Турки прозвали нашего посла «Великий Элчи», что означает «Великий посол». Его служба в Османской империи заслуживает самой лестной оценки, ваше величество. Он десять лет отработал в Турции и, конечно, устал. Теперь находится в Лондоне, отдыхает и надеется на заслуженный пост в составе правительства. Он этого заслужил, ваше величество.

– Непременно, сэр Генри, – подал голос принц. – Може-

те поздравить Чарльза Стратфорд-Каннинга. Королева совсем недавно удостоила его титулом лорда Рэдклифа. Можете первым сообщить сэру Чарльзу эту новость.

Министр поблагодарил королеву, почтительно склонив голову.

– Благодарю, ваше величество! Сообщу обязательно о вашей милости и тем самым сглажу неприятную для сэра Стратфорда новость: увы... новоиспечённый лорд Редклиф должен вернуться в Турцию. Там, в Константинополе, он приложит все свои силы и опыт на обострение ситуации между Турцией и Россией. Помимо всего, я дал строгие указания нашему послу в Санкт-Петербурге, Джорджу Гамильтону Сеймуру, встретиться с императором Николаем и окончательно выяснить намерения последнего в отношении Турции. Уверен, повод для военной конфронтации обязательно найдётся.

И потом, все знают, что русские войска в 1848 году подавили восстание венгров, захотевших выйти из состава Австро-Венгрии, оказали военную помощь Пруссии, усмирив революционеров... В глазах Европы Россия – агрессор.

– Позвольте, сэр Генри, – с удивлением произнесла королева, – вы же не будете отрицать, что русские это сделали в полном согласии с договоренностью 1833 года и по личной просьбе молодого императора Франца Иосифа и престарелого короля Фридриха-Вильгельма, то есть законно...

– Да, – поспешно ответил Палмерстон, – не спорю... Ну

и что? Кто об этом знает?.. В Европе после мадьярских восстаний о России сформировалось негативное мнение: царь Николай – «жандарм Европы, душитель свободы», как и все русские. И это факт, ваше величество. А то, видите ли, сегодня мадьяры хотят выйти из Австрии, завтра – ещё кто-либо...

– Весьма сложная дипломатическая игра, не так ли, дорогая? – обращаясь к супруге, произнёс принц Альберт. – Смотрите, не переусердствуйте, сэр Генри. Не будем забывать, что и у нас колоний предостаточно. Как бы и они не захотели самостоятельности.

– Индия, Канада, Новая Зеландия, Африка... Ваша светлость, наши колонии слишком далеки от Европы. Надеюсь, им это не грозит.

– Надеюсь!.. – пробурчал принц. – Тогда я с вами согласен, сэр Генри, Чарльз Стратфорд должен вернуться в Константинополь.

Королева покачала головой и произнесла:

– А я всё-таки не понимаю, сэр Генри, к чему такая спешка с отъездом лорда Рэдклифа?

– Обстоятельства вынуждают, ваше величество. Планы, которые правительство наметило в отношении России, требуют скорейшего присутствия сэра Стратфорда в Константинополе. Сами понимаете, ваше величество, назначать нового посла в Турцию в это время нецелесообразно.

Часы в кабинете отбили очередной час. Время аудиенции

подходило к концу. Королева машинально посмотрела на часы и опять задала вопрос министру:

– Так всё-таки, сэр Генри, правительство серьёзно намерено начать военные действия?

– Да, ваше величество, – сказал министр жёстко и многозначительно добавил: – С Россией!

И слово «Россия» прозвучало словно выстрел. Королева и её супруг с тревогой посмотрели на министра. Возникла странная пауза. Все замолчали.

Супруги думали о последствиях опасных для государства событий, а Палмерстон ждал реакции на свои слова.

Первой нарушила паузу королева. Она недоверчиво, с нотками настороженности в голосе и очень тихо произнесла:

– Война?!.. С Россией?!.. Вы не забыли, Бонапарт тоже воевал с Россией... Результат всем известен. Не так ли, сэр Генри?

– Великая Британия – это не Франция, ваше величество. К тому же мы теперь, возможно, будем вместе.

– И потом, сэр Генри, – перебила министра королева, – в случае успеха, надеюсь, моё правительство не собирается из России делать вторую Индию?

– Хотелось бы... – совсем тихо сказал министр и более громко произнёс: – Время покажет, ваше величество.

– Скажите, милорд, только честно, – неожиданно в разговор вступил принц, – а турки знают, что Крым при любом раскладе им не достанется?

Палмерстон пожал плечами.

– Видите ли, ваша светлость, султан – умный государь! Вопрос, кому Крым достанется, он не задаёт, а мы, естественно, его не поднимаем.

– Узнаю сэра Генри, – взглянув на супругу, насмешливо произнёс принц Альберт, покачав головой.

Королева не стала продолжать дальше разговор по поводу Турции, лишь пожала плечами.

Видя некоторую неуверенность венценосной четы, сэр Генри постарался уйти от вопросов, связанных с дальнейшей принадлежностью Крыма.

– Кто, как не Европа, должен остановить Россию? Да, Турция ввяжется в войну, а чуть погода вместе с французами мы поддержим османов и тоже объявим войну русским, повод будет – защита Турции. Наш флот уже готовится к военным действиям. Скажу больше: одна из эскадр уже покинула Англию и теперь держит курс на Перу, в порт Калао²⁰, где к ней примкнут корабли французов. После объявления нами войны России они сообщая направятся в сторону русской Камчатки.

– Всё же опасная экспедиция, – произнесла королева.

– Она того стоит, ваше величество! Несколько лет назад в тех краях были два наших судна. Капитаны были в восхищении от природы тех краёв, удобных бухт для стоянки и зимовки кораблей. Нам стоит даже умышленно сделать двух-

---

²⁰ Кальяо (совр.).

недельный разрыв с Россией, чтобы завладеть Камчаткой и потом заключить мир.

Королева слегка удивилась фантазии своего опытного в политике министра, но промолчала. Зато не промолчал принц:

– Милорд! А вы уверены, что английский флаг будет во-
дружён в тех местах? А как же французы?

– Командующему нашей эскадрой даны соответствующие указания, ваша светлость. На берег первыми должны ступить англичане.

Королева пожала плечами, воскликнув:

– А как же французы?

Палмерстон не ответил. Он только развёл в стороны руки.

– Ну, коль так!.. – как можно безразличней произнесла королева. – Как считаешь, Альберт?

– Да-да! Дело нужное, милорд! К тому же Япония недалеко. Надеюсь, сэр Генри, вы знаете, что президент США Филлмор послал к Японии, коль память не изменяет, командора Перри²¹ с эскадрой и войсками. Американцы хотят заключить с японцами договор о дружбе и торговле, – вставил принц.

Палмерстон почтительно кивнул:

– Да, ваша светлость, конечно знаю.

– А американцы своего не упустят, – с некоторым раздра-

---

²¹ Мэтью Кэлбрейт Перри (1794-1858) – военный и политический деятель США.

жением добавила королева. – Кстати, в Северной Америке вместе с русскими поселенцами работает английская торговая компания «Хадсон Бей компани»...

Сэр Генри тут же учтиво пояснил королеве:

– Нет-нет, ваше величество, флагману эскадры даны соответствующие указания не совершать враждебных действий против русских поселений в тех районах.

– Не даёте вы мне, сэр Генри, похвастать своими знаниями, – кокетливо заметила королева. – Как-никак, «Хадсон Бей компани» – одна из первых торговых компаний в мире. Почитай, около ста восьмидесяти лет ей уже... Беречь надо такие, – и уже строгим голосом добавила: – Продолжайте, милорд.

– Простите, ваше величество! Так вот, другая часть нашего объединённого флота войдёт в Балтийское и Белое моря, тем самым нарушит коммерческую навигацию русских купеческих судов, а позже заблокирует российский флот в портах, в том числе в Кронштадте и Санкт-Петербурге.

– И что? – спросил принц Альберт.

– Смотря как сложатся обстоятельства, ваша светлость. Я совсем не исключаю возможности для захвата некоторых русских крепостей. А там и... русская столица. Всё в этом мире возможно, ваша светлость.

Остальной флот будет постепенно накапливаться в Мраморном море, поближе к России. Необходимо опередить русских на случай военных действий. Как только Турция ввя-

жется в войну, а она вяжется, смею, ваше величество, вас заверить, мы вместе с Францией тут же объявим о разрыве дипломатических отношений с русскими и приступим к реальным военным действиям.

– Вы полагаете, милорд, что российское правительство не догадывается о наших с французами совместных приготовлениях? – недоверчиво поинтересовался супруг королевы.

– Не думаю, ваша светлость, что им это приходит в голову. Наш посол во Франции, барон Коули, совсем недавно приехал в отпуск в Лондон. Я попросил его об одной услуге – обязательно встретиться с русским послом. Повод для встречи, как понимаете, существенный – поделиться новостями, что не вызовет никаких сомнений в натуральности. Так вот, при встрече с послом Брунновым в кофейне Ллойда, что на Ломбард-стрит, куда любит заходить русский посол, сэр Коули, так сказать, «разоткровенничался». В беседе он заверил русского посла: мол, правление Наполеона III считается непрочным, шатким, император Франции и не помышляет о военных конфликтах с кем-либо. Он со своим окружением якобы спекулирует на бирже и интересуется только личной выгодой, а внутри французского истеблишмента сильны антианглийские настроения.

– И что, русские поверили этой лжи? – спросил принц.

– Не сомневайтесь, ваша светлость. Поверили... Как я уже говорил, наш человек в окружении императора Николая сообщил, что информация Бруннова о разговоре с француз-

ским послом весьма и весьма порадовала императора. Он ещё более уверился в своих надеждах на наше с ним сотрудничество. И свои намерения в отношении Турции не изменил, скорее, наоборот, усилил.

Королева огорчённо покачала головой, но промолчала.

Повернувшись к королеве, старый дипломат склонил в почтительной позе голову и твёрдо произнёс:

– Так что, ваше величество, я скажу больше: назад дороги нет. Колесо событий покатилося вниз...

– Война с русскими?!.. За спиной императора Николая?!.. И всё-таки это как-то дурно пахнет! – несколько пафосно воскликнул принц Альберт.

Палмерстон вопросительно посмотрел на королеву. Она с некоторым удивлением посмотрела на мужа, но опять промолчала. В интонации супруга королева уловила нотки фальши. В его голосе уже не было той первоначальной искренности, присущей принцу в начале аудиенции. После некоторой паузы королева Великобритании тихо, но твёрдо и настойчиво произнесла:

– Англия превыше всего, Альберт, – и, вздохнув, с тревогой в голосе добавила: – Ты опять прав, Альберт. Начать войну действительно просто, но иногда и гений не сможет её закончить. Финалы битв всегда опаснее их начала – они непредсказуемы. Надеюсь, сэр Генри, моё правительство знает, что делает. Но учтите, повторяю, это Россия... Огромная и непредсказуемая!

Сжав плотно губы, королева покачала головой.

Двери кабинета открылись: аудиенция закончилась. Сэр Генри поклонился и направился к выходу. Уже у самого выхода он услышал голос принца Альберта:

– Сэр Генри, а какой вам видится Россия, если всё пойдёт по вашему плану?

Палмерстон остановился, медленно развернулся и, несколько растягивая слова, произнёс:

– Хочется видеть её, Россию, в границах Московии, ваша светлость, – и, вежливо поклонившись, вышел из кабинета.

Уже выйдя на улицу, он недовольно прошептал:

– В границах Московского царства... Мечты, мечты!

С этими мыслями он раскрыл над собой зонт. Дождь всё-таки начался.

Под впечатлением разговора с министром супружеская чета молчала. В кабинете установилась тишина, прерываемая треском дров в камине. Королеве казалось, что треск, доносившийся из камина, был похож на ружейные выстрелы, которые вот-вот загремят на полях сражений.

Королева зябко поёжилась. Она задумчиво, очень медленно стала прохаживаться по кабинету. Принц Альберт подошёл к камину, кочергой постучал по головёшкам, выбивая искры, затем с немецкой аккуратностью ровненько положил на горящие угли три полена. Так они и молчали.

Из камина раздался очередной треск, запылали вновь подброшенные дрова. И снова перед глазами королевы возник-

ли страшные картины гибели людей, и она произнесла:

– Дабы не раздражать раньше времени императора Николая, надо отправить в отставку сэра Генри. Как ты думаешь, Альберт?

Супруг пожал плечами и покорно произнёс:

– У нас нет другого выхода, дорогая, коль того требуют обстоятельства. Ты, Виктория, сама сказала: «Англия превыше всего». Виконт Палмерстон, думаю, не обидится и поймёт.

– Плохо ты знаешь нашего виконта. Не зря в парламенте ему дали кличку «Поджигатель», а такие не обижаются, поверь мне.

– Как это ни прискорбно, дорогая, но то, что мы делаем, – подножка России. Чисто английский гамбит²², и пешкой в нем назначается Турция...

– На все воля божья, Альберт, – произнесла королева. И, помолчав, опять произнесла: – Англия превыше всего. Насколько я разбираюсь в шахматах, в игре важен эндшпиль²³, дорогой.

Принц Альберт огорчённо покачал головой:

– Конечно, ты права, дорогая! Но одно меня весьма тревожит: чем масштабнее и грандиознее планы, тем серьёзнее трудности и, следовательно, риски. Не так ли? Проект лорда

---

²² Гамбит (итал.) – подножка. В шахматах – одна из сторон в интересах быстрого развития, захвата [центра](#) или просто для обострения игры жертвует пешку или лёгкую фигуру.

²³ Конец игры.

Палмерстона – бомба с неизвестной начинкой. Совсем непонятно, каков будет эффект от её взрыва, и вообще взорвётся ли? Ты правильно подметила: Россия огромная и непредсказуемая. Я не удивлюсь, что она может и не почувствовать этот вселенский, на наш взгляд, взрыв. Зато его почувствовать, и весьма сильно, можем мы, твои подданные! Это в шахматах гамбит предполагает ради успеха жертву некоей фигуры и небольшой риск проиграть партию. Война – не шахматы! Но риск – дело нужное. Хочешь выиграть – рискуй. Однако есть одно условие... Играть-то ты должен по принятым в игре правилам, то есть честно. Чего не могу сказать о правительстве Великобритании, дорогая.

– Ты все усложняешь, Альберт. Не забывай: без сражения при Буксаре²⁴ на берегу Ганга вряд ли бы мы смогли так свободно чувствовать себя сегодня в Индии. А ведь и тогда, почти сто лет назад, были сомнения в необходимости военного решения проблемы. Но время показало, что наша решимость оправдалась, всё сложилось удачно... Так что, дорогой, не будем драматизировать события. И потом мы не одни, с нами Европа.

Британцы решили, что в это непростое для Европы время все демократические (в понимании европейцев) силы Европы объединятся в борьбе с Российской империей.

---

²⁴ Сражение, произошедшее в 1764 году между семитысячным отрядом Британской Ост-Индской компании и объединёнными силами падишаха Монгольской империи, Бенгалии и Ауда.

Им уже грезилось отторжение от России Бессарабии, Кавказа, которые должна была получить Турция. Швеции отходило герцогство Финляндское. Земли русской Польши, Литвы, Эстонии, Курляндии, Лифляндии были предложены Пруссии. Себе англо-французы оставляли Крым, Камчатку и соседствующие с ней территории.

Разумеется, для этого немцам и шведам надо было всего лишь вступить в войну вместе с Англией и Францией.

Однако эти страны слишком хорошо помнили свой военный опыт, полученный в конфликтах с Россией, а потому втянуть их в войну Лондону и Парижу так и не удалось.

Но из-за осторожного отношения Берлина и Австрии к России, больше похожего на враждебность, русским пришлось выделить на защиту своих западных границ значительные силы, что не позволило усилить группировку войск на других направлениях.

Всё это отрицательно скажется немного позже, а пока вернёмся к нашим событиям и героям...

Великосветский бал

Январский день 1853 года подходил к концу. Столицу накрыли сумерки. По тёмному небосклону проплыл всё увеличивающийся в размерах яркий круглый диск Луны. Дувший со стороны Невы ветер к вечеру почти затих. И было странно до удивления: сверху ничего не сыпалось – ни мелкие снежинки, ни противные капли мокрой измороси, и даже привычный туман, пытавшийся накрыть столицу ещё в обед, и тот к вечеру растворился. Однако на улицах, а тем более на площадях и особенно перед Михайловским дворцом, нет-нет, да и срывались порывы ветра, было ветрено и холодно.

Дворец, выстроенный в 1825 году архитектором Карлом Росси, принадлежал великому князю Михаилу Павловичу, сыну императора Павла I. Названный в честь архангела Михаила, дворец вот уже почти три десятка лет стоял в центре Петербурга, поражая всех своей монументальностью и архитектурным совершенством.

При жизни великого князя сей шедевр творчества великого архитектора редко пустовал: балы, празднества, фейерверки... Но четыре года назад Михаил Павлович неожиданно покинул этот бранный мир, и дворец в числе прочего отошёл его супруге, великой княгине Елене Павловне²⁵.

---

²⁵ До принятия православия – принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская.

Конечно, балы продолжались. Пусть реже и менее пышно, без фейерверков и прочих великосветских забав, но благодаря усилиям великой княгини они стали больше напоминать деловые рауты высокопоставленной знати. Именно это и пришлось по вкусу столичной элите и иностранным дипломатам: всегда можно за бокалом шампанского встретиться с нужными людьми, минуя официоз императорского двора. Деловой тон подобных встреч, тем не менее, не мешал молодёжи по-прежнему танцевать, знакомиться и веселиться. Очень часто эти встречи посещал император с супругой, и получить приглашение на эти мероприятия было, конечно, не только трудно, но и весьма почётно и престижно. Вот и сегодня здесь ждали государя.

Великосветские балы... Бал – совершенно особенное событие в жизни любого дворянина. Здесь он был человеком своего сословия, как говорится, «равный среди равных». Хотя нет, чего грех на душу брать, и на балах кто-то всё равно был главнее остальных. Кого-то громко, с дрожью в голосе представляли при появлении в зале, кого-то объявляли скромнее и без должного почтения, а кто-то сам бочком незаметно протискивался в залу. Зато все приглашённые, и это чистая правда, могли блеснуть остроумием, манерами, познакомиться с нужными людьми, да и просто найти себе партнёра из своего круга для создания семейного очага.

Вот и в этот вечер Елена Павловна в своём Михайловском дворце давала бал, на который прибыли гости даже из Моск-

вы, благо чуть более года назад открылось регулярное железнодорожное сообщение между Санкт-Петербургом и Москвой. Сам канцлер Нессельроде прислал хозяйке дворца гонца с известием, что император посетит бал обязательно.

К исходу дня на площади вдоль здания выстроились расфранчённые кареты, запряжённые четвёрками, а то и шестёрками холёных лошадей. Вторым рядом к ним пристроились кареты куда скромнее; обычные же городские экипажи, высадив не столь богатых пассажиров под строгим взглядом дворцовой охраны, тут же покидали площадь. Один из таких экипажей (довольно элегантная бричка с закрытым кожаным верхом и двумя круглыми окошечками по бокам) как раз подкатил со стороны Михайловской улицы к парадному входу дворца.

Из него выскочил молодой рослый морской офицер в чине лейтенанта. Офицер, видимо, расплатился с кучером поцарски, за что тот не поленился соскочить с козел и, почти-точно склонив голову, помог благодетелю спрыгнуть с брички.

Стряхнув с рукавов шинели и пелерины невидимые пылинки, поправив пристежной меховой воротник, он привычным движением пригладил коротко стриженные усы, затем перекрестился и, вздохнув, с гордым видом направился к зданию.

Ярко освещённые изнутри окна Михайловского дворца в вечернем полумраке улицы придавали зданию что-то зага-

дочное и необычное. Кажется, стоит только взять волшебный ключик, вставить его в замочную скважину парадной двери – и ты внутри сказки. И такой ключик у молодого офицера был: благодаря протекции канцлера Нессельроде его фамилия впервые появилась в списке приглашённых гостей. Чем не ключик...

Сдав верхнюю одежду, лейтенант вошёл в зал. В сияющем белизной кителе, как, впрочем, и другие офицеры, он скромно примостился возле одной из колонн. С этого места прекрасно обозревалось всё пространство зала, и в этом пространстве, как уже успел заметить лейтенант Антон Аниканов (а это был именно он, бывший мичман Антоша), находился весь цвет столичной и московской знати.

Просьба его дядюшки, Филиппа Ивановича, возымела действие: молодой офицер пришёлся по душе Нессельроде, и, как когда-то и самого Бруннова, Карл Васильевич приблизил его племянника к себе. Отслужив три года на флоте и получив звание лейтенанта, Аниканов, конечно, не без помощи родственника, теперь находился при департаменте иностранных дел. По долгу службы, а часто и по личному поручению канцлера, Антон нередко посещал разные дипломатические миссии, аккредитованные в столице. Многих послов и комерцсоветников он знал в лицо.

Окружённый с трёх сторон белыми колоннами, главный зал был достаточно большим, народу – тьма. И, как отметил Антон, женщин в зале было заметно больше. Пожилые дамы

чинно восседали в креслах, на стульях и диванах, рядом с ними по одну сторону сидели мужья, по другую – молоденькие барышни, их дочери. Девушки, не стесняясь своих родителей, стреляли глазками в сторону франтоватых молодых людей.

В воздухе стоял аромат дорогих французских духов, он возбуждал, хотелось встать на колени и кому-то из присутствующих барышень тут же признаться в любви. Глаза молодых повес бешено шарили по залу в поисках предмета вздыхания.

Однако мужчины быстро привыкали к этому волнительному запаху, возбуждение, словно морские волны во время шторма, постепенно затухало, флёр женщин, хотя ещё и царствовал, но уже не требовал совсем недавнего обожания. Нет, конечно, женщины ещё хотели пылкого к себе обожания и смиренного коленапреклонения, но делали это, скорее, машинально, по привычке. Выслушивая от кавалеров поток избитых фраз о всепоглощающей любви, они уже не воспринимали слова оболъстителей всерьёз, хотя и продолжали тайно вздыхать и обмахивать веерами свои раскрасневшиеся личики... И мужчины, чувствуя это, вели себя более раскованно.

А ещё наблюдательный Антон заметил, что гости старались группироваться по возрасту и интересам: совсем пожилые – в одном углу, мужчины среднего возраста – в другом, а молодёжь кругами фланировала вдоль стен, но перед нача-

лом очередного танца сбивалась в центре зала.

Среди этой разношёрстной публики густо были намешаны представители иностранного дипломатического корпуса.

Желтоватый свет свечей в хрустальных люстрах и карселевых лампах²⁶, стены, отделанные под палевый и лазоревый мрамор, широкие зеркала в позолоте, в которых отражались расставленная вдоль стен дорогая мебель и масса тропических растений, украшавших широкую парадную лестницу дворца, как отметил Антон, не производили особого впечатления на избранное общество. Расхаживая парами или в одиночку по натёртому до блеска паркету, вельможи и сопровождающие их дамы лишь изредка бросали короткие взгляды на картины известных мастеров, развешанные вдоль стен.

Особый интерес лейтенанта вызвали небольшие группки людей, среди которых были весьма известные в обществе люди. Мужчины вполголоса обсуждали новости, женщины молчали или скептически разглядывали наряды подруг. В зале стоял приглушённый гул.

Размеренный шум в зале дворца нарушил скрипучий голос капельмейстера. С оркестрового балкона второго этажа он объявил:

– Господа! Вашему вниманию предлагаются оркестровые отрывки из новой оперы композитора Антона Рубинштей-

---

²⁶ Лампы с часовым механизмом для подсоса масла, изобретенные мастером Карселем в 1800 г.

на. Опера называется «Дмитрий Донской». За роялем, господа, – сам автор.

Дирижёр взмахнул своей палочкой в сторону рояля, открытая крышка которого блестела своей полированной поверхностью, отражая яркий свет люстр, спускающихся в зал с потолка.

Поверх балюстрады второго этажа с широкими перилами и затейливыми фигурными балясинами белого цвета возникла щуплая фигура молодого человека, лицо его выражало явное смущение. Белая манишка под фраком топорщилась, закрывая непременный аксессуар наряда – стоячий воротничок. Зато на тёмном фоне его фрака выделялся огромный белый носовой платок, выглядывающий из нагрудного кармана. Платок с лихвой компенсировал отсутствие на груди у молодого человека наград. Композитор несколько раз покивал головой и поспешно сел.

Из зала раздались два-три негромких хлопка. Дирижёр взмахнул палочкой. Зазвучали первые аккорды рояля, через несколько тактов звуки подала первая скрипка, затем – вторая... Вскоре зазвучали все инструменты небольшого оркестра. Шум в зале несколько утих. Неожиданно и вовсе стало тихо. Замолчал и оркестр.

Государь Николай I²⁷ появился неожиданно.

В это время Елена Павловна разговаривала со своей дочерью Екатериной и момент прихода императора пропусти-

---

²⁷ Николай I Павлович – российский император с 13 декабря 1825 года.

ла. Завидев идущего по залу государя с супругой, Елена Павловна опешила. Краем глаза она взглянула на распорядителя бала, высокого с благородной осанкой старика, служившего её мужу ещё при его отце, императоре Павле I. Старик стоял теперь с испуганным лицом и виновато разводил в стороны руки в белых перчатках. Ясно было, что он отошёл по своим надобностям в неудачное время.

– Совсем старый стал, – с досадой прошептала Елена Павловна и, увлекая за собой дочь и её мужа, герцога Георга²⁸, своей обычной стремительной походкой поспешила навстречу императорской чете.

Дамы в шёлковых и бархатных платьях с длинными шлейфами, осыпанных жемчугом и бриллиантами, мужчины при орденах, звёздах, крестах и эполетах – все почтительно замерли при виде государя, шедшего под руку с государыней²⁹.

Весьма энергичная и привлекательная в молодости, в свои пятьдесят четыре года Александра Фёдоровна имела болезненный вид, отчего казалась всегда уставшей. Ещё больше подчёркивали её нездоровый вид чрезмерная худоба и всё реже появляющаяся на лице улыбка.

А болезнь у императрицы обострилась с 14 декабря 1825 года, за сутки до принятия войсками присяги на верность её

---

²⁸ Георг Август Эрнест Мекленбург-Стрелицкий (1823-1876) – кузен императрицы [Александры Фёдоровны](#).

²⁹ Урождённая принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская, супруга российского императора [Николая I](#).

мужу, новому императору Николаю I Павловичу. Именно в этот день началось восстание заговорщиков, так называемых «декабристов», которые по приказу еще не успевшего полностью вступить на престол Николая Павловича были расстреляны картечью. В этот зимний морозный день погибли сотни людей.

То ли из-за многочисленных родов, то ли по причине нездорового питерского климата нервная система ещё молодой императрицы не выдержала, Александра Фёдоровна получила сильнейший удар, от которого и по сегодняшний день не оправилась.

Все знали о привязанности государя к своей супруге. Он демонстративно, не стесняясь придворных слухов, порой весьма жёстко, оберегал императрицу от разного рода волнений.

Болезненность императрицы воспринимались обществом совершенно по-разному. Приближённые сочувствовали, завистники тайно злорадствовали.

Рассеянно оглядывая зал, слегка кивая на подобострастные поклоны, государыня при виде Елены Павловны улыбнулась.

С императорской четой хозяйка дворца встретилась недалеко от колонны, возле которой примостился наш лейтенант.

Великая княгиня тут же извинилась за неподобающую встречу, сославшись на немощность старика-распорядителя.

Император посмотрел в сторону горемыки-распорядите-

ля, продолжавшего стоять с испуганным видом. И не было уже в облике несчастного старика былой осанки, перед ними стоял поникший и жалкий человек. По его испещрённому морщинами лицу текли слёзы.

Государь милостиво улыбнулся и добродушно проговорил:

– Полноте, княгиня. Знаю я этого старика. Бывает... Возраст...

– Вы очень добры, ваше величество, – поблагодарила Елена Павловна.

Император Николай Павлович был восьмым из десяти царских детей. После смерти бездетного брата Александра I двадцатидевятилетний красавец Николай, заручившись письменным согласием старшего брата Константина о добровольном отречении от короны, 12 декабря 1825 года вступил на русский престол. Принял корону Николай в тяжёлое для России время.

В день обнародования манифеста о восшествии на царствование на Сенатской площади Петербурга произошло восстание декабристов. Император был вынужден силой подавить это выступление. И тогда для укрепления власти он создал специальное III Отделение императорской канцелярии и корпус жандармов. А потом молодой государь провёл ряд преобразований, в числе которых были указ о пенсиях за государственную службу, указ о запрещении продажи крепостных отдельно от семей; он изменил финансовую систе-

му, учредил Военную и Морскую академии. В довершение ко всему Николай открыл университет в Киеве, затем построил первую железную дорогу.

Вот и сегодня пятидесятишестилетний государь, как всегда, был статен и так же величествен, как и в молодые годы. Правда, волосы значительно поредели, виски тронула седина, уголки губ иногда нервно подёргивались. И всё же движения его были так же энергичны и быстры, как и раньше. Но, присмотревшись более пристально, княгиня с грустью констатировала: в движениях родственника чувствовалась некая возрастная усталость.

«Господи, что же с нами делает старость?» – мелькнула мысль. Но чтобы совсем уж не расстраиваться по поводу возраста императора, для себя заключила: «Зато поступь его в полном смысле осталась прежней – царской».

Поговорить с государем княгине не пришлось. К императору тут же подошёл государственный канцлер, граф Несельроде.

Маленький, не по годам энергичный, большой любитель женщин, граф имел обыкновение, свойственное многим дипломатам, говорить на подобных встречах о чём угодно, но только не о политике. На этот раз канцлер, однако, изменил своей привычке – лицо его было явно озабоченным.

Взяв под руку государыню, Елена Павловна вместе с ней и молодой четой направилась через весь зал к группе гостей, в основном состоящей из представительниц разных го-

сударств.

Посреди этой европейской публики возвышалась фигура прусского посланника генерала Рохова, человека не шибко умного, но добродушного и безвредного. Его присутствие на балах такого уровня считалось обязательным; император к нему относился хорошо, а его фельдфебельские анекдоты, громкий хрипловатый смех и грубые заигрывания с дамами являлись одним из развлечений для чопорных и скучных великосветских старушек. Генерал и сейчас о чём-то говорил с американским послом Нейлом Брауном. Все знали, что американец не любитель посещать подобные мероприятия, а тут на тебе, явился. Судя по смущённому виду старушек-княгинь, острил Рохов именно по этому поводу, не сильно заботясь о соблюдении правил приличия. Дамы смущались, но слушали с нескрываемым интересом, пряча довольные улыбки на лице за веерами.

Почтительно поприветствовав императора, канцлер с заговорщицким видом произнёс:

– Ваше величество, настоятельно просит о встрече с вами британский посол Джордж Гамильтон Сеймур, – и, поправив сползшие с переносицы золотые очки, сквозь стёкла которых светились умные и весьма хитрые глаза, канцлер добавил: – Очень просит, ваше величество!

В это время зазвучал рояль. Император замер, прислушиваясь к доносившимся сверху аккордам.

– Не дурно, совсем не дурно! – произнёс он.

– Рубинштейн, ваше величество, – поспешил пояснить канцлер. – Его новая пьеса «Дмитрий Донской».

– Вот как! Ну-ну. Совсем не дурно, – повторил Николай I. – Так вы, граф, говорите, англичанин хочет поговорить со мной? Не наговорился, бедный! Поди, опять пытаться по Турции станет. Как считаете, граф? По Турции найдем мы общий язык с Англией?

– Сложно сказать, ваше величество. Захочет ли Великобритания усиления России?

– Учитывая непримиримость в отношениях между Францией и Великобританией, королева должна понимать, что я могу и с Францией договориться. И тогда... – император насмешливо посмотрел на канцлера. – Тогда англичане останутся ни с чем, Карл Васильевич. Так ведь?

Канцлер неопределённо пожал плечами.

– Сложно сказать, ваше величество. Но скорее да, чем нет.

– Ладно, там будет видно. Что ж, встречусь с Сеймуром, граф, встречусь обязательно. Скажите княгине Елене Павловне, пусть кабинет свой подготовит.

Напряжение в зале, возникшее с появлением царственной четы, несколько спало, публика стала более говорливой и шумной. Государь расправил плечи и с удовольствием окинул зал. Ему импонировала царящая на балу сравнительно простая, благодушная атмосфера общения без протокольных речей, дипломатических условностей, а легкий аромат вина, парящий в воздухе, придавал настроению некую без-

заботность и даже...

Николай I пристально посмотрел на группу молоденьких барышень. Рукой расправил усы и с некоторым сожалением перевёл взгляд на супругу, стоящую в компании знатных дам. Лёгкий вздох... Губы императора тронула едва заметная усмешка...

– Были и мы молодыми когда-то. А, Карл Васильевич? Но вы и в семьдесят, как я слышал, не унимаетесь...

Канцлер, снова поправив очки, тоже бросил взгляд на барышень, на которых обратил внимание государь, и хитро улыбнулся.

– Да, ваше императорское величество. Куда денешься, бес-то в ребро тычет, покоя по ночам не даёт. Грешен, государь, грешен. А супруга моя покойная во сне ко мне иногда приходит, но не бранится по сему поводу, а только, как и вы, ваше величество, усмехается.

Император рассмеялся.

– Ох и хитёр ты, Карл Васильевич!

Елена Павловна, разговаривая с дамами, не упускала из виду императора. Как только она поняла, что государь закончил разговор с канцлером, тут же дала знак, чтобы ему принесли бокалы с шампанским. Император взял два бокала и один протянул канцлеру.

– Ну, за женщин, граф, – произнёс он.

– За них, ваше величество, – согласился старый ловелас. – Дай им всем Бог здоровья!

Они отпили по небольшому глотку. Император поставил бокал на поднос и двинулся вдоль зала в сторону парадной лестницы. За ним поспешил канцлер.

Со словами «Дела, дела, глаз да глаз нужен кругом» Елена Павловна покинула императрицу.

Проходя мимо старика-распорядителя, княгиня совсем не строго тихо проговорила:

– Иди умойся, Иван Лексеевич. Неча стоять истуканом. Да смотри, возвращайся, вечер только начался.

Старик с благодарностью посмотрел на хозяйку, облегчённо вздохнул и быстро-быстро засеменял из зала.

Антон впервые так близко видел императора и теперь, стоя у колонны, неотрывно следил за каждым шагом государя.

Недалеко от молодого офицера, с другой стороны колонны, остановились двое вельмож. В руках оба держали бокалы с шампанским и, судя по цвету их лиц и невнятности речи, бокалы за этот вечер у них были не первые. Они о чём-то оживленно спорили.

– Нет, мой дорогой Кирилла Игнатич! – с запалом произнёс один из вельмож с грубоватым, но открытым лицом, с чёрными, скорее, крашеными усами, совсем не молодой и больше худой, чем стройный, в чёрном фраке с Георгием на груди. Видимо, старик за последнее время здорово похудел, так как дорогой, как заметил Антон, фрак свободно болтался на его щуплой фигуре. Но старика это обстоятельство ни-

сколько не смущало, он энергично спорил со своим коллегой.

– Сдаётся мне, что сие не ваша правда, сударь. Не с Европы идёт просвещение в мир. Нет, сударь, нет. Мне весьма и весьма понравилась мысль одного философа, Лейбница, поди, слышали о таком. «Науки и художества, – говорил он, – родились на Востоке и в Греции; оттуда перешли в Италию, потом во Францию, Германию и, наконец, через Польшу к нам, в Россию». Теперь пришел и наш черед внести свою лепту Западу. Вот мы туда и вставим своё, русское, а нам есть чего вставить, е-с-т-ь...

– Да оно, может, так и есть, не буду с вами спорить, – ответил второй вельможа. – Однако ж тут вы, Пётр Иванович, явно не будете со мной спорить.

Высокий старик заинтересованно посмотрел на собеседника.

– Одним хлебом насущным не накормить народ. Это хорошо, что над нашими просторами витает просвещение, а с Востока оно аль с Запада, не столь важно, но скажу, сударь, что и другой ветерок мог бы чаще залетать к нам, в Россию, – технический прогресс. Поди, помните первую всемирную выставку в мае 1851 года в Лондоне? Почти сорок стран участвовали в ней. А мы в ней совсем малой толикой представлены были. И весь-то наш успех выпал на чёрную икру, дотоле малоизвестную европейцам, да манную и гречневую кашу. И это, сударь, на фоне подлинных чудес науки

и техники, демонстрируемых европейскими странами.

– Был я на этой выставке. Впечатлила, впечатлила... Да с казнокрадством наших чиновников, чудовищной канцелярской рутинной... Куда нам до Европы?!

Высокий старик покрутил в воздухе пальцем.

– С просвещением-то попроще будет. Мы потом вернём его снова в Грецию и на Восток, на первоначальную, так сказать, родину. Вот оно, просвещение, и совершит в своём течении полный круг. Так я понимаю сие. А кормить народ хлебом... Правительство на то есть.

Словно ища защитника своим и философа Лейбница мыслям, высокий господин повертел головой и, заметив рядом офицера, произнёс:

– Вот вы, молодой человек, слышали, поди, наш разговор? О науке молчу ужо, а вот как вы думаете, правы Лейбниц и ваш покорный слуга аль нет?

Покрутив по сторонам головой, он властно махнул кому-то рукой. Тут же подлетел человек с подносом, уставленным бокалами с шампанским.

Антон сделал шаг в сторону стариков. Высокий вельможа сам взял бокал и почти насильно вложил его в руку несколько смущённому офицеру.

– Честь имею, господа! Лейтенант флота его императорского величества Аниканов, – щёлкнув каблуками, представился он, затем добавил: – Антон Дмитриевич.

Скользнув рассеянным взглядом по белоснежному мун-

диру офицера, вельможи опять заспорили между собой и... не представились. Более того, тот, что дал ему бокал, вообще отвернулся. Его собеседник, тоже старичок и тоже во фраке, но коричневого цвета, маленький с круглым животиком, неестественно правильно выговаривая слова, видимо, хмель от шампанского добрался до языка, произнёс:

– Кто ж против, сударь? Не буду спорить с вами, Пётр Иванович, пускай прошелестит иностранное просвещение по просторам матушки нашей России, есть чем поживиться ему и у нас. Вот Пушкин – чем не пища для разума европейского? А вона и этот, как его, ну, за роялем...

– Рубинштейн, – подсказал Антон.

– Во-во, он самый. А Михаил Глинка?!.. Силища, талант... Молчу уж про художников Тропинина, Брюллова, да мало ли их...

– Прошелестело, говоришь, Кирилла Игнатич... Хорошо сказал, не скрою. Только то и плохо, что по верхам оно, просвещение, шелестит, да в глубь-то с трудом опускается. Потому и тёмный в основном мужик наш.

– Порядку и закону на Западе, на мой взгляд, больше. Поди, там понимают: неграмотный мужик опасен, может такого натворить... Басурман наш Пугачёв, чай, не пример тому?

Пётр Иванович глубокомысленно задумался. Что-то прошептал про себя, по крайней мере, его губы шевелились, и, видимо, найдя ответ, произнёс:

– Законности, говорите, тама больше? Да – больше, а по-

чему? Правды в них нет, совести в ихних правительствах не хватает. Вот и отгораживаются они кучей законов, дабы хоть так заставить народ жить по-человечески.

– И заметьте, у них это лучше получается. А мы живём, как Бог на душу положит, – пробурчал коротышка.

– Однако ж талантов и у нас хватает, – недовольно пробурчал Пётр Иванович.

Антон хотел было рассказать им о своём товарище, начинающем композиторе Бородине. Сашке всего-то двадцать лет, а какой талант! И учёный, и врач, и литератор... Настоящий русский самородок. Однако слово своё Антон вставить не успел...

Толстячок чокнулся с коллегой, и, не предлагая офицеру присоединиться, оба опустошили свои бокалы до дна.

Антон обиделся. Он не стал напоминать старикам о себе, а молча, не извинившись, покинул бестактную парочку и с бокалом в руке медленно стал бродить по залу.

Между тем император приблизился к группе дипломатов и комерцсоветников, среди которых выделялась долговязая фигура английского посла Сеймура, а также не менее колоритная, тощая, – французского посланника, старика Кастельбажака. Не замечая государя, они разговаривали на повышенных тонах и даже толкали друг друга. Зная о натянутых отношениях между Англией и Францией, император не удивился подобной перепалке между ними, он лишь усмехнулся и ускорил шаг.

Чёрные фраки и мундиры со звёздами нервно зашевелились. Каждый старался обратить на себя внимание монарха. Но Николай Павлович, слегка покивав на их приветствия, напрямую подошёл к спорящим дипломатам. Француз как раз громко и напыщенно произносил фразу «Переубедить вас, милорд, мне не удастся, поэтому я перейду к оскорблениям. Вы, англи...»

В это время император, подойдя к ним, возложил свои руки на плечи французского посла и по-отечески произнёс:
– Полноте, господа. Не надо разногласия между своими странами переводить в личные отношения, тем более на балу.

Взяв английского посла под локоть, Николай Павлович увлек его с собой.

Среди небольшой свиты, сопровождающей государя, Антон разглядел морского министра Меншикова, с которым по просьбе своего благодетеля канцлера Нессельроде недели две назад имел аудиенцию. В результате беседы его мечта наконец-то сбылась: он получил назначение на Черноморский флот.

Министр тогда, в присутствии Антона, тут же вызвал своего адъютанта и дал ему соответствующие указания...

Предстоящую поездку в Крым лейтенант Аниканов ждал с нетерпением и теперь с благодарностью смотрел на Меншикова.

А тот, обогнав императора на пару ступенек, повернулся

к нему лицом, преградив тем самым путь, и, нависая над государем, что-то стал рассказывать, отчаянно, словно ветряная мельница, перемалывающая зерно, размахивал при этом рукой.

Ордена на его груди, коих было множество, поблёскивали, а украшенный бриллиантами портрет императора Александра I, закреплённый на голубой Андреевской ленте, сверкал, поневоле привлекая к себе внимание окружающих. Видимо, царь тоже обратил внимание на портрет своего брата; его рука осторожно коснулась ордена.

Меньшиков смутился. Император по-отечески похлопал министра по плечу и, не сказав ни слова, продолжил свой путь, перекидываясь с английским послом ничего не значащими фразами. Поднявшись по лестнице, император повернулся к свите.

– Господа, оставьте нас. Развлекайтесь, господа, развлекайтесь, – произнёс он, увлекая за собой посла в направлении кабинета хозяйки дворца.

На этаже повсюду горели настенные светильники с густо натканными в них свечами.

– Не любит княгиня новшеств, чай, карселевые лампы-то поболее к месту здесь были бы, – недовольно пробурчал государь.

– Так в зале же они имеются, ваше величество! – заступился за хозяйку дворца Сеймур.

Император что-то пробурчал в ответ, но дальше не стал

обсуждать привязанность своей родственницы к свечам и вскоре остановился у кабинета, возле которого стоял слуга, молодой, высокий, широкоплечий парень, которых обычно характеризуют «кровь с молоком».

Парень был в ливрее³⁰ красного цвета с выпушками и басонами³¹ золотистого цвета. Особо выделялись на ливрее шерстяные аксельбанты цветом в тон басонов и галуны с фамильным гербом хозяев. Император заулыбался и с удовольствием оглядел слугу.

– Вот все бы в моей армии были такими молодцами... Что скажете, милорд?

Посол пожал плечами и промолчал. Государь усмехнулся:

– Ну-ну!

Слуга с почтением открыл перед императором дверь.

...А бал продолжался. С уходом из Белого зала государя гости оживились. Дамы, те, что в почтенном возрасте, тут же задребезжали своими скрипучими голосами, обсуждая новости, больше похожие на сплетни. Те, что помоложе и кому посчастливилось недавно побывать за границей, судачили об изящной словесности и последних новинках в мире музыки.

Вот затих оркестр. В зале повисла относительная тишина, которую нарушали шелестящий шум шуршащего шёлка и бархата, зудящий шёпот столичных старух, осуждающих с подругами весьма далёкой молодости московскую и приш-

---

³⁰ Форменная одежда лакеев, слуг, швейцаров.

³¹ Шнуры, тесьма, кисти, бахрома и тому подобное.

люю публику. Изредка раздавалось бряцанье шпор.

Антон вспомнил недавний разговор вельмож у колонны.

«Просвещение... Это оно теперь кружит над вельможной элитой, – подумал он и машинально поглядел по сторонам. – Что, не за что зацепиться? Двигай наверх, в оркестровую ложу, там истинное просвещение, там есть чем поживиться», – мысленно проговорил он и рассмеялся. Затем, пожав плечами, прошептал:

– Кому говорю...

В самом углу зала Антон увидел свободный диванчик, куда и направился не спеша. По пути он встретил живописную группу женщин, сверкающих дорогими украшениями, выписанными из Парижа нарядами и изумительными причёсками. Одна из дам, помахивая веером, с ленивым жеманным придыханием и довольно громко делилась с соседками своими впечатлениями о модной в Европе опере немца Джакомо Мейербера «Роберт-дьявол». При этом она не забывала оценивающе разглядывать проходящих мимо мужчин. Приметив красавца-офицера в белоснежном мундире, дама, не скрывая томного взгляда, уставилась на него.

Антон остановился, приподнял бокал, пригубил его, вежливо поклонился в сторону любительницы нудной и скучной оперы и продолжил путь. Расположившись на диване, наконец-то с удовольствием допил шампанское. Недалеко от себя на стульях, обитых бархатом красного цвета, он заметил, если так можно сказать, своего недавнего собеседника – вы-

сокого старика во фраке не по фигуре. Неугомонный Пётр Иванович опять спорил, но на этот раз с весьма пожилым иностранцем – французским послом Бартеlemi Кастельбажакom, который после непонятной ссоры с английским послом, видимо, хотел кому-то излить свою душу: на небольшом столе перед стариками стояли уже пустые бокалы. Они разговаривали на русском языке.

Над головами вельмож на стене висела большая картина Карла Брюллова «Смерть Инессы де Кастро». Несчастливая молодая женщина на коленях умоляла испанского короля пощадить её. Трагизма добавляли двое маленьких детей, с плачем обнимавшие мать.

«Странное место выбрала княгиня для этой картины, полотно явно не прибавляет веселья», – любуясь творением Брюллова и в то же время сочувствуя молодой женщине, которую ожидает казнь, подумал Антон.

По делам своего департамента Аниканов часто посещал французское посольство и этого бывшего генерала, посла, человека старого, к тому же бестактного и несдержанного на язык, знал лично. Старый вояка служил ещё в армии Наполеона, ходил на Москву и, с его слов, едва унёс ноги из России в 1812 году. Кстати, отметил про себя Антон, за свои вечно не ко времени неуместные вопросы и высказывания Кастельбажак не пользовался уважением императора.

– Э-э-э нет, сударь! – размахивая указательным пальцем перед лицом француза, видимо, что-то возражая, про-

изнёс Пётр Иванович. – Нет, Бар-то-ля-ми, али как там вас? Неправда ваша. Льстите, поди. Вы слишком добры к нам, русским. Боитесь всю правду о нас высказать, бо-и-тесь, по глазам вижу! Чай, поход на Москву пообломал-таки вашу прыть... До сих пор, видать, в глазах смоленский мужик с вилами стоит.

Посол замахал руками.

– То-то... – произнёс Пётр Иванович.

Старик с довольным видом расправил свои хилые плечи и, собираясь продолжить патетическую речь, лихо подкрутил усы. И вдруг, видимо, что-то вспомнив, он весь поник, сдулся, будто из него выпустили воздух, и грустно вздохнул. Плечи его опустились, голос стал тихим, едва слышным.

– А правда, сударь, она есть, и она горькая: вороват и нечестен люд русский, особливо чиновники государевы – урапатриоты. Всяк из них глотку дерёт за государя-батюшку, а сам тут же норовит урвать из казны и положить в карман свой бездонный!.. А мужик что?.. Ему святое дело – отлынивать от работы. А чуть что – бунт, страшный, бессмысленный и беспощадный, как писал наш поэт Пушкин. А всё почему? Только давеча говорил ужо: учить мужика надобно, учить уму-разуму европейскому, да и свою даровитость не забывать. Не всё и у вас, Барталямеич, там, в Европах, хорошо и ладно, коль смотреть с нашего славянского уразумения. Не всё... господин посол. Другие мы, француз мой дорогой, дру-ги-е! И ничего с нами не поделаешь! Вот такие

мы, русские!

Посол Кафельбажак с удивлением слушал неожиданно разоткровенничавшегося с ним почти незнакомого русско-го вельможу. И странно, но перед его глазами действительно стала медленно всплывать картина позорного бегства французской армии из Москвы в прошлую войну... Он, молодой гусар дивизии маршала Даву, в бабьем шерстяном платке на голове, укутанный в рваную в нескольких местах шубу, точнее, в то, что от неё осталось, голодный, с отмороженными руками, едва переставляя ноги, бредёт в шеренге таких же горемык-товарищей по смоленской дороге на Запад. И... о ужас! Из всех кустов вдоль дороги выглядывают бородатые мужики и тычут, тычут вилами в бока измождённых солдат императора Наполеона... Страх перед этими мужиками крепко засел в его сознании.

«Брр... Не дай бог такого повторения...» – с ужасом подумал посол. Однако вслух с акцентом, перевирая слова, видимо, от нахлынувших воспоминаний, воинственно и даже с нотками некоторой презрительности произнёс:

– Нас не мужики победили тогда, а ваши морозы, сударь. Не будь их...

– Что?! – заорал Пётр Иванович, да так громко, что обратил на себя внимание окружающих. – Морозы?.. Ты вот что, француз, говори, да не заговаривайся. Правда наша горемычная только нас и касается, в коей мы сами разберёмся. А вы, господа французы и прочие, попробуйте еще раз

сунуться к нам, мужики наши теми же вилами башки ваши разнесут к чертям собачьим. Так своему следующему Наполеону и передай. Тьфу...

Пётр Иванович встал, пошатнулся на затёкших ногах и, слегка покачиваясь, побрёл прочь от француза, бормоча:

– Морозы, вишь ли, их победили... Вот ироды!..

Удивлённый поведением своего визави француз пожал плечами и тоже встал. Посмотрев по сторонам, он направился в противоположную сторону, подальше от странного русского.

Антон, ранее обидевшись на Петра Ивановича, теперь с уважением посмотрел ему вслед. И неожиданно, сам того не ожидая, продекламировал Фёдора Тютчева:

– Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить! Вот так-то, знай наших, француз! – прошептал он, усмехаясь.

Взгляд Антона неожиданно остановился на молоденькой барышне, стоявшей среди группы молодёжи и что-то шептавшей на ухо подруге. Её широко расставленные глаза, красивый нежный ротик, светло-рыжие шелковистые волосы с вплетённой в них красной розой заставили Антона забыть обо всём. Образ незнакомки, словно магнит, притягивал к себе. Их глаза встретились.

На лице красавицы появилось смешанное выражение озадаченности и любопытства.

«Цирцея³²... Коварная обольстительница, живое произведение искусства, адское божество среди облаков... – вихрем пронеслось в голове Антона где-то прочитанные им слова восхищения. А внутренний голос зашептал: – Вот она! Не упусти свой шанс, дурень! Пусть и призрачный...»

Цирцея улыбнулась ему.

В груди Антона что-то ёкнуло, сердце гулко застучало набатом, он замер. Улыбка незнакомки ещё больше поразила его, она напомнила ему улыбку шаловливого ребёнка, который совсем неожиданно для себя увидел что-то необычное, ранее не встречавшееся... И это «что-то» очень хочется потрогать... Лёгкий румянец покрыл щечки красавицы.

И тут совсем некстати заиграл оркестр. Вальс...

Молодёжь засуетилась, застреляла глазами по залу в поисках партнёра.

– Венский вальс, господа! Кавалеры приглашают дам, – раздался сверху голос.

Незнакомка смутилась и, ещё больше покраснев, отвернулась. За спиной Антона послышались сварливые голоса старых дам:

– О времена, о нравы! Поди, раньше-то кавалеры заранее к нам, барышням, записывались на танец. А нонче... Гляньте, княгиня, как мужики зыркают по сторонам, что кобели в поисках сучки... Тьфу...

– Ваша правда, Серафима Георгиевна! В наше-то время

---

³² В греческой мифологии – дочь Гелиоса и Персеиды, волшебница.

балы полонезом открывали, во время танца, бывало, и знакомились, и в любви признавались, и разговоры нужныеговаривали...

– Потом его менуэтом заменили, – мечтательно прошептала первая старуха. – Теперича вальс всему голова...

– Убиенный император Павел ой как не любил сей танец, а потом и жена его, Мария Фёдоровна, аж до самой смерти противилась сему вальсу.

Старуха посмотрела сквозь лорнет на танцующие пары и опять в сердцах произнесла:

– И не совестно так прижиматься друг к дружке. Совсем стыд молодёжь потеряла.

Слушая причитания старух, Антон отвлёкся, но через минуту встрепенулся. Посередине зала уже кружились пары. Он вскочил, сделал шаг в сторону барышни, но понял, что опоздал: перед ней уже стоял гражданский щёголь. Изящно поклонившись и почтительно склонив голову, он пригласил прекрасную незнакомку на танец. Стрельнув глазками в сторону офицера, барышня покорно последовала за кавалером. И вот красная роза на аккуратной головке замелькала в гуще танцующих пар.

Разочарованно вздохнув, Антон сел. Захотелось выпить. Взглянул на свой бокал... пустой, идти за вторым – лень. Слуги, разносившего поднос с шампанским, поблизости не было. Антон на всякий случай, по примеру старого вельможи Петра Ивановича, вяло махнул рукой куда-то в сторону.

Но вместо слуги с подносом перед ним неожиданно предстал сам Пётр Иванович.

– Разрешите пришвартоваться к вам, господин морской офицер.

Старик уселся рядом и продолжил:

– Антом Дмитриевич, прошу бога ради меня простить. Видел вас, но с французом вспылел маленько, к вам не подошёл.

То, что старик вспомнил его имя, Антона удивило и даже позабавило: вид у него был больно виноватым. Однако ответить Антон не успел. Пётр Иванович тут же отвернулся и, нисколько не стесняясь, громко, заглушая звуки музыки, прокричал:

– Эй, человек, шампанского!

И что вы думаете? Через минуту два полных фужера с игристым напитком стояли перед ними. Чудеса!..

Антон мысленно отругал себя за нерешительность, больше похожую на застенчивость, и с завистью посмотрел на старика.

А вельможа на этот раз церемонно предложил лейтенанту выпить за здоровье императорской четы. Оба встали, чокнулись, затем снова сели.

Старик выпил шампанское залпом. Слегка отрыгнув газы, он блаженно закрыл глаза.

– Господи, как хорошо! – едва слышно прошептал бывший тайный советник. – А вот вы, Антон Дмитриевич, поди,

думаете, что старик выжил из ума, по залу рыщет, аки пёс бездомный, вино хлещет, иностранцев задирает... Ой, кстати, простите, бога ради! Позвольте представиться: отставной действительный тайный советник Шорохов Пётр Иванович³³.

Почтительно склонив головы, оба снова сели на диван, и вельможа продолжил рассказ о себе:

– Родственником графа Матвея Ивановича Ламздорфа являюсь. Слышали, небось, о таком, Антон Дмитриевич? – и, несколько не сомневаясь в положительном ответе, тут же продолжил:

– А что не танцуете, молодой человек? Вона сколько хорошеньких особ в женском исполнении. Там где-то и моя внучка порхает. Дочка Егория, сына моего, что в Севастополе служит по интендантской части. Всё рвётся папеньку навестить.

Занятый мыслями о Ламздорфе, Антон не обратил внимания на слова старика. О родственнике отставного советника Антон не слышал, хотя что-то в памяти и зашевелилось, но... безрезультатно.

А Пётр Иванович разомлел. Посматривая на танцующую молодёжь, как он выразился, «женского исполнения», и, видимо, мысленно раздевая ближайшую от себя молоденькую барышню, старик замечтался. Губы его при этом причмоки-

---

³³ Гражданский чин II класса в Табели о рангах. Соответствовал чинам генерал-аншефа (полного генерала) и адмирала.

вали, вытягивались трубочкой, старческие глазки хлопали редкими ресницами, и он при этом вздыхал, да так жалобно и вполне натурально, словно ему только-только отказала очередная смазливая проказница. И без того не по фигуре большой фрак совсем перекосило в плечах, манишка вздыбилась и прикрыла орден, а на жилетке расстегнулась пуговица. Но Пётр Иванович этого не замечал. Чувствовалось, что старик в данный момент находится далеко отсюда, там, в прошлом, в гуще своих былых любовных походов. Но тут, слава богу, музыка стихла, танец закончился, пары разошлись. Наступила относительная тишина.

Пётр Иванович заёрзал, опять зачмокал губами и на минуту вернулся из прошлого. Открыл глаза, настоящее, видимо, его не вдохновило. Он скривился, словно от зубной боли, торопливо поправил одежду, потёр рукой затёкшее колено и... опять прикрыл глаза. Судя по блаженному выражению лица, родственнику графа явно хотелось вернуться обратно, в далекую молодость.

«О-о-о, если так, то это надолго, – решил Антон. – Не хватало ещё, чтобы он захрапел. Они, старики, странные существа. Редко помнят вчерашнее, зато удивительным образом вспоминают совсем мелкие детали из своего глубокого прошлого... И все, как один, пытаются поучать нас, молодёжь».

Как многие молодые люди, здоровые, сильные, полные жизни, к тому же весьма привлекательные, но мало размышляющие о своих прожитых годах, Антон к воспоминаниям

стариков, а тем более к их советам, относился более чем неприязненно. «К чему эта древность? Прошлое не вернуть, настоящим жить надобно», – думал лейтенант.

Антон обречённо вздохнул. Танцевать расхотелось. «Что-то нет желания приглашать других барышень на глазах у милой незнакомки с красной розой», – решил он, невольно шаря глазами по залу в поисках своей Цирцеи.

Антон хотел было уже подняться и пройтись по залу, но в это время Пётр Иванович слегка приоткрыл глаза, заворочался.

«Не приняло прошлое старого ловеласа, видимо, и там надоед», – решил Антон. А старик, словно очнувшись ото сна, заговорил:

– У меня характер, конечно, тяжёлый. Ну как вам сказать, даже противный, Антон Дмитриевич. Однако справедливый, смею вас, сударь, заверить, – зачем-то решил признаться старый советник. – Так значит, вы не знаете, кто такой граф Ламздорф? – настойчиво повторил старик с противным, но справедливым характером.

И, не дожидаясь от молодого человека ответа, достаточно громко начал отвечать сам:

– Император Павел I, царство ему небесное, в 1800 году призвал моего родственника к надзору за воспитанием своих младших детей, – тут старик важно поднял указательный палец вверх и хвастливо закончил фразу: – Николая Павловича и его брата Михаила. Вот так-то, молодой человек! Так

что и я знавал нашего императора совсем юношей.

Язык его слегка заплетался. Продолжая сидеть, как казалось Антону, с закрытыми глазами, отставной советник не то с сожалением, не то просто от усталости совсем тихо и как-то неожиданно выдал фразу, удивившую Антона. Лейтенант даже оглянулся по сторонам: не слышал ли кто?

– Правда, от наставнической деятельности моего родственника, Матвея Ивановича, не выиграли ни Россия, ни великие князья, ни будущий император Николай Павлович в особенности.

– Зачем же император тогда назначил вашего родственника на столь ответственную должность? – осторожно, с некоторой ехидцей поинтересовался Антон.

– Видите ли, молодой человек, супруга императора Павла, императрица Мария Фёдоровна, благоволила к моему родственнику. Почему? Врать не стану, не ведаю. А ей что было главное? Отвлечь своих детей, а особенно Николая, от страсти к военной службе, к которой она относилась с большой неохотой. Вот великие князья постоянно и находились как бы в тисках: с одной стороны – матери, с другой – наставника. Они не могли свободно ни стоять, ни сидеть, ни говорить, ни забавляться. Наставник старался идти наперекор всем наклонностям и способностям вверенных ему великих князей. Сами понимаете, Антон Дмитриевич, воспитание отроков было однобоким. Граф Ламздорф мог научить Николая и Михаила только тому, что сам знал. И скажу вам,

любезный Антон Дмитриевич, строго по секрету, а родственник мой и сам ничего не знал. Зато бил великих князей линейками и ружейными шомполами за любые провинности, а если не помогало, то и розгами. И все эти экзекуции аккуратно заносились в журнал. А как же?.. Папенька с маменькой ещё и недовольны иной раз были, что бил наставник мало. О как...

Понять императрицу весьма возможно. Она ведь тогда не предполагала, что именно Николай примет престол от старшего брата Александра. Впереди него шел брат Константин. А тот возьми, да и откажись от наследования. Вот и правит наш император, дай Бог ему здоровья, уже двадцать семь лет!

Антон на всякий случай нет-нет, да и поглядывал по сторонам: нет ли посторонних ушей? Как-никак жизнь царя обсуждается...

Пётр Иванович, наконец, совсем открыл глаза. Посмотрел на Антона, перевёл взгляд на пустой бокал, чуть-чуть подумал и отчаянно махнул рукой.

– Хватит, пожалуй, на сегодня. Не дай бог император заметит. Не любит он выпимших... – произнёс он, но особой решительности в его интонации Антон не услышал.

– Ну так вот, – продолжил советник. – А отцовская страсть-то в Николае Павловиче к военным порядкам и батальям так и не улеглась, наоборот – усилилась.

– Не пойму я вас, Пётр Иванович, то ли вы осуждаете го-

сударя, то ли оправдываете.

– Упаси боже, упаси! – старик задумался. – Хотя... Антон Дмитриевич, вы правы: в чём-то и осуждаю. Порядки у нас больно жёсткие, трудно дышать. В Европах вона какие вольнодумные настроения. Опять же недовольства, восстания, баррикады... Так и до нас очередь, глядишь, дойдёт. А нам нельзя такого позволить, никак нельзя. Котёл российский может забурлить. А уж эти европейцы постараются в нашу топку дровишек словоблудия втихаря набросать... Непременно постараются... Зачем им сильная Россия?!.. А котёл у нас-то бо-о-ль-шой, просторный, парком долго будет наполняться. Да предел наступит, деваться-то ему некуда. Попыжится котёл, попыжится, да, гляди, и рванёт, да так, что и Европе мало не покажется!

– Вольнодумство в народе?.. Я о нём что-то ничего не слышал, Пётр Иванович. Недовольство – да, оно всегда есть, но это же не повод баррикады на улицах устраивать. Чай, император знает, что делать надобно в таковых случаях.

– Может, знает, а может, и нет. Окружение Николая Павловича, за редким исключением, состоит из глупых, но весьма, весьма послушных людишек. Кто же царю-батюшке правду скажет, коль каждый за место своё крепко держится? Интеллектуалов, окружавших ранее его брата Александра I, сменили невежественные и тупые генералы. Чиновники – сплошь военные. Не спорю, многие вполне достойны быть в чинах военных, да разве цивильным обществом их учили

управлять, тем паче, печься о благе своих граждан? Попры-
выкали, поди, что всё им на тарелочке преподносилось, все
им вынь да положь... Устав – вот что в их башках сидит. Им
главное, чтобы пуговицы на мундирах блестели, воротнички
чистыми были да уметь победные рапорты начальству стро-
чить...

Антон поразился крамольным рассуждениям старого чи-
новника. И, что греха таить, немного испугался. Он ещё раз
огляделся по сторонам. Однако рядом вроде никого не вид-
но, все разбрелись по дворцу. Это обстоятельство Антона
немного успокоило.

– Пётр Иванович, а все ли чиновники, как считаете вы,
тупые? Разве можно сказать, к примеру, о чиновниках де-
партаментов иностранных дел, в коем я временно служу? О
канцлере графе Нессельроде?..

– Похвально, молодой человек, в вашем возрасте нахо-
диться в таком месте на государевой службе. А чьих вы бу-
дете, Антон Дмитриевич, кровей, позвольте полюбопытство-
вать.

Антон несколько растерялся от такого довольно бестакт-
ного вопроса, тем более, особой родословной хвалиться ему
не приходится. Однако, вспомнив, что и старик больше де-
лал упор на родство со своим именитым родственником,
произнёс:

– Родитель мой небольших чинов – отставной майор по
морской части. Однако родственник по матери – барон Брун-

нов, наш посол в Лондоне. Он состоит в хороших отношениях с канцлером Нессельроде.

Тайный советник одобрительно покачал головой.

– Поди, знаете такового... – с ехидцей добавил Антон.

На кого из них намекал Антон, было не ясно, и Пётр Иванович на всякий случай произнёс:

– Да-да, люди уважаемые.

Мужчины на какое-то время замолчали.

– Так, Антон Дмитриевич, говорите, вольнодумства у нас в России нет? – первым нарушил молчание тайный советник. – Нет, сударь, 1825 год ещё не забыт, мысли бунтарские ещё живы в обществе. Наш император Николай Павлович тогда круто с ними обошёлся, да мысли их остались. А мысли, молодой человек, аресту не подлежат. Пример тому – надеюсь, небезызвестный вам Петрушевский и его соратники. Тоже тайное общество организовали, призывали к революции...

– Это которые были арестованы года четыре назад, в 1849 году? Я в то время как раз вернулся из Лондона. Их приговорили к смертной казни, кажется.

– Они самые. Да государь потом смилостивился и отправил их на вечную каторгу. Говорю же: мысли те заразные долго ещё будут терзать умы русские.

Заиграла музыка.

– Мазурка, господа! Мазурка... – раздался голос сверху.

Пётр Иванович скривился. Было видно, что начатый раз-

говор ему не хотелось прерывать. Он ближе придвинулся к своему визави.

Антон тоже хотел поддержать этот немного опасный разговор.

– Зима... 1825 год... Сенатская площадь... Меня, Пётр Иванович, в то время ещё не было на свете, но про сие событие знаю по рассказам. Чего хотели декабристы, не понятно... Чем им император-то не угодил?

Пётр Иванович укоризненно посмотрел на Антона и усмехнулся:

– Не против престола они вышли на площадь, молодой человек. Совсем нет... Православие и самодержавие есть основа существования России. И на это никто не покушался. Нет! Жизнь общества они хотели улучшить... и только!

Признаюсь вам, Антон Дмитриевич, тогда многие, в том числе и ваш покорный слуга, хотели покончить с причинами отставания России от Европы, да боялись открыто говорить об этом. А вот декабристы решились... Результат известен. А почему?... Забыли они, что, помимо православия, самодержавия, есть ещё на-род-но-сть, – протяжно произнёс отставной советник, явно делая ударение на последнее слово. – Это раньше в столице государственные перевороты делали в одну ночь, а в XIX веке одного желания мало. Вона как в Европе полыхало совсем недавно. Народ поднялся... Короля Франции престола лишили, республику провозгласили...

– А через три года восстановили, – вставил Антон, – им-

ператор Наполеон III правит нынче, – и тут Антон не удержался и похвастался: – Я с этим Шарлем-Луи Наполеоном немного знаком, он письмо через наше посольство в Лондоне для нашего императора передавал. Хотел тогда Наполеон аудиенцию у государя заполучить. Да не получилось, отказали ему в том. Мы с этим Шарлем в доме дяди моего, Филиппа Ивановича, долго беседовали, кофе пили, дядя грог сделал, расстались друзьями, – немного приврал Антон.

– Вот вы, Антон Дмитриевич, теперь видите разницу в революционных событиях. Там, во Франции, народ поднялся, а у нас – малая часть военной верхушки. Не учли наши революционеры: русские люди глубоко религиозны и преданны царю-батюшке, потому и не вышла большая часть солдат на площадь. Мужик-то русский, он сперва понять должен, что от него хотят, и будет ли ему, мужику, лучше от этого. А что для этого нужно?.. Слышали, поди, наш недавний разговор с товарищем моим Кириллом Игнатьевичем?..

Антон кивнул.

– Просвещение мужика – вот наиглавнейшая задача, мой дорогой лейтенант. Вот так я думаю. И заметить хочу, вы уж послушайте старика, Антон Дмитриевич. Для Европы главное – корысть, всё на деньги переводят, а для России главное – духовность. Вот откуда и вечное несогласие у нас. Господи! – старик перекрестился. – Уже начал изрекать мудрые мысли. Совсем старым, значит, стал.

Бывший тайный советник тяжело вздохнул и погрузился

в свои мысли. Но Антон своим вопросом вывел его из этого состояния.

– Это что ж получается?!.. Значит, французы зря бунтовали, коль всё на место вернулось? Хочу вас, ваше превосходительство, спросить, – с насмешкой произнёс Антон.

Пристукивание танцующих пар каблуками (атрибут мазурки) и сама музыка заглушили слова лейтенанта, старик его не услышал, и Антон не стал дальше продолжать опасный разговор, тем более что, потирая колено, старик уже поднялся с дивана. Он пристально посмотрел на Антона и неожиданно тихим и печальным голосом изрёк:

– Память о мудрых никогда не исчезнет, ибо мудрость и просвещение есть законные дети своих родителей. Собирай-те, молодой человек, эту сладкую пищу для старости. Господи, прямо на глазах старею, мудрость прямо-таки прёт наружу.

Старик окинул взглядом зал и, покачав головой, добавил:
– Ох-ох, зачем говорю, кому?..

И опять не извинившись, чуть-чуть прихрамывая, удалился в поисках очередного собеседника.

Прошло ещё около часа. Устав бесцельно бродить по залу, Антон присел на диван подле группы весьма пожилых людей. Причём старички сидели рядом, но обособленно, как бы отдельно от недалеко ушедших по возрасту дам, по всей видимости, собственных жён.

Старики были возбуждены. Весьма вероятно, спорили и,

как обычно любят пожилые люди, весьма горячо, настырно добиваясь только своей правды.

– А я... а я, милостивейшие господа, говорил и говорю, – запальчиво и довольно громко убеждал коллег один из стариков, одетый в чёрный дорогой, но старомодный мундир государева чиновника не менее десятого ранга. – Государь наш спасал австрийский престол в 1848 году только из монаршей солидарности. А зачем, я вас спрашиваю? Держимордами стали мы в Европе, а не спасителями устоев чужой страны.

– Верно, верно, граф, глаголете. Пусть бы австрияки сами со своими венграми и воевали. Нам-то чего до них? Всем в Европе хотим помочь, всех примирить меж собой...

И тут, обратив внимание на подсевшего к ним офицера, старики, как по команде, замолчали. Зато их жёны, обвешенные драгоценностями, завидев красавца-лейтенанта, переключили на него своё внимание.

И уж тут Антон вдоволь наслушался от них упрёков в чересчур свободных нравах нынешней молодёжи. Старушки говорили и говорили, они перебивали друг дружку, каждая старалась высказать претензии к молодёжи, видимо, выговаривая личные обиды на своих молодых родственников.

Антон все выслушивал молча. В знак согласия с дамами он почтительно кивал головой. Выговорившись, а главное, не услышав возражений со стороны молодого человека, отчего не получилось так нужного для них спора, старуш-

ки успокоились. Побурчав ещё немного, они отвернулись от Антона и, улыбаясь своими сухими губами на морщинистых лицах, опять, словно стервятники, разглядывая зал, продолжили высматривать очередную жертву.

Антон расслабился, но ненадолго. За него принялись мужья этих самых престарелых дам.

В орденах на всю грудь, порядком уставшие, чуть подхмельком, если судить по цвету лиц, под неусыпными и весьма строгими взглядами своих благоверных жен, старики мужественно сидели на стульях, изображая довольный вид. Появление рядом с ними молодого офицера, видимо, всколыхнуло в них воспоминания о былой молодости.

И что Антона поразило, они сразу же заговорили... Нет, не о политике, хотя это было совершенно естественно, не о самом бале и даже не о присутствовавшем на вечере императоре... Старички заговорили, и причём почти разом, о пагубности ранней женитьбы... С чего бы это? Надо полагать, для них это был больной вопрос. Перебивая друг друга, почти шёпотом, не забывая при этом пугливо озираться на своих старушек, они стали приводить молодому офицеру разные доводы не в пользу поспешности ранних браков. Антон почтительно выслушивал наставления и в знак согласия, как и ранее с их жёнами, тоже, не споря, соглашался.

Вскоре эта тема себя исчерпала, и разговорившиеся старики теперь уже в полный голос стали обсуждать события последних дней, мало обращая внимания на морского офи-

цера его императорского величества.

Антон заскучал. Интерес появился снова, когда эти нафталиновые кавалеры заговорили о флоте и о пароходо-фрегатах. Тут Антон узнал, что мода на паровые фрегаты, оказывается, скоро пройдёт, мол, ветер-то на дармовщинку, а пар...

– Это ж сколько надо угля и дров с собой возить?.. Я плавал, я знаю. Удивляюсь государю: пошто деньги на то даёт? Ошибку, ошибку Николай Павлович совершает, – тоном знаатока прошепелявил до этого молчавший старичок.

Антон не стал вступать с ними в спор. Зачем?.. Старую гвардию не переубедишь... И, уже расставаясь с этой нафталиновой группой, услышал наставление. Один из стариков очень тихо на ухо (не дай Бог услышит супруга) напутствовал офицера напоследок:

– Юности свойственна пылкость, старости – хладнокровие. Однако, лейтенант, коль хочешь быть самим собой, делать, что считаешь нужным, и уважать себя, не женись рано по молодости, потерпи.

И старичок, поправив на груди ордена и медали, опять бросил взгляд в сторону своей супруги. Убедившись, что она не слышала его крамольных слов, с грустью, больше похожей на плохо скрываемую зависть, посмотрел на молодого красавца. Антон ухмыльнулся. Подобное он уже слышал. Дядя также поучал... Дабы не обидеть старика, он обещал крепко подумать над его советом.

Стало совсем скучно. Антон встал и с тоской оглядел зал. Барышни с красной розой нигде не было. И вдруг там, за колонной, где он сам стоял совсем недавно, мелькнуло лицо прелестной незнакомки. Она стояла рядом с мужчиной в чёрном фраке, лицо которого Антону не удавалось рассмотреть. Девушка улыбалась. И, о ужас!.. Она обняла и поцеловала этого мужика...

Антон замер. В бессильной ярости он закрыл глаза. Когда же открыл, возле этого «щёголя», почтительно согнувшись, стоял слуга с бокалами шампанского. А сам «щёголь», повернувшись в его сторону, махал ему рукой, приглашая подойти.

Антон от радости весь засветился. В «щёголе» он узнал своего знакомого – отставного действительного тайного советника Пётра Ивановича Шорохова...

– А незнакомка, получается, и есть его внучка?.. – довольный, пробормотал лейтенант.

Но на всякий случай он посмотрел по сторонам, желая убедиться, что призыв бывшего советника относится именно к нему, и несколько поспешно направился в его сторону.

Сердце Антона сразу же гулко застучало в груди, и казалось, пуговицы мундира вот-вот лопнут и оно выскочит наружу. Стало сухо во рту, на лбу выступила едва заметная испарина.

Советник и его внучка, глядя на приближающего офицера, о чём-то переговаривались. Собственно, говорил, совет-

ник, а внучка широко раскрытыми, видимо от удивления, глазами смотрела на Антона.

Когда до заветной цели оставалось шага три, Антон, сам не понимая почему, неожиданно перешёл на печатный шаг. Это было так смешно, что и внучка, и ошарашенный Шорохов не сдержались и прыснули со смеху: она – прикрывая свой прелестный ротик веером, он – захлопнув рот ладонью. Даже слуга, продолжавший стоять с подносом, и тот едва заметно ухмыльнулся.

На последнем шаге Антон почтительно склонил голову.

– Позволь представить тебе, дорогая, моего знакомого: Антон Дмитриевич Аниканов!

Щёлкнув каблуками, Антон ещё раз склонил голову перед незнакомкой.

– Елизавета, – покраснев, прошептала девушка, подавая руку для поцелуя.

Пётр Иванович взял с подноса два фужера и радостно протянул один из них Аниканову.

– За знакомство, молодые люди!

Затем, подумав, взял ещё один фужер и протянул его своей внучке.

– Не грех и тебе, Лизонька, потребить сей великолепный напиток. Не бойся, маменьке не скажу.

На лице Лизы проступил легкий румянец, она смущённо взяла бокал.

– За знакомство, – ещё раз произнёс отставной советник.

Однако, господа, не будем мешать молодым людям. Как сложится у них жизнь, да и сложится ли?.. Загадывать не будем.

А мы вернёмся к императору Николаю Павловичу.

Разговор императора с английским послом

Копотившийся возле камина мужичок, подпоясанный кушаком, в треухе, напяленном по самые уши, даже не обернулся на звук открывшейся двери. Он с сосредоточенным видом продолжал шуровать кочергой в камине, разгребая раскалённые головёшки. У его ног лежало с десятков крупных сосновых поленьев, от которых исходил приятный запах дерева. Из камина шёл сильный жар, однако в кабинете было ещё прохладно.

Николай I подошёл сзади к мужичку и тронул его за плечо. Тот испуганно обернулся. К удивлению императора, им оказался мальчишка десяти-двенадцати лет от роду. Одетый по такому случаю в чистую холщовую рубаху и сравнительно чистую тёплую поддёвку, при виде государя, коего не раз видел на портретах, мальчишка не стушевался. Он стащил с головы треух, тут же засунул его за пояс и по-взрослому степенно поклонился.

– Это... ещё чуток. Я мигом... Подожди, государь, – важно произнёс мальчишка и снова повернулся к камину.

От такой детской непосредственности император рассмеялся. Взглянув на посла, он сквозь смех на родном для англичанина языке произнёс:

– Видали, милорд? Император, оказывается, подождать должен. Во как!.. – и уже на русском, добавил: – Ну-ну, пострел! Давай, коль мигом.

Мальчишка быстро положил в камин поленья, придав им вид шалашика, и, набрав в лёгкие воздуха, пару раз с силой подул на дрова. Поленья занялись, язычки пламени побежали по поверхности дерева и, подогреваемые снизу, запылали. Слегка потянуло дымком...

Мальчишка шмыгнул носом, опять поклонился императору и, ни слова не говоря, но весьма довольный собой, вышел из кабинета.

Посол в это время с любопытством осматривал кабинет, который впечатлял своими размерами, сводчатым потолком и множеством резных дубовых панелей, закреплённых по стенам. Освещаемые довольно ярким светом от нескольких канделябров, картины, дорогие безделушки, напольные вазы и прочие милые, скорее, женскому сердцу украшения создавали в кабинете домашний уют. Бронзовые часы в форме всадника, поражающего своим копьём змею, стоявшие на камине, начали отбивать время. Мелодичный перебор колокольчиков разнёсся по кабинету.

– Однако, прохладно. Не находите, милорд? – произнёс император. – Давайте сядем ближе к камину, согреемся.

– Так, я вас слушаю, господин посол, – удобно устроившись на стуле поближе к теплу, несколько официально произнёс император.

Сеймур сел напротив и медленно произнес:

– Ваше величество, моему правительству весьма желательно уточнить некоторые детали наших с вами предыдущих разговоров по поводу...

– Опять Турции?.. – закончил за посла фразу император. – Хм... А мои ранее высказанные суждения по этой стране ваше правительство не устраивают?

– Ваше величество, я только передаю просьбу своего руководства, не более того. Тем более, как вы, очевидно, знаете, преемник лорда Палмерстона, граф Кларендон, желает поскорее войти в курс дела, – как можно безразличнее и даже с некоторой обидой ответил посол: мол, ну я-то здесь при чём?

Однако показное безразличие Сеймура было только обычной маской искушённого политика, не более того. Внутри же у немолодого, где-то за пятьдесят лет, посла всё больше нарастало чувство странной, пока не совсем внятной тревоги. Собственно, признаки некоего беспокойства были и раньше, но с последним посланием из Лондона они как-то весьма заметно усилились и, более того, стали тревожными.

«Королева с опаской смотрит на рост могущества России, – писали из Лондона. – Предложение императора Николая о совместном разделе Турции слишком расплывчато, но даже и в таком виде амбиции русского царя опасны, они грозят благополучию нашей империи. Милорд, нужна конкретика. И ещё! При первой возможности постарайтесь

прилюдно показать своё неуважение к французскому послу, вплоть до конфликта с ним. Нам важно всячески подчёркивать неприязнь к Франции. Причину ссоры придумайте сами».

«Ну, склока с французом прошла удачно, прямо на глазах императора, – с почтительностью глядя на русского самодержца, размышлял Сеймур. – Что за афёру они там, в Лондоне, затевают? Кастельбажак легко пошёл на скандал, а, завидев царя, стал меня толкать руками, ещё немного – и дал бы мне по морде... Тут уже не видимость ссоры, а вполне реальная... Хотя француз – человек грубый, солдафон до мозга костей, для него распустить руки – не проблема. Видимо, и он получил подобное указание. Так что же в Лондоне все-таки затевают? Вон новых подозрительных комерцсоветников мне прислали в помощь... Ходят, всё высматривают... Может, шпионы?.. Мне не доверяют?..»

В это время император шумно вздохнул и забарабанил пальцами по столу. По его лицу пробежала тень недовольства. По всему чувствовалось, что монарх без особого удовольствия согласился на эту встречу.

– Я вообще-то рассчитывал получить от вас, милорд, ответы на поставленные мною вашему правительству вопросы. Но в связи с отставкой лорда Палмерстона, – Николай вздохнул, – придётся начинать всё с начала. Вы знаете моё отношение к Великобритании. То, что я вам лично говорил ранее, повторю и теперь. Главной заботой русского престола

была, есть и будет безопасность Европы, в том числе и России как её незыблемой части. А потому я искренне желаю, чтобы наши государства были связаны крепчайшими узами дружбы. Мы – две империи! Нам нельзя конфликтовать. Я уверен, что это возможно. Я и ранее передавал Джону Расселю, с которым в отличие от его приемника, графа Дерби, был знаком более тесно, что если мы заодно, то для меня остальное несущественно, а уж то, что будут думать о нас другие, меня вообще не интересует. Эти же мои слова были доведены и до нынешнего премьер-министра графа Абердина. Жаль, что правительство её королевского величества поменяло своё мнение, так ведь, сэра Сеймур?

– Видимо, так, ваше величество. Сэр Абердин в некоторой степени идеалист, его политика сочувствия народным волнениям в Европе не вполне согласовывается с прошлой политикой лорда Палмерстона и её величества королевы. И всё-таки, ваше величество, я был бы рад, если бы вы присовокупили несколько успокоительных слов насчет Турции.

Император нахмурился. После некоторого колебания он твёрдо произнёс:

– Мир – песок, огромная масса золотистого песка... Как он податлив в руках и под ногами... Порой кажется: бери его, делай по своему разумению из него все, что хочется!.. Сколько веков разные люди пытаются из этой массы слепить что-то прочное, постоянное. Ан нет! Всё меж пальцев утекает. И опять всё меняется, и опять всё надо начинать сначала. Так

и с государствами... Давно ли Турция устрашала весь мир? Расползлась по территории, равной едва ли не всей России. И что сегодня?

Посол не ответил, он развёл в стороны руки. А Николай продолжил:

– Вы сами знаете, милорд, что дела Порты находятся в самом дурном состоянии. Она близка к полному распаду. Её гибель, однако, была бы несчастьем для Европы. Турки и народы, её населяющие, разбредутся по всем странам, а прошу заметить, милорд, они другой веры, другой культуры. И что будет с Европой через пятьдесят лет?.. Догадаться нетрудно. России и Англии необходимо обоюдное согласие по этому вопросу и не предпринимать ничего втайне друг от друга.

– Я уверен, что моё правительство вполне разделяет этот ваш взгляд, ваше величество, – как можно уверенней произнёс Сеймур. – Если я правильно понял слова вашего величества, – продолжил он, – вы считаете расчленение Турции весьма возможным?

– Напротив, – с нотками огорчения возразил император. – Это вы, англосаксы, приписываете мне какие-то завоевательные стремления. Я не разделял и не разделяю идей моей бабки, императрицы Екатерины. Моё государство так обширно, что приращение территорий само по себе уже заключает опасность, а потому я не имею никаких территориальных претензий к Турции. Но меня весьма и весьма заботит, что в Турции есть десяток миллионов христиан. Россия получила

свет христианской веры с Востока – это факт, и это подразумевает некоторый долг.

На последних словах императора посол чуть-чуть иронично скривил губы. Николай это заметил. Сделав паузу, он как-то не по-доброму посмотрел на англичанина и недовольно произнёс:

– А вот то, что вы подумали, милорд, при словах о моём долге перед христианами... в данном случае к России не имеет никакого отношения. Тот факт, что мой брат Александр не поддержал в 1821 году восстание греков против турок, то есть христиан против мусульман, говорит о дальновидности брата. Не хотел он проникновения в Россию бунтарских настроений.

Император посмотрел на посла. Сеймур отвёл глаза в сторону. И Николай, заметив это, произнес:

– Вот-вот, ваш дальнейший ход мыслей мне тоже известен. Декабрь 1825 года?!.. Так ведь?

Однако посол промолчал. И император счел нужным ответить:

– Должен вам, милорд, заметить, то было совсем другое. Да-да, другое. На площадь вышли недовольные, желавшие в одночасье поменять исконные порядки в русском государстве. И эти настроения шли оттуда, из Европы! И уж поверьте мне, то бунтарство совсем не связано с религией, тем более с христианской.

Император замолчал. События тех давних лет в одно

мгновение пронеслись в его голове. Сеймур видел состояние русского самодержца и потому тактично не стал его тревожить продолжением неприятного разговора.

Наконец, словно очнувшись, император вернулся к первоначальной теме:

– Опять повторяюсь: ещё при моём отце, императоре Павле I, его министр иностранных дел Ростопчин, точно сравнил Турцию с безнадёжно больным человеком, коему медики не хотят объявить об опасности его болезни. Весьма метко и чётко заметил министр. И сегодня она, Турция, качается, и кажется, что вот-вот упадёт.

И лучше, милорд, нам предупредить её падение, нежели ждать катастрофы. Ещё в 1844 году, будучи в вашей стране, я так и сказал английской королеве на одном из раутов. И она была солидарна со мной.

В знак согласия посол слишком подобострастно закивал головой. Заметив это, Николай внутренне разозлился и с более суровой интонацией продолжил:

– Но, милорд! Тут я вам скажу со всей откровенностью: если Англия надумает в ближайшем будущем водвориться в Константинополь или под любым предлогом взять под свой контроль проливы Босфор и Дарданеллы, то я не позволю ей этого сделать... Но и я, со своей стороны, равным образом расположен принять обязательство не водворяться туда, разумеется, в качестве собственника; в качестве временно-го охранителя, коль вынудят к тому серьёзные обстоятель-

ства, – дело другое.

В камине затрещали дрова. Император встал, подбросил пару поленьев. Затем, заложив руки за спину, стал расхаживать по кабинету. Посол тоже встал.

– Меня несколько удивляет подобный разговор, милорд, – снова заговорил Николай. – Вы прекрасно знаете, что я не меняю своих решений. А такая настойчивость вашего правительства в вопросах, связанных с Турцией, оставляет в моей душе недоверие и даже, скажу больше, сомнение в наших дружественных отношениях. Надеюсь, это сомнение рассеется в скором времени. Так ведь, милорд?

– Безусловно, ваше величество!

– А вот, как я уже говорил не единожды, что меня волнует больше всего, так это положение христиан в Османской империи. А оно, как вам известно, тревожное. Я должен иметь право на вмешательство, коль на то будут основания.

– Но, ваше величество, судьба христиан – не повод для чересчур резкого обострения отношений с турками. Ведь это не понравится и другим странам.

– Это у вас, англичан, религия не главное в единстве народа и стабильности государства. Россия – другое дело. Христиане в своей основной массе сотворённый Создателем мир воспринимают чувствами, душой, данной от Бога нашего Христа, пришедшего в Россию с Востока. Православные христиане – совестливые, в беде не бросят, плечо, коль надо, подставят.

Император перекрестился и несколько торжественно произнёс:

– И это налагает на нас, русских православной веры, известные обязательства. Можете вы себе представить на миг, что империя османов рухнет? Ужо молчу про Европу... Нетрудно догадаться, что будет с людьми одной с нами веры... Лучше нам предупредить сию катастрофу, чем ждать, что такое случится.

Император задумался, затем снова продолжил:

– Надеюсь, вы в курсе, милорд, что год назад французы в конце лета провели наглуую демонстрацию силы. У стен Константинополя неожиданно появился их военный корабль. Не помню, сколько на нём было пушек, но уже в декабре турки передали ключи от церкви Рождества Христова католикам. Каково?.. Заметьте, сударь, не православным, коих в Турции более десятка миллионов... И это странно... До подозрительности странно, милорд! Я бы даже сказал, оскорбительно для России. Все знают: проход военных кораблей по проливам Дарданеллы и Босфор, согласно Лондонской конвенции 1841 года, в мирное время запрещён!.. А ваше правительство молчит и никак не комментирует сие нарушение.

– Ваше величество, вы несправедливы к Великобритании. Это нарушение конвенции правительством её королевского величества было расценено как недружественное по отношению к заинтересованным сторонам.

– Что вы говорите? – с нескрываемой иронией произнёс

император. – Так громко возмутились, что даже мой посол Бруннов в Лондоне, и тот не расслышал ваше гневное осуждение.

Англичанин изобразил на лице что-то похожее на сожаление, но промолчал.

– Поэтому я повторяю, – решительно сказал Николай I, – наихудшие обстоятельства при крахе Турции меня могут вынудить к решительным действиям. Чего я, видит Бог, не хочу. Но смею заверить ваше правительство, что при тех же обстоятельствах возможен и другой путь – установить временный международный контроль, конечно, с вводом в Турцию совместных вооружённых сил. Почему нет?.. Вот, милорд, пункты, по которым я желал бы иметь понимание и содействие Великобритании.

Ясно сознавая громадную важность последних слов императора, посол сделал паузу, прежде чем ответить государю. Он уже хотел было уточнить, что государь имел в виду под наихудшими обстоятельствами, но... не стал этого делать. В последнюю секунду Сеймур решил не акцентировать на этом внимание. «Наверное, – решил он, – именно слова русского императора

«вынудить к решительным действиям» и хотели бы услышать в Англии... Что ж! Лондон их услышит и довольно скоро». Вслух же Сеймур деловито произнёс:

– И они, содействие и понимание, с нашей стороны обязательно будут, ваше величество. Насколько мне известны

намерения моего правительства, я наперёд смею вас заверить, что в случае возможного падения Турции и ваших, как вы выразились, вынужденных временных действий королева Великобритании не станет разрушать дружеские связи с Россией, тем самым теряя друга и союзника, – голос посла дрогнул.

Сеймур врал и, как истинный джентльмен, слегка покраснел. Но Николай I этого уже не заметил, как не заметил и дрогнувшего голоса своего визави.

Чтобы как-то исправить неловкость от своих совсем не убедительных слов (хотя у него мелькнула мысль, что в дипломатии все средства хороши), Сеймур энергично произнёс:

– А по поводу нарушения Францией Лондонской конвенции, повторяюсь, ваше величество, моё правительство весьма сожалеет об этом поступке французов.

И опять голос посла чуть-чуть дрогнул. Император опять не почувствовал фальши. Думая о своём, Николай рассеяно произнёс:

– Надеюсь на благоразумие английского правительства и добрые к нам чувства королевы. Весьма надеюсь, господин посл.

Но затем, словно отогнав от себя какие-то тревожащие мысли, император решительно произнёс:

– Но в Англии есть ещё и политические партии: тори, ви-ги, к примеру. Да и лорд Палмерстон, видимо, продолжает

играть не последнюю роль на политической сцене...

– Королева Великобритании – голова всему, ваше величество! И этим всё сказано, – патетически воскликнул посол.

– И это правильно! В государстве всегда должен быть один хозяин.

– Ваше величество, с вашего разрешения я всё-таки хотел бы опять вернуться к вопросу о Константинополе.

Император скривился, а посол, не обращая на это внимания, продолжил:

– Быть может, ваше величество, вы лучше нас, англичан, осведомлены о положении в Турции... Однако из переписки с нашим послом в Константинополе я не вывел заключения о скорой гибели Оттоманской империи.

С некоторым нетерпением, в котором преобладали оттенки превосходства, государь произнёс:

– Я понимаю вашу настойчивость, милорд. Экономика Великобритании весьма нуждается в Турции. Ваш экспорт в эту страну за последние годы вырос в два раза... Да что говорить, вы поставляете в Турцию, как мне докладывают мои министры, одних тканей в четыре раза больше, чем мы!..

– Так получается, ваше величество. Английские купцы быстрее находят общий язык... – промямлил Сеймур.

Словно не слыша посла, император с раздражением продолжил:

– Я повторяю вам, господин посол, что Турция умирает. И у нее, как у смертельно больного человека, часто наступа-

ет короткий период временного улучшения. И всем кажется, что болезнь отступила, больной поправляется... А это всего лишь временная отсрочка от смерти. И этой отсрочкой нам вместе с вами, милорд, необходимо успеть воспользоваться. Как любила говорить моя бабка Екатерина II: «Когда пироги испечён, у каждого появляется аппетит». Нам ведь с вами известно, что я имею в виду.

– Бабушка ваша – великая и по стати, и по делам своим, ваше величество, – с почтением произнёс посол. Николай же, словно не заметив комплимент в адрес своей прародительницы, продолжил:

– Я скрывать не буду, милорд. Балканы – сфера национальных интересов России. А потому Придунайские княжества остаются под моим покровительством. Сербия может устроиться таким же образом, так же и Болгария. Что касемо Египта, я понимаю всё значение этих территорий для Англии, а потому совершенно не посягаю на них, но с условием, что Англия не будет посягать на Константинополь и проливы.

– Что касается Египта, – поспешно вставил Сеймур, – смею ответить, ваше величество, что Англия всегда заботилась лишь об обеспечении торгового пути в Индию...

– Пусть будет так, – с некоторой долей иронии произнёс Николай I. – То же самое я скажу и о Крите. Этот остров, может быть, подходит вам, и я не вижу причин, почему бы ему не стать английским владением.

Император замолчал. Заложив руки за спину, он продолжал медленно расхаживать по кабинету. Было тихо. Шум и музыка, ранее доносившиеся с первого этажа, затихли. И только мерное поскрипывание сапог императора и потрескивание в камине дров нарушали эту тишину.

Но вот государь произнёс:

– Однако, милорд, мы с вами заговорились. Надеюсь, на этот раз мы поняли друг друга, как поймёт и ваш истеблишмент во главе с королевой Викторией и её правительством.

– И я, ваше величество, не оставляю тех же надежд. Подробный отчёт о нашей встрече будет немедленно передан в Лондон.

Сэр Сеймур почтительно склонил голову и, пятясь, сделал несколько шагов в сторону выхода. Уже открыв дверь, он услышал голос императора:

– Я помню, милорд, 1827 год. Помню, как наши страны: Россия, Англия и Франция – однажды встали под общие знамёна на защиту христиан. Хорошо помню. Мы доверяли тогда друг другу и были едины. Вместе разбили турок. Бой в Наваринской бухте – не доказательство ли того? Разнесли турецкий флот в пух и прах. Почему я вам это напоминаю? Мы – великие державы и, несмотря на взаимную неприязнь Англии к Франции, мы должны быть вместе. От нас зависят мир и спокойствие в Европе.

Вот почему я доверяю английскому правительству, милорд, и не требую от ваших министров никаких письменных

обязательств. Мне достаточно переданного через вас устного согласия английских джентльменов. Этого, полагаю, между нами, партнёрами и союзниками, вполне, достаточно.

Посол повернулся в сторону монарха и учтиво поклонился.

«Зря полагаете, ваше величество, – пронеслось в его голове. – Сколько лет прошло с тех времён?!.. Может быть, в планы моего правительства и входит раздел Турции, но уж точно без вас, сударь, без России. Права ваша бабка: пирог всегда приятней есть без прожорливых соседей».

Часы стали отбивать полночь, хрустальный перезвон разнёсся по кабинету. Странно, но после беседы с русским самодержцем этот звон английскому послу уже не казался приятным, он больше походил на тонкий голосок мальчика-певчего, поющего с клироса при отпевании покойника.

Сеймур и сам удивился такому неожиданному восприятию звона. Он что-то зашептал, и губы его тронула едва заметная ухмылка. Государь её не заметил.

– Да, милорд, и не сочтите за труд, передайте канцлеру Нессельроде, чтобы он поднялся ко мне и пригласил с собой морского министра князя Меншикова. Прощайте, милорд!

В открытую дверь залетели приглушённые шумом веселящейся публики звуки мазурки. Сеймур ещё раз поклонился монарху и скрылся. Слуга закрыл дверь. Император остался в кабинете один.

В ожидании канцлера и министра он стал рассматривать

висевшую на стене картину Карла Брюллова «Итальянский полдень». Налитая соком гроздь созревшего винограда, молодая итальянка, белоснежная грудь которой поневоле приковывала внимание, счастливое лицо девушки...

«И нет у неё никаких проблем. Завидую... – грустно подумал самодержец. – Мне бы...»

Звук открываемой двери прервал его размышления. Вошли приглашённые им сановники.

Нессельроде был возбуждён: лицо красное, потное. Преданно глядя на государя, Карл Васильевич манерно утирал платочком пот с лица. По всему было видно, что вызов к Николаю застал его танцующим с очередной красавицей. Князь Меншиков, наоборот, был само спокойствие. Ему, известному в обществе злomu на язык насмешнику, это давалось сейчас с трудом. Его так и распирало желание состричь по поводу фривольного поведения семидесятитрёхлетнего канцлера.

Николай Павлович всё понимал и в душе потешался над своими министрами.

– Господа, вы знаете, что я только что имел беседу с послом Сеймуром. Не скрою, расстроился. Почему?.. Пришлось вторично пояснять свои планы на совместное с Англией сотрудничество. И вторично подтвердить моё предложение по Турции, весьма выгодное для Великобритании. Надеюсь на взаимопонимание английских джентльменов.

Однако особой радости в голосе императора министры не

услышали, и сей факт не преминул отметить про себя Несельроде: «И правильно! Можно ль доверять англичанам?» Но вслух произнёс:

– А Франция, ваше величество?.. Последнее время посол Кастельбажак что-то непривычно мирно себя ведёт. Не скандалит у меня в департаменте, не требует разъяснений по каждому поводу и вообще всё реже появляется в присутственных местах. К тому же чаще приходит трезвым, чем навеселе. Подозрительно, ваше величество! Как бы этот Наполеон фортель не выкинул – с королевой не сошёлся. Да и австрияки ведут себя подозрительно.

– Ваши подозрения беспочвенны, граф. Не найдут эти страны общего языка между собой. Слишком большие претензии у французов к англичанам. Вон только что на моих глазах француз прилюдно поскандалил с Сеймуром, опять что-то не поделили. Какая там дружба?!.. Нет-нет, исключено! Да и королева Виктория не пойдёт на разрыв со мной. А Австрия... не примет ничью, кроме моей стороны. Ну, в крайнем случае, будет нейтралитет.

Неожиданно государю возразил Меншиков:

– Австрия, бог с нею, ваше величество! Но как не вспомнить Наваринское сражение?.. И французы, и англичане вместе с нами тогда воевали бок о бок, несмотря на взаимные претензии. А сейчас снюхаются?!..

– Пустое, князь, пустое. Тогда была священная война христиан против мусульман: не до разногласий было. Нынче

время другое.

– Однако союзнички быстро вышли из той войны, а нас бросили, и мы одни с турками стали воевать. Не верю им, ваше величество, – не сдавался морской министр.

Государь нахмурился, но в спор с «сухопутным адмиралом» вступать не стал. Он помнил секретное сообщение посла Бруннова о том, что французы после своих революций ещё слабы и не скоро наладят отношения с англичанами, а это исключает возможность их союза. Себя он успокоил мыслью: «По крайней мере, не будут мешать, ежели что».

Нессельроде молчал, где-то глубоко в душе оправдывая сомнения Меншикова. Карл Васильевич уже было хотел поддержать князя, однако, взглянув на хмурое лицо императора, благоразумно решил смолчать и на этот раз. «Нет уж... Напоминать об ошибках – рискованно, и весьма».

А император после небольшой паузы продолжил разговор о Турции:

– Так вот, господа, о Турции! Мы знаем, что Турция как никогда слаба. Нам необходимо...

– Покорнейше прошу, ваше величество, меня извинить, – проявив неслыханную дерзость, морской министр опять перебил государя на полуслове. – Но в сороковые годы Турция перекрыла проливы для нашего флота... А почему?.. Англичане, французы и бог весть кто ещё союз с османами заключили, мол, не бойсь, султан, поможем, ежели что... Не помещали им разногласия и тогда, коль надо, живо и сейчас до-

говорятся между собой.

Наступила тревожная тишина. Вторично перебить на полуслове государя...

Император больше с удивлением, чем с осуждением, смотрел на не в меру разговорившегося князя.

«Хм... Меншиков по сравнению с моими придворными очень образованный человек, но как политик – слабый. Слишком прямолинейный, – подумал Николай. – Но в то же время в его словах что-то есть. Ну, с Францией понятно... Сомнения в надёжности королевы Виктории?.. Но откуда знать Меншикову о наших с ней взаимоотношениях? С другой стороны... А почему, собственно, не должны быть сомнения?.. Не сомневается только совсем глупый или беспринципный. О Меншикове такого не скажешь... Умён князь, но и злоречив. И это весьма важно... Хм... Для переговоров с турецким султаном – неплохая кандидатура».

Император отвёл взгляд от князя и спокойно произнёс:

– Не след, князь, перебивать своего государя. Я своё мнение высказал, скажу ещё раз.

Император повернулся к камину, взял в руку кочергу и... задумался.

Слова морского министра не то чтобы поколебали его уверенность в надёжности дружеских связей с Англией, совсем нет, но где-то там, глубоко в сознании, вдруг зашевелился червячок сомнения. Но Николай Павлович отогнал эти мысли: «Не верить друзьям – последнее дело», – решил он.

Тут заговорил граф Нессельроде, обращаясь к Меншикову:

– Посол в Англии барон Бруннов давеча написал нам о встрече с французским послом. Бруннов заверил нас, что во Франции сильны антианглийские настроения. Так что не волнуйтесь, князь, союза меж ними не предвидится в ближайшие годы.

Его перебил Николай:

– Бруннов... Прохлопали вы, канцлер, вместе с бароном этого Шарля Наполеона. Дипломаты... – император запнулся. Видимо, он хотел произнести не совсем лицепрятное слово, но в последний момент передумал.

– Кто же знал, ваше величество, что этот выскочка станет императором, – пробурчал Нессельроде.

– Ладно, граф. Дело прошлое. Продолжу о Турции, – произнёс Николай Павлович, разгребая раскалённые угли в камине. – Нам, господа, необходимо несколько обострить отношения с султаном. Выставить ему наши повышенные требования в связи с защитой христиан в Турции. А дальше... Россия – с одной стороны, Англия – с другой...

Государь взглянул на Меншикова, ожидая от него очередных комментариев. Но князь молчал.

И от этого, сам того не ожидая, император почувствовал некоторое облегчение:

– Глядишь, и не станет у нас под боком опасного соседа. А там видно будет. А вот кого послать в Константинополь –

вопрос! Я в затруднении, господа.

– Чего же вам, ваше величество, затрудняться, когда у вас есть просоленный всеми солёными ветрами Балтики «сухопутный адмирал» князь Меншиков... Он у вас только митрополитом не был, а так побывал во всех ипостасях, – ехидно предложил Нессельроде.

Император рассмеялся, рассмеялся легко и с удовольствием.

Тут надо пояснить причину сарказма канцлера в отношении князя Меншикова.

В 1820 году с целью удаления князя из Петербурга (козни ближайшего окружения императора Александра I) ему было предложено командование Черноморским флотом; князь отказался, так как никакого понятия о морской службе не имел. Затем поступило предложение занять место посланника в хорошо знакомом ему Дрездене. Меншиков и этот пост принял за оскорбление как не соответствующий его рангу. Александру I, естественно, это не понравилось. А тут ещё государю не пришёлся по вкусу некий проект освобождения помещичьих крестьян, составленный князем и его единомышленниками.

В общем, Меншиков прослыл вольнодумцем и оказался в опале. В ноябре 1824 года ему пришлось выйти в отставку. Он удалился в деревню, где от скуки почитывал книги по морскому делу, пытался заняться хозяйством, однако вскоре ему это надоело, и потекли унылые для деятельного вельмо-

жи дни. Затворничество князя было недолгим – судьба благоволила ему. В 1825 году умер император Александр...

На престол воцарился Николай I. Жизнь Меншикова изменилась, он снова поступил на службу и в качестве дипломата укатил в Персию. Казалось бы, флот забыт, да не тут-то было. По возвращении из Персии новый император оголошил князя тем же предложением: возглавить и преобразовать морское министерство. Странное, прямо скажем, назначение для сухопутного офицера. Тем более, согласно уставу, во главе морского министерства мог стоять только адмирал. И Меншиков в 1833 году был произведён в адмиралы. Всё легко и просто...

А мы вернёмся в кабинет великой княгини Елены Павловны.

– Адмирал Меншиков?.. Хм... мысль недурна, и раздумья мои подтверждаете, граф. Всё думал, кого послать: Орлова³⁴ или нашего адмирала? В казнокрадстве не замечены оба, опытом и прилежностью обладают. Как, князь, поедете? В Константинополе сможете острить и злословить в отношении турок сколько вашей душе будет угодно. Одно смущает – вольнодумство ваше, князь. Так ведь, Карл Васильевич?

Меншиков, как и прежде, не смущаясь императора, своим несколько дребезжащим старческим голосом тут же возмущённо произнёс:

– Эти пасквили о моём вольнодумстве изобрели мои

---

³⁴ Орлов Алексей Фёдорович, русский государственный деятель и дипломат.

недруги, государь. Не любят, что я не ворую, как они, и правду всем говорю. Поди, генерал Леонтий Дубельт³⁵ вам, ваше величество, жалуется на меня? Пусть сначала сам разберётся со взяточниками, которых он частенько на балы приглашает и, поди, неспроста...

Император нахмурился.

В начале февраля 1853 года ему доложили, что директор канцелярии инвалидного фонда Комитета раненых некий Политковский похитил более миллиона рублей серебром. Николай был потрясен не столько размером хищения, сколько тем, что кража совершалась много лет подряд, а на балах и кутежах у этого Политковского бывали не только многие его министры и генерал-адъютанты, но и сам Дубельт – начальник штаба корпуса жандармов.

– Полноте, полноте, князь. Прямо-таки все воруют, – император взглянул на Нессельроде. Тот вовремя отвернулся, делая вид, что с интересом разглядывает китайскую вазу.

Государь пристально посмотрел на Меншикова, видя, что тот не успокоился. И как бы в доказательство этого князь продолжил:

– Я, ваше величество, не говорю, что все воруют. Но хочу напомнить вам о главном управляющем путями сообщения графе Петре Андреевиче Клейнмихеле. Помнится, как сей казнокрад год назад попал в неприятнейшую историю. Он умудрился в свое время украсть все деньги, ассигнованные

---

³⁵ Глава тайной полиции, начальник штаба корпуса жандармов.

на закупку мебели для большого Зимнего дворца. А сколько он положил в карман при строительстве железной дороги, одному богу известно.

Николай Павлович скривился и неприязненно посмотрел на князя. Клейнмихелю он доверял и тот был его любимцем.

– Вместе с тем, господа, Клейнмихелю нельзя отказать в расторопности и бесстрашии браться за любое дело, чего, к сожалению, не хватает другим, – недовольно произнёс император.

Заложив руки за спину, Николай задумался, прошёлся по кабинету. Затем с нотками огорчения в голосе произнёс:

– Ну а деньги... Должен вам заметить, они любого портят. Ладно, это дело прошлое, князь, забудем! Лучше скажите, адмирал, как вы относитесь к моему предложению: согласны поехать в Турцию? Заодно научите турок уважать русских – всё польза будет. Да смотрите, головы не лишитесь – султан этого не любит. Как по мне, так решите главное: или добейтесь от турок исполнения наших требований относительно безопасности христиан, или пусть они откажутся их выполнять, тогда мы громко хлопнем дверью. А это даст мне основание привести в боевую готовность дивизии, расквартированные на границах с Турцией. Проливы пора вернуть в полное пользование, так ведь, канцлер?

Нессельроде с готовностью закивал головой.

Ошеломлённый неожиданным предложением, Меншиков тоже обречённо кивнул, пробормотав:

– Готов, ваше величество, выполнить любое ваше указание.

– Вот и ладненько, – произнёс Николай Павлович. – Более подробные инструкции получите позже.

Император вальяжно махнул в сторону Нессельроде:

– Потрудитесь, Карл Васильевич, ускорить сие действие. Выезжать надо немедленно. По пути проинспектируйте, князь, войска в Бессарабии и Севастополе. Подробный отчёт направьте Долгорукову³⁶. Кстати, как он там, на новом месте? – поинтересовался император у Нессельроде. – Стараётся? Вот учитеесь у его предшественника Чернышёва. Честно меня попросил об отставке с поста военного министра. Стар, говорит, и здоровье подкачивает. Очень похвально, господа. Не цепляется старик за должность.

Николай I скептически посмотрел на своих тоже далеко не молодых министров, хотел было что-то сказать, но... промолчал. После небольшой паузы продолжил свои наставления:

– И вот ещё что! Помните, светлейший князь, что едете защищать православную веру, не должно быть недомолвок и разных соглашательств. Потребуйте от султана законодательно оформить право покровительства российского императора над православным населением Турции. И не стесняйтесь, слышите, князь, не стесняйтесь напомнить османам, что Франция такое право получила над католиками. Султа-

---

³⁶ Военный министр.

ну, дабы сговорчивее стал, напомните, князь, что мы можем и поспособствовать признанию независимости некоторых княжеств Османской империи. А коли нужно, и ультиматумом пригрозите.

– А что, ваше величество, если турки не согласятся и войну нам объявят? – деловито, как и полагается военному, всегда готовому отличиться на полях сражения, спросил Меншиков.

Император удивлённо посмотрел на своего министра:

– Удивляюсь вам, адмирал! Вам ли надо говорить, что наша армия насчитывает почти миллион штыков, свыше пятисот кораблей, более двух тысяч пушек... Будет мало, прикажу – и будет два миллиона солдат, попрошу народ – будет и три. Можете так и объявить султану, коль на то потреба будет.

Однако морской министр не сдавался. Он пробурчал:

– Да кто же спорит? Истину говорите, ваше величество. Да, техника наша хромает. Мы еще помним выставку в Лондоне в мае пятьдесят первого! Чёрной икрой, манной да гречневой кашей только и удивили Европу...

Но воодушевлённый рассказами о своей многочисленной армии Николай добродушно заметил брюзжащему Меншикову:

– Всё-то вы, князь, недовольны, всё-то вам не нравится! Вижу, не зря вас не любят многие генералы. Коль помните выставку, не грех вам вспомнить и наши прошлогодние

Красносельские военные маневры. Иностранцы, присутствующие там, просто остолбенели, так им всё понравилось. Нет, теми смотрами и учениями я очень доволен. Чем не демонстрация русской военной мощи?.. А вы всё недовольны, князь!

Меншиков не рискнул дальше спорить с императором. Он лишь что-то бессвязно пробормотал себе под нос и тяжело вздохнул. И его вздох огорчения Нессельроде сказал многое.

Нессельроде в душе не разделял увлечений императора начавшейся слишком агрессивной дипломатической кампанией против Турции, считая, что так называемый восточный вопрос может серьёзно навредить России, однако в силу своей привычки не перечить государю промолчал.

«Смотры, стройность рядов... Все это хорошо, конечно, однако ж кого удивишь сим?.. Войну не парадом выигрывают!» – подумал Марк Васильевич и не стал вступать в спор с императором.

– Ну да Бог с вами, Александр Сергеевич, разряжая напряженность, произнес император. – А теперь, господа, вниз, вниз, к дамам. Бал продолжается! Княгиня обещала пригласить итальянца Джованни Марио. Поди, пришёл уже. Чудный голос! Рекомендую сегодня послушать. В его исполнении партия Артура в «Пуританах» – это что-то незабываемое. Поспешите, господа.

Спускаясь по лестнице в зал, Нессельроде остановил Меншикова на одной из ступенек, положив ему руку на плечо:

– А коль признаться честно, князь, тревожит меня неготовность императора к компромиссам во внешней политике... Весьма тревожит! Она стала вызывать неприязнь у влиятельнейших европейских государств. Надеюсь, вы знаете, какие страны я имею в виду.

– Хм... Поди, Англию, которой я не верю. Понятное дело – Франция! Турция... ей ли не быть недовольной?!.. Чего остальным-то дуться?

– Забыли вы, Александр Сергеевич, Австрию, для которой спокойствие славянских провинций и контроль над Балканами куда важнее «чувства благодарности» за помощь в 1849 году.

– Ну а ещё кто?

– Пруссия, сударь, Пруссия. Её планам встать во главе объединения Германии Россия активно препятствует. Вот и получается, князь: круг друзей России становится кольцом соседей. И не более того. А соседи по-всякому могут поступить...

– Ну так и сказали бы об этом его величеству, сударь, – пробурчал Меншиков.

Канцлер пожал плечами и ничего не ответил. Вельможи продолжили спуск.

В зале веселье было в самом разгаре.

Уже почти спустившись, Нессельроде заметил одиноко сидящего со скучающим видом лейтенанта Аниканова. И тут ему пришла мысль... Взяв под руку Меншикова, он произ-

нёс:

– Я вот что думаю, князь. А не взять ли вам в свою делегацию вон того молодого человека, лейтенанта Аниканова, – канцлер указал рукой на Антона. – Родственник посла Бруннова. Сей молодой офицер был как-то у вас на приёме. Помните? Вы определили его на Черноморский флот. Весьма достойный офицер, скажу я вам. В силу моих личных и служебных поручений весьма часто общался сей молодой офицер с послами и их окружением. Имеет определённый опыт общения с иностранцами.

Пребывая еще под впечатлением разговора с государем, Меншиков рассеянно посмотрел в сторону лейтенанта, неопределённо пожал плечами и, думая о чем-то своём, промямлил своим скрипучим голосом:

– Как вам будет угодно, граф. Лейтенант?!.. Почему и не взять!

– Так я подготовлю соответствующее распоряжение? Не пожалеете, – и с иронией добавил: – Господин адмирал.

Около четырёх часов утра гости стали разъезжаться. Проводив императорскую чету, уставшая хозяйка поспешила к покидавшим дом гостям. Бал закончился.

Император Николай I, разговаривая с английским послом, говорил ему правду: он никогда не претендовал на захват всей территории Турции. Все эти страшилки распространялись европейской прессой. В реальные планы императора входило создание вассальных государств, где проживали

православные люди, по примеру Валахии и Молдавии; при этом Египет и остров Крит предназначались Англии, часть других территорий – Франции и Австрии. Константинополь Николай предполагал оставить под временным контролем международных вооружённых сил.

Забегая вперёд, хочется отметить, что события, происходящие в Турции в 1878 году, а особенно в 1918-м, осуществлялись именно по плану Николая. После Первой мировой войны, когда Османская империя распалась окончательно, европейские державы-победительницы реализовали план императора Николая и получили в той или иной степени контроль над образовавшимися государствами. А договор стран Европы и Турции в 1920 году (Россия в нём не участвовала, чего и добивалась Англия) расчленил Османскую империю куда более жестоко, нежели это предполагал русский император Николай Павлович. Но это всё будет значительно позже.

А пока, в начале 1853 года, успокоенный вежливыми, хотя и расплывчатыми ответами англичан и французов в отношении Турции, император Николай I был уверен в своих союзниках.

«К тому же, – размышлял император, – их союз невозможен, для них арбитр – Россия. По крайней мере, Англия не будет мешать, а этому выскочке, новому императору Франции, не до споров с Россией. А мои постоянные союзники, Пруссия и Австрия, коль потребуется, помогут. На крайний

случай у меня есть армия и флот, в чьей силе сомневаться не приходится».

Напрасно так думал император... Время показало: царь ошибался! И очень...

Князь Меншиков. Переговоры в Турции

Февраль 1853 года.

Чёрное море штормит уже третьи сутки. Порывистый, а порой шквальный ветер сдувает белые барашки с верхушек холодных волн, и те бесконечной чередой одна за другой катятся по фарватеру Одесского залива. Волны монотонно бьются в борта купеческих и военных судов, стоящих у причалов. Корабли стонут, скрипят всеми деревянными частями, трутся бортами о мягкие причальные кранцы, издавая протяжные печальные звуки. Но «морские бродяги» – корабли, привязанные толстыми канатами к причалам, терпят, они знают: наступит час – и их паруса вновь наполнятся тугим морским ветром и понесутся они опять по морским просторам. А волны, словно издеваясь над этими трудягами, бьют и бьют в борта и в причал, затем с шипящим шумом эффектно разлетаются на мелкие-мелкие брызги. Зрелище потрясающее...

Рискнувшие прогуливаться во время шторма по набережной жители, а особенно молодёжь, при накате очередной волны с визгом увертываются от морского душа. Однако не всем это удаётся... Крик, шум... А штормовая погода не утихла...

Сформированная канцлером Нессельроде официальная делегация для переговоров с Турцией во главе с генерал-адъютантом светлейшим князем Меншиковым терпеливо ждала благоприятной погоды для выхода в море.

Первое задание императора было выполнено. Инспекция войск в Бессарабии и на Черноморском флоте подошла к концу. Князь Меншиков в общем остался доволен строевой выучкой войск и сноровкой флотских экипажей, о чём отписал в столицу военному министру генерал-лейтенанту князю Долгорукову.

По совету военных Меншиков отметил в отчёте, и в весьма резкой форме, что было свойственно характеру князя, медленное перевооружение строевых частей нарезными ружьями – относительно дешёвыми и отличающимися простой конструкцией. Светлейший князь был недоволен темпами поступления этого вооружения в войска. В своём отчёте Меншиков не преминул провести с военными чиновниками небольшой ликбез. Он напомнил им, что скорость стрельбы из кремневых гладкоствольных ружей составляет один выстрел в минуту, да и то в хорошую погоду, в дурную же порох становится сырым и вовсе не загорается.

– Надеюсь, господа, вам известны сии факты, – своим скрипучим неприятным голосом начал раздражённо сиятельный князь. – При стрельбе из гладкостволок на расстоянии двухсот шагов из 200 выпущенных пуль лишь десятая часть попадает в цель. Стрельба же из ударных капсюльных

нарезных ружей происходит быстрее, и, что важно, пуля летит дальше и чаще попадает в цель. Поди, враги наши об этом факте изрядно оповещены.

И ещё князь подчеркнул, что армии Великобритании, Франции и других европейских стран давно перешли с кремневых ружей на современные – капсюльно-нарезные.

Ответственные за поступление новых ружей генералы только разводили перед князем руками: мол, как ускорить, когда на всю Россию только один Тульский оружейный завод переделывает кремневые ружья старого образца на новые.

Как самый младший по званию среди адъютантов, в апартаментах, где расположился князь Меншиков, дежурить на ночь заступил лейтенант Аниканов.

Неожиданное появление красавца-лейтенанта в должности адъютанта светлейшего князя вызвало немало разговоров среди, прямо скажем, немаленькой свиты Меншикова. Удивлялись многие...

«Лейтенант?!.. Подозрительно! Для генерал-адъютанта, князя, чрезвычайного посла самого императора – не менее полковника или подполковника должен быть.

Однако вскоре все успокоились, привыкли к молодому добродушному офицеру. Свои несложные обязанности Аниканов выполнял с охотой, иногда проявлял разумную инициативу, перед князем себя не выпячивал, чем не раздражал своих коллег-адъютантов.

И вот сейчас Антон, находясь в раздумьях, держал в руках

срочное, только что поступившее донесение из Петербурга на имя Меншикова. Время позднее, князь отправился уже в свои покои, слуга понёс в его спальню таз и кувшин с водой. Беспokoить как-то нежелательно.

«А вдруг что-то срочное?..» – и Антон решительно постучал в спальню начальника.

Меншиков как раз сбросил сапоги и собирался поставить ноги в таз, куда слуга лил воду. Увидев адъютанта, князь, словно от зубной боли, скривился, однако промолчал, взял пакет и тут же устало махнул рукой: идите, мол, отсюда оба.

Затем он нехотя взломал сургуч. Адъютант и слуга направились к двери. Проходя мимо князя, слуга, худой, вихрастый, с конопушками на лице деревенский малый, ловко нагнулся и быстренько собрал у ног его светлости упавшие на пол коричневые комочки сургуча. При этом он недовольно едва слышно пробормотал:

– Чего сорить-то?.. Ведро, чай, для того имеется...

Читать донесение Александр Сергеевич особо не торопился. Он отложил бумагу в сторону, сам сел на скамью, поставил ноги в таз с водой, поохал (уж больно холодная) и на минуту замер, закрыв глаза. Но вот князь очнулся. С тяжёлым вздохом вытащил из пакета два листа, исписанных уборым почерком.

Содержимое его расстроило, но не сильно удивило. Граф Нессельроде сообщает ему, что из Лондона пришёл ответ, и ответ неутешительный. От имени английского кабинета

статс-секретарь по иностранным делам лорд Джон Россель официально уведомил правительство России, что Великобритания отказывается от предложения императора Николая I участвовать в разделе Османской империи.

Светлейший князь почесал затылок, зевнул и, перекрестившись, пробормотал:

– О как... Кто бы сомневался...

Затем он ещё раз прочитал донесение, в котором граф давал ему дополнительные рекомендации по поводу предстоящего вояжа делегации в Константинополь.

– М-да... Однако совсем без союзников остаёмся, – вслух не то удивлённо, не то огорчённо произнёс Меншиков. И уже с явным раздражением, добавил: – А чёрт с ними, без сопливых бриттов обойдёмся! Государя бы ещё в этом убедить...

Едва не опрокинув таз, князь резко встал, пошлёпал полотенцем по мокрым ступням и засунул их в тёплые домашние тапочки, подшитые беличьим мехом. Затем позвонил в колокольчик.

В комнату заглянул Аниканов.

– Вот что, Антон Дмитриевич! Пригласите-ка на завтра ко мне вице-адмирала Корнилова и генерала Непокойчицкого³⁷ к обеду. Посыльным известите команду «Громоносца»: завтра выходим в море – в Константинополь. Хватит баклуши бить в Одессе.

---

³⁷ Непокойчицкий А.А. (1813-1881). Командующий 5-м пехотным корпусом, расположенным в Молдавии и Валахии.

Конец февраля 1853 года.

Воды пролива Босфор капризны, и причина тому – ветер. Подгоняемые им волны из одного моря, Чёрного, встречаются с волнами другого, Мраморного, идущими навстречу. И тогда под стенами султанского дворца Топкапы потоки яростно борются между собой, расчищая себе путь. Всё как у людей...

Но сегодня обычные в это время года ветра, сквозняком проносящиеся вдоль Дарданелл, Мраморного моря и пролива Босфор, словно по заказу, стихли. Почти безветренная погода баловала жителей Константинополя. Не отставало и солнце: со своей вершины, зенита, оно, словно сеятель на поле, щедро разбрасывало свои зимние лучи по окрестностям столицы Османской империи.

Со спущенными парусами, на одной лишь паровой машине, переваливаясь с борта на борт, хлюпая и чавкая на небольшой волне гребными колесами, пароходо-фрегат «Громоносец» с русской делегацией на борту медленно втягивался в акваторию обширного залива. Там, в глубине, на европейском берегу Босфора, вблизи входа в пролив из Чёрного моря, находилась облюбованная многими иностранными посольствами, в том числе и русским, приморская деревня Буюкдере.

Она уютно расположилась вдоль берега, как бы разделившись на две половины: изящную верхнюю с широкой набережной и красивыми домами и нижнюю – поскромнее, насе-

ленную греками и армянами. В числе домов первой половины деревни, выделяясь размерами и богатством наружного оформления, стоял летний дом (скорее, дача) русского посольства.

Стараясь не повредить гребными колёсами утлые судёнышки местных рыбаков и торговцев-менял, нахально подплывавших под самый борт, «Громоносец» осторожно продвигался вперёд.

Свободные от несения вахт члены экипажа и пассажиры высыпали на палубы судна и с удовольствием разглядывали панораму берега.

На самой верхней палубе, спардеке, в кормовой её части, которая по-морскому называется ют, особняком от остальных пассажиров стояла большая группа офицеров – членов той самой делегации. И среди них – уже знакомый нам лейтенант Антон Аниканов. Он, как и его коллеги, также любовался видами побережья.

Слабый морской ветерок приятно обдувал лица пассажиров. Палуба не раскачивалась, к горлу не подкатывала тошнота, как совсем недавно на переходе из Севастополя.

– Благодать! – громко произнёс один из морских офицеров. – В зимнее время, господа, а уж в феврале тем более, Чёрное море редко бывает спокойным, по себе знаю. А тут... на тебе – почти штиль. И это, судари мои, хороший знак для нашего вояжа. Что, лейтенант, – обратился он к Аниканову, – ваша Балтика, поди, редко балует штилями?

Антон в ответ развёл руками, улыбнулся и неожиданно для себя вспомнил свои впечатления, когда он ещё юнгой впервые вышел в море.

«В Балтийском море тогда был шторм. Ветер, свист, рёв кругом... Команд с мостика не разобрать... Всё скрипело, всё стонало... Страшно... И в то же время прекрасно!.. Господи, как давно это было!»

Под наплывом ностальгических чувств на ум пришли слышанные им где-то слова: «Что бы ни делалось в природе: и штили на море, и бури, – всё живописно, всё прекрасно. И эти волны, набегающие друг на друга, и вечный шум ветра, мечущийся в вантах корабля, и шипящий шум морской воды под форштевнем, – всё нравится. Так и слушал бы всю жизнь».

Увлёкшись, Антон не заметил, как последнюю фразу он произнёс вслух и довольно громко.

– А кто тебе мешает, лейтенант? Слушай на здоровье, пока молодой, коль не прилипнешь к сытой адъютантской жизни при его светлости, – неожиданно услышал он за спиной насмешливый голос.

Совсем незаметно сзади к нему подошёл адъютант генерал-майора Непокойчицкого майор Зорькин. Адъютант, тщедушный, немолодой человек, с генералом служит не один год. Со слов его товарищей, Зорькин сносно выполнял свои обязанности, да и сами эти обязанности слишком далеко заходили. До майора Зорькин всё-таки дослужился, но,

как поговаривают, благодаря протекции своего шефа-генерала. Зато майор обладал исключительно красивым почерком, чем вызывал зависть многих. Это всё, что Антон знал о своём коллеге.

– Да, господин майор, возможность созерцать природу во всех её проявлениях даётся всем и каждому сполна, независимо от возраста, богатства и званий. Важно уметь видеть все эти прелести, – неожиданно для самого себя высокопарно ответил Антон, – а по поводу службы у его светлости... Надеюсь, адъютантом мне недолго быть. По приходу в Севастополь буду проситься у его светлости на корабль.

– Ну-ну, – удивился майор такому высокому штилю лейтенанта. Он скептически ухмыльнулся и, встав рядом с Антоном, последовал совету молодого человека – стал разглядывать берег, выискивая в нём прелести, которые должны были его восхитить. Однако майору это быстро надоело, и он, похлопав Аниканова по плечу, пробурчал:

– Удачи, – и направился к другому борту, откуда слышались громкий разговор и смех офицеров.

Сам глава делегации, князь Меншиков, при полном параде, при шпаге и всех орденах тоже вышел на ют и теперь, широко расставив ноги и держась одной рукой за леерное ограждение, энергично поучал стоящих по обе стороны от него вице-адмирала Корнилова и генерала Непокойчицкого.

Офицеры слушали князя рассеяно. Генерал, промучившийся на переходе от качки, выглядел уставшим и часто зе-

вал. Зато адмирал выглядел бодрым, он, почти не отрываясь, разглядывал в подзорную трубу берег.

А Меншиков говорил и говорил. Своим скрипучим, несколько дребезжащим и, можно сказать, неприятным голосом он на этот раз убеждал подчинённых в полезности проживания на морском берегу, особенно тем, кто курит трубку.

– Хотя бы раз в году, господа, нужно непременно с месяцок пожить у моря, подышать морским воздухом, прочистить лёгкие, пофилософствовать на закате... Вас, Артур Адамович, это касается в первую очередь, коль трубкой балуетесь, – обращаясь к генералу, поучал старый князь. – Ну а вы, Владимир Алексеевич, – не оставил он без внимания и адмирала, – тоже не забывайте про это.

– Спору нет, ваша светлость, полезно и весьма, – согласился генерал Непокойчицкий.

«Кто ж против... – про себя пробурчал Корнилов. – Только меня-то под пятьдесят годков зачем убеждать в этом? И так всю жизнь на море. Детей своих практически не вижу. Сыновья – ладно, а младшие дочери скоро узнавать отца не будут...»

Но вида адмирал не показывал: добродушно с улыбкой кивал своему начальнику в знак согласия. Не отличался многословием и генерал.

В свои шестьдесят шесть Меншиков был ещё довольно бодрым и деятельным стариком. Высокий, не по годам

стройный, с седыми бровями и усами, он и по молодости, помимо внешности, всегда выделялся среди других энциклопедическими знаниями. Вот и сейчас, что ни спроси у князя – знает. И спорить бесполезно. И не дай бог не согласиться с ним в чём-либо!.. Его умные синие глаза, словно море перед штормом, тут же становились пепельно-синими, и казалось, что оттуда, из глубины, вот-вот гряхнет гроза. И без того неприятный голос (вот уж Бог наградил!) прокаркает: «Сударь, вы мне не верите?..»

Светлейший князь повидал многое: сорок лет назад гнал французов от Москвы, повоевал с турками, на Чёрном море брал крепость Анапу, служил в миссиях в Берлине, Лондоне, Вене и даже в Персии. Грудь Меншикова увешана многими орденами... Одно плохо – дюже остёр князь на язык. Не зря же в армии о нем горят с легкой руки генерала Ермолова: «Меншикову не надо бритвы, ему достаточно высунуть язык, чтобы побриться».

...В это время князь попросил у адмирала подзорную трубу. Передавая её, Владимир Алексеевич, вспоминая слова Ермолова, машинально посмотрел на рот князя, надеясь в тайне увидеть его острый язык.

Меншиков подозрительно взглянул на Корнилова, однако, отвернувшись, промолчал. А Корнилов через мгновение опомнился и... засмеялся.

На внезапный смех адмирала Меншиков не отреагировал. Он взял у Корнилова трубу, оглядел берег и, ни слова не го-

вора, вернул.

– Поди, знаете, господа, англичане не на нашей стороне. Хоть прямо не говорят, но, думаю, не прочь с нами повоевать. Турок баламутят...

– А французы что, лучше?.. – пробасил генерал.

– А турки?.. – вставил Корнилов. – Заметили, ни одного корабля басурманов не видно. Где-то отстаиваются, а может, к чему-то уже готовятся. И мне, ваша светлость, тоже сдаётся, что войны не избежать.

– Всё возможно, Владимир Алексеевич. И задача моя – сполна потребовать исполнения турками наших требований, а коль не согласятся – обидимся и хлопнем дверью. Плохо, что одни, без союзников. Хотя государь и уверен в союзничестве англичан, но мне сдаётся, зря! Как считаете, Артур Адамович?

– Сие, ваша светлость, только его императорскому величеству и известно. Нам-то откуда знать?

На этом разговор прекратился. Корабль продолжал не спеша двигаться вперёд. Корнилов опять попросил трубу и стал осматривать окрестности. Несколько в стороне от набережной он увидел небольшой причал, от которого только что отошёл пароход и, отчаянно дымя, направился в сторону «Громоносца».

Когда дистанция между кораблями сократилась до трёх-четырёх кабельтов³⁸, «Громоносец» совсем сбросил ход и,

---

³⁸ Морская единица расстояния, равная 185,5 метра. Одна десятая часть мор-

отработав назад для погашения инерции, остановился. Чавканье колёс затихло. Наступила непривычная тишина. На правом борту закрипели блоки – матросы спустили трап.

Вскоре подошёл пароход, им оказался прикомандированный в прошлом году к российскому посольству военный пароходо-фрегат «Грозный». Из его рулевой рубки послышалась команда:

– Полный назад, право руля.

Паровая машина «Грозного» послушно закрутила колёса в обратную сторону. Корабль дал задний ход и остановился. И тут же с его борта вылетел столб белого дыма, а вслед раздался грохот холостого выстрела из 68-фунтовой карронады³⁹. «Грозный» приветствовал соотечественников.

Ещё не полностью развеялся дым, как от парохода отчалила гичка⁴⁰; взметнулись вёсла, и через несколько минут шлюпка вначале мягко уткнулась носом в борт «Громоносца», затем бочком-бочком прилепилась к трапу. По нему легко взбежал поверенный в делах российского посольства статский советник Александр Озеров, за ним, не так быстро, осторожно, одной рукой придерживая феску чёрного цвета, а другой держась за канатное ограждение трапа, – переводчик грек Аргиропуло.

Матрос багром оттолкнулся от борта «Громоносца», и

ской мили.

³⁹ Гладкоствольное артиллерийское орудие.

⁴⁰ Лёгкая быстроходная парусно-гребная шлюпка.

гичка поспешила обратно.

Оба корабля продолжили своё движение в сторону Топхане⁴¹ – ближайшего предместья Константинополя. По обеим сторонам можно было наблюдать берега, вдоль которых стояли добротные дома, больше похожие на дворцы. Чуть дальше за ними, как бы второй линией, были видны понатыканные на окрестных пригорках прилепившиеся друг к другу дома турецких деревень: низкие, неопрятные, издали больше похожие на развалины, нежели на деревенские жилища. И всё вместе это создавало иллюзию гармонии, ставило всё на свои места: здесь – богатые, там – бедные. Проплывающий мимо ландшафт дополнял пики величественных минаретов, придающие этой земной несправедливости строгость и благоговение.

Вдоль берега, совсем близко, извиваясь лентой, пролегла дорога, по которой двигались люди и повозки. Казалось, протяни с борта корабля руку – и схватишь маленького турчонка, бросающего камешки в море.

Наконец по курсу показались холмы и минареты Константинополя. Встречные потоки морей, несмотря на отсутствие парусов, заставили оба парохода чертить нужные галсы, выискивая более лёгкое сопротивление течения. И таким образом, приближаясь то к Европе, то к Азии, пассажиры на каждом повороте находили на берегах какое-нибудь селение, заполненное людьми, или развалины многочисленных древ-

---

⁴¹ Пушечный двор.

них крепостей.

Сам Константинополь, до середины XV века столица Византийской империи, разбросан по обеим сторонам Босфорского пролива и состоит из нескольких городских частей, а те, в свою очередь, делятся на множество кварталов.

Уже несколько веков в этом огромном тесном городе живут четыре народа, но вместо того чтобы сблизиться между собой, они все более и более отдаляются один от другого и набожно передают из поколения в поколение свою взаимную неприязнь. Странное и любопытное явление: турки, греки, армяне и евреи почти никогда не живут в одном квартале, не имеют тесных сношений между собой, кроме торговых сделок. И вот парадокс... опытные торговцы, турки как-то находят общий язык с евреями и армянами, наделёнными от природы способностями к торговле. Греки тоже не промах, но прошлое своё помнят, а потому своё место знают...

Перечисление кварталов – дело утомительное, и мы в целях экономии времени подробности топонимики и древнего уклада старинного города пропустим. Нас интересует пока один квартал – Топхане.

Пристань в Топхане – самая большая и многолюдная. Она представляет собой картину непрерывного движения, и здесь можно увидеть лица многих национальностей и костюмы разного цвета. И днём, и ночью на пристани и рядом с ней пришвартовываются легкие лодки и более круп-

ные галиоты⁴², готовые в любую минуту пуститься на прогулку по принципу «куда прикажете». Их владельцы, суетливые и словоохотливые греки, степенные и важные турки, всегда спорят между собой за пассажиров, но, надо отдать должное, коль спор затягивается, спорщики прекращают распри и дают пассажиру возможность самостоятельно выбрать себе судно.

В перерывах между поездками, отвлекаясь только на совершение намаза, владельцы лодок часами пьют крепкий кофе, не менее крепкий чай и потягивают длинные трехаршинные жасминные чубуки; на пристани в это время витает дурманящий запах кофе, смешанный с тонким ароматом турецкого табака. Иногда в этот кофейно-табачный аромат вливается запах дыма от небольших мангалов, на которых жарят свежую, только что пойманную рыбу и креветки, реже – мясо баранины.

Над пристанью всегда стоит шум-гам и слышны выкрики зазывал. Константинополь многих засасывает в свои объятья...

Совсем недалеко от этой шумной пристани располагалось напоминающее дворец здание русского посольства.

«Громоносец» первым пошёл на швартовку. Не дойдя с полкабельтова, он дал длинный протяжный приветственный гудок.

Делегацию ждали. Толпа на пристани, а это в основном

---

⁴² Небольшое средиземноморское судно парусно-гребного типа.

были греки, болгары, сербы, жившие в турецкой столице, заорала, замахала руками, с явным удовольствием приветствуя русский корабль.

Несколько поодаль от этой разношерстной толпы стояла группа из трёх турецких чиновников и, судя по халатам, не первой руки. Они не кричали и уж, конечно, не размахивали радостно руками.

С бака «Громоносца» на причал полетел линь. Портовые матросы потянули его и вытащили швартовый канат, который тут же закрепили на причальную тумбу.

Стоя на юте, Меншиков, Корнилов, Непокойчицкий и Озеров с удовольствием разглядывали ликующую толпу. Чуть поодаль от начальства, облокотившись на леер, стоял грек-переводчик.

Озеров с любопытством смотрел на берег, что ему редко приходилось делать, и параллельно докладывал светлейшему князю обстановку, царившую в последнее время в столице и во дворце султана.

Неожиданно он с удивлением произнёс:

– Однако, ваша светлость, ни верховного визиря, ни его министра по иностранным делам Фуада Эфенди, ни других важных лиц что-то не видно на причале. Странно... Договаривались же с Фуадом... Этот министр – личность опасная. Нас, русских, не любит, к французам тянется. Сильно будет мешать нам в переговорах. У них там, ваша светлость, в правительстве закулисная борьба между собой. Великий визирь

Дамат Мехмед Али-паша держит сторону англичан, а Фуад Эфенди предпочитает, как я уже сказал, французов. Так что мы им как кость в горле, вот и не рады они нам.

Меншиков недовольно хмыкнул. Корнилов пробурчал:

– Турки, господа, много раз биты нами, им и без своих распрей не приходится радоваться нашему прибытию.

– Вот то-то же, Владимир Алексеевич. Поди, опять англичане руку приложили. Видимо, верховный визирь запретил Фуаду Эфенди встречать нас, иль ещё есть какая причина, – со злостью произнёс Озеров.

– Наверняка, – согласился адмирал.

С кормы подали второй канат, затем продольный шпринт. Судно медленно привалило к причалу. Бортовые кранцы погасили инерцию, корабль слегка вздрогнул и замер.

За кормой «Громоносца» пришвартовался «Грозный».

Забегая вперёд, хочется сказать, что жизнь обоих кораблей закончится в Севастополе в августе 1855 года. Почему?..

Севастополь совсем скоро подвергнется нападению неприятеля. Корабли Черноморского флота совершат последний подвиг: своими мачтами, выступающими из воды, они перекроют вход в главную бухту города.

Когда корабли уходили под воду, из их пустот наружу вырывался воздух, звук которого напоминал стоны обречённых на смерть людей. Жители города плакали на берегу, провожая их в последний путь. Но это будет позже...

А пока середина февраля 1853 года. Русскую делегацию

во главе с князем Меншиковым встречаются христиане, живущие в Турции. Радостные крики, улыбки, ликование...

Меншиков сошёл на берег. Его встречала пёстрая от разноцветья одежд ликующая толпа, которая издавала возгласы, очень похожие на русское «Ура!» Шум, крики... Казалось, сметая всё на своём пути, толпа вот-вот ринется к русскому послу. Однако турецкие полицейские зорко следили за порядком: где кулаком, где ногой они отгоняли от русской делегации особо рьяных встречающих.

Меншиков приветственно поднял руки вверх. То же сделали и остальные члены делегации.

Выбравшись, наконец, из толпы, делегация направилась в сторону русского посольства; все были возбуждены от неожиданно тёплой встречи простым народом.

Генерал Непокойчицкий шёл среди ликующих людей, гордо поглаживая свои усы. Он представлял, что идёт по плацу, а солдаты его корпуса встречают своего командующего после победы над врагом. Какой?.. Генерал не задумывался. Заодно он решил поинтересоваться у Озерова по поводу разноцветности одежды так бурно встречающих русскую делегацию людей. И дипломат пояснил:

– Здесь, в Турции, существует строгая цветная иерархия. Каждый не местный народ имеет свой цвет одежды: евреям положен голубой цвет; армянам – коричневый; грекам – чёрный. Эти цвета строго соблюдаются и в окраске обуви. Великой милостью считается разрешение султана, кому из этих

народностей носить одежду жёлтого цвета.

– Бред какой-то... – пробурчал генерал.

Недалеко от командующего корпусом шёл лейтенант Аниканов. И его распирало от гордости, и он так же, как генерал, от удовольствия поглаживал свои аккуратные усы. И только Меншиков шагал с недовольным выражением лица, бормоча:

– Посла великой страны должны встречать первые лица.

Идущий рядом с князем Корнилов тоже недовольно высказался:

– Они тем самым выказывают неуважение к России, ваша светлость.

Ситуацию разъяснил Озеров:

– Здесь, господа, другое гостеприимство. У турок не принято, как у нас, русских, встречать гостей с хлебом и солью. Они боятся прежде всего обеспокоить гостя. Вот завтра, поверьте, ваше сиятельство, султан обязательно пришлёт к вам своего главного церемониймейстера с поздравлениями.

– Возможно... Однако, как у нас принято говорить, дорога ложка к обеду. Басурманы, что ещё сказать... – и, не стесняясь находившихся рядом турецких чиновников, светлейший князь в сердцах произнёс: – Я изучил нравы Востока. Уступки и разные там поблажки они принимают за слабость. Всё здесь переделаю по-своему...

Турецкий переводчик перевёл слова посла. Чиновники из свиты, как с той, так и с другой стороны, огорчённо вздох-

нули.

Озеров не ошибся. Ближе к обеду следующего дня адъютант доложил князю о прибытии посланника от султана.

– Пусть ждет, неча баловать.

– Там ещё греческий патриарх со Святой Горы просит вашу светлость об аудиенции, не прикажете поначалу принять святого отца?

Присутствующий в кабинете светлейшего князя Александр Озеров порекомендовал Меншикову принять сначала патриарха:

– Осмелюсь высказать моё мнение, ваша светлость, афонские монахи с надеждою смотрят на нас, русских, защитников веры христианской. Весьма лестно будет для них, коль вы отдадите им предпочтение, прежде чем принять турецкого посланника. Уважить их, ваша светлость, надо бы.

Меншиков вопросительно посмотрел на Озерова и, не скрывая неприязни, произнёс:

– Я и наших-то монахов не шибко жалую, а эти, афонские, – интриганы и попрошайки. Там, поди, и русских-то иноков не осталось... Греки сплошные... Нет, не хочу их видеть. У нас с вами и без того дел по горло.

– Обидится архиепископ Синайский Константин, ваша светлость. Российским интересам сей старец весьма способствует, пострадал даже за это.

Меншиков не ответил и, словно отгоняя назойливую муху, отмахнулся.

Адъютант удалился. Вздохнув, недовольно покачивая головой, вместе с ним вышел и Озеров. Неудобную ситуацию надо было как-то решать.

Продержав турецкого посланника около часа, Меншиков наконец-то принял его, предварительно позвав переводчика.

Благообразного вида, среднего роста, в тюрбане и в халате, по-восточному расписанном серебряной нитью, посланник произвёл на русского посла благоприятное впечатление. Александр Сергеевич даже пожалел, что заставил турка так долго ждать.

Почтительно поклонившись послу, церемониймейстер забормотал приветственные слова, и переводчик тут же их стал переводить. Причём суетливый и словоохотливый грек то ли нарочно, то ли по неопытности говорил слишком громко, заглушая турка, который поначалу косо поглядывал на драгомана⁴³, а затем, прервавшись, что-то ему со злостью сказал. Грек кивнул, начал говорить тише, но вскоре, увлечшись своей важной ролью, опять повысил голос. Турок занервничал.

Аудиенция прошла сумбурно, не помогли даже витиеватые, в восточном духе, слова султанского посланника, сравнивающего русского царя и с солнцем, и с небом, и со львом...

Меншикова так и подмывало остановить этот поток лести и спросить у турка: а где же место самого султана, коль рус-

---

⁴³ Переводчик.

ский царь в их глазах обладает всеми этими достоинствами, а солнце и небо его крёстные? А турок всё не унимался...

Меншиков демонстративно зевнул. Устал от потока лестии и грек. Восточная лесть – атрибут общения и ровным счётом ничего не значит: сегодня ты царь царей, а завтра – никто, голова твоя с высунутым языком будет торчать на заборе султанского дворца.

Наконец Меншикову все это надоело. Он резко сказал посланнику султана:

– А что-то я не вижу великого визиря, на крайний случай – его министра. Как его?.. – переспросил князь у Озерова.

– Фуад Эфенди, ваше высокопревосходительство.

– Вот-вот, его самого.

На бестактность русского посла, нарушающего дипломатический протокол, султанский церемониймейстер, по крайней мере, внешне, не обратил внимания. Сделав очередной поклон, он спокойно произнёс:

– Высокопочтимый Фуад Эфенди нижайше просит извинить его, но он не может прийти по причине своего плохого самочувствия. Он будет безмерно счастлив видеть вашу светлость у себя в любое удобное для вас время.

– Как может плохо чувствовать себя Эфенди, коль вчера я его видел в добром здравии? Он обещал встретить русского посланника, – насмешливо вставил Озеров.

Турок высоко вознёс кверху обе руки и загадочно ответил:

– Аллах велик, не нам, ничтожным, знать его планы.

– Аллах-то здесь при чём? Своим неуважением к русскому послу вы нанесли оскорбление России. Так и передайте это уважаемому великому визирю Мехмед Али-паше, – запальчиво произнёс Озеров.

Меншиков встрепенулся и требовательно произнёс:

– Передайте своему визирю, что я весьма недоволен сим обстоятельством и требую наказать министра.

В ответ на оскорбительное требование посла церемониймейстер поклонился, а затем, не поднимая головы, попятился к выходу. Аудиенция закончена.

Светлейший князь игнорировал министра иностранных дел Фуада Эфенди и демонстративно не стал наносить ему визит. Более того, даже приличествующее в таких случаях письменное извещение о своём прибытии и желании иметь аудиенцию у султана князь отказался посылать. Это был дипломатический скандал...

Наслышанный о недовольстве чрезвычайного посла России, великий визирь не преминул воспользоваться этим скандалом. Уже через пару дней случилось нечто небывалое: министр Фуад Эфенди, якобы оскорблённый оказанным ему невниманием, неожиданно самостоятельно подал в отставку.

Озеров так прокомментировал это событие Меншикову.

– Ваши слова не пустой звук для султана – уважает. Теперь у них новый министр – Рифаат-паша. Пора, видимо, договариваться с визирем о встрече, ваша светлость.

Спустя несколько дней Меншиков посетил великого визиря Дамат Мехмед Али-пашу.

Князь умышленно не сделал из своего посещения пышного события: повседневный мундир, сабля с потёртым темляком сбоку, неброская карета, запряжённая всего двумя лошадьми...

Сопровождали посла только Корнилов, Непокойчицкий, Озеров, грек-переводчик и адъютант Аниканов. Именно этого адъютанта князь специально взял с собой, чтобы тот передал своему покровителю, графу Нессельроде, весь разговор с визирем.

Визиря о визите предупредили заранее, но и здесь Меншиков не удержался и указал время прибытия «с утра до полудня».

– Ничего, пусть ждёт, – в ответ на немой вопрос Озерова пробурчал светлейший князь.

– Обидится, – уверенно заявил Озеров. – Мехмед Али женат на дочери султана Махмуда II, к тому же нет и полгода, как он стал великим визирем. Опыта у него маловато, боюсь, не поймёт подобное наше поведение. Протокол мы уже нарушили, не посетив Фуада, а тут опять оскорбление... Не перегибаем ли палку, ваша светлость?

– Переживёт... – отмахнулся Меншиков.

Визирь принял русского посла сидя, даже не привстал с подушек. Меншиков насупился.

– Так принято у мусульман-староверов, ваша светлость,

не обижайтесь, – успел шепнуть Озеров. – Правоверные-староверы перед гяурами⁴⁴ не встают.

Дамат Мехмет Али расплылся в улыбке и очень почтительно произнёс:

– Хош гельдин.

Грек тут же перевёл:

– Добро пожаловать.

Переговоры прошли без особых трений, договорились о составе делегации, о перечне вопросов, которые необходимо было обсудить, но вот о дате визита долго спорили. Меншиков хотел, как и с визитом визиря, появиться во дворце, не предупреждая о своём визите. Мехмету Али пришлось долго уговаривать русского посла не делать этого. На предложения русского посла больше похожие на требования, визирь терпеливо твердил:

– Так не принято у нас, уважаемый паша, великопочтимый султан должен знать о визите гостей заранее.

В конце концов, светлейший князь согласился, но наотрез отказался при входе в тронный зал поклониться султану.

Визирь тяжело вздохнул, хотел было уже недовольно произнести, что встреча в таком случае отменяется, но неожиданно, загадочно улыбнувшись, согласился с требованием посла.

Меншиков победно посмотрел на Озерова: знай, мол, наших! Дату встречи согласовали быстро.

---

⁴⁴ Презрительная кличка не мусульман.

В начале марта, в оговоренный день, Меншиков направился к дворцу султана. Было ветрено и прохладно. Над городом плыли рваные облака. Солнце урывками показывалось посреди туч. Наступал час полудня.

Недалеко от дворца в небольшом уютном заливе, покачиваясь на волнах, в окружении дворцовых лодок, сверкая позолоченными деталями рангоута, стоял парадный с красивыми обводами, видимо, султанский галиот. Совсем недалеко от главных ворот высился огромный фонтан мавританской архитектуры, за ним – дворцовая набережная и мощные, но одряхлевшие от времени стены Константинополя.

Турецкие вельможи, встречающие делегацию у главного входа, монументальной арки с двумя высокими башенками по бокам, несмотря на тёплые халаты, продрогли.

Они недовольно прохаживались вдоль высокой стены, почти не общаясь между собой, и каждый что-то тихо бормотал себе под нос. Русская делегация запаздывала, и сильно.

Но вот послышался цокот большого количества копыт по булыжной мостовой. «Русские?!..» – с облегчением вздохнули турецкие сановники.

Чтобы придать большую значимость своему визиту, светлейший князь прибыл в сераль⁴⁵, прихватив с собой почти всю, прямо скажем, немаленькую делегацию. Более десятка карет запрудили пространство перед аркой дворцового входа.

---

⁴⁵ Дворец султана.

Едва Меншиков покинул карету, как турки почтительно склонили перед русским послом головы. Выслушав положенные в таких случаях приветствия, делегация вошла на обширную территорию дворцового комплекса, направляясь в сторону зала Дивана. В это время муэдзины со всех минаретов заунывным напевом стали созывать правоверных к полуденной молитве.

Как по команде, турки опустились на колени. Намаз – дело святое. Русская делегация скромно отошла в сторону и терпеливо ожидала, пока правоверные закончат общение с Аллахом.

Через некоторое время Меншиков и сопровождавшие его адмирал Корнилов, генерал Непокойчицкий, Озеров, адъютант Аникеев и переводчик-грек подошли к дверям зала Дивана. Повсюду горели свечи, аромат которых приятно щекотал ноздри.

Остальные члены делегации вместе с турецкими министрами разбились на кучки и о чём-то стали беседовать. По крайней мере, они оживлённо жестикулировали руками, хлопывали друг друга по плечам и вежливо улыбались.

Двое слуг торжественно открыли дверь, ведущую в тронный зал султана. Напротив двери, у противоположной стены зала, в окружении нескольких ближайших сановников был виден сам султан – Абдул Меджид I, восседавший на троне.

Князь в недоумении остановился. Дверь была настолько низкой, что войти высокому человеку вовнутрь и при этом

не согнуться, то есть поклониться, было невозможно.

На лице великого визиря промелькнула злорадная ухмылка.

Меншиков вопросительно посмотрел на Озерова. Тот непонимающе пожал плечами. Недолго думая, князь развернулся и задом вошёл в зал. Все ахнули!

Визирь сокрушённо покачал головой и печально вздохнул.

Ближайший к нему вельможа, наклонившись к уху визиря, прошептал:

– Зря переделывали вход, уважаемый Мехмед-Али. Этот долговязый шайтан русский, как видишь, всё равно нашёл выход, не склонил голову перед султаном. Висеть бы ей на стене сераля...

– Сие теперь невозможно. Как бы наши головы не торчали на стене, – пробурчал визирь.

При виде посла, идущего задом, султан удивлённо взглянул на своего визиря, однако промолчал: к нему приближался Меншиков.

Нарушив обычай, султан неожиданно, вызвав удивление придворных, поднялся и сделал два шага навстречу русскому послу, затем по-европейски подал руку Меншикову. Рукопожатие тридцатилетнего султана было поначалу слабым, однако, почувствовав упругость посольской руки, султан напрягся и, как мог, сдвинул ладонь князя. Оба взглянули друг на друга, и едва заметная улыбка тронула их лица. Султан

приветливо махнул рукой в сторону диванов, предлагая гостю сесть.

Озеров облегчённо вздохнул. «Начало обнадеживающее...» – мелькнула у него мысль. Вместе с переводчиком он встал рядом с Меншиковым, с другой стороны – адъютант.

В зале воцарилась тишина. Меншиков испытующе разглядывал государя некогда великой Османской империи. Лицо его было хмуро и напряжённо.

По протоколу первым должен приветствовать султана гость. Однако князь молчал. У Озерова мелькнула тревожная мысль: «Не дай Бог, князь взбрыкнёт, повернётся и уйдёт. Встреча будет провалена».

Пауза затянулась. Меншиков продолжал молчать. Обстановка накалялась.

Выручил султан: он хоть и вымученно, но улыбнулся. Грек-переводчик приготовился к исполнению своих обязанностей и слегка выступил вперёд.

Султан воздел обе руки вверх.

– Я приветствую вас, дорогой посол, на нашей земле, дарованной нам нашими предками. Слава Аллаху, трудный путь по зимнему беспокойному Чёрному морю мой почтенный гость закончил благополучно. Пусть и дальше светлейшему князю сопутствует удача. Переводчик перевёл.

Среди свиты прошелся вздох облегчения.

Меншиков небрежно закинул ногу на ногу, не спеша расправил полы своего мундира, изобразил улыбку и степенно

произнёс:

– Благодарю, ваше величество! Вы весьма правильно подметили, что море – Чёрное, оно и в самом деле беспокойное. Но Господь наш, Иисус Христос, направил нас на путь истинный совсем не зря. Обиды вы вершите у себя в государстве, ваше величество. Над людьми, верой преданным нам, христианам, притеснения разные чините. Государь-император наш крайне недоволен поведением слуг вашего величества.

Несмотря на ранее данное обещание Порты, вопрос о святых местах так и не решён, ваше величество. Ключи от Храма Господня переданы католикам, а не православным христианам, коих в вашем государстве около двенадцати миллионов. Почему?.. Грех это, большой грех, ваше величество.

Интонация Меншикова была не резкой, но и мягкой её тоже нельзя было назвать. По сути, князь отчитывал государя великой Османской империи как неразумного ребенка, совершившего непристойный поступок. Так с султаном еще никто не разговаривал.

Присутствующие опять напряглись. О соблюдении дальнейших пунктов оговоренного протокола визита уже не могло быть и речи.

– Рискует князь, рискует. Не принято в таком тоне говорить здесь. Турки могут просто вышвырнуть нас отсюда, – прошептал на ухо Корнилову Озеров. Адмирал пожал плечами.

Но посол не рисковал. Меншиков твердо усвоил, что император не удовлетворится частичными уступками турок, что в Константинополе, как советовал император, следует разговаривать в резком тоне, не исключено, в крайнем случае, и выставить ультиматум. Более того, из разговора с императором перед самым отъездом из столицы князь уловил, пусть не явно, высказанную мысль государя о желательном разрыве отношений с Портой и запомнил повторенную им дважды фразу: «Не бойтесь, князь, идти с турками на разрыв отношений...» И это давало Меншикову большой простор в действиях.

И опять султан разрядил обстановку. В полной тишине совсем тихо раздался его голос:

– Если бы люди не делали грехов, мир давно перестал бы существовать, уважаемый князь. Слова ваши больно терзают моё сердце. Ваше чистосердечие сняло завесу с моих глаз. Претензии к слугам Аллаха, – султан строго посмотрел в сторону своей свиты, – будут мною рассмотрены. Я издам соответствующий фирмам⁴⁶, не сомневайтесь, уважаемый посол. Но и у моих подданных есть к вам, светлейший князь, претензии.

Султан едва заметным движением бровей подал знак великому визирю. Тот сделал шаг вперёд и, глядя на русского посла, начал свою витиеватую речь:

– Наш мудрый повелитель султан Абдул Меджид I, да све-

---

⁴⁶ Указ.

тится имя его на небесах, учит нас, подданных, что к русскому государю царю Николаю надо относиться с чувством глубокого уважения и любви. Однако мы не видим с вашей стороны того же. По нашим сведениям, к нашим границам в Молдавии вы собираетесь приблизить свои дивизии. Зачем?.. Не совместимы эти действия с чувствами обоюдного уважения.

Ты, высокопочтимый князь, говоришь о святых местах, дорогих твоему сердцу, якобы мы народ христианский притесняем... Но своими действиями твой государь не только не решит этих проблем, наоборот – ухудшит. Аллах всё видит, он защитит нас.

Меншиков чуть не подпрыгнул от такой лжи. Топнув ногой, он грозно произнёс:

– Почему так говоришь, визирь? Зачем Всевышнего вспоминаешь? Мы, что ли, с французами договариваемся по поводу ключей от Храма Господня, мы, что ли, перекрыли проливы для наших кораблей, мы, что ли, пляшем под английскую дудку? Не мы ли вам постоянно предлагаем условия для выгодной обеим странам торговли?

А что ваше величество скажет, – с гневом произнёс Меншиков, устремив свой взгляд на султана, – на то, что Франция в конце лета того года подвела под стены Константинополя 90-пушечный корабль? Как это понимать, ваше величество? Это же грубейшее нарушение Лондонской конвенции. Босфор и Дарданеллы в мирное время должны быть закрыты

для военных кораблей. Но вы молчите!..

– Ваша светлость, – прошептал на ухо Меншикову Озеров. – Говорите помедленнее, переводчик не успевает переводить.

Разгорячённый князь бросил недовольный взгляд в сторону грека и... успокоился, а затем уже более спокойным голосом приказал:

– Антон Дмитриевич, вручите визирю меморандум с нашими требованиями.

Визирь взял документ, бегло его просмотрел и стал что-то шептать на ухо султану. Тот нахмурился, губы его скривились, и он стал кивать головой.

Меншиков неожиданно встал с дивана, принял официальную позу и громко произнёс:

– И знайте, ваше величество, Россия, коль вы не примете мер к решению поставленных вопросов, не остановится ни перед какими мерами, которые ей подскажет реальность.

При переводе последних слов князя губы грека-переводчика расплылись в довольной улыбке.

Султан же при этом скривился ещё больше. Он что-то зло бросил великому визирю и резко встал с дивана. Затем, обращаясь к Меншикову, произнес:

– Всемогущий Аллах всегда прислоняется к своему любимому народу в трудные времена, он и сейчас с нами и обязательно подскажет нам, правоверным, нужное решение. Дайте нам время, уважаемый князь. А пока примите наши

скромные дары в знак полного к вам уважения, дорогой посол.

За спинами султанской свиты раскрылась дверь, и оттуда вышли трое слуг с подарками в руках. Один из слуг нёс медную вазу тонкой чеканки, на которой были выгравированы виды Константинополя и пролива Босфор.

С поклонами слуги положили подарки у ног Меншикова. Князь сухо поблагодарил султана и тут же обратился к нему с просьбой впредь принимать его, Меншикова, без предварительного особого доклада.

Султан был несколько смущён сухостью благодарности и просьбой русского посла. Из его витиеватой речи Меншиков и его свита, однако, поняли, что султан что-нибудь придумает, дабы не обидеть дорогого гостя.

На этом аудиенция была закончена, и русская делегация покинула дворец султана.

Едва за русскими закрылась дверь, визирь Мехмед Али произнёс:

– Нахождение в свите посла сразу двух командиров разных войск, которые в случае войны первыми выступят против Порты, вызывает беспокойство, мой господин. Зачем они здесь? Шпионят?

Султан не ответил.

– К нам поступают донесения паши⁴⁷ крепости Чана-Кале, – продолжил визирь. – Его разведчики сообщают, что в

---

⁴⁷ Высокопоставленный чиновник или командир-офицер.

Мраморном море постепенно скапливаются флота Англии и Франции и число их кораблей постоянно растёт. Для каких целей они там стоят? Купцы говорят также, что и возле Мальты видели иноземные фрегаты... Нет, до прибытия сэра Стратфорда нам надо по возможности тянуть переговоры с русскими. Вполне возможно, и не придётся исполнять их требования.

Нервно перебирая чётки, султан произнёс:

– Флот в Мраморном море, возле Мальты... Это может многое означать. Хорошо, Мехмед-Али, дождёмся английского посла. А пока не оставляйте русских ни на минуту без надзора...

До конца марта 1853 года турецкие власти всячески ублажали русскую делегацию. Бесконечные переговоры, совместные обеды, плавно переходящие в вечерние трапезы с танцами живота прекрасных турчанок, прогулки на лодках по Босфору...

Турецкие чиновники вели себя на переговорах, как того требовал русский посол, весьма уважительно. Они соглашались почти по всем пунктам выставленных Меншиковым условий, но никаких документов при этом не подписывали.

Новый министр иностранных дел, проевропейски настроенный дипломат Мустафа Решид-паша в свои пятьдесят три года успел побывать на многих ответственных государственных постах, в том числе он был послом во Франции и Великобритании. Министр, всячески затягивая переговоры, как

мог, сглаживал острые моменты в спорах при обсуждении того или иного вопроса.

«Аллах велик, как велики и дела его на земле нашей. Не стоит, господа, нам поспешно принимать решения, дабы не ответственность потом перед Всевышним. Бросая бумеранг поступков, заранее надо думать, как будешь ловить бумеранг последствий. Не будем, господа, торопиться», – часто повторял он, поглаживая бороду и вознося руки к небу.

В присутствии членов русской делегации министр не раз критиковал некоторые высказывания английских политиков в отношении и Франции, и России, чем заслужил некоторое доверие князя Меншикова. Решид-паша, с его слов, не верил и во взаимные недружелюбные отзывы друг о друге английских и французских министров. Но это недоверие он скрывал от Меншикова.

Решид-паша был дальновидным и достаточно умным политиком, а потому знал, что слабая Турция в конце концов станет разменной монетой в отношениях англичан, французов и России. Учитывая всю бурную историю отношений своей страны с Россией, он стремился упрочить франко-английские отношения в ущерб русским, так как это, на его взгляд, было более полезно Османской империи.

Наконец, в первых числах апреля корабль британского флота бросил якорь в Босфоре. В Константинополь вернулся давно ожидаемый турками английский посол лорд Рэдклиф. Он привёз с собой инструкции, как Турции вести себя

с русским послом. Один из пунктов требовал от турецкого правительства благоразумия и полного доверия к советам и рекомендациям британского посла.

Рэдклиф был искусным дипломатом, но, как говорили многие дипломаты, с тяжелым характером. И в Париже, и в России лорда в качестве посла видеть не желали. Ещё лет двадцать назад царь Николай весьма настойчиво отклонил назначение Рэдклифа послом в Петербург. И пришлось тогда английскому дипломату ехать в Турцию, где, кстати, позже он приобрёл большой авторитет у местной элиты и даже султана.

Уже на следующий день Рэдклиф встретился с Решид-пашой в его загородном доме. Министр встретил англичанина сидя на софе, поджав под себя ноги. Он курил длинный чубук, опирая его конец на бронзовую подставку. Из узорчатых окон пробивался слабый дневной свет. Тихо-тихо звучала заунывная восточная мелодия. В помещении был полумрак, пахло сладковатым табаком, смешанным с запахом благовоний, горели свечи. Под самыми окнами шумели волны Босфора, да так близко, что при сильных порывах ветра отдельные брызги залетали в комнату. Свечи в этот момент, как по команде, начинали трепетать.

Гость устроился на софе напротив. Перед мужчинами располагался невысокий стол, на котором стояла большая плоская ваза, наполненная фруктами, сладостями, рядом – графины с шербетами...

Появился мальчик-чубукчи с разожжённым чубуком такой же длины, как и у хозяина. За мальчишкой возник слуга постарше с подносом, на котором стоял бронзовый чайник, инкрустированный тонкой чеканкой и местами покрытый эмалью зелёного цвета. Вокруг него рядком стояли стеклянные, невысокие стаканчики. Посол вежливо отказался от чубука и дал знак слуге налить в стаканчик чаю.

– Скучал, очень скучал по вашему чаю и вкусному кофе в Лондоне, ваше сиятельство. Как вы, турки, их завариваете?..

Министр вначале витиевато поздравил английского посла с присвоением ему звания лорда, не забыв также высказать здравицу в честь королевы Виктории, а затем ответил на его вопрос:

– Ну, кофе, положим, и у вас, милорд, прекрасно готовят. А как мы завариваем чай?!.. Мы кипятим воду вместе с чаем несколько минут, чего не делаете вы, англичане. Я вас лично, сэр, научу этому. Дело нехитрое.

На этом протокольная часть закончилась, и они приступили к делу.

Рэдклиф ознакомил министра с предложениями своего правительства относительно положения дел в Турции, как его видят в Европе, и заверил министра в полной британской поддержке.

– В случае критической ситуации для Турции, – добавил лорд Рэдклиф, – стоящий в Средиземном море британский флот, вполне возможно, придёт на помощь султану. Всё за-

висит от ситуации на тот момент. Но хочу вас заверить: вам не о чем беспокоиться, уважаемый Решид-паша.

В ответ на это министр ознакомил английского посла с требованиями князя Меншикова.

Как опытный дипломат, Рэдклиф сразу определил в них две разные зоны конфликта. Первая проблема – старые противоречия по поводу святых мест. Кто: католики или православные имеют преимущественные права на гробницу Богородицы? Православный или католик должен быть привратником при храме? Кто обладает привилегией чинить купол Храма Гроба Господня?

Рэдклиф закурил сигару, затем мастерски выпустил сочное кольцо дыма и, возвращая листы с русским меморандумом, лениво произнёс:

– Сии вопросы, дорогой Решид-паша, весьма мелкие, они никоим образом не грозят вашей стране неприятностями. Вы уж постарайтесь найти по ним общий язык и с русскими, и с французами. А вот вторая проблема, ваше сиятельство, – главная проблема. Россия, как я вижу, требует исключительного права на защиту православных подданных султана.

– Которых в Турции немало, около двенадцати миллионов, – с интересом наблюдая за расплывавшимся над головой англичанина кольцом, пробурчал визирь.

– Надеюсь, вы понимаете, что это огромная сила, объединённая религиозным фанатизмом? А что такое защита? Это военное вмешательство в случае конфликта. И эти миллио-

ны христиан ударят вам в спину.

Сказав это, посол опять выдохнул кольцо дыма.

– Это так, милорд, – не отвлекаясь на баловство гостя, произнёс министр. – Однако в Кючук-Кайнарджийском договоре от 1774 года и в последующем Адрианопольском 1829 года есть пункт, который даёт России полное право заботиться о православных и выдвигать Османской империи возражения в случае необходимости. Канцлер Нессельроде постоянно нам об этом напоминает, а князь Меншиков на переговорах просто грубо требует.

Англичанин снисходительно, но с жёсткими нотками в голосе успокоил визиря:

– Неужели вы, паша, не привыкли к подобным угрозам русских? Ну, погрозят-погрозят, на том и успокоятся. В конце концов, если бы хотели, давно бы заставили вас смириться. Вы же старый дипломат, ваша светлость, должны об этом знать.

– Пустые угрозы?!.. Позвольте не согласиться, сэр! Что-то я этого не заметил, судя по всем предыдущим войнам, – совсем тихо и с недовольством произнёс Решид-паша.

– А вот по поводу прав России по этим договорам, – не обращая внимания на раздражение министра, продолжил Рэдклиф, – они действительно законны! Эти права моё правительство тоже признаёт за царём Николаем.

В это время открылась дверь. Вошёл слуга. Он поставил на стол очередной чайник с горячим чаем, забрал остывший,

бросил взгляд на нетронутую вазу с фруктами и, не проронив ни слова, удалился.

Специальными щипчиками посол откусил горящий кончик сигары, положил его в пепельницу и с удовольствием маленькими глотками стал прихлёбывать из стаканчика чай.

Решид-паша не торопил гостя. Он медленно срезал небольшим ножом с красивой рукояткой кожицу с яблока и также не спеша отправил кусочек в рот. Наконец Рэдклиф продолжил:

– Как я уже говорил, надеюсь, первую проблему вы вскоре решите, уважаемый Решид-паша... Я постараюсь помочь вам в этом.

Поклоном головы министр поблагодарил Великого Элчи.

– Но, – продолжил англичанин, – вам нужно жёстко противостоять давлению русских по второй, более серьёзной проблеме. Я имею в виду право России надзирать... Другими словами, осуществлять протекторат в отношении православных Оттоманской империи. Советую вам всячески затягивать это решение, а при чрезмерной настойчивости русского посла Меншикова решительно ответить отказом. И потом, вы должны знать каждый шаг русских. А у вас, уважаемый Решид-паша, нет никакой политической полиции, ни тайной, ни явной. Подозреваю, вы даже не знаете, где живёт русский посланец... Нельзя же так! Деятнадцатый век на дворе! Заведите в конце концов тайную полицию. И способного человека директором поставьте, – Рэдклиф сделал паузу.

зу. Отхлебнул из чашки и лениво закончил: – И тяните, тяните время с русскими на переговорах.

– Что мы и делаем, милорд. Ожидая вас, тянем время. Однако, сэръ, прежде чем дать отказ русским, я должен знать: а можем ли мы при надобности надеяться на вооружённую помощь Британии и Франции? И есть ли гарантия, что ваши великие страны объединятся и заключат союз против России?

– Давайте, ваше сиятельство, не будем торопить события, – уклончиво ответил лорд Рэдклиф. – Но в любом случае Англия не бросит вас в трудную минуту, в этом я могу вас заверить.

Визирь в ответ благодарно склонил голову.

– А по поводу тайной полиции, сэръ, я обязательно напомню высокочтимому султану о вашем предложении.

Великий Элчи не стал говорить Решид-паше, что уже в феврале этого, 1853 года, английские политики в пику России, а главное – тайно, заключили секретное соглашение с французами о совместной деятельности против России.

Рэдклиф взял сигару, не спеша чиркнул спичкой, пыхнул дымом и на минуту задумался.

«Всё идёт по плану. Капкан для русских варваров захлопывается. Надо вместе с этим де Ла-Куrom⁴⁸ продолжать давить на турок, напоминая им лишний раз, что Россия их враг. И смелее подталкивать их к войне с ней».

---

⁴⁸ Посол Франции в Константинополе.

От собственных слов Рэдклиф самодовольно ухмыльнулся. Он с видимым удовольствием затянулся сигарой и медленно тонкой струйкой стал выпускать дым.

«А за это время мы, британцы и французы, накопим силы на подступах к границам варваров. В Средиземное море уже направилась британская эскадра, а в Эгейское – французская. А там... война даст нам повод под предлогом защиты османов от русских в нужный момент начать активные военные действия против императора Николая I», – выпустив остатки дыма, весьма довольный собой, посол закончил свои размышления.

А затем, настороженно взглянув на своего визави, продолжил свои размышления: «Готовится выход флота в Балтийское и Белое моря и на русский Восток. Мы возьмём Россию в клещи. Но этого знать туркам пока не положено...»

Рэдклиф встал, загасил сигару. Подошёл к окну, распахнул его пошире и выглянул наружу.

– Красота! – воскликнул он, любуясь чудным видом на Босфорский пролив. – Красиво тут у вас, уважаемый Решид-паша. Слышите, как шумят волны? Этот шум мне напоминает шум волн под бушпритами английских корветов с гордо развевающимся флагом на корме. И пока этот стяг реет на мачтах наших кораблей, Турции нечего бояться угрозы России, и не только в водах Босфора, но и на Чёрном море. Помните это, паша, и будьте тверды в общении с русскими, несмотря ни на какие угрозы.

Выпив ещё несколько чашек чая, английский посол любезно распрощался с гостеприимным хозяином.

С появлением в Константинополе английского посла тон переговоров с турками резко изменился.

Влияние лорда Рэдклифа на ход переговоров Меншиков почувствовал сразу. К немалому удивлению русской делегации, турецкие чиновники стали вдруг опаздывать к назначенному ранее часу заседаний, чего до прибытия англичанина никогда не было. Прекратились приглашения на совместные обеды и прогулки... Князь сердился, угрожал Решид-паше покинуть переговоры, однако турецкий министр только виновато разводил руками, льстиво извинялся, улыбался, но твёрдо стоял на своём.

Переговоры неизбежно двигались в тупик. И тут Меншиков узнал, что турки часто встречаются с английским послом. Тогда, видя бесплодность своих споров, Меншиков стал советоваться с послом Рэдклифом.

И, о чудо!.. Дело сразу сдвинулось с мёртвой точки. Три посла – русский, французский и турецкий – встретились и, к немалому своему удивлению, а также к удивлению всех прочих, довольно быстро достигли соглашения по многим вопросам, связанным со святыми местами. И вскоре, что совсем удивительно для медлительных турок, султаном был подписан фирман, гарантирующий права православных в Османской империи. И уже совсем неожиданно турки издают конвенцию, согласно которой, в Иерусалиме выделяет-

ся место для строительства русской православной церкви и приюта для паломников. Россия вернула себе привилегии на Святой земле.

Однако вопрос о русском протекторате в отношении православных христиан на территории Турции, как того требовал Кючук-Кайнарджийский трактат, решён так и не был. И Меншиков решил посетить английского посла. Встреча произошла в доме англичанина.

Посланник императора выразил Рэдклифу благодарность за посредничество в переговорах с турками, заверил лорда в неизменной дружбе императора Николая с королевой Викторией, а также убедил, что две великие страны должны жить в мире и согласии.

Выслушивая дежурные слова благодарности русского посла, без присущей европейскому дипломатическому этикету изящности, лорд Рэдклиф в душе ликовал.

Английский посол прекрасно понимал, для каких целей пришёл к нему этот длинный, как жердь, сухопарый, с неприятным голосом старик, доверенное лицо самого императора Николая.

При упоминании Меншиковым имени своего императора английский посол, как того требует этикет, почтительно встал с кресла и даже вытащил изо рта свою неизменную сигару. Несколько смутившись, вслед за хозяином с кресла поднялся и Меншиков.

Когда русский посол закончил свою речь, лорд Рэдклиф

многозначительно произнёс:

– Моя помощь, сэръ, это знак уважения королевы Англии к вашему императору, что подчёркивает самые дружественные отношения между нашими странами.

Однако, господин посол, не обольщайтесь в отношении турок. Разве можно верить этим османам? Турция слаба, и позвольте дать вам совет: у вас есть все шансы требовать более весомых уступок от султана. Я имею в виду ваше полное влияние на христианскую паству в Порте.

И, видя немой вопрос русского посла, добавил:

– Нет-нет, сэръ, не думаю, что Турция окажет вам серьёзное сопротивление. Ну а уж на случай конфликта между вами, не берусь, сударь, сказать о явной поддержке вашей страны, но Англия точно не выступит на стороне Турции.

Услышав эти слова, Меншиков успокоился. Но ему явно не понравилось слишком поспешное заверение англичанина в дружбе. Да и интонация коллеги какая-то льстивая...

«Слишком быстро, даже без моего нажима произнёс этот старый лис слова о дружбе. Странно... И голос его не просто льстивый, а какой-то чересчур бравурный... Вроде как мы уже воюем с турками, а он меня успокаивает. А может, показалось, придираюсь, наверное, к бриттам по-стариковски...»

Наговорив друг другу кучу комплиментов, послы попрощались. Уже входя в открытую слугой дверь, Меншиков неожиданно повернулся.

Заложив ногу на ногу, с сигарой во рту лорд Рэдклиф си-

дел в кресле. Как раз в этот момент он выпустил целую вереницу сочных колец и теперь с довольной улыбкой на лице смотрел вверх, внимательно следя за ними. А кольца медленно поднимались, и там, наверху, контуры их таяли, таяли...

Своего гостя Рэдклиф не видел.

Вид тающих колец наваял Меншикову неприятную ассоциацию. «Слова, что дым: выпустил и забыл... Поди, и с дружбой так будет...»

Меншиков хмыкнул и вышел из комнаты.

Собрав ближайших помощников в посольстве, Меншиков рассказал им о своей встрече с английским послом.

– Англичанин прав, ваша светлость, – высказался Озеров. – Прав Рэдклиф и в отношении нашего протектората над православными и недоверия туркам. Султан, ваша светлость, ранее уже подписывал подобные фирманы и конвенции, и они тут же нарушались чиновниками. Нам нужно добиться законодательного права покровительства нашего императора над православным населением Турции. Собственно, так же, как это уже сделано относительно покровительства Франции над католиками.

– Нонсенс!.. – ваша светлость. – Не пойдёт Диван на это... Сие право над многомиллионным православным населением будет явным вмешательством в их, турецкие, дела, – осторожно заметил один из помощников Озерова. – И понять турок можно.

Кивнув в сторону своего помощника, Озеров уже менее убеждённо произнёс:

– Понимаю, что это нонсенс. Зато было бы надёжнее! А по поводу заверения английского посла... я бы доверял им в последнюю очередь, ваша светлость.

Адмирал Корнилов и генерал Непокойчицкий поддержали Озерова в том, что доверять словам англичан не следует. А по поводу турок...

– Ну, турки... что турки, ваше высокопревосходительство, – сказал генерал. – Войска его величества готовы встретиться с любым неприятелем. Побьём окоянных, коль нужда в том будет.

– А коль англичане и французы объединятся да плюс турецкий флот?.. – вставил Меншиков.

– Будем биться до конца, ваше высокопревосходительство, – уклончиво ответил Корнилов. – Им что нужно? Севастополь. А с моря его не взять никому. Чего, правда, не могу гарантировать с суши.

Меншиков посмотрел на генерала, но по его лицу понял, что обнадеживающего ответа не получит. С тяжёлым вздохом Меншиков отпустил подчинённых. Князь задумался.

Светлейший понимал: государь не удовлетворится частичными уступками турок. Их несогласие по второму вопросу приведёт к обязательному обострению отношений с Россией...

«Однако в этом есть и свои плюсы, – размышлял Менши-

ков. – Чем не предлог для России занять Дунайские княжества, на что мне намекал государь. Но как на это посмотрит Англия, да и Франция, в конце концов... А Австрия и Пруссия?!.. Но в то же время обострение отношений с европейцами происходит не только из-за заботы императора о православных в Турции... Здесь что-то большее... О чём, видимо, знает только один государь», – терзался мыслями светлейший князь.

И Меншиков ответил Решид-паше самым решительным и холодным посланием, смысл которого: всё или ничего. И в качестве последней возможности спасти положение Меншиков дал туркам для ответа три дня.

Для большей наглядности своих серьёзных намерений светлейший князь вызвал Озерова и Аниканова и приказал им убрать со здания посольства российский флаг, запаковать документы, архив, вещи посольства в ящики и демонстративно перевезти их на борт «Громоносца».

Озеров тут же покинул кабинет князя, оставив военных наедине.

– Проследите, лейтенант, за погрузкой на борт корабля членов делегации.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство, – ответил адъютант, щёлкнув каблуками, однако не уходил.

Князь вопросительно посмотрел на Антона.

– Спуск флага, а тем более вывоз архивов и прочего, ваше высокопревосходительство, очень похоже на ультиматум,

как я понимаю.

Седые брови князя резко взметнулись вверх.

– А если султан не ответит? Война?.. Позвольте, ваша светлость, просить вас о милости, которую вы уже мне обещали: направить меня по приходу в Севастополь на действующие корабли.

Меншиков удивился такой просьбе молодого офицера:

– Стало быть, адъютантом не хотите быть, Антон Дмитриевич? Что ж, похвально, весьма похвально.

Князь задумался. Нет, не о просьбе лейтенанта размышлял он. Впервые так явственно морской министр услышал слово «война». И к этому страшному слову причастен он, Меншиков.

Перед глазами поплыли картинки боя, взрывы, чёрный дым пожарищ, крики о помощи... И вереницы, вереницы медленно идущих измождённых солдат и матросов, все они смотрели на него осуждающим взглядом.

«Я сделал все, что мог! – пытался крикнуть им князь. – Не за себя, за братьев наших по вере спорил с басурманами».

Но звук застревал в горле. Солдаты его не слышали.

– Помогите, Господи! Внушите всем разум свой, не дайте свершиться несправедливости, – прошептал Меншиков.

– Не понял вас, ваше высокопревосходительство, – несмело проговорил Антон.

Князь не ответил. Он с грустью взглянул на лейтенанта:

– Идите, лейтенант. Я прикажу адмиралу Корнилову вы-

брать вам место службы. Свободны!

Вскоре на борт парохода перешёл весь персонал посольства за исключением торгового атташе.

Восемнадцатого мая 1853 года «Громоносец» вышел из гавани, встав на якорь на внешнем рейде Константинополя, где простоял до конца заявленного срока. Однако ответа от султана так и не последовало.

Двадцать первого мая 1853 года после полудня «Громоносец» поднял якорь и вышел в открытое море. Русская делегация возвращалась домой.

После визита в Константинополь светлейшего князя и его не совсем удачных переговоров относительно надёжности отношений с Англией некоторые сомнения всё же заставили Николая I рассмотреть возможность сотрудничества в вопросе раздела Турции с Австрией, в благонадёжности которой он не сомневался. Отпуская в июне 1853 года в Вену своего посла Мейендорфа, император напутствовал его:

– Передайте австрийскому императору, что я всецело рассчитываю на его дружбу. Надеюсь, он припомнит, кем я был для него в деле с Венгрией.

– Непременно, ваше величество, – сказал посол. – Франц-Иосиф в душе боится Наполеона III, а потому совсем не лишним было бы посулить ему нашу военную помощь.

– И то правда, Пётр Казимирович! Коль вследствие нашей общей политики относительно Турции он подвергнется чьему-либо нападению, скажите ему, что мои войска опять к его

услугам.

Когда явно почувствовалось ослабление позиций Николая I в турецком вопросе, в Англии начались ещё более острые политические дебаты касательно дальнейшей политики в отношении России. И здесь более всех усердствовали виги. Их партия боялась, что Россия станет более сильной и это может оказать негативный эффект на баланс сил в Европе, где Великобритания была на первых ролях.

Не все европейские страны полностью соглашались с Великобританией в вопросе отношений России и Турции. Некоторые всё же высказывали осторожное мнение, что Россия и впрямь требует таких уступок от османов, которые несовместимы с независимостью Турции и суверенными правами султана. И как ни доказывал канцлер Нессельроде, что речь идет только о «покровительстве православной церкви» и князь Меншиков разорвал сношения с Турцией из-за якобы редакционных несогласий в нотах и проектах формулировок, Марку Васильевичу не верили.

Нельзя сказать, что переговоры русской делегации прошли совсем неудачно: и да, и нет. Удивительно, но результат переговоров, в принципе, устроил все стороны конфликта.

Россия не добилась главного, но, пригрозив мусульманам, что православных христиан в Турции она не бросит, обеспечила себе право (пусть и спорное) при необходимости ввода войск в Валахию; Англия тоже не упустила своего: напроць рассорила турок с русскими, подведя их к началу вой-

ны. Молодой император Франции выиграл пока в том, что без его страны уже не мог разрешиться этот вопрос. Но были ли дипломатические старания Англии и Франции продиктованы одним лишь желанием защитить Турцию от нападения со стороны России? Нет, конечно, у них были свои интересы.

Англия вплотную подошла к своей главной цели: под предлогом защиты Турции напасть на Россию и ослабить её. В надежде вернуть себе северное побережье Чёрного моря, Кубань и Крым Турция заручилась поддержкой сразу двух великих стран – Англии и Франции; Наполеон III увидел в этом прекрасный момент для реванша за 1812 год, чтобы поднять свою популярность среди французов.

Проявляя максимальные усилия в разжигании воинственных настроений слабой к тому времени Турции, обе западные державы желали отстоять Османскую империю исключительно затем, чтобы не допустить Россию к Средиземному морю. А уж потом самим (без России) разобраться с Турцией.

А Европа уже захлебывалась от восхищения деятельностью английской дипломатии и стойкостью турецкого султана, который, как писали все популярные в то время газеты, проявил незаурядную выдержку, терпение и стойкость в переговорах с Россией. «Грозный русский царь Николай, – писала английская «Таймс», – потерпел поражение»

Император Николай I, читая иноземную прессу, был в ярости. Он потребовал от Нессельроде немедленно отпра-

вить в Турцию ультиматум: если Порта не даст положительного ответа на требование России, русские войска пересекут границу придунайских территорий, чтобы «силой, но не войной» добиться того, что султан отказался сделать добровольно.

Санкт-Петербург так и не получил от турецкого султана ответа на ультиматум. Потеряв терпение, Николай I решил действовать.

В начале июля 1853 года царь издал манифест, в котором всенародно признал необходимость двинуть русские войска в Придунайские княжества. «Не завоеваний ищем мы, в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного...» – написано было в царском указе.

Вскоре русские войска под командованием генерал-адъютанта князя Михаила Дмитриевича Горчакова переправились через Прут⁴⁹ и вошли в Молдавию и Валахию.

Царь рассчитывал, что эта силовая акция заставит султана подчиниться давлению России. «Если и это не поможет, – открыто говорил император послам Франции и Англии, – мне останется только признать независимость этих территорий».

Как всегда, отличился французский посол Кастельбажак. Как-то старый вояка напрямую спросил Николая I:

– Ваше величество, а коль и это не поможет?

– Тогда Россия признает независимость Сербии. Но, уви-

---

⁴⁹ Река на Украине, в Молдавии и Румынии,

дите, господа, все закончится благополучно. Ни Англия, ни Австрия за Турцию не вступятся. Без их поддержки, даже если случится, что этот авантюрист Наполеон встанет на их сторону, османы не решатся на открытое неповиновение мне. Султан, поди, не самоубийца, – уверял послов и свое окружение император.

Правительство Англии в лице министра иностранных дел Кларендона, а также оппозиция, возглавляемая тем же лордом Палмерстоном, и прочие английские политики, тщательно маскируя свои истинные намерения, за спиной России упорно готовились к вторжению на её территорию.

А премьер-министр Англии лорд Абердин продолжал лицемерно говорить о нерушимости дружбы и мире с Россией.

И царь этому верил, но здесь он заблуждался: самоуверенность Николая возобладала над его благоразумием. Создалась тупиковая ситуация. Всё шло к большой войне.

В июле 1853 года в Вене собрались послы Британии, Франции, Австрии и Пруссии. После долгих споров и компромиссов они выработали соглашение, так называемую «Венскую ноту». Император Николай I, как ни странно, согласился подписать компромиссное соглашение, однако не без участия англичан, а главное, совсем неожиданно, турецкий султан отказался от подписи.

Труд венских дипломатов пошёл прахом.

Именно в это время объединённый флот Англии и Франции получил приказ следовать в пролив Дарданеллы и встать

на якорь в Безикской бухте.

Эта неглубокая, защищенная от ветров бухта в Эгейском море являла собой прекрасную якорную стоянку для кораблей – плацдарм, от которого было рукой подать до Черного моря, а там – и России. Флот союзников постепенно стал заполнять акваторию бухты.

На все вопросы русских дипломатов англичане клятвенно заверяли, что их флот не пойдёт дальше, если Константинополю не будет грозить вторжение. К этим обещаниям подключились и Австрия, и Пруссия, заверив российского императора о своём нейтралитете по отношению к России.

Удивительно, но царь Николай, воспитанный на рыцарских понятиях и будучи благородным, верил этой лжи, так велика была его вера в порядочность джентльменов с берегов Туманного Альбиона и стран Европы, которых Россия не раз выручала, проливая кровь русских солдат на их территории. Жалко, но Николай I не слышал, как австрийский император Франц Иосиф I в тайных беседах со своими партнёрами говорил: «Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, спасших тебя когда-то, но в политике нельзя иначе, а наш естественный противник на Востоке – Россия. Наше будущее – на Востоке. Мощь и влияние этой страны стали возможны только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Мы должны объединиться и довести русских до краха».

И всё-таки Австрия и Пруссия не рискнули открыто вы-

ступать на стороне Великобритании и Франции. Однако их враждебный к России нейтралитет сковывал на границах значительные силы русских войск, так необходимые в Крыму и Севастополе.

А в Европе всё больше и больше складывалось негативное отношение к России.

Слишком долгое нахождение на российском троне Николая I оторвало его от реальной жизни в собственном государстве. Он уверовал в свой авторитет в Европе, силу и мощь российской армии и флота. И он, царь, словно ослеп. Он не видел, как вокруг России плетётся клубок лжи и недоверия. Как из стран Европы вокруг Англии постепенно образуется враждебная России коалиция.

Действия русского императора приобрели противоречивый, непоследовательный характер. Он продолжал считать, что врагов в Европе у него нет, кроме Турции.

Создавалось впечатление, что император не понимал особенностей своего времени: эпохи завоеваний и желания любыми средствами расширить свои территории.

Как однажды канцлер Нессельроде, говоря о своём государе, горько произнес: «Он намерен выбросить Россию из Европы».

По всем признакам назревала война с Турцией. Османы усиленно готовились к захвату русских территорий на Кавказе и с помощью союзников хотели вернуть себе Крым, хотя султан, глядя на громадный флот союзников, скопившийся

недалеко от его границ, подспудно понимал, что быть полновластным хозяином на Крымском полуострове ему уже не придётся.

И вот под давлением англичан в начале октября 1853 года Османская империя объявила войну России. Сосредоточенная в районе Батуми двадцатитысячная турецкая армия должна была высадиться в районе Поты и Сухуми, чтобы окружить и уничтожить русскую армию на южном Кавказе. Переброску этих войск должен был осуществить турецкий флот под командованием адмирала Осман-паши.

Ещё до объявления войны, предвидя эти события, по приказу военного ведомства эскадра вице-адмирала Нахимова в конце сентября перевезла из Севастополя на Кавказское побережье вместе с большим количеством снабжения около семнадцати тысяч человек. Затем в целях недопущения переброски турецких войск на Кавказ эскадра Нахимова вышла для крейсерства восточной части Черного моря.

Выход в море эскадры не остался незамеченным Турцией, её корабли попрятались в бухты. Несмотря на жесточайшие штормы, русские корабли в течение месяца упорно искали место стоянки турецкого флота. И наконец, в начале ноября 1853 года турецкие корабли были обнаружены на внутреннем рейде Синопской бухты.

Чтобы исключить возможность турецкому флоту покинуть якорную стоянку, несмотря даже на многочисленные береговые батареи, установленные по берегам узкой

бухты, Нахимов принял решение, не дожидаясь помощи, атаковать турецкую эскадру.

Обнаружив на рейде Синопа русские корабли, командующий турецким флотом Осман-паша не стал волноваться: «Флот неприятеля небольшой, шесть береговых батарей охраняют нас... Надо быть полным глупцом, чтобы зайти в бухту, – рассуждал он. – Поди, султану уже известно о русских кораблях. Если потребуется, флот союзников выручит...»

Но, как мы увидим из дальнейшего повествования, этого не случилось: помощь Осман-паше не пришла.

Часть вторая

Синопский бой

Ноябрь 1853 года.

Полдень. Море штормит. Идёт дождь. То исчезая, то появляясь на гребне волн и валко переваливаясь с борта на борт, напротив входа в Синопскую бухту стоят корабли русской эскадры. С вытравленными в воду якорными цепями в условиях плохой видимости со стороны они смахивают на стаю сторожевых, грозных и могучих, псов на привязи, надёжно охраняющих вход в жилище.

Ближе к вечеру, когда на затянутом тучами небосклоне почти не осталось светлых просветов и начало темнеть, в двух кабельтовых от линейного корабля «Чесма» бросил якорь флагманский 84-пушечный корабль «Императрица Мария».

Флагман только что закончил разведывательный рейд вдоль берега турецкой бухты, пройдя в опасной близости от входа в неё, где Нахимов разглядел места стоянки турецких кораблей и их количество, а также расположение береговых батарей.

И вот теперь корабль стоял на якорях, сильно раскачива-

ьясь на волнах. Его нижнюю палубу заливало перекачиваемыми поверх бортов волнами, верхние надстройки обильно орошались брызгами, сверху лил дождь. По палубному настилу гуляла вода: шпигаты⁵⁰ едва успевали сбрасывать её в море.

Этот трёхмачтовый красавец-корабль совсем недавно, в мае этого года, после спуска на воду на Николаевской верфи под приветственные возгласы жителей прибыл в Севастополь. Дальше был поход в море на ходовые испытания, и вот через пару месяцев корабль зачислен в состав Черноморского флота.

Ещё не укомплектовавшись до полного штата личным составом (а он немаленький – более семисот человек), не устранив последние мелкие замечания (куда же без них?!), в середине сентября корабль получил первое боевое задание. Под руководством флагмана вице-адмирала Нахимова вместе с другими судами эскадры новичок перевёз войска из Севастополя на Кавказское побережье.

Вернувшись в порт, стоять на якоре и развлекать местную публику игрой судового оркестра, красивыми обводами и белозной новеньких парусов кораблю опять не пришлось.

Во внешней политике страны, как в воздухе перед грозой, пахло войной с Турцией. Назрела острая необходимость лишить османов возможности доставлять морем подкрепление и снабжение на Кавказ. Нужно было уничтожить турецкий

---

⁵⁰ Отверстие в палубе для слива за борт скопившейся воды.

флот. Однако... его надо было ещё найти.

«Императрица Мария» в начале октября 1853 года вышла в море на поиск турецкого флота. Несмотря на сильные штормы, русские корабли почти месяц терпеливо бороздили воды у Турецкого побережья, пытаясь определить местонахождение неприятеля. Шторма сильно потрепали эскадру, некоторым кораблям требовался ремонт. Рангоут и такелаж «Императрицы Марии» пострадал тоже: её паруса потеряли первоначальную белизну, зато недавно укомплектованный экипаж приобрёл бесценные опыт и сноровку. Чем был весьма доволен Нахимов.

И тут османский флот наконец-то обнаружился. Оказывается, он стоял в тихой бухте города Синопа.

Одиннадцатого ноября эскадра Нахимова первой появилась у Синопа. Срочно отправив для доклада Корнилову посыльное судно в Севастополь, корабли бросили якоря напротив входа в турецкую бухту.

Произведя, как уже говорилось выше, разведку, несмотря на большое количество береговых батарей, Нахимов принял решение атаковать турок. На 17 ноября 1853 года он назначил совещание с командирами кораблей своей эскадры.

Получив сообщение от Нахимова, ввиду малочисленности его кораблей вице-адмирал Корнилов срочно направил ему в помощь дополнительную эскадру под флагом контр-адмирала Новосильского. И вскоре без потерь группа присоединилась к эскадре Нахимова.

Рискуя опрокинуться на крупной волне, беспрестанно бьющей в борт «Императрицы», заливаемые какие уже сутки дождём, к назначенному часу к борту стали подходить шлюпки с командирами кораблей.

Выждав, когда очередная волна поднимет шлюпку, офицеры ловко ставили ногу на нижние деревянные балясины штурмтрапа и, быстро-быстро перебирая руками, поднимались наверх, где, перевалившись через бортовой планширь, спрыгивали на палубу флагманского корабля. Их тут же подхватывали вахтенные офицеры и вели в каюту вице-адмирала Нахимова.

В каюте флагмана, облицованной красным деревом, лиственницей, а где и дубом, непривычно, но весьма приятно, пахло ещё не потерявшей природных запахов древесиной. За полгода дерево не успело окончательно впитать в себя запахи табака, свечей и керосиновых фонарей. Не пахло и морем: из-за осенней штормовой погоды иллюминаторы открывались редко. Хотя один привычный запах присутствовал – лёгкий запах марсалы⁵¹.

Новый корабль – мечта каждого матроса и офицера, не говоря уже о капитанах. И командир «Трёх Святителей» капитан 1 ранга Кутров не удержался. Он совсем тихо, с явной завистью прошептал на ухо командиру «Ростислава» Кузнецову:

---

⁵¹ Крепкое десертное вино.

– Везёт же Барановскому⁵²... получить такой корабль... А запах, запах новенького корабля чувствуешь? Даже в коридорах пахнет свежим деревом, а ведь Барановский не одну сотню солдат перевез из Севастополя в Сухум-Кале. И это с солдатскими-то носогрейками⁵³, потом и прочими испарениями. А моим «Трём Святителям» давно пора на вечный покой...

– Что, всем трём, что ли?.. Оставь хоть одного святителя на размножение, – съязвил Кузнецов. На что Кутров огорчённо произнёс:

– Тебе смешно!.. Нет, этому Барановскому решительно везёт!

– Не думаю, Константин Синадинович, что Пётр Иванович с тобой согласится. Наш Степаныч, в отличие от Корнилова, весьма любит сам покомандовать на борту заместо командира. А тому бедолаге, почитай, ничего не остаётся делать. Кому это понравится?

Тусклый дневной свет из задраенных иллюминаторов, пробивая табачный дым, высвечивал стол, стоящий посередине обширной каюты. На столе была расстелена карта Синопского залива, и по ней в такт качки катался отточенный карандаш, только что брошенный Нахимовым. Чёткими аккуратными контурами на карте была нарисована схема расстановки турецких кораблей, береговых батарей и прерыви-

---

⁵² Командир линейного корабля «Императрица Мария».

⁵³ Короткая курительная трубка.

стая линия предполагаемого движения двух колонн русской эскадры.

В накрепко прикрепленных к палубе вокруг стола стульях и на небольших диванах, расположенных вдоль переборок, сидели командиры кораблей. В данный момент они внимательно слушали речь своего флагмана. Многие офицеры склонились над картой. Некоторые, не полагаясь на память, перерисовывали в свой блокнот схему предстоящей баталии.

Корабль сильно болтало. Сопение длилось уже около трёх часов. Все устали. К тому же в каюте адмирала стало совсем душно: иллюминаторы открыть нельзя, при большом крене борт заливала морская вода.

– И последнее... – уставшим голосом произнёс Нахимов. – Конечно, я уверен, что даже вице-адмирал Корнилов уже спешит нам на помощь, в том нет сомнения, но время нам терять никак нельзя, господа. Мы не знаем, что у турок на уме. Уйдут из Синопа, ищи потом их. Так что завтра атакуем.

Нахимов перекрестился. Вслед за флагманом осенили себя знаменем и присутствующие.

Павел Степанович поморщился, замахал перед своим лицом руками, отгоняя табачный дым.

– Господа, ну и накурили же!.. Так вот! Глубина, господа! Не забывайте про неё. Карты картами, но осторожность... сами понимаете, не помешает. При входе на рейд в обяза-

тельном порядке извольте бросить лоты⁵⁴ за борт.

– Ваше превосходительство, а если турки загодя догадаются о нашей атаке, снимутся с якорей и навстречу нам пойдут? Не до лотов будет. И потом осадка, нужны ли лоты? Турки же как-то зашли в бухту...

– Не забывайте, Виктор Матвеевич!⁵⁵ Наши корабли крупнее турецких, осадка, следовательно, поболее будет. А что османы снимутся с якорей... Всё может быть. Вот завтра и узнаем... Чего гадать? А ещё прошу не палить зря по судам неприятеля, кои спустят флаги. Мы не варвары – законы морские блюдем. Так что старайтесь не палить по домам жителей, мечетям и консульствам иностранным, на коих флаги висят.

Весьма важно, господа, и вот что... Коль ветер при атаке на турка будет неблагоприятный, иметь надобно наготове шпринги⁵⁶ на оба якоря. Ну и не мне вам говорить, что, встав на якоря, на всякий случай подготовьтесь расклепать якорные цепи, коль потребуеться срочная передислокация.

Ещё весьма важное указание, господа командиры. Осман-паша имеет манеру при ведении боя стрелять прежде всего по рангоуту, поэтому мы при постановке на якоря будем убирать паруса. Зачем – понятно: матросы на мачтах... Так

---

⁵⁴ Свинцовый груз или просто груз, служащий для измерения глубины.

⁵⁵ Командир линейного корабля «Чесма» капитан 2 ранга Микрюков В.М.

⁵⁶ Трос, заведенный в скобу станového якоря или взятый за якорь-цепь, другим концом проведенный на корму для удержания корабля в заданном положении.

вот, паруса сбросить, но не крепить – беречь экипаж.

Нахимов закашлялся и, снова разгоняя рукой дым, закончил:

– Всё, господа! Вопросы?.. Нет... Тогда обедать, да и по чарке выпить не грех будет. И командам своим прикажите сегодня за ужином выдать по двойной порции вина, пусть расслабятся как следует перед боем.

Обед проходил вяло, скучно. Командиры молчали, сосредоточенно размышляя о завтрашнем дне. Оживились, лишь когда командир «Чесмы», выпив рюмку марсалы, пробурчал:

– Завтра, господа, никак нельзя опозориться. Чесменская битва хорошо известна. Графы Орлов и Спиридов ещё восемь десятков лет назад нам показали, как надобно в бухтах топить турка.

– Утопим, не сумлевайтесь, господин капитан 2 ранга. Никак не можно не повторить подвиг героев Чесмы, – услышав бурчание Микрюкова, воскликнул капитан-лейтенант Будищев⁵⁷. – Свой первый залп я посвящу героям Чесменского сражения.

Его поддержал Куртов:

– Хорошая идея, Будищев, весьма хорошая. Пожалуй, и я так поступлю.

– Вы, господа, – недовольно произнёс контр-адмирал Новосильский, – вольны делать, как считаете нужным, но шап-

---

⁵⁷ Командир фрегата «Кулевчи».

козакидательством не стоит заниматься. Не забывайте: Чесменский бой происходил ночью, турки совсем того не ожидали. Мы же сейчас у них как на ладони. Адмирал Осман-паша – серьёзный противник, какой фортель он выкинет, одному Богу известно. Да и английские советники у паши имеются, куда ж без них? Поди, ломают сейчас головы, как быть в такой ситуации.

Слово взял судовой цейхвэхтер⁵⁸, седенький худенький старичок неопределённого возраста с серебряными эполетами, которые никак не делали его внешний вид бравым, скорее, наоборот. Не по размеру большой в плечах китель со спущенными до неприличия вниз эполетами создавал впечатление, что тело, находящееся внутри мундира, никакого отношения к нему не имеет. Но старик обладал удивительно красивым низким голосом (откуда только взялся в такой хилой груди?), слушать его было одно удовольствие. Старый цейхвэхтер знал об этом и старался не упустить любую возможность покрасоваться Богом данным голосом. Вот и сейчас артиллерист посчитал нужным дать командирам небольшую консультацию по скорострельному ведению стрельбы. Как правило, он всегда говорил долго, но его никто не перебивал. Все знали, что с этим старичком начинал службу сам Нахимов.

А Нахимов рассеянно слушал своего главного артилле-

---

⁵⁸ Офицер морской артиллерии, имевший в своём ведении орудия, станки и снаряды.

риста, мысли его были не о стрельбе корабельных орудий. Сравнение завтрашнего боя с Чесменским сражением 1770 года ему понравилось, а вот наличие англичан на борту ту-рок – не очень.

Дождавшись окончания выступления старичка, Нахимов произнёс:

– Наличие англичан у туток меня тревожит, Фёдор Михайлович! Пойми их, англосаксов, – тихо проговорил он сидящему рядом Новосильскому. – Все палки в колёса нам вставляют раз за разом. Тьфу...

– Им Россия – что кость в горле, Павел Степанович! Поди, жалеют, что Петра нашего батюшку корабельному делу голландцы учили когда-то, – так же шёпотом проговорил Новосильский. – Выучили на свою голову...

– Не думали они, что царь наш таким притким окажется. Варварами нас считали, ни к чему не способными... А оно вона как...

Цейхвэхтер опять попытался что-то рассказать, но Нахимов попросил внимания, подняв руку вверх. В каюте установилась тишина. Откашлявшись, Нахимов произнёс:

– Правильно, что вспомнили про Чесменское сражение, господа. Думаю, и турки помнят о той битве. Поди, тоже изучали на досуге, меры-то примут... Какие?.. Завтра узнаем!

Корабли неприятеля нам известны. Как я уже говорил, мы обнаружили на внутреннем рейде семь фрегатов, несколько корветов, плохо разглядел, но кажется, один шлюп и так

по мелочам. А ещё, судя по трубе, – пароходо-фрегат. Что положительно, так число пушек на наших кораблях, думаю, поболее турецких будет, да только забывать не надо про батареи, коих я насчитал шесть штук. И это весьма и весьма опасно. Стрелять пушки, между прочим, будут и калёными ядрами⁵⁹. А эти ядра, господа, вещь серьёзная, пожары обеспечены, бочки с водой наготове держать надобно.

– Так дождь же шпарит. Поди, и завтра будет, – язвительно прошептал кто-то из присутствующих. Послышался лёгкий смешок товарищей. Слова о дожде услышали все.

Однако Нахимов то ли не расслышал, то ли не стал акцентировать на этом внимание, но промолчал. Зато в его голосе появились строгие нотки, совсем не свойственные адмиралу в повседневной жизни.

Вообще впечатление, которое производил Павел Степанович Нахимов на людей, не знавших его, всегда было весьма благоприятным из-за его благодушного вида, и уж точно в нём не было ничего героического. А сними с него морскую форму и надень цивильную, он окажется просто милым пожилым холостяком со многими присущими старым людям чудачествами. И одно из них было в том, что пятидесятиоднолетний адмирал всецело принадлежал морю и никакая, пусть самая что ни на есть красавица, не нарушит эту идиллию человека и моря. Нет, кто-то где-то как-то, может быть, конечно, и видел адмирала с барышней... Но вряд ли. Врут,

---

⁵⁹ Докрасна нагретые в специальных печах чугунные ядра.

наверное...

Матросы Нахимова не боялись, они видели в нём справедливого командира, что в матросской среде ценилось больше любви. Они всегда ему весело кланялись и называли между собой не иначе, как «наш Степаныч». Уважали Нахимова все, а особенно флаг-офицеры, они его буквально боготворили, как дети родителей. Не зря их называли «адмиральскими флаг-детьми»...

А потому, неожиданно услышав в голосе своего флагмана суровую интонацию, присутствующие удивились и сразу стали серьёзными. Наступила тишина.

– Так вот, господа офицеры, – повысив голос, строго произнёс Нахимов, – повторюсь: точность и решительность – главные наши спутники. Надеюсь, у меня не будет повода говорить вам об этом в бою.

Нахимов сделал паузу и уже своим прежним спокойным голосом продолжил:

– Трудная, господа командиры, перед нами стоит задача, не скрою. Но, повторюсь ещё раз, выхода у нас нет. Коль не уничтожим флот турецкий, те двадцать тысяч войск, что находятся в Батуми, их флот перевезёт на Кавказ, и это весьма усложнит положение наших войск в том районе. А потому не грех вспомнить слова адмирала Ушакова: «Не страшусь смерти, желаю только увидеть новую славу любезного Отечества!» Лучше, господа, и не скажешь.

Адмирал обвёл взглядом притихших офицеров. Губы его

под щёткой усов слегка дрогнули, он улыбнулся той благодушной отеческой улыбкой, которая всегда отличала Нахимова от других старших начальников и которую так любили его подчинённые.

– А вот за то, что вы, Лев Иванович, – обратился он к Будищеву, – хотите посвятить первый залп сему давнему событию, хвалю. Так все и объявите, господа офицеры, своим экипажам. Не грех вспомнить героев.

Однако буду вынужден кое-кого огорчить. Не все корабли будут принимать участие в завтрашнем сражении. Да-с, не все.

Моментально повисла гнетущая тишина. Командиры все разом посмотрели на флагмана. Нахимов увидел в глазах своих подчинённых испытующий вопрос «Кто?» и уже догадывался, что следующим будет вопрос «За что?»

Выждав ещё несколько секунд, он строгим официальным голосом произнёс:

– Фрегатам «Кагул» и «Кулевчи» предстоит исполнить другое задание. Во время сражения надо оставаться под парусами у выхода из бухты и наблюдать за неприятельскими кораблями, особенно за пароходом, который, возможно, постарается спастись бегством. Ваша задача – не дать никому уйти.

Командиры названных кораблей разочарованно вздохнули.

– За что?.. Что я скажу экипажу, ваше превосходитель-

ство? – обиженно воскликнул командир «Кагула».

Губы адмирала тронула лёгкая улыбка: он оказался прав.

– Александр Петрович⁶⁰, – стараясь говорить как можно мягче, произнёс Нахимов, – у вас есть другое предложение? Интересно, какое?

Спицын, насупившись, встал.

– Вот видите, господин капитан-лейтенант, нет другого предложения. И потом вы, надеюсь, помните, что приказы не обсуждаются?.. А что вам сказать своему экипажу? Скажите людям честно, они поймут.

– Прошу меня извинить, Павел Степанович. Вырвалось... Простите!

– Ну-ну! – хмыкнул Нахимов. – Садитесь и думайте, прежде чем говорить.

Буфетчики стали разносить вторые блюда, собирать грязные тарелки. Разговор постепенно затих. Офицеры ели вяло, пили мало и неохотно, и вскоре все стали прощаться. Обед закончился.

К борту флагмана стали подходить баркасы. И опять, проявляя чудеса сноровки, командиры прыгали в скачущие на крутой волне, словно поплавки, шлюпки. Так прошла ночь...

И вот наступил тревожный день 18 ноября 1853 года...

Погода не баловала и в этот день. Утро было ненастным и мрачным. Всю ночь шёл дождь, косой, крупный, холодный; дул шквалистый, весьма неблагоприятный для атаки юго-во-

---

⁶⁰ Спицын А.П. – капитан-лейтенант, командир фрегата «Кагул».

сточный ветер. Часам к пяти утра погода несколько успокоилась, совсем немного утих ветер, хотя и продолжал бесноваться в такелаже кораблей, издавая завывающий, ни с чем несравнимый шум рассерженного моря. Почти чёрные с белыми барашками волны методично били в борта русских кораблей, осыпая палубы пеной и снопами солёных брызг. По небу плыли свинцовые тучи. Серый утренний туман не рассеивался, никак не наступал день... Продолжал лить дождь.

Однако вскоре между рваными краями туч появились просветы. И сразу мрачное серое пространство посветлело, слегка засинели волны, ненадолго показался горизонт. Спыхватившись, тучи тут же заспешили латать дыры на небосклоне, но... поздно – день нехотя, но входил в свои права, полумрак постепенно стал растворяться. Ветер поменял направление.

На юте «Императрицы Марии» в окружении нескольких офицеров, широко расставив ноги, стоял Нахимов.

Это был уже не добродушный холостяк, а волевой командир: плотный мужчина, чуть выше среднего роста, с подстриженными усами, в надвинутой на лоб неизменной фуражке, в брезентовом плаще, из-под которого виднелся наглухо застёгнутый мундир с погонями контр-адмирала.

Тут надо пояснить: Нахимову ещё год назад был присвоен чин вице-адмирала, но... это же Нахимов, человек, далёкий от помпезности и внешнего шика.

Адмирал внимательно разглядывал в подзорную трубу

размывчатые контуры акватории бухты и берега. С козырька фуражки на его лицо стекали капли дождя, и некоторые, пройдя преграду в виде щёточки усов, попадали Нахимову на губы. Не отрываясь от трубы, адмирал совсем как-то по-детски слизывал их.

Наконец Нахимов опустил подзорную трубу, посмотрел на часы и решительно произнёс:

– Половина десятого. Пора, господа! С Богом, Пётр Иванович, – обратился Нахимов к командиру корабля, – извольте поднять сигнал «Всем начать движение. Строиться двумя колоннами».

Видимо, команду флага ждали: не успел набор флагов поползти до верха мачты, как с соседних кораблей ветер донёс слабые звуки трелей боцманских свистков, обрывки команд, скрипы шпилей, тянущих со дна становые якоря. И тут же матросы быстро-быстро облепили мачты и реи, расчехляя и ставя паруса. Море запестрело пятнами белых полотнищ, и те, надувшись пузырями, громко захлопали.

Ближе к полудню, подчиняясь силе ветра, корабли пришли в движение: за кормой появился пенный след. Двумя кильватерными колоннами, держа весельные баркасы у борта, они последовали за «Императрицей Марией» и «Парижем». Эскадра с каждой минутой набирала скорость, двигаясь в сторону Синопа...

Нахимов с тревогой всматривался в постепенно приближающиеся размытые из-за моросящего дождя контуры вра-

жеских кораблей. Суровое напряжённое лицо адмирала застыло в ожидании смертельного сражения.

О чём думал в этот момент адмирал?.. О правильности принятого им решения атаковать, не дожидаясь помощи? Но оно абсурдно, согласно правилам тактики ведения подобных сражений... О ветре, что, по законам пакости, может неожиданно стихнуть перед самым входом его эскадры в бухту, и тогда он в беспомощности будет стоять перед турецкими батареями... О непредсказуемых действиях турецкого флагмана Осман-паши?.. О той громадной личной ответственности за исход боя?..

Возможно, и, скорее всего, именно об этом и думал Нахимов. Но им, судя по нервно сжимающейся ладони, напряжённому, устремлённому взору на корабли неприятеля, уже охватил азарт охотника, настигшего зверя. И не было в природе сил, заставивших его повернуть обратно.

Павел Степанович опустил трубу и перекрестился.

– Господи! Не оставь благодеяния свои, – прошептал он. И, посмотрев на небо, уточнил: – Ну, хотя бы пару часов потерпи, дай войти в бухту, Господи!

Глядя на адмирала, офицеры тоже перекрестились.

Нахимов опять приник к подзорной трубе: берег, береговые сооружения с торчащими минаретами, крепости и сам турецкий флот, веером расставленный по рейду, уже были отчётливо видны. И странно, на палубах неприятеля не было никакой суеты. Стояла непривычная тишина, прерываемая

только гулом ветра в парусах и шумом шипящих под форштевнем волн.

Это затишье, если не считать большого количества шлюпок, не спеша снующих между турецкими кораблями и берегом, весьма насторожило Нахимова.

Адмирал вопросительно посмотрел на окружавших его офицеров:

– Они там что, с ума посходили?.. Странно, господа! Я давеча на виду Осман-паши делал рекогносцировку, чуть в самую бухту не зашёл, был, как говорится, у них на ладони... Вроде меры должны были принять. А они как стояли, так и остались стоять без движения. Нет, господа, даже обидно... На них видите ли, несётся русская эскадра, а они не чешутся... Впечатление такое, что нас здесь вообще не ждут. Или...

Но тут трубы пароходов неприятеля окутались шапками чёрного дыма. На парусных кораблях забегали матросы, мачта флагмана расцветилась сигнальными флагами... Затрещали барабаны...

И это, как ни странно, успокоило Нахимова.

Убедившись, что поднятый носовой якорь надёжно встал в клюз и цепь легла на место, Антон Аниканов заспешил на корму. Проходя по палубе, он увидел напротив мачты у портамала пушки трёх канониров, один из которых, далеко немолодой, высокий, крепкий матрос с отвислыми усами, был яв-

но чем-то рассержен. Двое других – салаги⁶¹, насупившись, они испуганно глазели на старшего товарища. Собственно, канониром был этот рассерженный крепыш, имени которого Антон не знал, но слышал, что матросы его звали «дед Амон». Почему Амон, никто не знал, а о том, что в египетской мифологии это бог Солнца, не знал, скорее всего, и сам старый канонир. Его сослуживцы, матросы первого года службы, приставленные помощниками к пушкарю, сильно перечить корабельному авторитету не могли, потому и стояли с виноватым видом.

Сам не понимая зачем, Антон остановился, сделав вид, что рассматривает крепление мачты. Матросы его не видели, зато он, несмотря на шум ветра, слышал их хорошо.

Судя по разгневанной речи деда Амона, Антон понял, что разговор у матросов был очень серьезным. Стоя рядом одним из салаг, тщедушным, с оттопыренными ушами, в бушлате не по росту, дед отчитывал парня за что-то совсем недавно им сказанное.

– И как таких берут на флот? От горшка два вершка, а слов понабрался, как сам фон-барон. Ты, мать твою, жисть только начал, пороха не нюхал, кажин день блюёшь по углам от качки, а туда же, учишь своих же архаровцев несмышленных Россию любить.

Разве можно на всех углах талдычить о любви к Рассеюшке? Кто так поступает, крикун тот и пустобрех. Так ещё мой

---

⁶¹ Молодые, недавно призванные на службу матросы.

дед-инвалид говорил. Тот любит Родину, кто о родителях и дитятках своих малых печётся да заботится. А тот, кто, лишь ветерок дунул, как перекасти-поле, с места срывается и катится, следов не оставляя, кому он нужен такой? Где корни твои, салага, где семья твоя?

Парень недовольно скривился и отвернулся.

– Тебя, паря, спрашиваю. Чего харю воротишь?

– Кака семья? Молод я ишо. Да и не кажин семью хочет заводить, чего нудить к этому? Ежель война аль ещё кака напасть, и этот, как ты сказал, «перекасти-поле», тож грудью встанет на защиту, не сумлевайся, дед Амон! Вона мы же здесь, как видишь!

– Да встать-то, может, и ты встанешь, да силы не те у тебя, – не унимался старый матрос. – Поди, Россия – понятие важное, да больно огромно для разумения кожного, тем паче, твоего. Стреляя по врагу, не только о Родине думаешь, в очах твоих глазёнки дитяти малого стоять должны, отца и матери немощных, и ты знаешь: нет тебе назад дороги. И тогда будешь ты до последнего биться с басурманом. Сам вместо пыжа в ствол влезешь, а врага не пропустишь. Вот это и есть любовь к России, как я разумею.

Молчавший до сих пор второй салага шумно вздохнул и философски произнёс:

– Чего глотку драть? Кожна судьба на небесах писана.

Дед Амон с удивлением посмотрел на юнца:

– Ну, на небесах или в преисподней, а где-то всё-таки за-

писана, это ты, паря, верно говоришь.

В это время ветер раздул паруса, и они слишком громко хлопнули. Так по крайней мере показалось Антону.

Он вздрогнул и смущённо огляделся по сторонам: не видел ли кто его испуг? Затем поспешил поскорее подняться на ют.

Уже с юта он посмотрел в сторону этих матросов. Их слова, слова простых мужиков-матросов, его потрясли: «Откуда им знать про глаза «ребятёнок», коль один – совсем старый служивый и вряд ли был женат, а двое других – совсем салаги». На ум Антону пришли слова одного из них: «Кожна судьба на небесах писана!» Как верно-то сказал матрос, а поди, неграмотный.

...Аниканов с удовольствием оглядел корабль. Князь Меншиков просьбу его там, в Константинополе, удовлетворил. После прибытия из Николаева в Севастополь новенького корабля по указанию самого Корнилова он был назначен на него. Аниканов был горд своим назначением. Вахтенный офицер... И не где-нибудь, а на флагмане.

За несколько дней до отхода в море Антон выбрался в город. Он прошёлся по Екатерининской улице, постоял у дома кумира всех моряков Фёдора Ушакова, зашёл в храм, затем отправился на почту, где его ждали переданные родителями передача и письмо. В посылке были тёплые вещи, в письме – обычные наставления отца и, конечно, просьбы матери одеваться теплее. Но главное, Антон узнал, что Мишка, средний

брат, служит теперь на Балтийском флоте, а младший, Григорий, ещё в августе ушёл в кругосветку на фрегате «Аврора». Но Гришка, как пишет мать, сообщил по секрету, что идёт «Аврора» вовсе не в кругосветку, как пишут в газетах, а на Камчатку, в Петропавловск, но это военная тайна.

«Насмешила, мать! – рассмеялся Антон. – Тоже мне тайна! Коль она о ней знает, считай, половина улицы уже обсуждает сей поход. Эй, шпи-о-ны, где вы?..»

Вскоре Антон оказался на мостике. Доложив командиру, что всё в порядке, он занял своё место рядом с судовым компасом. В это время волна ударила в правый борт, палуба корабля резко накренилась. Антон едва успел ухватиться за тумбу палубного компаса.

Аниканов пребывал в состоянии лихорадочного нетерпения, его бил озноб. Он нервничал, словно именно от него, лейтенанта, зависел исход предстоящего боя. К тому же одни офицеры, и не только с «Императрицы», рассчитывают разбогатеть от взятия хотя бы одного турецкого судна, за что полагалось немалое денежное вознаграждение. Кто откажется от денег?.. Другие мечтают об отличии, наградах, повышении в чинах, третьи просто полны юношеского воинственного задора.

Антон, пусть явно и не признавался себе, но, сам того не желая, мысленно терзался в выборе, чего он больше хочет от сражения: денег или наград? И подленькая мыслишка где-то из глубины сознания ему нашёптывала: «И того, и друго-

го, дурень!» И он с возмущением прошептал этой подлюке: «Молчи, подлая. Не наград и денег ищущу я, а Отечеству послужить хочу».

Однако лейтенант и сам понимал: слова его звучат не совсем убедительно. Соблазн – великая вещь!..

От воспоминаний и разговора с совестью Антона отвлек недовольный окрик командира корабля Барановского:

– Лейтенант, о чём вы мечтаете? Не видите, что апсель⁶² на стакселе провис? Фал выскочил из люверса⁶³...

И точно, парус забился, громко хлопая на ветру.

Возбуждение тут же прошло, Антон успокоился. Он схватил мокрый рупор и, что было сил, заорал:

– Боцман, мать твою! Апсель, апсель отдался. Обтянуть немедленно...

Две колонны русской эскадры неумолимо приближались к неприятельским кораблям. С наветренной стороны шла «Императрица Мария», за ней – «Великий князь Константин» и последней – «Чесма». С подветренной стороны – «Париж», «Три Святителя», и замыкал кильватерный строй корвет «Ростислав».

Позади эскадры перед входом в бухту уныло маячили корабли «Кагул» и «Кулевчи».

«Императрица Мария» первой приблизилась к линии об-

---

⁶² Апсель, стаксель – косою треугольный парус.

⁶³ Круглое обмётанное ниткой или отделанное медным кольцом отверстие в парусе.

стрела ближайшей к ней батарее. Удивительно, но её орудия молчали. Корабль вышел на траверз следующей батарее... Странно... Опять тишина! Корабль шёл дальше...

Нахимов направил подзорную трубу в сторону припортовой деревни Ада-Киой и... усмехнулся. По дороге к берегу бежали толпы турок, вероятно, с намерением попасть на батарею.

– Гляди-ка, проспали!.. Эка беспечность... И на том спасибо Осман-паше, – пробурчал он.

Корабль вошёл в зону обстрела следующей батарее.

12 часов 30 минут. Сражение началось. Гулко ухнули турецкие крепостные и корабельные орудия. Недолёт! Подле борта «Императрицы» появились первые шипящие всплески ядер. Но вскоре на палубу флагмана посыпались раскалённые ядра очередного залпа крепостных орудий. Послышались стоны раненых, треск падающих деревянных конструкций, затрепетали обрывки канатов. Они, словно щупальца спрута, раскачивались на уцелевших реях и стенах. Захлопала часть парусов.

По команде Барановского матросы, находящиеся на палубе, отдали все крепления парусов. Потеряв ветер, полотнища обвисли, но корабль по инерции продолжал двигаться в направлении флагманского турецкого корабля «Ауни-Аллах», пока не приблизился к нему ярдов на двести.

– Отдать якорь, завести шпринг, – донеслась команда командира корабля Барановского. – Левый борт, приготовить-

ся к стрельбе!

В воду полетел становой якорь с закреплённым за скобу шпрингом. «Императрица» стала медленно поворачиваться к турецкому кораблю, пока не встала параллельно его борта. Турки приготовились обрушить всем бортом залп по русскому кораблю.

– Левый борт, залп! – успел отдать команду Нахимов.

Выстрелы батарей обеих кораблей прозвучали почти одновременно. Корпус «Императрицы» вздрогнул, палубу окутал пороховой дым. На турецком корабле появились струйки дыма. Но и залп «Ауни-Аллаха» снёс часть рангоута и такелажа «Императрицы». Как и предполагал Нахимов, турецкие ядра летели верхом. Они ломали реи и стены, дрыгали паруса, рвали фалы, но его матросы были внизу, на палубе.

Палуба была усеяна обломками такелажа и рангоута. Канониры быстро перезарядили орудия. Второй залп «Императрицы» разметал на палубе неприятеля надстройки, его грот-мачта надломилась и повисла на вантах.

Нахимов удовлетворённо пробурчал:

– Стареешь, Осман-паша. Слепой, что ли? Не видишь, что матросов нет на мачтах? К чему по верхам бить?

Прямо на глазах Нахимова одно из турецких ядер перебило металлический вертлюг, крепивший нижнюю грот-стенёгу, и ранило им канонира.

Адмирал вздрогнул, сжал кулаки, его лицо судорожно

дёрнулось.

– Доктора, доктора, быстро! – приказал он стоявшему рядом с ним командиру корабля.

Но доктор был уже на месте. Перевязав плечо канонира, он стал спорить с раненым, пытаясь уговорить парня спуститься в лазарет. Раненый матрос оттолкнул доктора и опять бросился к своему оружию.

Корабли окутались дымом. Ветер донёс с турецкого флагмана запах гари и копоти, стало трудно дышать. Развевающиеся на ветру паруса «Императрицы» били незакреплёнными обрывками фал по пробежавшим матросам, мешая их передвижению.

Следующий залп «Императрицы Марии» по турецкому кораблю опять достиг цели. Одно из ядер перебило бушприт турецкого флагмана, другие – разбили большую часть его юта и вывели из строя несколько орудий.

Еще не менее получаса длился бой между адмиральскими кораблями. Осман-паша не выдержал: «Ауни-Аллах», отклепав якорную цепь, медленно стал дрейфовать к берегу и вскоре сел на мель. Матросы с турецкого флагмана стали сыпаться с борта в воду. Добравшись до берега, они сломя голову мчались в сторону города.

С потерей флагманского корабля руководство турецким флотом было нарушено.

«Императрица Мария» перенесла свой огонь на следующий корабль, 44-пушечный фрегат «Фазли-Аллах».

Сквозь грохот разрывов командир «Императрицы» Барановский закричал в рупор:

– Братцы, «Фазли-Аллах» – это наш бывший фрегат «Рафаил». Турки его захватили почти четверть века назад в плен без боя. Не жалеть ядер, сжечь предателя.

Залп орудий с флагмана точно угодил в борт «Фазли-Аллаха». Бывший «Рафаил» загорелся. И вдруг – взрыв... В сторону порта и города, обнесённого древней зубчатой стеной, полетели горящие обломки фрегата. Начался пожар. Ветер переносил пламя от одного строения к другому. Вспыхнули портовые постройки и запылали ближайшие к порту дома жителей. Пожары никто не тушил. В городе началась паника...

– Аллах дал, Аллах забрал, – философски произнёс Нахимов, обращаясь к Барановскому. – Правильно, что напомнили команде о позоре, Пётр Иванович. Позор надо смывать.

Нахимов помнил командира «Рафаила» подполковника Стройникова, сдавшего без боя свой корабль туркам.

– Император Николай I разжаловал тогда Стройникова в матросы. И вот справедливость восторжествовала...

Барановский добавил:

– А ведь позже был бриг «Меркурий», попавший в такую же ситуацию. Но ведь не сдался... Казарский не спустил флаг, не опозорил русский флот. Говорят, Казарский приказал одному из офицеров спуститься в кюйт-камеру с заряженным пистолетом и, если что, взорвать корабль...

– Да-да! Русский человек, он такой. Лучше смерть, чем позор. Нельзя нам показывать слабость перед врагами, за-топчут, – ответил Нахимов. Затем решительно произнёс: – Передайте, Пётр Иванович, своим канонирам мою благодар-ность за меткую стрельбу.

Сбросив намокший брезентовый плащ, адмирал стал раз-глядывать рейд. Сражение было в разгаре. Увиденное его впечатлило.

Хотя рейд сильно заволокло дымом, в полукабельтове от «Императрицы» среди дыма угадывались контуры корабля «Великий князь Константин». Стоя на якоре, он всеми сво-ими 120 орудиями вёл перестрелку: с одного борта палил по одной из береговых батарей, а с другого – вёл дуэль с 60-пу-шечными фрегатами «Навек-Бахри» и «Несими Зефир».

Над «Несими Зефиром» поднимался столб дыма; второй с перебитой якорной цепью с большим креном на борт, увле-каемый ветром, медленно двигался в сторону берега. Турец-кие матросы также покидали свои корабли, прыгая с бортов в воду. Неожиданно раздался оглушительный взрыв на тону-щем «Несими Зефире». Взрыв был такой силы, что его го-рящие обломки долетели почти до центра города, где тут же начались пожары.

– Пётр Иванович, надо подготовить парламентариев к ви-зиту к губернатору Синопа. Сказать ему, что мы не собира-емся входить в город и не мы стреляем по нему. Пожары – от взрывов турецких судов.

Чуть левее, и тоже укрытый шапками дыма от орудийных выстрелов, стоял 120-пушечный корабль «Париж». Как и «Великий князь Константин», он тоже вел огонь с двух бортов: с одного – по 56-пушечному фрегату «Дамиад» и с другого – по 22-пушечному корвету «Гюли-Сефид».

Взорвав «Гюли-Сефид», контр-адмирал Новосильский перенёс огонь «Парижа» на фрегат и береговую батарею.

В это время на баке «Парижа» поднялся столб дыма. Срубленная турецким ядром фок-мачта сильно накренилась и держалась на уцелевших вантах, угрожая рухнуть на палубу.

В подзорную трубу Нахимов разглядел, как одна часть матросов кинулась к мачте и топорами перерубила канаты; мачта, ломая надстройки, упала. Другая часть матросов на место возгорания накидывала маты и, черпая вёдрами воду из бочек, гасила огонь. Мощный залп орудий с главной палубы «Парижа» поджёг «Дамиад». Фрегат запылал. «Париж» перенёс огонь на береговую батарею.

Тревогу Нахимова вызвало состояние «Трёх Святителей». От выстрелов с «Каиди-Зефер» и «Незамие» у «Святителя» сильно пострадал рангоут, был перебит шпринг, и корабль медленно разворачивался, теряя выгодную позицию для обстрела. «Незамие» оказался на выгодной позиции для обстрела «Святителя». Создалась очень опасная ситуация.

– Быстро, быстро поднять сигнал на «Париж», – громко прокричал Нахимов. – «Перенести огонь на «Незамие».

Спасать надо Кутрова, – добавил Нахимов, обращаясь к Барановскому.

Барановский посмотрел на рею, к которой крепился фал с сигнальными флагами. Однако рея была сбита. Матрос-сигнальщик стоял возле мачты в растерянности. И тут вахтенный офицер Аниканов, нарушая устав, без команды командира бросился вниз на палубу. В это время турецкое ядро упало недалеко от юта. Взрывом разметало надстройку. Барановский ойкнул. На его правом плече появилось кровавое пятно. Ноги подкосились, и он стал медленно опускаться на палубу. Нахимов бросился к нему.

– Доктора! – закричал адмирал.

Один из офицеров бросился вниз. Через несколько минут появился доктор. Перевязав командира, уставший, в окровавленном мундире, доктор успокоил Нахимова:

– Жить будет, ваше превосходительство. Осколок не задел кость.

Спускаться в лазарет Барановский категорически отказался. А Аниканов добежал до мачты. Выхватив у растерявшегося сигнальщика уже приготовленную связку флажных сигналов, он зажал фал в зубах и по уцелевшим вантам стал подниматься к самому её верху.

Сильный ветер раздувал флаги, ванты раскачивались, ноги с трудом попадали на горизонтальные канатные перемычки. Грохот боя оглушал, гарь от горящих судов застилала ему глаза. Лицо Антона покрыл жирный налёт сажи, веки

еле держались от тяжести налипшей гари.

Стиснув мёртвой хваткой зубы, Антон упорно поднимался наверх. Что-то больно кольнуло его в левую ногу. Не обращая внимания на ранение, Аниканов с трудом долез до самого верха и, продолжая держать зубами сигнальный фал, застыл у фор-бом-брам-стенги, точнее, у того, что осталось от неё.

Сигнал увидели на «Париже». Обстрел береговой батареи тут же прекратился. «Париж» всем бортом произвел залп по «Низамие». Залп орудий снёс на турецком корабле фок- и бизань-мачты, разбил кнехты, крепившие якорную цепь. Турецкий корабль понесло на берег, через несколько минут загорелся и он. «Париж» перенёс огонь опять на береговую батарею.

С трудом разжав зубы, отчего фал с флагами упал на палубу, преодолевая нарастающую боль в ноге, Антон стал медленно спускаться вниз. На палубе его подхватили руки матросов, подбежал доктор.

...А сражение продолжалось.

Одна из береговых батарей, воспользовавшись временной задержкой орудийных залпов с борта «Трёх Святителей», усилила по нему огонь.

Видя беспомощность товарища, «Ростислав», не прекращая огня по 24-пушечному корвету «Фейзе-Меабуд», половиной орудий своего борта накрыл батарею противника. Батарея загорелась.

«Три Святителя» наконец снова завёл шпринг и, завернув корму, всем бортом произвёл залп по «Каиди-Зеферу». Корму турка разнесло вдребезги. И он тоже запылал.

Море рядом с турецкими кораблями было усеяно барахтающимися матросами. Они что-то кричали, взывая о помощи.

Окутанная дымом береговых пожаров и горящими турецкими кораблями, «Чесма» сражалась с третьей и четвертой батареями.

Нахимов снял фуражку. Потёр рукой уставшие за время боя глаза и, тяжело вздохнув, уставшим голосом произнёс:

– Поздравляю, господа! Сражение выиграно, турецкий флот разбит. Осталось совсем немного.

Командир «Императрицы Марии» с побелевшим от потери крови лицом осматривал в подзорную трубу акваторию рейда.

Почти все турецкие корабли лежали на мели и горели. Отовсюду доносились стоны раненых. Восточный ветер разносил искры от горевших судов в сторону города, один за другим там вспыхивали всё новые и новые пожары. Языки пламени быстро пожирала дома, местное адмиралтейство, склады и казармы. Повсюду были раскиданы обломки взорванных судов, на уцелевших от взрывов частях корабельных корпусов были видны трупы турок. И вдруг Барановский увидел в окуляре подзорной трубы силуэты трёх кораблей. Над ними столбом поднимался чёрный дым. А много

правее – ещё один корпус корабля и тоже с дымящимся столбом дыма над трубой. К нему направлялся «Кагул», чуть позади – «Кулевчи».

– Пароход «Таиф» всё-таки ушёл. Будищев на корме у него висит, но, видимо, не догонит, ветер не позволит. Жаль... А вот гляньте-ка, Павел Степанович, что за корабли к нам спешат? Не турки ли? – перевозмогая боль, слабым голосом произнёс он.

Нахимов тут же направил свою трубу в сторону моря. Он долго всматривался и, наконец, со вздохом облегчения произнёс:

– Слава Богу, не турки. Наши это корабли, Пётр Иванович. Узнаю пароход «Одесса». Да-да, точно, он. За ним, коль не ошибаюсь, пароходы «Крым» и «Херсонес». Думаю, адмирал Корнилов спешит к нам на помощь. Однако... – Нахимов с гордостью осмотрел бухту с поверженным неприятелем. – Вряд ли потребуется помощь Владимира Алексеевича, – с тем же удовлетворением добавил он.

– Потребуется, Павел Степанович, – пробурчал Барановский. – Не все наши корабли самостоятельно до Севастополя смогут прийти своим ходом.

– Ну, если только так. Как вы себя чувствуете? Может, всё-таки спуститесь в лазарет?

– Пустое, не сахарный, не растаю. Жалко, ни одного турка призом не взяли.

– Не до призов... Какие там призы, Пётр Иванович?!

Нахимов ещё раз осмотрел рейд с дымящимися наполовину затопленными корпусами турецких судов и многозначительно произнёс:

– Нет больше турецкого флота... Чем не приз нам всем?

– Четыре часа боя – и нет турецкого флота. Совсем не дурной приз, ваше превосходительство... – улыбаясь вымученной улыбкой, ответил командир «Императрицы Марии».

Победа русской эскадры в Синопском сражении вызвала в Англии и Франции шок и взрыв русофобии. Часть английско-го истеблишмента решительно настаивала на начале военного похода на Россию. Наполеон III, хотя и не желал усиления англичан, однако на время смирился с необходимостью англо-французского союза для войны с Россией.

В начале января 1854 года англо-французская эскадра вошла в Черное море, а русским властям было в ультимативной форме предложено вывести войска из Дунайских княжеств. Николай I отказался даже отвечать на такое оскорбление.

Тогда в конце февраля в Константинополе был заключён Союзный договор между Англией, Францией и Турцией против России. И в конце марта Англия и Франция объявили войну России. Если до этого Россия вела успешную кампанию против неоднократно битой ею страны, то теперь пришлось иметь дело с коалицией сильнейших европейских держав. Россию ждали нелёгкие времена.

Враждебную позицию по отношению к России заняли и

правительства Австрии и Пруссии. Правда, британской и французской дипломатии не удалось вовлечь эти государства в коалицию, но 20 апреля 1854 года австрийский и прусский монархи заключили между собой союз и так же потребовали вывода русских войск из Дунайских княжеств. Николай I, осознав, что Россия оказалась в полной международной изоляции, вынужден был подчиниться диктату и дать согласие на вывод своих войск. Но маховик войны остановить было уже нельзя.

Боевые действия развернулись на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Белом, Азовском, Чёрном морях, а также на Камчатке и Курилах. Но, как мы позже узнаем, самые ожесточенные бои развернутся в Крыму.

А мы, уважаемый читатель, вернёмся немного назад – в Балтийское море, в Кронштадт. Там под звуки оркестра родные берега покинули два русских корабля, один из которых почти через год достигнет пункта назначения и примет участие в героической обороне далёкого русского города на востоке России.

Фрегат «Аврора»

Протекция канцлера Нессельроде помогла. Мечта гардемарина Григория Аниканова, младшего из братьев Аникановых, попасть в «кругосветку» осуществилась. Не попав на корвет «Наварин» по причине укомплектованности экипажа, гардемарин успел зачислиться на фрегат «Аврора» и был несказанно рад этому.

И вот в середине августа 1853 года построенный лет двадцать назад 44-пушечный трёхмачтовый красавец-фрегат «Аврора» под командованием сорокалетнего капитан-лейтенанта Ивана Изыльметьева⁶⁴ с экипажем в триста человек, перекрестившись всей командой на маковки и шпили соборов, вышел из Кронштадта, держа курс в Перуанский порт Калао⁶⁵ и далее – на Камчатку, в залив Де-Кастри.

Официально целью похода было кругосветное плавание с различными заданиями морского ведомства, но главное – усилить Тихоокеанскую эскадру вице-адмирала Путятина.

А следом за «Авророй», и тоже на Дальний Восток, вышел и корвет «Наварин». Но корвету не повезло: жесточайшие штормы серьёзно повредили корабль. И в силу «неблагонадежности корпуса к дальнейшему плаванию» корабль был вынужден повернуть обратно. В голландском порту Флисс-

---

⁶⁴ Изыльметьев И.Н. (1813-1871), контр-адмирал.

⁶⁵ Кальяо, Перу (совр.).

синген его продали на лом, а экипаж отправили в Ригу.

Позже, узнав об этом, Григорий Аниканов сильно обрадовался, как может радоваться молодой, полный энергии будущий морской офицер, мечтающий послужить своей Родине.

«Авроре», правда, тоже вначале не повезло. Члены экипажа ещё не успели развесить свои вещи в рундуках⁶⁶, как вскоре, буквально на траверзе шведского города Треллеборг, фрегат сел на мель. Сел основательно. Своими силами встать на воду не получилось, а тут ещё появилась и течь в борту... Помогли шведы... Они стащили русских с мели... Конечно, потребовался ремонт. Корабль встал в док в Копенгагене.

Долго ли, скоро ли, но всё имеет своё окончание, и дорогостоящий ремонт закончился. Отгуляв с датчанами, как принято у корабелов и моряков, отходную, «Аврора» снова вышла на морские просторы.

Северное море встретило русский корабль свирепым штормом, какой часто случается в северных широтах. Утопив на море десятка два кораблей, шторм основательно потрепал и нашу «Аврору». И пусть на этот раз корпус фрегата выдержал – не потёк, но паруса и такелаж были основательно потрёпаны. Очередной ремонт в ближайшем порту на долго не затянулся...

И снова выход в море, и снова осенний ураган... И опять ремонт, но уже в Англии, в Портсмуте. В общем, только к концу ноября 1853 года горемычная «Аврора» взяла курс на

---

⁶⁶ Небольшой шкаф для личных вещей.

Южную Америку.

Тёплые воды Гольфстрима за два с половиной месяца привели фрегат в гавань Рио-де-Жанейро. Отдохнув в припортовых тавернах этого удивительно жизнерадостного бразильского города (и весьма криминального) с его пышнотелыми смуглыми женщинами, вином и кофе, дождавшись благоприятного направления ветра, наш фрегат покинул Рио, взяв курс на мыс Горн.

Ровно через месяц «Аврора» подошла к мысу.

Мало кто видел этот мыс своими глазами. Дожди, туманы, а то и ледяная крупа и метели скрывают его от глаз мореплавателей. Только по навигационным расчётам моряки знают, что проклятый мыс остался позади. Правда, редкие счастливики при плавании с запада на восток, то есть при попутном ветре, видели его.

Над пенной бурлящей поверхностью океана более чем на тысячу футов поднимался чёрный совершенно безжизненный скальный конус в трещинах, забитых снегом. На заднем плане, слева и справа, – унылое нагромождение грозных скал. И вся эта мрачная картина сопровождается громовыми нескончаемыми раскатами бьющихся волн у подножия мыса.

Никто никогда не подсчитывал, сколько судов и человеческих жизней скрывают прибрежные воды мыса-убийцы.

Вот такой морской «эшафот» проходила «Аврора». Когда корабль прошел примерно четверть пути и находился ещё с восточной стороны опасного мыса, и без того бушующее

море превратилось в сущий ад. «Аврора» не могла больше справляться с яростью ветра. Изыльметьев приказал лечь в дрейф. Бешеный ветер стал швырять многотонные волны на палубы корабля, развернувшегося лагом к ветру. При накате огромных волн на корпус мачты корабля едва не касались своими ноками⁶⁷ поверхности моря. Корпус «Авроры» скрипел протяжно и жалостливо. Казалось, ещё немного – и корабль переломится под тяжестью огромной массы воды...

Три недели боролся экипаж фрегата с ревущим океаном, пока в марте корабль, наконец, не обогнул этот проклятый мыс и не вошёл в Тихий океан.

Силы команды были истощены. Несколько человек тяжело заболели цингой (8 матросов умерли, 35 тяжело заболели), подходили к концу запасы еды и воды, требовался срочный ремонт: натиска жестоких волн у мыса не выдержал корпус – появилась течь, был поврежден такелаж.

К счастью, подул попутный ветер, и фрегат, поставив все паруса, помчался в направлении Кальяо.

Душное без малейшего ветерка апрельское утро 1854 года. Перуанский порт Кальяо. На высокой сигнальной мачте портового здания грозно развевается флаг, предупреждающий о карантине.

Разбитый лет пять-шесть назад сильным ураганом, порт как-то уже обустроился и теперь жил привычной жизнью. Как и прежде, здесь у причалов стоят суда, повсюду снуют

---

⁶⁷ Верхний конец мачты.

повозки, двигаются люди...

Обширный рейд тоже не пустовал. Лениво покачиваясь при малейшем дуновении ветра, стоят на якорях с тонкоствольными мачтами небольшие коммерческие суда из Чили, Перу и огромные военные корабли разных держав. На портовой мачте висел флаг-сигнал, предупреждающий об опасности. В Кальяо свирепствовала жёлтая лихорадка. Общение судовых экипажей с берегом было запрещено.

Но, несмотря на санитарные кордоны, суда на рейде беспрестанно осаждаются местными жителями, агентами отелей, прачечных и торговых домов. Офицеры военных кораблей мечутся от борта к борту, отгоняя лодочников грозными криками и яростной жестикуляцией.

В Кальяо в это время года наступает сезон ненастной погоды. Вот уже две недели по утрам над рейдом нависают тяжёлые густые туманы, не шелохнется в заливе водная поверхность, зеркальной гладью лежит океан, у берега и на рейде – полный штиль.

И вот на рейде Кальяо, словно призрак, из тумана неожиданно выплыл наш фрегат «Аврора». Опустив паруса, медленно двигаясь по инерции, корабль, наконец, застыл на месте. В воду полетел сначала лот для замера глубины, затем – становой якорь.

Когда ближе к обеду туман рассеялся, оказалось, что русский корабль не нашёл лучшего места, как посреди якорной стоянки кораблей недружественных к России стран.

По рейду сновали небольшие лодки и остроносые пироги перуанцев, наполненные лимонами, сушёными фруктами, огородной зеленью и прочим экзотическим товаром.

Русский корабль в здешних местах не частый гость, а потому его появление сразу привлекло всеобщее внимание. Утлые суденышки тут же облепили вновь прибывший корабль. Задрав головы, хозяева лодок кричали что-то морякам «Авроры», махали руками, призывая их что-нибудь купить. Судовой медик Виталий Вильчковский дотемна метался по палубам фрегата, отгоняя возможных разносчиков страшной болезни.

Чуть в стороне от этой назойливой публики примостился баркас, по бортам которого сидели женщины в ярких накидках, едва прикрывавших интимные места. Они вели себя тихо и достойно, прекрасно понимая, что без клиентов сегодня не останутся. Бедный доктор «Авроры» чуть не на коленях умолял матросов побережься от этого соблазна. Его голос, обычно грубый и грозный к больным, не соблюдающим медицинские рекомендации, на глазах сотен матросов становился мягким и униженно просящим, а по его лицу, красному и рыхловатому, казалось, вот-вот побежит слеза:

– Братцы, Христом Богом молю: не поддавайтесь! Не вылечу... Умрёте...

И над всей этой лодочной мелюзгой, хлюпая корпусом на редкой волне, лениво раскачиваясь, элегантно возвышались величественные борта французских и английских трёхмач-

товых фрегатов и корветов.

Обнаружив утром на рейде русский боевой корабль, старший рейда контр-адмирал английского флота Дэвид Прайс весьма удивился этому неожиданному появлению.

Уроженец Уэльса, стройный, подтянутый, всегда осторожный в своих действиях, половину своей карьеры просидевший на берегу, получая половинное жалованье, в свои шестьдесят четыре года адмирал не отличался смелостью при принятии неординарных решений, если на то не было соответствующих указаний начальства. Однако так было не всегда...

В начале мая 1834 года капитан Прайс был командиром 50-пушечного корабля «Портленд» и в составе Средиземноморской эскадры участвовал в войне за независимость Греции. За умелое командование и личную храбрость греческий король в 1837 году наградил Прайса орденом Спасителя, а вице-король Египта вручил ему парадную саблю. Но было это давненько...

А сейчас, стоя в окружении офицеров на баке 50-пушечного фрегата «Президент» и совсем не скрывая своих эмоций, довольный Прайс потирал руки.

– Прекрасный трофей, господин адмирал, – произнёс старший помощник. – Будет что предъявить казначею Адмиралтейства для выплаты нам премиальных.

Окружавшие его офицеры тут же изъявили желание захватить неожиданный трофей. Но адмирал остановил их,

подняв руку вверх:

– Спокойно, господа! Не время! У нас нет пока оснований для захвата русского корабля.

О том, что Россия уже воюет с Турцией, а Англия и Франция вот-вот объявят войну русским, флагман эскадры догадывался и ждал только официального на то уведомления от своего начальства.

– Весьма скоро из Панамы вернётся «Вираго»⁶⁸ с почтой, и я надеюсь получить донесение о начале войны с русскими. Ждать недолго, господа. Никуда уже русские не денутся, – сказал Прайс своему окружению. – Потерпите.

Через несколько дней, посетив предварительно русского консула в Лиме, на борт английского флагмана поднялся командир русского фрегата. Он доложил старшему по рейду, что находится в кругосветном плавании и что кораблю нужен серьёзный ремонт рангоута и такелажа. К тому же, часть экипажа больна, нужны лечение и отдых.

Несмотря на излишнее любопытство английского адмирала, командир «Авроры» был немногословен, и, допив кофе, довольно ароматный, с некоторой кислинкой, он покинул борт флагмана.

Через какое-то время на борт «Президента» поднялся командующий французскими кораблями контр-адмирал Фебрие де Пуанту.

Открыв дверь в каюту коллеги, он не без удовольствия

---

⁶⁸ Английский пароходо-фрегат.

разглядел на столе бутылку бренди и шахматную доску с расставленными на ней фигурами. На переборке возле стола висела неизменная сабля, подаренная хозяину каюты египтянами, с которой Прайс никогда не расставался. Для англичанина это было что-то вроде талисмана, а для суеверных моряков талисман не последнее дело.

Потирая руки от предчувствия приятной беседы, француз поприветствовал флагмана.

Немолодой, полноватый, с одышкой, но всегда благодушный и угодливый перед союзником, француз тут же поинтересовался о размерах премиальных за захват русского фрегата. Адмирал Прайс недовольно скривился:

– Сударь, не будем пока делить того, чего ещё нет. Потерпите, позже договоримся, уверяю вас. А пока, – почти приказным тоном произнёс флагман, – пусть «Аврора» постоит. У русских много поломок, к тому же больна часть экипажа. Один только ремонт грот-мачты, со слов командира, займёт кучу времени, молчу уже о такелаже... Но вам, сударь, я посоветую взять под контроль эту «Аврору». Встаньте к ней поближе. Мало ли что...

– Милорд, – возразил француз. – Я осмотрел корабль снаружи. Судя по оборванному такелажу, поломанным реям, фрегат обречен на долгую стоянку в этом порту. К тому же у них, как и вы изволили заметить, много больных. На моём борту уже побывал русский корабельный врач. Он в полном отчаянии... Просил лекарства... Нет-нет, на «Авроре» дей-

ствительно положение скверное, и весьма. Куда им, милорд, деваться?..

– Вы, Фебрие, напрасно так уверены в этом. Это же русские... Не забывайте, в ноябре прошлого года русские корабли у берегов Турции в Синопской бухте утопили османский флот, не потеряв при этом ни одного своего... Это о чём-то говорит, я думаю. Они стали весьма искусны в морском деле. Так что не обольщайтесь призрачными надеждами, господин адмирал. Тем более, русские уже подали заявку портовым властям на бункеровку водой и продуктами.

– Хм... Надо было запретить.

– Ещё чего?! Захватим фрегат и что?.. Нам платить, что ли, за снабжение?..

– И то верно. Интересно, а их командир знает о Синопе?

– Я не спрашивал его, но думаю, знает, хотя и не уверен. Я вам, сударь, повторяю: не забывайте о бдительности.

– Да, помню, конечно! Нет, осторожность нужна, слов нет, приз нам совсем не помешает. Придёт «Вираго» и... тёпленькими возьмём бедолаг, тёпленькими... Не переживайте, милорд.

– А по поводу приза... Право не знаю, как сложится... А то придётся корабль затопить в открытом море. Где столько матросов набрать?

– Жалко, милорд. Фрегат неплохой.

– Ладно, сударь, там видно будет.

Старые моряки сели за стол, Прайс разлил по стаканам

бренди и сделал первый ход белой пешкой:

– Прошу, Фебрие, ваш ход...

Когда бутылка была опустошена наполовину, Прайс торжественно произнёс:

– Вам шах, сударь, – и, посмеиваясь, добавил: – На вашем месте я бы сдался.

Француз недовольно хмыкнул.

– Всему своё время, милорд. Надеюсь, так же быстро будет повержена и эта «Аврора».

– А куда им деваться, сударь? Совсем не исключено, что кругосветное путешествие, о чём доложил мне русский командир, – лишь маскировка. А вдруг и он направляется на Камчатку, кто знает... Американские китобои, кои встретились нам, сообщили, что при зимовке на Камчатке они своими глазами видели, что их главный порт в том районе, Петропавловск, куда мы путь держим, весьма слабо защищён и найти там можно только команду инвалидов... Не сомневайтесь, сударь, наш флаг будет установлен в Петропавловске, а сам город – разрушен.

Осторожный француз не стал уточнять, чей флаг: Франции или Великобритании. «Время покажет», – подумал де Пуант, а вслух произнёс:

– Думаю, что сравнить город с землёй – проблема небольшая, милорд. Вот найти и потопить тихоокеанскую эскадру русских и тем самым обезопасить нашу с вами торговлю в тех местах от русских каперов... посложнее будет.

Захмелевший Прайс не ответил. Он, заложив руки за голову и прикрыв глаза, развалился в кресле, мечтая о предстоящих сражениях. Но, неожиданно потянувшись, он провозгласил тост:

– Выпьем, сударь, за неё, за «Вираго», чтоб поскорее принесла нам благую весть.

Француз недоумённо посмотрел на своего коллегу:

– За неё?!..

– Да-да, за неё, за мегеру, воительницу, если хотите, сударь, стерву. Такой имеет смысл английское слово «вираго», мой дорогой адмирал.

Адмиралы дружно выпили. Вскоре показалось дно бутылки. Для приличия ещё немного поговорив, старые моряки распрощались.

Уже к вечеру французский фрегат «Ла Форт» сменил место стоянки, встав недалеко от «Авроры». Теперь французы вели постоянное наблюдение за русским фрегатом. Но ведь это французы... Монотонность, скука и духота их утомляют...

Так прошло несколько суток. Со стороны казалось, что ремонт «Авроры» идет медленно. Матросы продолжали болеть, целыми днями по всему рейду с борта судна изредка доносились стуки молотков, раздавались ленивые окрики боцманов, судовой колокол методично отбивал склянки. Всё говорило о правоте слов французского адмирала.

Каждое утро ровно в восемь часов с последним ударом

склянок с мостика «Авроры» раздавалась команда: «На флаг и г-ю-йс...»

В звонкой тишине полного штиля в минутном молчании замирает строй матросов и офицеров. Андреевский флаг, синий косо́й крест на белом полотнище, медленно ползёт вверх. Весь экипаж с замиранием следит за подъемом святыни. И не бывает в жизни русского моряка более торжественной минуты, чем подъем корабельного флага, зовущего без колебаний умереть за веру, престол и Отечество.

Моряки знают: даже если их корабль будет со всех сторон окружён неприятелем, их командир никогда не отдаст позорную команду «Флаг спустить». Не шелохнувшись, стоит строй.

Командир «Авроры», со слов иностранных матросов, болтающих языками в портовых кабаках (несмотря на запрет общаться с местным населением), знал, что мирно стоящие англо-французские корабли рассматривают русский фрегат, как дорогой трофей, и только и ждут вестей с почтового парохода «Вираго» о начале войны. А потому союзники не выпустят этот корабль из порта. И тогда...

Вот и сегодня день на «Авроре» прошёл в обычном порядке.

В этих широтах вечер наступает внезапно. Приглушая звуки и скрывая яркие дневные краски, сразу падает темнота. И тут же отчётливо вырисовываются огни на гафелях многочисленных судов.

Тропическая темень, как всегда, обрушилась резко. Большая часть команды после трудного дня в подвесных койках пыталась заснуть в душных кубриках, подстелив под себя мокрые прохладные рубашки. Несмотря на позднее время, на палубе корабля ещё раздавались приглушённые голоса матросов боцманской команды и недовольное ворчание самого старшего боцмана Жильцова, с переносным керосиновым фонарем шныряющего по всем закоулкам фрегата в поисках оставленного каким-нибудь нерадивым матросом инструмента.

Убедившись, что экипаж отдыхает, Изыльметьев в кают-компании собрал офицеров на совещание.

Полумрак. Душно. Иллюминаторы раскрыты настежь. Тихо и загадочно звучит фортепьяно. Пальцы лейтенанта Максудова мягко касаются клавиш, и волшебные звуки «Лунной сонаты» Бетховена заполняют кают-компанию.

Лица офицеров напряжены, глаза многих полуприкрыты. Неяркий жёлтый свет от двух карселевых ламп слабо освещает угол помещения, где расположен крепко принайтованный к палубе музыкальный инструмент, и кажется, что звуки льются ниоткуда, из пустоты. И это придаёт им ещё большую загадочность.

В тесном углу рядом с Максудовым, облокотившись на инструмент, пристроился судовой священник Иона. Он тихо посапывал, для приличия изредка открывая глаза. Несколько волос его длинной шевелюры от духоты и пота прилипли

ко лбу, и батюшка широким рукавом рясы, стараясь не потревожить лейтенанта, поминутно, но очень осторожно промокал лоб.

Но вот последние аккорды затихли. Командир восторженно, поблагодарил пианиста и попросил внимания:

– Время позднее, господа. – Изыльметьев показал на иллюминатор, в котором в свете кормовых огней виднелись слабые очертания иностранных кораблей, полукольцом охвативших рейд. – Смотрите, господа, как обложили... Стегут. Вряд ли они дадут нам уйти!..

Командир немного помолчал, опять посмотрел в иллюминатор и продолжил:

– Я не знаю, что делают эти англосаксы здесь, в порту, и куда они потом отправятся, но точно знаю, что не сегодня-завтра наши союзники превратятся в наших противников, подлых и жестоких. Не зря же «Форте» перешвартовался к нам под борт, совсем не зря.

Выход один: тянуть более нельзя, не сегодня-завтра прибдет их почтовый корабль «Вираго». Не сомневаюсь, война с англо-французами, если не началась, то не за горами. Предлагаю, господа офицеры, завтра под утро сняться с якоря и уходить. И прощаться надобно тихо и незаметно, как принято говорить, «по-английски». Не скрою, риск в этом есть, и немалый. Коль французы проснутся, беды не миновать.

Командир на какое-то время задумался. И, словно оправдываясь перед подчинёнными, добавил:

– Нет у нас, господа, другого выхода, нет. Не выпустят союзники «Аврору» без боя. А коль догадаются о нашей затее, бой начнут прямо на месте. Со всех сторон полетят ядра. И я не думаю, что сражение будет в нашу пользу.

– Не догадаются, Иван Николаевич, это точно, – подал голос судовой врач Вильчковский. – Я давеча, как вы приказали, обошёл все иностранные суда в поисках хинина. Никто не дал. Теперь они точно думают, что у нас половина команды при смерти и некому ставить паруса. Нет, ну каково, господа? Не помочь больным?!.. Что за люди?..

– У нас хватит смелости и мужества достойно постоять за себя, Иван Николаевич, – подал голос недавний пианист князь Максutow. – Офицеры с «Ла Форта» болтали в кофейне, мол, часть экипажей с кораблей отправилась по железной дороге в столицу, Лиму, развлечься. Всё полегче будет, ежели что.

Изыльметьев скептически посмотрел на лейтенанта, усмехнулся, затем встал.

Его массивная фигура нависла над столом, отбросив крупную тень на переборку. Показав рукой на иллюминатор, в котором виднелись якорные огни иностранных кораблей, он произнёс:

– Давайте, господа, без этого «ежели что»! Не сомневаюсь, лейтенант, в смелости экипажа. Да, погибнуть – дело нехитрое. Но нам нужна удача. Вся надежда на ночной и утренний туман... А бой... Долго ли продержимся?.. Ждут нас, госпо-

да, на Дальнем Востоке, очень ждут.

Вы, Михаил Петрович⁶⁹, – обратился он к старшему помощнику, – лично проверьте, чтобы смазаны были все блоки. Якорь следует поднимать медленно, не дай бог где-нибудь скрипнет. Сами знаете: на милю при утренней тишине слышно будет. Того же прошу и при спуске шлюпок. Команды отдавать шёпотом. Пресной воды и прочего хватит до ближайшего порта?

Старпом утвердительно кивнул:

– Пару дней назад забункеровались под жвак, Иван Николаевич.

– Лимонов нагрузили, свежего мяса, огородной зелени, какие были медикаменты, – тоже, – вставил доктор. – Даже перуанский бальзам, как вы, Иван Николаевич, советовали, с собой взяли. Белья нижнего для матросов с достатком запаслись. Но эта сырость на корабле... Неужели нельзя создать на «Авроре» хоть один сухой уголок? – в отчаянии закончил доктор.

– А... – встрепенулся священник и в упор уставился на старпома.

– Бочки загрузили в должном количестве. Не переживайте, батюшка, вина хватит, – усмехнулся Тироль.

– Не можно без того. Грех это! – довольный ответом, проворкотал Иона.

– Хорошо! – произнёс командир. – Дорога длинная, 9000

---

⁶⁹ Тироль М.П. – старший помощник «Авроры».

милль впереди. Всё, господа офицеры, спать. В три – подъём. Завтра, – Изыльметьев обвёл взглядом подчинённых, – непростой день. Коль надо будет, умрём, но флаг свой не опозорим. Да поможет нам Бог! А по поводу сухого уголка, доктор, потерпите.

Иеромонах Иона трижды перекрестился. Затем назидательно произнёс:

– Умрём?!.. Бог дарит человеку жизнь, господа! И потому человек не вправе расстаться с подарком божьим, не имея на то уважительной причины. Но перст божий указывает нам, грешным, – иеромонах поднял указательный палец левой руки вверх, – коль того требуют интересы высшего порядка во спасение душ чад своих, Господь примет оную смерть без порицания.

Священник помолчал, потом добавил:

– На всё воля Божья! Аминь!

Иона опять перекрестился и шумно выдохнул. Перекрестились и присутствующие.

Ночь прошла тревожно.

Туман на следующий день не подвёл. Влажная липкая пепельно-серая пелена опустилась на рейд, скрыв очертания соседних судов. Стояла тишина.

Неслышно ступая босиком по деревянной палубе, матросы и офицеры разошлись по отведённым ранее местам.

Стоя на юте с бесполезной подзорной трубой, командир шёпотом приказал помощнику вахтенного офицера гардема-

рину Григорию Аниканову:

– Передайте боцману, Аниканов, приказ: «Спустить шлюпки. Якорь поднять».

Аниканов стремглав слетел по трапу вниз, но на палубе споткнулся, зацепившись ногой за комингс.

– Аниканов, мать твою, так и башку сломать можно! – недовольно прошипел старший помощник. – Что за молодёжь пошла... Спешить надо медленно... Пора бы традиции морские знать, чай, не впервой на море.

С борта тихо спустили все шлюпки. По штормтрапам в них ловко сошли матросы и офицеры. Шлюпки взяли фрегат на буксир приготовленными ранее канатами.

Через несколько минут якорь пополз вверх. Его лапы, увешанные водорослями и морским илом, медленно вползли в якорный клюз. Почувствовав свободу, «Аврора» слегка вздрогнула и легла в дрейф⁷⁰.

В предрассветной мгле в полной тишине матросы налегли на обмотанные ветошью вёсла и, не разворачивая судно кормой, медленно потянули фрегат на внешний рейд.

Всё прошло спокойно.

Забрезжил рассвет. Корвет оделся в паруса. В них упёрся упругий тропический муссон, и вот серая гористая перуанская земля поплыла назад. «Аврора» взяла курс на северо-запад к восточным берегам России, к проливу Де-Кастри.

Фрегат «Аврора» избежал позорного плена или героиче-

---

⁷⁰ Перемещение судна под влиянием ветра или течения.

ской гибели. Через несколько дней в Кальяо прибыло посыльное судно с известием о начале войны Англии и Франции с Россией.

Дорогой читатель! В середине XIX века ещё не было Интернета, мобильной связи и радио. В крупных городах Европы только-только вводился телеграф, который всё больше приобретал популярность. А пока средствами передачи информации были железная дорога, почтовые кареты, морские корабли... Это и спасло корвет «Аврора».

Английский адмирал Дэвид Прайс был в гневе:

– Вы, адмирал, – выговаривал он своему коллеге-французу, – упустили лёгкую добычу. Где эту «Аврору» теперь искать?

Не знали они оба, что в августе этого же 1854 года англо-французская эскадра опять встретится с этим русским фрегатом, но будет это за много тысяч миль от Кальяо, в Петропавловске. И оба адмирала очень пожалеют, что упустили «Аврору». Английский адмирал Прайс погибнет от одного из залпов береговой батареи Петропавловска. И роковой для адмирала залп будет произведён из пушек, снятых с фрегата «Аврора». Но всё это произойдёт позже...

...«Аврора» вышла на просторы Тихого океана... Однако оставим на время наши фрегат. До места назначения ему плыть очень долго, и мы ещё вернёмся к нему.

А в это время в мире происходили события, на первый взгляд, не связанные между собой, но, как потом оказалось,

они были предтечей главного события – войны с Россией.

Официально войну на этот период времени объявила только Турция, остальные страны Европы решили пока не рисковать, зная, чем обычно заканчивались их войны с Россией. «Пока нейтралитет, а там видно будет... – рассуждали лидеры Пруссии, Австрии и других стран. – В случае успеха Великобритании, Франции и Турции поддержать союзников мы всегда успеем...»

Заседание совета Адмиралтейства

Одиннадцатого февраля 1854 года по вызову первого лорда сэра Джеймса Грэхема адмирал Чарльз Нейпир прибыл в здание Адмиралтейства. Новость, которую сообщил лорд, для адмирала была неожиданной. Она заключалась в том, что Кабинет её величества королевы Виктории назначил его, Нейпира, главнокомандующим английскими морскими силами, предназначенными действовать на Балтийском море против русских.

Седьмого марта в одном из самых фешенебельных политических клубов Лондона, «Клуб Реформы», Нейпиру был дан прощальный банкет, на который были приглашены лорды Адмиралтейства, некоторые министры, представители двора и аристократии.

Банкет проходил шумно и весело. Среди желающих пожелать адмиралу успехов выступил один из гостей, в речи которого прозвучали слова уверенности, что английская эскадра с божьей помощью через три недели возьмет Петербург. Из зала раздались скептические возгласы. «Ну, по крайней мере, – согласился выступающий, – сильно разрушит его бомбардировкой».

Март 1854 года. Лондон.

Старинное трёхэтажное здание английского Адмиралтей-

ства, построенное почти сто тридцать лет назад по проекту архитектора Томаса Рипли, своими наружными стенами из бледно-жёлтого кирпича напоминало стиль классической старины в духе архитектуры итальянца Андреа Палладио. И именно это обстоятельство часто привлекало любопытных, желавших на время окунуться в ту далёкую эпоху английской старины. Здание тянулось вдоль Уайтхолла и являлось центральным в комплексе строений, осуществлявших управление всем громадным флотом Британской империи.

Ближе к десяти утра двери зала заседаний Адмиралтейства открылись. В зал вошли двое слуг: один – смуглый совсем молодой и низкого роста, он держал в руках ведро с водой и корзину с принадлежностями для уборки; второй – статный высокий старик с пышными бакенбардами, больше похожий на лорда, чем на слугу. Старик шёл налегке и что-то недовольно выговаривал на ходу своему напарнику. Тот с виноватым видом молчал. Он с тоской разглядывал зал, заполненные мусорные корзины, толстый ковёр под ногами, который надо, если уж не вытряхивать (ой, не дай Бог), то хотя бы как следует вычистить, а ещё освободить большой стол от бумаг, газет и просыпанного пепла от курительных трубок... И пыль кругом протереть...

«Час, как минимум, на этот чёртов ковёр... Мусорные корзины... Пыль... – прикидывал молодой слуга. – Как успеть к полудню?..»

В зале было довольно прохладно, однако запах табака не

выветрился.

Высокий старик принюхался, брезгливо поморщился и недовольно произнёс: – Ну и накурили вчера наши адмиралы!.. – и уже совсем раздражённо продолжил: – Вот так, Серадж, ещё раз повторится такое, тебе придётся искать новую работу. Сказано же было вчера: после вечернего заседания совета проветрить и прибраться. А ты?..

– Так это... – пытался что-то сказать Серадж, но старик его не слушал. Он быстрым шагом направился к окнам.

Даже сквозь стёкла с улицы доносилось завывание ветра, который крутил в воздухе остатки влажных прошлогодних пожухлых листьев и с силой припечатывал их снаружи к окнам.

Прежде чем впустить свежий воздух, старик на минуту задумался, для верности ещё раз принюхался, опять поморщился и затем решительно приподнял одну из рам. Помещение сразу наполнилось шумом разгулявшейся непогоды, а проникший внутрь помещения ветер тут же сдул со стола совещаний деловые бумаги, за которыми вчера допоздна заседали члены многочисленных комитетов Адмиралтейства.

– Собирай, Серадж! Чего стоишь? – заорал старик. И сам бросился поспешно ловить запорхавшие по всему залу листы. – Дверь, дверь закрой, не видишь, сквозняк.

– Так это... – закрыв дверь, ползая по ковру, с небольшим акцентом опять повторил второй слуга. – Сказать хочу: не было меня вчера, простудился, меня домой отпустили... Я

всю неделю чуть ли не каждый вечер, на ночь глядя убирался в этом зале. Какой день господа допоздна не расходились. Сколько свечей извели... Жуть...

– Не было, говоришь... Хм... Ну ладно, извини. Разберусь попозже.

Серадж поёжился от холода:

– Как вы, англичане, живёте в таком холоде? У нас в Индии всегда тепло, солнце... А у вас вечные дожди и сырость... Брр...

– Ну и жил бы в своей Индии... Чего приехал?!

– Не я, родители. Их привез в свой дом один английский полковник, что служил там. Я тогда маленьким был.

– Понятно, почему индусам не нравится наша пасмурная погода. Зато мы, англичане, как никто, умеем радоваться солнечному свету. В такие дни, – старик грустно посмотрел в окно, – стихает ветер, исчезает серость, а в воздухе царит спокойствие. Разве вы, иностранцы, это поймёте? Это у вас там солнечные дни круглый год...

Старик вздохнул. Оба слуги на какое-то время замолчали. Индеец продолжал ползать по ковру, вычищая его, а высокий старик складывал пойманные документы в стопки, придавливая их, чтобы опять не разлетелись, тяжёлым бронзовым колокольчиком.

Воздух в зале посвежел, запах табака исчез. В открытое окно стали залетать редкие капли начинающегося дождя. Старик опустил окно.

– А что теперь допоздна господа сидят, – верно. Слышал, на заседаниях говорили о войне с русскими, а это дело непростое. Недавно вот контр-адмиралу Нейпиру морской совет звание вице-адмирала присвоил. Лорд Паркер⁷¹, оказывается, с ним одного года рождения, обоим по шестьдесят восемь лет, и служили они где-то вместе... А я с адмиралом Нейпиром из одного графства, даже из одного города, – похвастал старик. – Возможно, мальцами-то где-нибудь и встречались. Сидел мой адмирал во время заседания совета в приёмной весь в орденах, очень волновался. Оно и понятно... Я в тот день как раз разносил чай господам, так они спорили, кого назначить командующим эскадрой, идущей в Балтийское море к русским берегам.

Старик сделал паузу, внимательно посмотрел на камин и сказал:

– Ты, Серадж, протри-ка камин сверху, оно вроде бы пыли особо не видно, да мало ли... Так вот, решили адмиралы моего земляка командующим назначить. Сэр Грэхем⁷² скривился, правда, но спорить не стал. Он политик, а не моряк, чего ему спорить?.. Ты вот что, Серадж, отвлекись. Сходи за свечами. Я их сам вставлю в канделябры. Вдруг и сегодня до вечера сидеть будут. Первый лорд ох как не любит, когда огрызки торчат.

---

⁷¹ Хайд Паркер III (1786-1854). Первый морской лорд (командующий морским флотом Великобритании).

⁷² Первый лорд Адмиралтейства Великобритании (военно-морской министр).

– Есть же керосиновые лампы... Газовые, в конце концов. Уйма денег на эти свечи уходит... – направляясь к двери, пробурчал молодой слуга.

– Да, так-то оно так, да адмиралы – народ пожилой, не признают эти модные нынче штучки. Запах отвратительный, говорят. Им стеариновые свечи подавай... – старик огляделся по сторонам и, заметив, что напарник уже вышел, добавил: – А что дорого... не свои же тратят...

Зал заседаний Британского адмиралтейства со времени строительства претерпел мало изменений: те же большие окна, стены и потолок с отделкой в нежно-голубых тонах, длинный рабочий стол, стулья с высокими спинками вокруг стола, посередине одной из стен – камин, который весьма редко использовался по назначению, вот, пожалуй, и всё... Хотя нет... на полу лежал ковёр, толстый, с витиеватыми узорами и, конечно, под цвет морской волны. В отличие от других помещений морского ведомства, ни напольных, ни настенных светильников, утыканных свечами, в зале заседаний не было. Когда совещания морских лордов вдруг затягивались, а в последнее время это происходило весьма часто, слуги ставили канделябры с зажженными свечами на стол, не забывая при этом подстилать под них специальные небольшие коврики: не дай бог, воск накапает на стол.

Через какое-то время появился напарник. В руках он держал связку свечей. Положив их на стол, он продолжил уборку. Высокий старик тут же принялся вытаскивать из канде-

лябров обгоревшие свечи и ставить на их место новые. Закончив, он произнёс:

– Продолжай уборку, а я распоряджусь по поводу чая, да и молоко подогреть надо. Лорд Паркер не любит ни холодный, ни горячий чай. А по мне, так только горячий. Тёплый – какой же это чай?

Вскоре в зал вошёл один из секретарей совета. В руках он держал пачку документов, свёрнутую в рулон карту и деревянную указку. Секретарь недовольно посмотрел на слугу, вытряхивающего мусор из корзины, и хмуро сделал замечание:

– Поторопись, чего копаешься?.. Лорд Грэхем уже был, скоро здесь появится.

Затем секретарь направился к стойке, стоявшей в углу, поднёс её ближе к столу и повесил на неё большую карту с нанесёнными значками разного цвета, после чего на столе напротив каждого стула разложил документы. Уже собравшись покинуть зал заседаний, он бросил подозрительный взгляд на слугу, на секунду задумался и, махнув рукой, ни слова не говоря, удалился.

В полдень в зал стали заходить члены совета, за ними – приглашённые: секретари, руководители подкомитетов, рядовые сотрудники. Последними шли главный секретарь совета и адмирал Нейпир. Они о чём-то оживлённо шептались.

Адмирал Нейпир был одет не по рангу. Судя по одному галуну на белых обшлагах кителя и эполетам на плечах с од-

ной восьмилучевой звездой, из-за большой занятости, связанной с подготовкой эскадры к выходу в море, адмирал ещё не успел обзавестись формой, подобающей вице-адмиралу флота её королевского величества. Китель контр-адмирала, пошитый восемь лет назад, сейчас сидел на нём мешковато, обшлага – затёртые, хоть и белого цвета, одна из пуговиц на кителе болталась, и, казалось, вот-вот оторвётся. Нейпир почувствовал на себе осуждающий взгляд адмирала Паркера и, садясь на своё место, настороженно взглянул на первого морского лорда. Паркер укоризненно покачал головой, но промолчал.

Когда все расселись по местам, первый лорд Адмиралтейства, шестидесятидвухлетний сэр Джеймс Грэхем, откашлявшись, поздоровался:

– Рад видеть вас, господа!

Члены совета молча кивнули и стали сосредоточенно просматривать лежавшие перед ними документы. Адмирал Нейпир тихо, но явно возмущённо, стал что-то шептать на ухо руководителю подкомитета по снабжению. Снабженец слушал адмирала рассеяно и лишь хмуро кивал в сторону сидящего напротив морского лорда казначейства. А тот сидел с невозмутимым видом, листая принесённые с собой документы. Грэхем уловил обрывки фраз адмирала о чрезмерной экономии в обеспечении его эскадры.

В зале стоял лёгкий шум, нарушаемый шуршанием бумаги и перешёптыванием между собой присутствующих.

Давая время для ознакомления с документами, первый лорд, политик малосведущий в тонкостях морского дела и традиций, вытащил из кармана принадлежности для курения и аккуратно разложил их перед собой. Затем не спеша стал ёршиком чистить курительную трубку. Закончив чистку, он аккуратно набил трубку табаком, но не закурил. Минуты через три, заметив, что члены совета подняли головы, он отложил трубку в сторону и своим низким натренированным в бесконечных политических дебатах в парламенте и на заседаниях в правительстве, хорошо поставленным голосом произнёс:

– Начнём, пожалуй, господа.

Взглянув на Нейпира, лорд сделал замечание:

– Вы, сэр Нейпир, не торопитесь, ещё успеете высказать претензии своему визави.

Адмирал замолчал.

– Господа, на днях я имел разговор с премьер-министром графом Абердином⁷³. Мы обсуждали, какое политическое значение имеет поход нашей эскадры на Балтику. Не секрет, что граф как-то по молодости, возвращаясь на корабле из путешествия, посетил Россию. Так что премьер-министр не понаслышке знает трудности морского пути по северным морям.

– Когда это было, сэр... С тех пор... Россия давно изменилась, – вставил адмирал Нейпир.

---

⁷³ Джордж Гамильтон-Гордон, 4-й граф Абердин.

– Понятно, почему наш премьер так вяло поддерживает поход на Россию в отличие от министра внутренних дел лорда Палмерстона, – послышался с дальнего края стола голос одного из гражданских членов совета.

– Не думаю, что ваша реплика, милорд, уместна в данном случае. Господа! Должен вам заметить, что некоторые разногласия нашего премьер-министра с лордом Палмерстоном никак не влияют на весь ход кампании, тем более, после сражения у Синопа русских с турками, – парировал первый лорд Адмиралтейства. – Правительство её величества в целом поддерживает план лорда по ослаблению России. Я могу его напомнить.

– Хотелось бы... – пробурчал Нейпир.

– На первый взгляд, план фантастичен, однако... только на первый взгляд... Вот, к примеру... [Аландские острова](#) и [Финляндию](#) лорд Палмерстон предлагает вернуть [Швеции](#); российский прибалтийский край отдать Пруссии; [королевство Польское](#) должно быть самостоятельным государством, как барьер между Россией и Европой. [Молдавия](#), [Валахия](#) и всё устье Дуная, по плану лорда Палмерстона, отходят Австрии, а [Ломбардия](#) и [Венеция](#) от Австрии передаётся [Сардинскому королевству](#); Крым и Кавказ отбираются у России и отходят к Турции, причём на Кавказе [Черкессия](#) выходит из юрисдикции османов и становится самостоятельной территорией. Безусловно, заманчивый план. Нет, конечно, это всё кулуарные разговоры... Но, зная лорда Палмерстона, не

уверен, что так не думает правительство. По крайней мере большая его часть.

– Сэр, – произнёс один из членов совета, – даже если эти планы просто разговоры, я что-то не слышу в них о выгоде Великобритании... Альтруизм не лучшая черта в подобных делах.

– Не торопитесь, господа, делать выводы. Повторюсь: это пока только желание лорда Палмерстона, не более. План, конечно, фантастический, но он необходим нам, чтобы привлечь на первых порах дополнительных союзников против России. Как будет на самом деле – время покажет.

Грэхем многозначительно усмехнулся.

– Наша дипломатическая служба, – вставил адмирал Паркер, – доносит, что Турция, прямо скажу, терпит неудачи на своих фронтах с Россией.

– Вот-вот. Вы правы, милорд. Как сами понимаете, господа, ослабления османов, тем более краха Турции, мы не должны позволить. Как говорят некоторые наши политики, если допустить невероятное, к примеру, захват русскими войсками Константинополя, то приступить к спасению Турции будет уже поздно, а это весьма ослабит влияние Великобритании в том регионе. Император Николай мгновенно увеличит количество своих кораблей в несколько раз, он станет обладателем прекрасных территорий в Средиземноморье, которые в настоящее время занимают турки.

Именно сейчас, господа, мы должны выступить жёстко,

чтобы поддерживать нашу собственную позицию. Население Англии, как мы видим, одобряет наши действия. Пресса постаралась на славу. Огромные массы восторженных англичан провожают из портов наши корабли на борьбу с русскими. Мы не должны огорчить свой народ...

– Вы бы видели, сэр, – перебил первый секретарь, – что делается на железнодорожных станциях при отправке войск на войну с русскими... Толпы, толпы людей, хоть по головам ходи. Подданные королевы настолько возбуждены, что похожи на безумцев. И не мудрено...

Секретарь развернул газету:

– Вот, господа, у меня в руках газета The Times за 24 августа 1853 года. В ней говорится, да вы, наверное, помните, что в конце июля того года на Спитхедском рейде нашим доблестным флотом была проведена показательная антирусская демонстрация: на маневрах условный «русский» флот был «разгромлен» английской паровой эскадрой в присутствии нашей королевы и всех иностранных послов. Кстати, там присутствовал и русский посол, господин Бруннов. Я с ним имел беседу после маневров. Посол был огорчен не самими маневрами, а присутствием на них королевы.

Джеймс Грэхем недовольно поморщился, но делать замечание секретарю не стал: два десятка глаз внимательно смотрели на него.

В зале установилась такая тишина, что слабый звук бьющих в окна под напором ветра листьев казался эхом ружей-

ной пальбы.

Первый лорд Адмиралтейства строго посмотрел на перебившего его речь первого секретаря, демонстративно покачал головой и продолжил:

– Скажу откровенно, господа, Великобритания и Франция – на пороге официального объявления войны России. И граф Абердин, несмотря на то, что он является представителем партии тори, настаивающей на достижении компромисса с Россией в Восточном вопросе путём переговоров, всё же согласился на активные действия против неё.

– Да кто ж против, сэръ? Мы и без объявления войны уже ввязались в конфликт, – натужно произнёс первый морской лорд вице-адмирал Паркер.

Адмирал, как обратил внимание Джеймс Грэхем, видимо, чувствовал себя не совсем хорошо. Паркер с трудом произнёс эту фразу и при этом скривился от боли.

– Милорд, как вы себя чувствуете? – участливо спросил Грейам.

– Спасибо, сэръ, терпимо, – пробурчал Паркер. Он расстегнул крючок стоячего воротничка и немного помассировал шею. – Я вот всё думаю. Совсем недавно мы были с французами заклятыми врагами, а теперь – союзники! Куда мир катится...

– Россия, её поведение не оставляют нам выбора, – буркнул Грэхем. – Коль надо, и с чёртом подружимся. Как говорит королева, Англия превыше всего.

Паркер пожал плечами и прошептал:

– Что уж такого плохого для Англии делают русские?..

Первый лорд Адмиралтейства не расслышал сказанное Паркером и произнёс:

– Если вас не затруднит, адмирал Паркер, доложите нам обстановку с расстановкой флота. И сколько по времени, на ваш взгляд, может занять поход эскадры? Не думаю, что сей поход затянется...

Паркер вытащил платок, вытер им лоб, затем откашлялся и немного хриплым голосом сказал:

– Господа, война с русскими не партия в крикет, где проигравшие в ближайшем пабе выставят пиво победителям... Вся их потеря составит... ну, пару фунтов, не более. Но мы же знаем, что русские воюют не по правилам. Морское сражение при Синопе не свидетельство ли этому?.. Порой тактика ведения морских сражений, их рискованность поражают. Каким надо быть дилетантом, чтобы рискнуть завести свои корабли под залпы береговых батарей в Синопской бухте... Грубейшее нарушение правил морских боёв...

Лорд Грэхем не совсем учтиво пробурчал:

– Но русский адмирал Нахимов это сделал и... выиграл, потопив весь турецкий флот. И это был полный разгром. Наш советник Адольфус Слейд едва унёс ноги на единственном спасшемся пароходе «Таиф». С его слов, он советовал туркам не группировать весь флот в узкой бухте.

– Лучше бы этот Слейд советовал, как конницей управ-

лять, по примеру своего отца-кавалериста. Пользы было бы больше, – недовольно вставил морской казначей. – Не пришлось бы нам опустошать свою казну на помощь османам.

– Да не виноват Слейд, господа! Не виноват... Русским просто повезло в том бою. И ветер дул в нужном направлении, и погода была явно на их стороне плюс турки, разгильдяи, не были готовы... Всё как-то неудачно сложилось для Осман-паши, да ещё и в плен угодил, – вступился за английского советника адмирал Нейпир.

– Хотел бы я, чтобы нам так везло! Однако дело прошлое, господа, – продолжил Паркер. – О делах наших насущных думать надо. – Он обвёл взглядом присутствующих и продолжил: – Всё идёт по плану, сэр Джеймс. Мы берём Россию в клещи с трёх сторон. Как сообщил командующий Тихоокеанским флотом контр-адмирал Дэвид Прайс, его эскадра благополучно добралась до Кальяо, где соединилась с кораблями наших союзников, французами.

Лорд, как обычно, хотел произнести что-то язвительное в адрес французов, вынужденных союзников, при этом хотел удержаться от высказываний, но не сдержался и тихо, больше для себя, произнёс:

– Та же Times, господа, совсем недавно осуждала Наполеона III и его окружение, как сборище паразитов и сводников, а теперь активно превозносит французов...

Присутствующие сделали вид, что не расслышали первого морского лорда совета, хотя многие в душе были с ним

согласны. Паркер вздохнул и продолжил доклад:

– Адмирал Прайс ждёт благоприятных ветров и нашего сообщения о начале военных действий с Россией. После чего его корабли направятся на Камчатку, сэр. Территория в том районе России необжитая, и я не думаю, что у нас будут большие проблемы с ее захватом.

– Простите милорд, – перебил Паркера Джеймс Грэхем, – я, как человек штатский, не участвовал в назначении сэра Прайса на должность командующего. Он опытный моряк?

– Весьма, сэр. Ему шестьдесят два года. Он ещё юнгой начал морскую карьеру и успешно воевал и с французами, и с русскими. Совет полностью доверяет его опыту.

Ответ адмирала удовлетворил первого лорда Адмиралтейства.

– Продолжайте, адмирал, – произнёс он и оглянулся на скрип открываемой двери.

Двое слуг внесли в зал два больших подноса с чайными принадлежностями. Не обращая внимания на присутствующих, они молча расставляли чашки. По краям стола высокий слуга поставил по большому фарфоровому чайнику с горячим чаем и небольшому – с молоком. Затем оба слуги, так же молча, удалились. За столом возникло некоторое оживление.

Выждав, когда за слугами закроется дверь, адмирал Паркер продолжил свою речь:

– Как вы знаете, господа, наш флот под руководством

вице-адмирала Нейпира на днях покидает Портсмут и берёт курс в Балтийское море. По пути к нему присоединится французский стопушечный корабль «Аустерлиц». В настоящий момент Франция не готова к полномасштабному участию в Балтийской операции. Её эскадра в составе нашего флота под флагом адмирала Гамелена находится в Средиземном море, а для создания ещё одной полноценной эскадры французам нужно время. По заверению морского министра Франции, в скором времени новая эскадра будет собрана и соединится с кораблями адмирала Нейпира. Нам уже даже известны командующие: адмиралы Парсеваль-Дешен и Пено. Хочу напомнить, господа: время выхода нашей эскадры выбрано не совсем удачно, так как погода в марте не самая благоприятная.

– Так зачем же торопиться, сэр? Дождались бы французов, а там и погода бы поутихла... Мы второпях вербуем так называемых добровольцев, рыщем, как голодные волки, по всей Европе... Берём кого попало... Зачем?.. А эскадра потом будет отстаиваться в ожидании погоды... – визгливым и раздражённым голосом вопрошал второй секретарь совета, курирующий подкомитет по комплектованию экипажей кораблей.

Первый морской лорд Паркер удивлённо посмотрел на недовольного секретаря и хотел было приказать ему помолчать и не лезть с вопросами не своей компетенции, но, взглянув на Джеймса Грэхема, который явно ждал ответа на во-

прос, решил ответить этому чиновнику-нахалу:

– Видимо, не все присутствующие знают о докладе нашего уважаемого вице-адмирала Нейпира графу Абердину. Адмирал обратил внимание правительства на слабость береговых укреплений Великобритании. Любой неприятель легко высадится на её территорию с моря. Конечно, под потенциальным противником адмирал Нейпир имел в виду русский флот на Балтике, насчитывающий, по нашим сведениям, около тридцати только линейных кораблей и множества других, классом поменьше. Как понимаете, господа, есть реальная угроза нашим практически беззащитным сухопутным границам. Почему?.. Основная часть британских военно-морских сил отправлена в Средиземное море и на Восток. Вскоре уйдёт и флотилия адмирала Нейпира. Совет Адмиралтейства согласен с мнением сэра Нейпира, о чём и было доложено премьер-министру графу Абердину. Помимо прочего, стало известно, что русские приступили к восстановлению ряда крепостей на Аландских островах, в частности форта Бомарзунд. Чем не угроза Англии?!..

– А что же русскому императору остаётся делать, милорд? Чай, и у них разведка работает, – произнёс Джеймс Грэхем.

Паркер закашлялся. Вытерев рот платком, продолжил:

– Возможно, сэр. Дабы не допустить русский флот к берегам Великобритании, премьер-министр после некоторых колебаний согласился с нашим планом. Мы блокируем русских в их же портах. И, мало того, граф согласился пополнить

эскадру Нейпира, усилив её кораблями, стоящими в данное время в Лиссабоне.

– Заблокировать корабли неприятеля – правильная идея, – подал голос второй секретарь. – По нашим сведениям, господа, русские отправляют войска на юг, в Крым.

Вице-адмирал Паркер недовольно посмотрел в сторону второго секретаря:

– Милорд, когда мне потребуется ваше одобрение или совет, я, поверьте, этим воспользуюсь. Так вот, господа! Сами понимаете, в силу только этих обстоятельств, несмотря на неблагоприятный сезон, мы вынуждены срочно отправить наш доблестный флот в Балтийское море.

Паркер, несмотря на значительную прохладу в зале, вспотел. Он вытер платком выступивший на лбу пот, затем посмотрел в сторону первого лорда Адмиралтейства. Сэр Грейам с интересом слушал его доклад, и это придало Паркеру сил. Он продолжил:

– Ваша задача, адмирал, – обратился Паркер к Нейпиру, – обеспечить полную блокаду Финского залива... и не допустить передвижения русских кораблей. Тем самым вы ещё и нарушите морскую торговлю русских в этом районе, а также... – Паркер посмотрел в сторону второго секретаря... – и возможную морскую переброску войск на юг. Нужно намертво заблокировать русские порты. Постарайтесь разрушить как можно больше русских крепостей, защищающих подходы к Кронштадту и столице. А, коль повезёт, и напасть на

них. Задачи, достойные вашего опыта, сэр Нейпир.

– Сэр, у меня будет слишком мало сил для нападения на Кронштадт, тем более, на Петербург, – развеяв руки в стороны, сказал Нейпир.

– Французы не дадут больше, чем обещал их император. А жаль... Наполеону это просто не надо, – вставил Грэхем.

– Но блокада русских портов серьёзно ударит по интересам английских купцов, – возмущился снабженец Адмиралтейства. – Многие товары мы получаем из России, и большая часть уже оплачена нами. Англия понесёт немалые убытки. Министр торговли будет очень недоволен сим обстоятельством. Блокаду портов не надо делать, сэр.

Лорд Грэхем удивлённо посмотрел на адмирала Паркера:

– Милорд! А что, при составлении плана кампании вы этот вопрос не обсуждали с министром торговли? Странно, что премьер-министр на это не обратил внимания.

Паркер в ответ только пожал плечами. Грэхем на минуту задумался. Но потом решительно произнёс:

– Я, господа, не могу понять, почему Россия должна обязательно высадиться на наши территории? Это из области фантазий, мне кажется. Зачем ей это? У России собственная территория огромна. Не один десяток Англий на ней может разместиться... Им бы свою территорию обустроить...

Первый лорд Адмиралтейства сделал паузу. Затем поделился с присутствующими конфиденциальной информацией:

– Российский посол Бруннов уверяет нас в самом дружественном расположении императора Николая к нашей королеве. Какое там нападение... Чушь это!.. Однако должен отметить, что остальные задачи, поставленные адмиралу Нейпиру, весьма своевременны. Пусть мы понесём убытки, но и русской торговле нанесём урон. Так, господа, – Грэхем развёл в стороны руки, – того требуют обстоятельства. Прошу вас, адмирал Паркер, продолжайте.

Снабженец недовольно пробурчал:

– А кто возместит убытки английским купцам, позвольте узнать.

Вопрос снабженца остался без ответа...

Грэхем взял свою курительную трубку и, попыхивая, стал её раскуривать. Сделав пару затяжек, он произнёс:

– Табак сыроват, но первая трубка, господа, – истинное наслаждение.

По залу сразу распространился приятный запах табачного дыма. Присутствующие принялись выкладывать на стол свои курительные принадлежности.

– Вице-адмирал Нейпир, – достав из кармана платок и промокнув лоб, обратился Паркер к командующему эскадры, – прошу доложить о готовности флота к выходу.

Нейпир встал, поправил мундир, взял указку и быстрым шагом подошёл к карте:

– В самые ближайшие дни, господа, моя эскадра покинет Портсмут и в районе Киля будет ждать подхода кораб-

лей союзников. Но хочу отметить, господа, я окажусь у входа в Финский залив в период весьма густых туманов и штормов – это первое. Второе – корабли весьма плохо обеспечены необходимым снабжением и третье – экипажи в основном состоят из неопытных матросов и, что более важно, – канониров. Например, на корабле «Монарх» из 850 членов экипажа и солдат только восемь-десять моряков имеют профессиональные навыки. Скажите, что будет делать командир с этой оравой, попади он на первых порах даже в небольшой шторм? И так почти на всех кораблях. Ещё одна беда: не на всех кораблях есть сигнальщики. И где их взять? Как прикажете держать строй? Скажите, сэр, – напрямую обратился докладчик к первому лорду Адмиралтейства, – как я буду воевать и проходить огромное количество узких проливов и мелей?..

Первый лорд Адмиралтейства, подперев голову рукой, молчал, пристально разглядывая адмирала.

– Я, конечно, понимаю, – обиженным голосом закончил Нейпир, – всё лучшее отправлено на Средиземноморский флот, однако...

– Не надо сгущать краски, адмирал, – недовольно перебил Нейпира Паркер. – Туманы и шторма – дело привычное. А на то, чтобы обучить новичков и получить недостающие припасы, уверяю, у вас будет время. То же касается и сигнальщиков.

– Сэр, но я ещё хочу сказать об отсутствии в моей эскадре

канонерских лодок. Они незаменимы при нападении на русские укрепления, где глубина фарватера не позволяет близко подойти большим кораблям.

– Вам, милорд, нужны будут хоть какие-то успехи. Надо атаковать и захватить одну из крепостей на Аландских островах, тогда Швеция, а там, глядишь, и Дания, несмотря на нейтралитет, согласятся дать требуемые лодки, а заодно и опытных моряков... Короче, всё зависит от вас. Повторюсь: нужны успехи, милорд.

В это время открылась дверь. В зал заседаний вошёл один из служащих Адмиралтейства. Он подошёл к Паркеру и что-то тихо прошептал ему на ухо, после чего подал пакет.

Паркер тут же вскрыл его. Он внимательно прочитал содержимое и произнёс:

– Ну вот, господа, весьма интересное сообщение. Русские на Дунае начали активные действия. Царь Николай приказал своим войскам перейти в наступление. Вот вам и подтверждение агрессивных действий России. Мы не знаем, какой приказ имеют войска. А почему бы и не захват Константинополя?.. – Паркер обвёл взглядом присутствующих, на лицах многих явно читалось недоумение. – Да-да, оккупацию турецкой столицы... – повторил он.

– Сэр, но в Мраморном и Чёрном морях, совсем близко от Константинополя, стоит наш флот!.. Как сие возможно? – удивлённо произнёс один из членов совета. – Вряд ли русские решатся на подобный шаг.

– Непредсказуемость русских известна, господа, – вставил Паркер. – Хватит нам Синопа, – и тут же посмотрел на Нейпира.

– Думаю, адмиралу Нейпиру надо поторопиться с выходом эскадры. По крайней мере, об этом, надеюсь, тут же станет известно русским, что должно как-то охладить пыл русского императора.

Присутствующие посмотрели на первого лорда Адмиралтейства.

– Ну, в общем-то, правительство это предвидело. Мы ведь знаем, что император Николай, введя войска в Валахию, предупредил Абдул-Меджида: коль тот не пойдёт на уступки, он захватит придунайские земли и признает их независимость от Турции. Султан, как видим, не согласился – император исполнил свою угрозу. Конечно, в том ультиматуме и слова не было о захвате Константинополя. Но прав адмирал Паркер, мы действительно не знаем о планах царя Николая...

– Для того чтобы русские не начали активных действий, наш флот должен громко заявить о себе под стенами Петербурга, – уверенно заявил один из присутствующих на заседании членов совета.

– С точки зрения военной стратегии, вполне разумное заявление, – произнёс Паркер. Его поддержал лорд Грэхем.

– Да, видимо, так, господа! Время работает против нас. Сэру Нейпиру действительно необходимо срочно отбыть в Портсмут. Кстати, господа, весьма знаменательный факт.

Помнится, в 1805 году вице-адмирал Горацио Нельсон тоже выводил свою эскадру на Трафальгарскую битву из Портсмута. И он победил... Разбил и французский, и испанский флот, не потеряв ни одного своего корабля. Так что удачи вам, адмирал Нейпир!

– Спасибо, сэр! – поблагодарил Нейпир. Затем, вздохнув, огорчённо пробормотал: – Только Нельсон, сэр, был смертельно ранен в том сражении...

– Постарайтесь, милорд, избежать этой участи, – успокоил адмирала лорд Грэхем. – А мне, господа, в связи с этим сообщением придётся покинуть вас. Предлагаю всем разойтись и приступить к своим обязанностям.

Послышался звук отодвигаемых стульев: члены совета стали покидать зал совещаний.

Чай так и остался на столе нетронутым...

11 марта 1854 года флот вице-адмирала Нейпира под бурные и патриотические возгласы горожан, призывающих покарать «лапотную Россию», и напутствия самой королевы Виктории покинул Портсмут, держа курс в Балтийское море, к берегам России. Ликующая толпа горожан долго провожала взглядами силуэты грозной эскадры, пока последний, флагманский 130-пушечный корабль первого ранга «Дюк оф Веллингтон» с экипажем в тысячу сто человек, не скрылся за горизонтом.

Восемь винтовых линейных корабля, четыре винтовых фрегата и несколько колесных пароходов, оставляя за собой

шлейф чёрного дыма, вскоре растаяли за горизонтом.

Через несколько суток от эскадры отделилась небольшая группа кораблей, возглавляемая командиром военного парохода «Миранда». Группа взяла курс в Белое море.

Мало кто из ликующей толпы английских граждан заметил, как с внешнего рейда тихо и незаметно с якорей снялся неприметный корабль с каторжанами на борту. Не одна сотня арестантов отплывала в Австралию на вечное поселение.

Осторожный адмирал

Эскадра Нейпира какой уже день стояла на якорях. Тёмно-синие при редких проблесках солнечных лучей, чёрные — при пасмурной погоде, волны Балтийского моря раз за разом тяжёлым накатом наваливались на борта кораблей английской эскадры. В мачтах гудел ветер, завывал такелаж, скрипел рангоут. Какой уже день штормило...

И днём, и ночью вахтенные службы всматривались в окуляры подзорных труб, обшаривая горизонт в надежде увидеть паруса русских кораблей, крадущихся к священным берегам Великобритании.

Терпеливо несли вахту английские моряки, ожидая неприятеля. Но, к удивлению адмирала Нейпира, а скорее, к его досаде, русские почему-то не спешили проплывать мимо. Вдобавок ко всему приходящие с почтовыми судами секретные сообщения явно указывали на то, что российские корабли даже не собираются выходить из своих портов. Это очень расстраивало адмирала.

Расстраивало его и другое: на кораблях его эскадры из всех матросов лишь десять-пятнадцать человек знали, как обращаться с парусами. Остальные или никогда не были в морских плаваниях, или, в лучшем случае, изредка ходили на каботажных судах по Ла-Маншу. А ещё, карабкаясь по вантам, они слишком быстро уставали. Но и это ещё не

всё! Взятые на корабли без должного медицинского осмотра, многие матросы были больны венерическими болезнями. Конечно, их списывали при первой же возможности... Но помилуйте... кто же будет работать с парусами?

И Нейпир был вынужден постоянно проводить на кораблях учения. Набранные по всей Европе матросы-наёмники постепенно приобретали навыки профессиональных моряков.

Заложив руки за спину, с презрением поглядывая на коптящие чёрным дымом трубы паровой машины, всю жизнь проплававший на парусниках, адмирал ходил по юту хмурый, неразговорчивый. Со стороны было видно, как он иногда что-то бормотал, а порой и довольно громко ругался, делая ударение на слове «трус», кляня русского императора Николая за его нерешительность по отношению к Англии. «Флота в Англии почти нет, чем не повод для нападения...» При этих словах адмирал гневно взмахивал рукой и с ещё большим раздражением продолжал совершать свои дневные прогулки. В эти часы офицеры флагманского корабля старались не попадаться адмиралу на глаза. И так продолжалось неделями.

Общался флагман исключительно с командиром корабля, но не забывал и старшего помощника, если тот не успевал увернуться и шмыгнуть в любую попавшуюся дверь. Нейпир обязательно делал замечание старпому за копоть в судовых помещениях внутри и снаружи. Замечания он делал зло: ко-

роткие хлѣсткие фразы, будто розги, с размаху хлестали по лицу заслуженного моряка. При этом Нейпир подносил старшему офицеру под нос свои белые перчатки, испачканные сажей.

А море продолжало штормить. Бежали дни, летели недели, эскадра бездействовала.

Но в начале мая 1854 года погода несколько успокоилась, волнение утихло.

Убедившись, что на Англию, к его великому сожалению, никто не собирается нападать и ему не суждено стать спасителем своей страны, а его доклад премьер-министру был ошибочным, адмирал Нейпир решился наконец-то на активные действия.

Эскадра снялась с якорей. Нейпир захотел проверить экипажи в бою. Корабли подошли к небольшому финскому городку Ханко, у входа в Финский залив. Там они обменялись с русскими батареями одиночными выстрелами из орудий. Особого вреда ни одной из сторон стрельба не принесла, но это были первые боевые выстрелы на Балтике.

Затем эскадра направилась к крепости Свеаборг. Подойдя ближе, Нейпир разглядел в подзорную трубу мощные укрепления и большое количество мортир и пушек. Он не решился нападать, поэтому эскадра отошла и опять встала на якоря.

Со времени прибытия эскадры адмирала Нейпира на Балтику прошло почти три месяца. За это время к нему при-

соединился крупный французский отряд под командованием вице-адмирала Парсеваля-Дешена, а с ним двадцать паровых и парусных кораблей. Затем прибыли шесть английских парусных кораблей, ранее обещанные премьер-министром Абердином.

И вот уже объединённый флот союзников двинулся в направлении Кронштадта и Санкт-Петербурга. При подходе к мощным укреплениям Кронштадта, эскадра потеряла два корабля, подорвавшихся на «адских машинах»⁷⁴. В довершение всего на некоторых кораблях вспыхнула холера. Нейпир не решился на атаку. Флот снова замер на якорях, заблокировав русские корабли в портах.

Когда союзнический флот уже стоял на траверзе Кронштадта, на корабле «Петр I» в адмиральской каюте император созвал большой военный совет с участием всех имевшихся в наличии адмиралов. После доклада императору о неутешительном состоянии свеаборгских и гельсингфорских укреплений и после категорического совета адмиралов не выходить в море царь в гневе воскликнул: «Разве флот для того существовал и содержался, чтобы в минуту, когда он действительно будет нужен, мне сказали, что флот не готов для дела?!» Но, тем не менее, флот всё же не вышел в открытое море, как того хотели союзники.

И опять потекли монотонные дни. А Лондон требовал активных действий. Нейпир не торопился.

---

⁷⁴ Плавучие мины.

В июле 1854 года некоторое разнообразие внесла небольшая группа из трёх паровых корветов, посланных Нейпиром к крепости Бомарзунд для разведки и наблюдения за возможным передвижением кораблей противника.

Английский капитан Уильям Холл, возглавлявший эту группу, простояв несколько дней на траверзе крепости, каким-то образом нашёл на берегу опытного лоцмана, и тот, искусно маневрируя, провёл англичан по мелководью, приблизившись к Бомарзунду на расстояние выстрела. В нарушение приказа флагмана Холл открыл огонь по крепости и обстреливал её до тех пор, пока на всех трёх кораблях не закончились боеприпасы. Крепостные орудия тоже не молчали, но их ядра не долетали до кораблей, хотя несколько снарядов всё же угодили в борт одного из кораблей. Ущерб, причинённый обеим сторонам, был минимальным, но несколько защитников и членов английских экипажей были убиты или ранены.

Император Николай I наградил всех защитников крепости: каждому защитнику вручили по серебряному рублю.

Зато капитану Холлу не повезло: за нарушение приказа адмирал Нейпир объявил ему выговор и уже было снял с поста командира, но... за Холла вступилась английская пресса. Все лондонские газеты расписали это сражение как блестящую победу храброго английского капитана. Скривившись, словно от зубной боли, Нейпир порвал приказ и оставил в покое нарушителя дисциплины.

Истомившаяся в ожидании настоящих сражений лондонская публика с нескрываемой радостью встретила известие о поступке Холла. Особенных похвал удостоился подвиг Чарльза Лукаса, гардемарина одного из кораблей Холла. Когда на верхнюю палубу судна упал неразорвавшийся русский снаряд и прозвучал сигнал всем спрятаться в укрытие, двадцатилетний Лукас схватил шипящее ядро, поднес его к борту и бросил вниз. Едва коснувшись воды, снаряд разорвался, легко ранив двух моряков. В благодарность за этот поступок капитан Холл представил храброго и сообразительного юношу к званию лейтенанта. Адмирал вынужден был согласиться и с этим.

Но это были мелкие боевые стычки. А Лондон и Париж продолжали настаивать на более внушительных победах.

К началу августа к эскадре Нейпира подошёл караван транспортных судов с десятитысячным отрядом французских солдат, морских пехотинцев и военных инженеров. Солдаты были крайне истощены штормами и длительным переходом. Они были недовольны питанием, условиями их содержания, назревал мятеж. Нужно было отвлечь войска каким-нибудь сражением.

На борту «Дюк оф Веллингтон» шли бесконечные совещания и споры, доходившие до оскорблений и обвинений флагмана в трусости.

Большинство командиров кораблей требовали от своего флагмана отдать приказ о нападении на Кронштадт, наме-

кая на Синопский бой, блестяще проведённый русским адмиралом Нахимовым. Но осторожный Нейпир, не желавший окончательно погубить свой авторитет потерей кораблей, упорно твердил, что он не собирается повторять эту абсурдную, с точки зрения морской практики, операцию – зайти в узкое место под огонь тяжёлых крепостных орудий и мортир.

– К тому же, господа, – защищался Нейпир, – фарватер перед Кронштадтом весь усыпан «адскими машинами». Да и количество русских кораблей несколько больше, чем мы предполагали.

– У русских, сэр, мало паровых кораблей в отличие от нашего флота, – слышалась реплика одного из командиров.

– Возможно! Но вы должны понимать, что парусники на якорях не уступают паровым кораблям. Топить свой флот я не позволю, – парировал Нейпир.

Однако и английский, и французский флагманы понимали, что полное бездействие негативно скажется на их авторитете и, что тоже важно, на кораблях окончательно испортится моральное состояние экипажей и войск. Да и не грех вспомнить о Швеции и Дании. Разгромив хоть где-то русских, союзники могли бы рассчитывать на несговорчивых датчан и шведов, и это дало бы основание требовать от них долгожданные канонерские лодки и опытных матросов.

Долго совещались и спорили руководители эскадры, решая, на какую же крепость напасть. И вот после слов устав-

шего от споров командующего вновь прибывшими французскими войсками генерала Барагэ де Илье «Господа, Бомарзунд – вот крепость, на которую нам следует обратить своё внимание! Как показал обстрел крепости капитаном Холлом, о коей вы, господа, говорили, она столь беззащитна, что мы не можем её не победить» он в гневе со всей силы ударил кулаком правой руки по столу. Такое негодование молодого вояки, потерявшего по молодости в боях левую руку, сыграло свою роль: приняли решение захватить Бомарзунд, тем более, имя этой крепости благодаря капитану Холлу уже не сходило со страниц европейской прессы. Командующим операцией адмиралы единодушно назначили этого безрукого, но весьма опытного генерала.

– Вот и повод генералу показать нам, молодым, как брать крепости, – прошептал на ухо коллеге один из командиров французского корабля.

– Стоило ли затевать всю эту кампанию ради какого-то Бомарзунда? Какой толк от этой крепости, не пойму. Кронштадт – понятно, дальше – русская столица!.. – пробурчал сосед.

– Надо же адмиралам хоть как-то отличиться. Наверное, и наш король, и их королева топают ногами от злости, победы требуют. И генерал наш однорукий что, зря пёрся в такую даль?

А кольцо блокады вокруг России во второй половине 1854 года сжималось всё сильнее и сильнее.

В Чёрном, Балтийском и Белом морях уже открыто хозяйничали многочисленные корабли союзников.

В начале апреля в Чёрном море они обстреляли город Одессу, в июне-июле – город Колу, Соловецкий монастырь, храмы и небольшие поселения в Белом море. Союзники также планировали напасть на Архангельск.

После ряда небольших стычек в Балтийском море, заблокировав русские корабли в портах и не осмелившись напасть на Кронштадт и Санкт-Петербург, интервенты приготовились напасть на крепость Бомарзунд.

А мы ведь помним, дорогой читатель, что в это время ещё одна англо-французская эскадра под началом английского адмирала Прайса, ещё недавно стоявшая в Перу, пересекла Тихий океан и подходила к восточным берегам России, к Камчатке.

Не лишне также напомнить, что всё ещё продолжалась война России с Турцией, а также то, что Россия осталась без союзников.

В это время она, Россия, могла рассчитывать только на свои силы.

Как позже скажет по этому поводу будущий император Александр III: «У России есть два союзника – армия и флот». И время покажет, что император совершенно прав. Однако надо добавить в эту фразу государя ещё слова: «российский народ», так как он – основа целостности территории своей страны.

Таким образом, на севере, западе, востоке и юге России началась наглая полномасштабная война Англии, Франции, позже и Сардинии. Мы уже молчим о Турции...

Какая же это, господа, Крымская война?..

Так, когда и где в действительности она началась?

Французы полагают, что 27 марта 1854 года, когда Франция объявила войну России. По мнению англичан, днем начала войны следует считать 28 марта 1854-го, именно в этот день войну России объявила Британия. Россия, в свою очередь, официально заявила о том, что находится в состоянии войны с Францией и Англией с 11 апреля 1854 года.

Но, пожалуй, более точной датой начала этой войны следует признать 5 октября 1854 года, когда Турция не без помощи всё той же Англии и при молчаливом согласии Европы объявила войну России. Именно с этого момента стал действовать план лорда Палмерстона и его сторонников.

Россию ждали нелёгкие времена.

Бомарзунд. Павшая крепость

Расположенный в Ботническом заливе между Швецией и Финляндией остров Аланд когда-то принадлежал Швеции. Однако в результате проигранных сражений перешёл в собственность России.

...В августе 1809 года генерал от инфантерии Барклай де Толли, занимавший тогда должность командующего войсками и начальника края, донес российскому военному министру графу Аракчееву: «Будет весьма полезно разместить на Аландских островах гарнизонный полк для надзора за почтовой конторой и другими гражданскими учреждениями, но прежде всего – для обороны островов, особливо, ежели будет построена малая крепостца».

Местом для строительства «малой крепостцы» под названием Бомарзунд генерал выбрал территорию самого большого острова Аланд. Через три года последовал указ посетившего ранее Аландские острова императора Александра I. Вскоре был сооружён деревянный редут с батареями, мало похожий на крепость. Сама же каменная крепость начала строиться уже при императоре Николае I с 1832 года. Часть старых деревянных редутов к тому времени частично разрушилась, дерево местами сгнило, стены стали обваливаться. Строился Бомарзунд почти двадцать два года, но так и не был до конца закончен.

Ближе к описываемым событиям строительство крепости не велось совсем. Однако политическая напряжённость в отношениях с Великобританией и её союзниками настоятельно требовала императора. В начале лета 1854 года для инспекции укреплений и поселений, расположенных на Аландских островах, был послан адъютант военного министра молодой офицер Шеншин.

После проверки островов он имел личный разговор с Николаем I, которому предложил ряд мероприятий для укрепления островов, обратив особое внимание на Бомарзунд. И в том же 1854 году император распорядился срочно приступить к окончанию строительства и ремонту укреплений в Бомарзунде.

По плану крепость должна была состоять из главного форта и нескольких башен, защищающих подступы к нему.

Предполагалось соединить эти башни с фортом крытыми ходами сообщений, возведя вспомогательные укрепления. Однако закончить строительство к августу 1854 года не успели: главный форт так и стоял, топорщась мокнущими под дождем лесами.

Для вооружения крепости в своё время было привезено свыше ста пятидесяти орудий, но, как всегда бывает, забыли доставить для них часть лафетов. Поэтому на позиции была установлена только половина пушек, стволы остальных лежали во дворе крепости.

За полукольцом оборонительных сооружений располо-

жился небольшой гарнизонный городок. В нём были почта, лавки, штаб коменданта. Вместе с гарнизоном, финскими солдатами-«охотниками», гражданскими людьми население Бомарзунда во второй половине 1854 года насчитывало около двух с половиной тысяч человек.

Гарнизонном командовал старый служака шестидесятилетний полковник Яков Андреевич Бодиско.

В начале августа стояли на редкость тихие и спокойные дни с небольшими, как правило, во второй половине дня, порывами северного ветра. Но радости от подарка небесной канцелярии не было.

Не было слышно привычного смеха в гарнизонных курилках, возле пустого здания гауптвахты не стоял караул, отгоняя друзей сидящих за решётками проштрафившихся горемык, не маршировали по плацу солдаты, не звучали командные голоса офицеров. Даже в гарнизонном городке, где жили сотен шесть гражданских, и там и днём, и ночью стояла тишина, спозаранку нарушаемая разве что истошным криком петухов и ленивым лаем собак. Правда, по пустым улицам, как и прежде, носилась ватага мальчишек во главе с задиристым на голову выше всех сыном купца-бакалейщика. Кто с хворостинами, кто с длинными палками наперевес, копируя солдат гарнизона, колющих штыками соломенные чучела на плацу, мальчишки шныряли по всему посёлку в поисках врага. И враг находился... коровы, свиньи, на худой конец – гуси.

Последние месяцы Бомарзунд просыпался рано. Первые лучи небесного светила ещё не успевали упасть на землю, как, нарушая тревожную тишину, слышался визг пил, стук молотков да храп лошадей, тащивших многопудовые пушки и брёвна к наспех построенным редутам и амбраурам. Две тысячи защитников крепости, включая офицеров, почти всё гражданское население с самого утра и до глубокой ночи в свете костров и разного рода светильников спешно вели строительные и ремонтные работы.

Ещё недавно на внутренний двор центрального форта падали ядра. Обстрел вели три английских корабля, подошедших к Бомарзунду. Крепость тоже отвечала, но лениво и неохотно, хотя и влепила несколько ядер в борт одного из них.

«К чему тратить порох? – думал комендант. – Ясно же, просто разведка боем: пристрелочные выстрелы, замеры глубин фарватера и подходов к крепости...»

Особого вреда укреплениям многочасовая пальба не нанесла, так, по мелочам, но несколько защитников уже покоятся с миром, а полтора десятка раненых лежат в госпитале.

Лучи солнца даже в летний сезон редко баловали острова. Вот и сегодня после ночного ливня утро было пасмурным и сырым. Но всё же сквозь тучи, нависшие над островом, нет-нет да проглядывало солнышко, обещая хорошую погоду. По всем признакам, день и впрямь обещал быть ясным и тёплым. Ремонтные работы и на главном форте, и в трёх

охранных башнях вокруг него с мудреными финскими именами шли полным ходом.

Около десятка солдат, выпачканные липкой грязью, ёжась от сырой утренней прохлады, с остервенением вбивали во влажную землю заострённые двухметровой длины брёвна, укрепляя бруствер редута, примыкающего к одной из башен. Солдаты по привычке бурчали и матерились, проклиная грязь, англичашек, какой день торчащих в заливе, и бог весть кого ещё... Однако работу не прекращали ни на минуту.

Несколько человек, среди которых, выделяясь немалым ростом, был недавно прибывший из Кронштадта мичман Михаил Дмитриевич Аниканов (средний из братьев Аникановых), уже второй раз пытались втолкнуть тяжёлое бревно на место сгнившего. С третьего раза мокрое бревно соскользнуло и больно ударило Михаила в плечо. Он поморщился, но сдержался, вслух не выругался.

– Мичман, мать твою, бога душу! – заорал старый солдат, тоже потирая ушибленное колено. – Здеся не сила потребна, а осторожность. Чего тычешь бревном-то мимо, силы девать некудова? Чему вас, флотских, учат? Баба и та ниткой в ушко иглы с первого тыка попадает, а ты цельным бревном в эту дыру в стене не могёшь. Тьфу... Чего стоишь?.. Давай поменяемся, берись с другого конца и толкай, а мы подсобим, едрёна вошь.

И старик, повернувшись к своему напарнику, с ехидцей

прошептал:

– Кады ишо смогу на охфицера покричать... Глядишь, не сегодня-завтра полным вашим благородием станет, не покричишь тады.

Вставив наконец бревно на место, солдаты облегчённо вздохнули и, поплевав на руки, принялись за следующее.

К обеду трухлявые от времени брёвна на редуте были поменены и накрепко скреплены чугунными скобами между собой. Как старший по званию Аниканов разрешил всем солдатам сделать перекур. Сев в кружок, мужики достали носогрейки и задымили.

Придирчиво осмотрев укрепления, мичман остался доволен работой. Чтобы не слоняться без дела, некурящий Аниканов придвинул к солдатам почерневший от плесени обрубок от старого крепления бруствера и тоже сел.

– Ты, Митрич, не обижайси, что накричал. Не накричишь тут, кады англичашки с хранцузами над душой стоят. Нерва, она такая, спросу не требует, сама из организма прётъ, – затягиваясь дымом, виновато, но с хитринкой в голосе произнёс баталер. – Вона их, вражин, сколько на рейде стоять, а мимо нас сколько прошло на Петербурх, жуть! Давно, поди, надоть было закончить сие строительство и ремонт.

– Да что я, не понимаю, что ли... Все на нервах... И то правда твоя, какой десяток лет всё строим и строим, а закончить, даже главный форт, никак не можем. Ещё не все пушки на лафетах стоят, и то неизвестно, все ли исправные. Во-

на возле казармы остальные стволы, что дрова, навалены в кучу. Полковник недовольный, мрачный ходит, думает, как успеть пушки установить, ума не приложит.

– Будешь мрачный, кады орава вражеска пред тобой. Ни хрена не успеем кончить постройку. Форт да три башни стоят, а кады сообщения-то меж ними сделают?.. А?.. Как тута успеть таперича?.. Думаешь, Михал Митрич, попрёт вражина на нас?

Молоденький солдат по фамилии Загородников спросил мичмана:

– Чаво наших-то кораблей не видать в море? Поди, бояться?

Аниканов встал, подошёл к брустверу. В стороне от него в сажнях четырёхстах, вытянувшись вдоль пролива выпуклой дугой, виднелись каменные стены главного форта с торчащими в некоторых местах строительными лесами.

Массивный двухъярусный форт с мощным верхним сводом, покрытый слоем земли в четыре фута, с торчащими из амбразур стволами пушек выглядел внушительно.

Напротив форта, в заливе, который, собственно, форт и должен был охранять, недалеко от берега, копя трубами, тем же полукругом, что и крепость, стояло несколько десятков боевых и десантных кораблей союзников. Стояли они давно, не шибко шумели, не озорничали, к ним привыкли, и в последнее время защитники форта не обращали на них внимания.

Михаил прислушался. На этот раз со стороны эскадры доносились слабые звуки корабельных дудок, трели свистков и... скрипы судовых талей. С бортов десантных судов матросы спускали шлюпки и понтоны, а из трюмов поднимали какой-то груз...

– Странное у них оживление сегодня, – вслух произнёс он. – Никак, пушки из трюмов на понтоны грузят... Тренируются или... – мичман обернулся к солдатам. – Гляди-ка, зашевелились супостаты. Поди, нас в подзорные трубы разглядывают, как мы копошимся здесь.

Затем бросил взгляд на Загородникова:

– Говоришь, корабли наши боятся союзников? Не думаю. Что толку выйти в открытое море, принять бой и погибнуть. Она врага сколько... Супостаты, поди, того и ждут. Столицу нашу, братец, оберегают корабли, оно под пушками-то крепостей сподручнее будет. Уж точно англичашки не сунутся в Невскую губу⁷⁵.

И, посмотрев на старого солдата, зло произнёс:

– А напасть на нашу крепость могут и, видно, совсем скоро, коль выстроились в боевые порядки и шлюпки спускают.

– И то верно! А куды им деваться? Ить как пить дать, нападут. Зря, что ль, припёрлися к нам! – уверенно заявил баталер.

– Брат старший в Севастополе служит, весточку прислал.

---

⁷⁵ Восточная часть Финского залива, куда впадает река Нева, в дельте располагается Санкт-Петербург, с западной части – Кронштадт.

В Одессе, пишет, ещё в начале апреля... – увидев удивлённые глаза солдат, Михаил уточнил: – Одесса – это далеко отсюда, в Чёрном море. Союзнички обнаглели, обстреляли этот город. Но по зубам получили и отошли. Брат ещё сообщает, что в Севастополе тоже беспокойно. Почитай, война уже идёт, братцы. Теперь наша очередь.

Закончив перекур, солдаты застучали по дереву трубками, выбивая остатки табака. Работа продолжилась.

Не прошло и часу, как над головами работающих что-то вдруг зашипело, и через секунду сажень в восьми от реду-та раздался взрыв. За ним второй, третий... Сидевший на корточках Загородников вскочил и испуганно вжал голову в плечи.

– Кажись, началось, – пробормотал он. – А може... – договорить солдатик не успел, очередные разрывы заглушили его слова.

– Ложись, дурень! – закричал старый солдат, но было поздно – осколок вспорол солдату плечо. На рукаве его рубахи расплылось кровавое пятно. Солдат ойкнул и стал за-травленно озираться, не понимая, что с ним...

Аниканов бросился к брустверу и... обомлел: кораблей противника видно не было, огромная шапка белого дыма над заливом скрыла их. Но вдруг, словно из сказочного облака, спустившегося с неба, оттуда выплыла армада шлюпок, баркасов и понтонов. На них Михаил различил фигурки в синих мундирах и тёмные силуэты пушек. Вся эта серо-синяя

масса, будто крыльями, ритмично взмахивая длинными вёслами, стремительно двигалась в направлении берега.

Мичман оцепенел. «Вот он, штурм», – мелькнуло у него в голове. Он стоял и не мог пошевелиться. Вся эта грозная масса тихо и неотвратимо наваливалась на берег. Михаил не мог оторвать замороженного взгляда от развернувшейся перед ним панорамы.

Достигнув берега, французы стали выпрыгивать из шлюпок и тут же, выстроившись длинными цепочками, принялись стягивать за канаты орудия с понтонов, оттаскивая подалеже от воды.

С форта защёлкали выстрелы. Территория перед укреплениями огласилась криками раненых, вспышками и треском ответной ружейной пальбы.

– В башню, в башню... – выйдя наконец из оцепенения, заорал мичман.

Но и без его команды, подхватив инструмент и свои ружья, солдаты уже мчались в нужном направлении.

Михаил перевёл взгляд на главный форт, откуда в этот момент загрохотали выстрелы орудий. Нижний ярус форта окутался дымом. Однако ядра не причинили вреда высадившимся французам, находившимся в мёртвой зоне. Ядра полетели в сторону ближайших к берегу кораблей союзников, но, не достигнув цели, плюхнулись в воду, поднимая фонтаны брызг. Но вот ухнули пушки верхнего яруса... Удача! Ядра на этот раз достигли цели: фок мачта ближайшего к бере-

гу корабля «Леопольд», увлекая за собой такелаж, с шумом рухнула на палубу.

Запыхтев трубой, оставляя за собой чёрный шлейф дыма, корабль поднял якорь и, не сбрасывая швартовые концы причаленных к борту шлюпок, быстро-быстро отвалил подале от берега.

Стукнув кулаком по бревну бруствера, Михаил прошептал:

– Так тебе, тварь подлая!

И тут дрогнул воздух. Почти одновременно корабли эскадры произвели залп из более чем полутора сотен орудий, их палубы и борта окутались белым дымом. И через мгновение земляное покрытие верхнего яруса главного форта и примыкающая территория вокруг вздыбились снопами взрывов, в воздух взлетели камни и комья земли, со стен крепости посыпались куски гранита, из амбразур нижнего яруса вырвались языки пламени... Всё вокруг загрохотало, засветили осколки, в воздухе почувствовался резкий запах гари.

Сражение набирало обороты...

Под прикрытием теперь уже своих, крепостных, орудий навстречу французам из главного форта высыпал отряд солдат в тёмно-зелёных мундирах и финские гренадёры-снайперы в серой неприметной среди валунов побережья форме.

Со штыками наперевес они бросились навстречу неприятелю: русские с криками «Ура!», финны – молча. Однако не успели они добежать до передних рядов французов, как от-

ряд смельчаков накрыли частые разрывы ядер корабельной артиллерии. Взрывы разметали наступавших. Атака захлебнулась. Оставив на земле убитых и взвалив на плечи раненых, защитники отступили. Берег теперь остался в полном распоряжении французской пехоты.

Отбив атаку русских, в двухстах саженях от крепости французы спешно устанавливали батареи осадных орудий и короткоствольных мортир. К берегу продолжали непрерывно подходить шлюпки и баркасы с войсками. На одной из шлюпок в окружении большой группы французских офицеров прибыл генерал. По тому, как возле него почтительно стояли офицеры, Михаил понял, что это весьма важное лицо (да, это был генерал Барагэ де Илье).

Рассматривая французского генерала с такого близкого расстояния, Аниканов непроизвольно посмотрел на свой пистолет и от досады сплюнул, жалея, что под рукой не оказалось ружья.

Оглядев ещё раз картину высадки, Михаил помчался вслед за своими солдатами. Уже перед самой башней взрывная волна от очередного разрыва снесла с его головы фуражку, ухо уловило звук пролетевшего мимо него осколка. Желая подобрать фуражку, мичман остановился, но, перекрестившись и пробормотав «О, Господи!», вслед за солдатами вбежал в башню.

В помещении стоял полумрак и тяжёлый пронизанный пороховой гарью воздух. Сразу стало трудно дышать.

Со стороны противоположной от входа стены раздавались едва различимые команды офицеров, отовсюду неслись матерные выкрики канониров, топот и шарканье ног сотен солдат, и весь этот шум сливался в общий неразборчивый гул.

Михаил в надежде побыстрее привыкнуть к полутьме потёр руками глаза, и когда они стали различать предметы и людей, стал крутить головой из стороны в стороны, надеясь увидеть командира башни капитана Теше. На мичмана никто не обращал внимания.

Но тут, Аниканов не поверил своим ушам, из дальнего угла нижнего яруса раздался весёлый задорный смех солдата. И это было так неожиданно, что на какое-то мгновение возникла тишина – все прислушались. Но через секунду-другую грохот выстрела одной из пушек разрушил это безмолвие – пространство вновь наполнилось гулом.

Когда рассеялся пороховой дым и глаза привыкли к полумраку, среди защитников башни Михаил разглядел своих солдат. После очередного выстрела они помогали канонирам подкатывать к амбразурам пушки. Недалеко от себя он увидел старого солдата, что отчитывал его у редута. Задыхаясь от нехватки воздуха, еле передвигая ноги, старик тащил к выходу раненого солдата, потерявшего сознание, в котором Аниканов узнал Загородникова. Михаил бросился к ним...

И в это время раздался страшный грохот: сильный удар потряс башню. От прямого попадания тяжёлых ядер, выпущенных мортирами с близкого расстояния, угол стены трес-

нул и обвалился, куски кладки из гранитных камней с шумом посыпались вниз. Груда камней завалила одну из пушек. Сквозь огромную дыру в стене проник дневной свет, высветив медленно оседавшие частички пыли. Послышались крики раненых.

Взрывная волна отбросила мичмана в сторону, и он всей своей массой обрушился на щуплого солдатика, в это время тащившего мимо него большую кастрюлю с кашей для канониров первого яруса. От толчка солдат взмахнул руками, кастрюля взлетела вверх: мичман и несколько находившихся рядом солдат покрылись липкой, на счастье, не горячей кашей.

После грохота взрыва в помещении опять наступило секундное безмолвие, и в этой зловещей тишине раздался характерный звук: затрещали потолочные балки перекрытия, с потолка посыпались куски глины, камни... Казалось, мгновение – и он рухнет... Страх охватил людей... Однако свод остался на месте.

Оцепенение прошло... Помещение наполнилось стонами раненых, а из дальнего угла, откуда только что раздавался смех, послышался перемешанный с проклятьями и матом истошный крик одного из защитников, требующего помощи.

Чуть не сбив в полутьме мичмана, мимо пробежал командир башни Теше. В это время под тяжестью второго яруса опять угрожающе затрещали балки перекрытия: потолок вновь стал медленно оседать. По трапу, ведущему наверх,

гурьбой, толкая друг друга, стали сбегать солдаты верхнего яруса.

– Аниканов, выводите всех наружу. Потолок... свод рухнет... – успел бросить капитан, прежде чем скрыться во мраке помещения.

– Все наружу! – заорал Михаил и бросился на помощь старому баталеру. Обхватив одной рукой Загородникова за туловище, второй – задыхающегося старика, он выволок их во двор. За ним устремились остальные защитники. В нижнем ярусе осталось человек тридцать канониров.

И опять взрывы... Сразу несколько ядер угодили в оба яруса. Башня вздрогнула, качнулась. Часть внутренних перегородок нижнего яруса обвалилась. Взрывная волна загашила фитили, зажжённые канонирами для очередного залпа. Из последних сил задыхающиеся от нехватки кислорода пушкарки за несколько секунд до следующих взрывов успели поджечь фитили – грохнул последний залп. Едкий пороховой дым заволок помещение.

– Пушки заклепать, – раздался среди хаоса отчаянный голос капитана. – Помирать, братцы, так с музыкой... Захватив с собой несколько солдат, капитан бросился вниз, к пороховому погребу, чтобы взорвать башню. Но не успел... Очередные взрывы накрыли башню. Канониры бросились к выходу.

На прилегающей к башне территории покинувшие её защитники после пропитанного внутри гарью и пылью воздуха теперь здесь, на улице, пытались отдышаться и жадно хвата-

ли ртом свежий воздух.

И тут с левого фланга башни через редут неожиданно полезли французы. Это был, по всей видимости, отряд разведки, так как их было совсем немного, человек пятнадцать-двадцать. Они столпились в саженях двадцати от защитников башни, которые с удивлением, больше похожим на любопытство, разглядывали своих врагов. Судя по лицам французов, они мучительно размышляли, бежать вниз или ввязаться в бой. И они уже было повернулись, чтобы отступить, приготовившись спрыгивать с бруствера, как раздался сухой щелчок выстрела винтовки. Лежавший на земле Загородников выстрелил в толпу французов. Один из французских пехотинцев упал. Тут же раздалась команда на французском языке: пехотинцы резко вскинули ружья и дали залп. Несколько русских солдат вскрикнули. Аниканов выхватил пистолет и, не целясь, нажал на курок.

– К бою! – закричал капитан Теше.

Выставив вперёд ружья с грозно торчащими штыками, защитники крепости бросились на французов. Завязался бой, страшный своим молчаливым безмолвием, в котором раздавались глухой металлический скрежет железа, стоны и предсмертные крики раненых.

Выхватив у Загородникова ружьё, Аниканов бросился в бой. Разделившись по парам, солдаты обеих сторон делали выпады, стараясь проткнуть штыком противника. Среди них, размахивая своим палахом, капитан Теше сражался

сразу с двумя французами.

Заметив рядом с собой щуплую фигуру баталера, отбивавшегося от рослого пехотинца, Михаил поспешил сделать выпад, целясь в грудь француза. Но вёрткий французик заметил опасность и увернулся. Скользнув по его груди, штык Михаила вспорол французу плечо, на его рукаве сразу появилась кровь. От боли француз вскрикнул, и в это время штык старого солдата вонзился ему в грудь. Француз стал медленно валиться на землю.

Неожиданно сзади мичман услышал тяжёлое дыхание, а затем чей-то возглас. Краем глаза Михаил успел увидеть француза и сталь его штыка... И в этот момент пехотинец дёрнулся, словно что-то толкнуло его в спину. Рука француза дрогнула... Разодрав сбоку мундир, штык прошёлся по телу Михаила, слегка зацепив кожу.

Михаил обернулся. Позади француза он увидел мальчишку, который вторично замахивался большой палкой на французского пехотинца. Не раздумывая, Аниканов развернулся и с разворота, вложив всю силу, концом приклада ударил пехотинца по голове.

Брызнула кровь, француз отлетел в сторону. Глаза мальчишки радостно заблестели, он издал победный крик и палкой стал добивать упавшего врага. В мальчишке Аниканов признал сына купца. К упавшему французу бросился его товарищ.

– Назад, пацан! – заорал Михаил.

Схватив мальчишку, он отбросил его в сторону. Подбежавший в это время француз с ходу выкинул вперёд руку с ружьём, целясь штыком в мичмана.

И опять Михаилу повезло. На этот раз находившийся рядом с ним старый баталер успел подставить своё ружьё и отвести штык француза в сторону. Испуганный мальчишка бросился наутёк.

Вскоре с французами было покончено.

Потный, весь в крови, с разорванным воротником и портупеей, устало опираясь на рукоять палаша⁷⁶, воткнутого в землю, капитан Теше стоял рядом с единственной нетронутой снарядами стеной башни. Он хмуро разглядывал недавнее поле боя. Капитан тяжело дышал. Наконец уставшим голосом, но так, чтобы его слышали все, командир башни приказал солдатам собрать убитых и двигаться в сторону северной башни.

Заметив Аниканова, Теше вложил палаш в ножны и, слегка прихрамывая, подошёл к нему.

Посмотрев на порванный мундир мичмана с подтёками крови в районе плеча, он слегка похлопал Михаила по плечу:

– С боевым крещением тебя, мичман. Страшно впервой-то было?.. Видел я... Этот чертёнок вовремя встрял. Ладно, это ещё цветочки... Пошли глянем на берег.

Обогнув башню, они подошли к брустверу редута с пра-

---

⁷⁶ Рубяще-колющее [клинковое холодное оружие](#) с широким к концу прямым и длинным клинком.

вой стороны башни, совсем недавно отремонтированного солдатами Аниканова. Большая часть с таким трудом вбитых свай теперь была разбросана ядрами. Повсюду дымились воронки.

С высоты редута было видно, как берег пестрил синим и алым цветом сюртуков и брюк тысяч французских пехотинцев, среди которых то тут, то там мелькали красные мундиры англичан. Все они, словно саранча на голом поле в поисках добычи, двигались туда-сюда по берегу, выполняя какие-то команды своих офицеров.

– Ты гляди, мичман, сейчас попрут на нас. Господи... сколько же их... Боятся, видать... Хватило бы и десятой части при такой-то корабельной поддержке. Эх... расслабилась Россия, как расслабилась... Оно, как Наполеона-то разбили, так, почитай, с 1812 года и до сего времени больших-то войн и не было. Боялись, Аниканов, Россию! Ох как боялись...

Обратив внимание, что взгляд мичмана устремлён в сторону французов и что он его не слушает, капитан со вздохом произнёс:

– Да что уж теперь-то...

– Видимо, с нашего фланга хотят в тыл главного форта зайти, как думаете, господин капитан?

– Да всё к тому идёт. Эх, мать честная, не выстоим, вон их сколько... Пока не поздно, надо отступить к северной башне. Свою мы не спасём, – качая головой, с горечью произнёс капитан.

– Кабы достроили крепость, как того план требовал, да пушки поставили дальнобойные...

– Если бы да кабы, – раздражённо перебил мичмана капитан. – Воровать чиновникам нужно меньше. Тогда бы и пушки нужные стояли, и крепость успели бы достроить.

– Построили же! Вон, громадная какая стоит... Ну, малость не успели, что ж теперь делать-то? – вставил Михаил.

– Не успели... Всё у нас великое да громадное. И Царь-пушка не стрелявшая, и Царь-колокол не звонивший... Там чего-то недосыпали, тут где-то недолили... Уж как только царь-батюшка Пётр Алексеевич казнокрадов не наказывал... А толку...

– Поди, и невозможно одному человеку за всем догляд иметь.

– Кто знает... Ладно, чего теперь-то языками чесать. Давай, Аниканов, топаем отсюда. «Лягушатники» вот-вот долезут до нас.

Он выглянул из-за бруствера: перепрыгивая через валуны, рассыпанные по берегу перед крепостью, французы лавиной шли на укрепления.

Тишину вспорол гром залпов. Береговые и корабельные орудия открыли массированный огонь по крепости...

Несколько суток без сна и отдыха дрался небольшой гарнизон форта Бомарзунд против десятка тысяч пехоты неприятеля. И все эти дни корабельная артиллерия союзников вела изматывающий огонь, разрушая укрепления.

И наступил момент, когда стало ясно, что заблокированный в портах Балтийский флот не сможет прийти на помощь, боезапас крепости подходит к концу, оставшиеся в живых защитники не могут уже отстоять свою крепость. Комендант крепости Яков Бодиско «за невозможностью сделать России что-либо полезное, кроме как умереть» решил вступить в переговоры с неприятелем. В одной из амбразур главного форта он выставил белый флаг. Однако, не желая сдаваться врагу, солдаты крепости вырвали флаг у офицера и разорвали его в клочья. Но кусок белой материи появился снова, и теперь его охраняли уже несколько десятков верных коменданту людей. Тогда группа солдат, не желая опозорить себя и русский флаг, решили сами взорвать пороховой погреб форта.

Однако комендант не позволил этого сделать, он выставил у порохового погреба усиленную охрану.

Вскоре крепость Бомарзунд пала. Генерал Барагэ де Илье, войдя на территорию крепости, сказал коменданту форта, что он хорошо сделал, что не довёл дело до штурма, потому что при взятии крепости «французы не пощадили бы никого»...

Многие взятые в плен защитники крепости были недовольны, что им не дали погибнуть со славой, хоть и в безнадежной борьбе.

Позже, глядя на развалины крепости, французские офицеры рассуждали между собой: «Наступит зима, море за-

мерзнет, и с материка по льду придут казаки. Они, как медведя в берлоге, обложат крепость и наш флот, скованный льдом. К чему эти жертвы, господа?..»

Взятые в плен русские и финны были переправлены в Англию, в тюрьму Льюис. Позже им позволили вернуться в Финляндию и Россию.

Европа ликовала. Союзники объявили взятие Бомарзунда как великую победу.

Не зная, что делать с крепостью, союзники решили... подарить её шведам. Шведское правительство, пристально следившее за ходом войны, подумало-подумало и, поблагодарив за столь ценный подарок в самых изысканных выражениях, благоразумно (и от греха подальше) отказалось от подарка: они ещё не забыли сражения с Россией полувековой давности.

Произведя ещё несколько обстрелов небольших крепостей, в сентябре 1854 года основной флот союзников покинул Аланды, взорвав перед этим уцелевшие после штурма оборонительные сооружения Бомарзунда, а вскоре и последние корабли эскадры адмирала Нейпира покинули Балтийское море.

В конце сентября 1854 года над руинами Бомарзунда снова был поднят русский флаг!

Очередной поход англо-французского флота к берегам России в Балтийском море состоялся на следующий год. Но и он не принёс союзникам успеха.

Русские крепости, расположенные в Балтийском море, оказались неприступными для интервентов.

Забегая вперёд, надо отметить, что в [1856 году Парижский мирный договор](#) присвоил Аландским островам статус демилитаризованной зоны, который сохраняется и в настоящее время

Могилы русских, английских, французских, финских и прочих солдат на Аландских островах ещё долго будут напоминать миру о наглом и бессмысленном нападении Великобритании и Франции на Россию.

Блокирование балтийских портов и ожидание нападения союзников на столицу всё же наложили отпечаток осторожности на решение Николая I перебросить дополнительные войска на юг России. И это обстоятельство в скором времени несколько отрицательно скажется на исходе сражения в Крыму. Но об этом позже...

И всё же нападение союзнического флота на Россию в Балтийском море в 1854 году не принесло желаемого успеха ни Великобритании, ни Франции. Падение крепости Бомарзунд – слишком ничтожный результат, который абсолютно не компенсировал огромных затрат на организацию кампании. У себя на родине адмирал Нейпир подвергся жестокой критики со стороны парламента и правительства. Чтобы спасти свою честь, разъярённый незаслуженными обвинениями в свой адрес адмирал издал сборник документов, где указал все недостатки правительства, способ-

ствующие неудачному походу. Один экземпляр своих сочинений Чарльз Нейпир позже пошлёт в Россию великому князю Константину Николаевичу.

Неудачный поход союзников на Балтике затронул, как писали английские газеты, честь великой морской державы. Забегая вперёд, надо отметить: дабы загладить воспоминания английского общества о неудачной кампании Чарльза Нейпира, на следующий год правительство её величества королевы Англии организовало следующий поход своих и французских кораблей на Балтику. Но и эта кампания не имела успеха, хотя сил у союзных войск на этот раз было больше, чем у адмирала Нейпира. И если побед не случилось и в этой кампании, то виноваты здесь были: британское правительство, нечётко сформулировавшее цели; император Наполеон III, не пожелавший на этот раз дать сухопутные войска, а сами англичане не хотели высаживать своих людей под губительный огонь русских береговых укреплений. К тому же за это время русское командование seriously подготовилось к встрече союзников, Кронштадт стал неприступен. В конечном итоге союзные эскадры опять покинули русские воды. На этот раз пресса не особенно критиковала своё морское ведомство за неудачи, другие события отвлекли её внимание.

Восточная война была в самом разгаре. Осада непокорённого Севастополя, героизм солдат с обеих сторон, воровство союзнических интендантских служб, неумелые дей-

ствия командования занимали целые полосы газет и журналов.

И пресса, как в Англии, так и в Европе, вскоре всё реже и реже будет вспоминать бездарные морские походы своих эскадр в Россию, а обоюдные претензии морского ведомства и английского истеблишмента постепенно забудутся. Не до этого...

А мы, читатель, перенесёмся с вами в Тихий океан, к фрегату «Аврора». Экипаж корабля с честью выдержал тяжелейший проход мыса Горн, избежал плена в порту Кальяо и теперь был на подходе к заливу Де-Кастри – конечному пункту своего нелёгкого плавания.

Часть третья

И снова «Аврора»

Моря и океаны... Кто бы что ни говорил о них, прежде всего надо сказать о Тихом океане. Если у вас, дорогой читатель, под боком, скажем, случайно окажется глобус или карта, убедитесь: Тихий океан занимает треть всей земной поверхности, и на его долю приходится половина водной массы, существующей на Земле. На огромном пространстве этого океана могла бы разместиться вся суша Земли: материки, острова, и ещё бы осталось свободное место.

Нет точных сведений о том, сколько в этом водном безбрежье из-за страшных ураганов потонуло кораблей и погребено в солёной океанской воде людских жизней; известно лишь, что очень и очень много...

Тогда почему Тихий?..

Тихим его в начале XVI века назвал португальский мореплаватель Фернан Магеллан. Когда он на каравелле «Три니다д» в сопровождение ещё двух парусных судов вошёл в неизвестное ранее безбрежное водное пространство, то был приятно удивлён: при попутном ветре стояли тихие спокойные дни и великолепные звёздные ночи. Вот тогда Магеллан и выбрал для этих вод (с записью в вахтенном журнале) на-

звание El Mare Pacifico, Тихое море. Правда, вскоре экспедиция попала в полосу штормов, но запись в журнале своё дело сделала: океан (как потом выяснилось) так и остался в дальнейшем Тихим...

Вот такой «тихий» океан и пересекал наш корабль «Аврора»...

Два не самых лёгких месяца перехода фрегата «Аврора» из порта Кальяо остались позади. И вот ближе к цели, словно в благодарность за мужество экипажа, установилась тихая погода, морская гладь заблестела солнечными искорками, вызывая в душе уставших моряков чувство благодущия и спокойствия.

Однако к морской глади моряки всегда относились как к чему-то тайному и неизведанному, понимая, что человек никогда не сможет до конца познать сию любезность морского царя. А потому моряки и даже убелённые сединами капитаны старались отблагодарить могущественного повелителя волн, бросая в воду монеты. Правда, это не всегда помогало: неожиданно налетал ураган, появлялись громадные волны, и они, словно щепку, подбрасывали корабль до небес и с шумом бросали его вниз... И тогда матросы гневно бурчали в адрес капитана: «Мало дал, пожадничал...»

На этот раз командир «Авроры», видимо, по-царски отблагодарил царя морского: какой уж день стояла прекрасная погода. До самого горизонта, насколько хватало взора, простиралась зеркальная океанская поверхность, и где-то там,

далеко-далеко, у самого горизонта, смыкалась с небом.

Диск солнца медленно уходил на запад. Попутный ветер гнал фрегат «Аврора» на восток.

Необозримое пространство вокруг, полное отсутствие каких-либо целей в пределах видимости, негромкое завывание ветра в верхних ряях мачт, отсутствие ряби и пены на гребнях волн – всё это создавало иллюзию отсутствия движения корабля. И только брызги да шипящий шум воды, разрезаемой форштевнем, указывали на то, что корабль не стоит, движется.

На шканцах у самого борта находились двое: помощник вахтенного офицера гардемарин Григорий Аниканов и судовой иеромонах Иона. Поодаль от них, рядом с тумбой судового магнитного компаса, стоял вахтенный офицер лейтенант князь Александр Максутов. У штурвала, безбожно зевая и переминаясь с ноги на ногу, – двое матросов-рулевых. Вахта подходила к концу.

Аниканов священнодействовал с секстантом⁷⁷, определяя высоту солнечного диска над горизонтом. Иеромонах, облокотившись на планширь, с уважением следил за действиями гардемарина.

Священник был без скуфии⁷⁸. Его длинные спутанные волосы с проседью при слабом ветре, словно щупальца осьми-

---

⁷⁷ Прибор для измерения высоты Солнца и других космических объектов над горизонтом с целью определения географических координат корабля.

⁷⁸ Повседневный головной убор православного духовенства и монахов.

нога, игриво развевались на голове. Полы просторного чёрного сатинового подрясника, не совсем свежего, с обтрёпанными краями на ветру надувались пузырями, а густая борода, стоило Ионе повернуться, своим концом била его по плечу. Грубоватое лицо иеромонаха с глубокими морщинами в лучах уходящего светила выражало полное удовлетворение. Иона был ещё трезв.

Несмотря на это состояние, прямо скажем, редкое до непривычности, батюшка в сей вечерний час находился в благостном настроении. Хотя вчера, недобрав до кондиции, требовал от баталера лишнюю порцию вина, грозя отлучить отрока от церкви.

Определив высоту, Григорий подошёл к небольшому шкафчику, открыл дверцу, достал оттуда астрономические таблицы и углубился в вычисления. Через некоторое время, закончив расчёты, он пробормотал:

– Неплохо старушка наша идёт, совсем неплохо. Почти восемь узлов в час...

Священник пригладил бороду и густым, немного охрипшим голосом, поинтересовался:

– И что, отрок Григорий, скоро ль на месте будем?

– Скоро, батюшка, скоро. Коль ветер не изменится, глядишь, через пару дней увидим берега.

– Чай, пора ужо. С апреля на твердь земную ноженьки не ступали.

Священник перекрестился.

На главной палубе в это время с шумом распахнулись тяжёлые двери, и из чрева корабля повалили матросы, выстраиваясь в длинную очередь. Смех, крики:

– Иди, паря, отсюда. Тебя здесь не стояло...

Наблюдавший за порядком лейтенант Константин Пилкин, вечно сонный и, как все крупные люди, медлительный, но весьма ответственный за порученное дело, показал начальному матросу свой немаленький кулак.

В окружении нескольких довольно дюжих матросов, тащивших большие бачки с вином, появился баталер.

Судовой колокол на баке отбил очередные склянки. И тут же Максотов шутиливо объявил в рупор:

– Команде петь и веселиться.

Галдёж на палубе усилился: началась привычная процедура раздачи вина. Баталер сел перед бачком на приготовленную для него банку⁷⁹, кружкой черпал вино из бачка, на секунду замирал, проверяя уровень, и только после этого протягивал следующему. Матрос вначале крестился, затем степенно опустошал кружку, после чего на миг закрывал глаза, кричал от удовольствия и рукавом рубы⁸⁰ вытирал усы.

При виде баталера священник тут же встрепенулся, схватил полы подрясника в руки и, мелко-мелко семена, заспешил вниз.

С высоты юта было видно, как батюшка, минуя очередь,

---

⁷⁹ Табуретка.

⁸⁰ Рабочая одежда.

подошёл к баталеру и протянул ему кружку, неожиданно появившуюся у него в руках. Тот взглянул на священника и, обречённо вздохнув, зачерпнул из матросского бачка полную кружку.

– Наш пострел везде поспел. Ещё и в кают-компании добавит, – зевая, незлобно произнёс Максutow, занося измерения помощника в вахтенный журнал. Неожиданно он поднял голову, прислушиваясь к гулу ветра.

– Боцман! – взяв рупор, заорал лейтенант. – Лиселя⁸¹ и паруса на штагах⁸² подтяни. Не слышишь, что ли? – и затем пробурчал: – Скучно! Каждый день одно и то же. Сегодня, как вчера, завтра, как сегодня. Господи, как это уже всё надоело!

И тихо, чтобы не слышали рулевые, обращаясь к Аниканову, добавил:

– Старпом говорит, вода в танках почти закончилась. Дай бог, чтобы на пару суток хватило. А команда?.. С ног валится от усталости... А больных вона сколько... Ежель что, и паруса ставить некому будет. Нет, недотянем до этого Кастри-залива. К тому же командир болен. Старпом командует. Иван Николаевич уже приказал изменить курс на Петропавловск.

– Скорей бы уже хоть куда-то дойти, – мечтательно произнёс гардемарин. И добавил: – Отъедемся... Отдохнём... По земле походим...

---

⁸¹ Добавочные паруса.

⁸² Снасть стоячего такелажа.

Ближе к вечеру второго дня в дымке горизонта появились слабые очертания берегов. Словно чувствуя окончание утомительного плавания, фрегат увеличил скорость, по крайней мере, так показалось всем стоящим на палубах членам экипажа. Матросы стали шумно обсуждать перипетии тяжёлого перехода и смаковать прелести встречи с берегом.

Под присмотром судового эскулапа Вильчковского по бортам корабля на палубе расположились больные члены экипажа. Их было много. Бледные, измученные невидимым врагом, цингой, кто без зубов, у кого гноились дёсны и нёбо, почти у всех сильно отекали ноги, они жадно вглядывались в спасительный горизонт, мечтая не повторить участь умерших во время плавания товарищей, упокоенных по морской традиции на дне в разных широтах океана.

С каждой склянккой берег становился всё ближе и ближе. Это был июнь 1854 года. С закатом солнца по курсу «Авроры» появился начинающий быстро темнеть скалистый покрытый густой растительностью берег юго-восточной части полуострова Камчатка. И чем ниже садилось солнце на западе, тем ярче блеснул отсвет от зарева уходящего светила, оставляя на поверхности водной глади краснеющую дорожку. И эта дорожка, словно нить Ариадны, указывала уставшим мореплавателям путь к отдыху, путь в порт Петропавловск.

Вскоре совсем стемнело. Фрегат встал на якорь перед входом в Авачинскую бухту.

Город святых апостолов.

Генерал Завойко

Ночь прошла спокойно. На следующий день природа продолжала баловать: стояла тихая и, по меркам этих краёв, тёплая, градусов пятнадцать, погода. И хотя небо с утра было затянуто тучами, слабые порывы морского ветра постепенно нарушали плотную облачную завесу, давая солнечным лучам пробиваться наружу.

Рано утром из порта к борту фрегата подошёл лоцманский бот. Ориентируясь по створным знакам и указаниям людей с бота, «Аврора» на малых парусах медленно стала продвигаться к причалу, на котором, несмотря на раннее утро, собралась большая группа людей. Радуюсь приходу корабля с «большой земли», они размахивали руками и что-то кричали. Ватага мальчишек, разделившись на две группы, металась между двумя причальными тумбами, не зная, на какую из них первым будет привязываться швартовый канат фрегата.

– Боцман, подать кормовой швартов на берег. Право на борт, – раздался, усиленный рупором голос старшего помощника лейтенанта Тироля.

Корабль медленно стал разворачиваться бортом к причалу.

Шум береговых приветствий заглушил голос старпома, но

боцман и без его команды уже привязал к швартовному тросу один конец линя⁸³, другой, с грузом на конце, сильно раскрутил над головой и забросил на причал. К линю тут же бросились все мальчишки. Схватив его, они стали подтаскивать тяжёлый мокрый швартовый трос. Однако вытащить его на причал у них не получалось. Подбежавшие мужики, не отгоняя детвору, впряглись вместе с ними и двумя-тремя рывками затащили трос. Подтянув швартов, они ловко уложили его шлагами на тумбу.

Трос тут же напрягся, как струна, и корабль, гася инерцию, слегка затрясся, протяжно заскрипел деревянным корпусом и медленно стал приваливать правым бортом к причальному брусу. Та же команда на берегу завела носовой швартов. Фрегат пришвартовался. Матросы опустили трап.

Основанное казаками на берегах незамерзающей Авачинской бухты ещё в конце XVII века небольшое поселение-острог, через несколько десятков лет получило название Петропавловский. Название сие дали русские мореплаватели Витус Беренг и Алексей Чириков, прибывшие сюда на пакетботах «Святой апостол Пётр и «Святой апостол Павел».

В начале декабря 1849 года была образована Камчатская губерния с центром в Петропавловском порту. Генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьёв⁸⁴ рекомендовал императору назначить капитана 1 ранга Василия Степанови-

---

⁸³ Тонкая очень прочная веревка.

⁸⁴ С сентября 1847 года.

ча Завойко военным губернатором Камчатки и командиром Петропавловского порта.

На момент прихода нашего фрегата в Петропавловск в городке проживало уже более полутора тысячи человек. Благодаря усилиям деятельного Завойко (к этому времени уже генерал-майора) было возведёно несколько десятков зданий различного назначения: склады, торговые лавки, казарма для низших чинов, флигеля для офицерского состава, канцелярия, казначейство, дома и другие постройки. Частные дома были крыты травой, а казённые – железом. Был также обустроен причал, позволяющий швартоваться большим кораблям.

Весь экипаж «Авроры» высыпал на палубу. Выстроившись вдоль борта, матросы и офицеры помоложе и чином пониже радостно приветствовали встречающих на берегу жителей городка. Особенно усердствовали в восторженных криках не успевшие спуститься с мачт матросы. Облепив ванты и реи, порой держась только ногами, они, понимая, что внимание встречающей публики обращено исключительно на них, на головокружительной высоте выделявали акробатические выкрутасы, рискуя сорваться вниз, чем срывали восторженные крики публики.

Грозный окрик в рупор старшего помощника Тироля прекратил это цирковое представление. А толпа на причале всё увеличивалась.

Офицеры фрегата, гладко выбритые, в парадных мунди-

рах, сгрудились у борта корвета. Настроение у всех было приподнятое. И немудрено: после длительного тяжёлого плавания – родные берега, русская речь, отсутствие качки... Старшие офицеры оживлённо беседовали и, как и матросы и нижние чины, тоже с удовольствием приветствовали собравшихся на причале жителей Петропавловска. Командир капитан-лейтенант Иван Изыльметьев, облокотившись на планшет, стоял на палубе. Его нездоровый цвет лица, воспалённые глаза говорили о продолжающейся болезни. Изыльметьев внимательно разглядывал в подзорную трубу окрестности и примыкающие к порту строения. С обеих сторон бухты по берегам были заметны строительные работы. Ближе к порту Иван Николаевич разглядел всего одну батарею из шести пушек, стоявших на открытом месте без защиты со стороны моря. Увиденное его озадачило.

– Порт практически не защищён. Странно... – вслух произнёс командир.

Группа людей, спешащих в это время со стороны городка к причалу, среди которых находились военные, отвлекла Изыльметьева. Чуть впереди группы широким шагом шёл военный в генеральском мундире, а за ним вприпрыжку – трое детей: нарядно одетая девочка лет десяти и два мальчика в мундирчиках зелёного цвета. На некотором расстоянии от детей, едва поспевая за ними, шла нарядно одетая женщина. Дети всё время оборачивались на неё, а она им грозила пальцем и что-то выговаривала. Мальчишки кивали на

девочку, а та им в ответ строила милые рожицы.

– Начальство с детьми, видать, идёт. Генерал-майор, кажется, – разглядывая группу, произнёс подошедший старпом. – Пойду встречу у трапа.

– И я подготовлюсь, – пробурчал Изыльметьев и, сильно хромая, с трудом переставляя ноги, медленно направился к своей каюте.

Шумной толпой в сопровождении старпома и гардемарина Аниканова, оставшегося в коридоре, группа вошла в каюту командира корабля. Хромая, Изыльметьев сделал несколько шагов в сторону гостей.

Давно забытые детские возгласы и смех растрогали уставших от долгого плавания офицеров. Командир и старпом переглянулись меж собой. Девочка тут же беззаботно уселась в кресло хозяина каюты, мальчишки встали рядом с ней.

– Завойко Василий Степанович, – не дожидаясь приветствия младших по званию офицеров, первым представился генерал. – С 1850 года – губернатор сея окрестностей. А это мои чада и супруга Юлия Егоровна, урождённая баронесса Врангель.

Офицеры сделали поклон в сторону дамы, затем уважительно кивнули в сторону её мужа и тоже назвали свои должности и фамилии.

Завойко обратил внимание на измождённый вид офицеров, особенно командира. К тому же, как он успел заметить, капитан-лейтенант хромал и довольно сильно. Его скуластое

лицо было испещрено глубокими складками. Взгляд светлых, близко сходящихся к переносице глаз выдавал в командире очень уставшего человека. Но что более всего поразило генерала, так это его по-крестьянски свисающие вниз усы. Они делали морского офицера похожим на хлебороба из Полтавской губернии, откуда был родом сам губернатор. Это растрогало Завойко.

– Приветствую вас, мои дорогие, на земле Камчатской. Господи, как вы вовремя пришли!

От избытка чувств генерал обнял по очереди обоих офицеров.

На вид губернатору было лет сорок, среднего роста, худощавый, приятная внешность располагала к общению. На его груди красовались ордена Святой Анны, Святого Владимира и Святого Георгия.

Завойко был крайне возбуждён. По всему было видно, что ему не терпелось сообщить неожиданно прибывшим морякам что-то важное. Он уже было хотел приступить к делу, как в дверях появился судовой священник отец Иона. Иеромонах был в приличествующем такому случаю одеянии: в своём неизменном чёрном подряснике, поверх которого была надета ряса с широкими и длинными, ниже ладоней, рукавами. Воротник на рясе был оторочен слегка потёртым чёрным бархатом. В честь такого торжественного случая голова батюшки была расчёсана, и весь облик Ионы имел вполне благообразный вид.

Прежде чем поздороваться, Иона бросил взгляд на стол. Убедившись, что морские традиции соблюдены: на столе он разглядел закуски, графины с вином и даже бутылку бренди, – батюшка перекрестил присутствующих и громко произнёс:

– Да хранит Господь землю нашу святую, да будут мир и благоденствие на века долгие! Аминь!

Все перекрестились. Отец Иона быстро перезнакомился с гостями. Затем, торопя события, словно хозяин, всех пригласил за стол.

Старпом, прикрыв рот рукой, ухмыльнулся. Командир покачал головой и обречённо махнул рукой. Гости расселись. Старший помощник попросил разрешения у командира показать ребятам корабль.

– Гардемарин Кайсаров ждёт за дверью, Иван Николаевич. Девочка радостно захлопала в ладоши.

– Прасковья, веди себя прилично. Мальчики, не давайте сестре баловаться, – наставляла мать.

Когда за детьми закрылась дверь, Иван Николаевич налил для дамы в бокал вино, мужчинам – в небольшие стопки бренди.

– Господа, – произнёс Завойко, – как бывший морской офицер хочу выпить за вас! За ваш нелёгкий путь, приведший вас к нам, в Петропавловск. Теперь вы дома, теперь мы вместе. С прибытием вас!

Все с удовольствием выпили. Испив довольно крепкого

бренди, иеромонах даже глаза прикрыл от удовольствия.

– Капли божественны и приятны, – молвил он.

Наполнив опять стопки, с ответным тостом выступил командир фрегата. Иван Николаевич поблагодарил губернатора за оказанную честь посетить фрегат и, глядя на супругу губернатора, предложил тост за неё. Опять выпили.

После некоторой паузы Завойко приготовился было произнести речь и, дабы придать своим словам весомость, даже приподнялся... Однако сказать не успел, губернатора опередил батюшка, прекрасно понимавший, что его присутствие при дальнейшей беседе будет неуместным, а бренди в бутылке ещё оставалось. Не дожидаясь одобрения командира, Иона встал и быстренько разлил по стопкам божественный напиток, не забыв при этом долить вина в бокал Юлии Егоровне.

– Господа... – произнёс иеромонах, подняв свою стопку. – Дела людские, и грешные, и праведные, – все имеют своё начало и свои последствия. А ещё они, эти дела, обязательно имеют конец. Ибо сказано в... – тут Иона запнулся, запомнил, откуда это изречение... Однако не растерялся, поднял левую руку со стопкой вверх и назидательно произнёс: – Всё проходит, и это пройдёт!.. Было начало и у нас, сермяжных, должен быть и конец мытарствам нашим...

Иона откашлялся и хотел было продолжить свой спич, как его неожиданно перебила супруга губернатора. Юлия Егоровна видела нетерпение мужа, она знала крайне тревожную

обстановку в Петропавловске и решила ускорить разговор мужа с руководством фрегата:

– Василий Степанович, не пригласить ли нам на вечер господ офицеров в наш дом?

Иона несколько растерялся от такой, как он посчитал, бестактности. Лицо его приняло обиженное выражение, и не менее обиженный взгляд Ионы упёрся в лицо губернатора.

Завойко кивнул головой в сторону супруги:

– Отчего, Юлия Егоровна, не пригласить? Мы за честь это примем. Надеюсь, накормишь господ офицеров райской земной пищей, – и, повернувшись к судовому священнику, который так и стоял со стопкой в поднятой руке, добавил: – Вот и батюшка, поди, не откажется посетить нашу скромную обитель.

– С радостью и покорностью приму сие предложение. Да будут мир и спокойствие в вашем доме, – тут же произнёс довольный Иона и, сложив три пальца правой руки вместе, осенил себя крестным знаменем.

Затем, не предлагая выпить присутствующим, выпил сам. После чего пробасил:

– Покину я вас, отроки. И явлюсь, аки Христос, пред вами вечером в доме вашем благословенном.

– Пойду и я, господа. Подготовиться надо, – произнесла супруга губернатора. – Пойдёмте, – обратилась она к старпому, – господин лейтенант, найдём детей.

Тироль с готовностью подал даме руку. Завойко и Изыль-

метьев остались вдвоём.

– У меня приказ Адмиралтейства, господин губернатор, дойти до залива Де-Кастри под начало вице-адмирала Путятин. Девять тысяч миль от Кальяо до Камчатки за кормой... Переход был весьма тяжёлым, – тихим, совсем уставшим голосом стал докладывать командир «Авроры».

Изыльметьев тяжело вздохнул. Завойко слушал и не перебивал командира фрегата:

– Да вот, недотянул, – словно извиняясь перед старшим по званию, еле слышно произнёс Иван Николаевич. И тут же в оправдание, повысив голос, продолжил: – Как только «Аврора» вышла из тропиков, так сразу, почитай, попали мы в полосу жестоких ветров и шквалов. Порой бортами черпали воду. Пару раз, грешным делом, думали, не встанет на киль «старушка» наша. Ан нет, выдюжила! Сутками команда не спала. Опять же – цинга! И, стыдно сказать, – дизентерия, пропади она пропадом! Половина экипажа больна. Тринадцать человек за рейс умерли. Да я и сам, как видите, еле на ногах держусь – распухли. А тут ещё и вода пресная закончилась... Потому фрегат и зашёл в нарушение приказа в ваш порт. Надеюсь, адмирал Путятин возражать не будет.

В это время вернулся старпом. Изыльметьев указал ему на стул рядом с собой.

– Господа, у меня чудесная новость! – воскликнул старпом, – он посмотрел на командира, затем – на губернатора и произнёс: – Вы не поверите, господа! Наш лейтенант князь

Александр Петрович Максutow среди встречающих увидел своего брата Дмитрия. Представляете?! И где та Пермь, откуда они оба родом, и где Петропавловск?! Удивительно!..

– Вот как! – удивлённо воскликнул губернатор. – Знаю Максutowа. В Петропавловск сей лейтенант прибыл совсем недавно. Коль не ошибаюсь, месяц назад. У него ещё двое братьев есть – это точно. Достойный молодой офицер, весьма достойный. Коль память мне не изменяет, изрядно походил он по морям дальневосточным.

– На краю света встретиться!.. Не каждому, господа, сие даётся, – не менее удивлённо произнёс Иван Николаевич. – Вот радость-то для братьев! Наш князь Максutow, уж не знаю, как в бою, не было случая проверить, но офицер тоже весьма достойный. Что ж, видимо, сама судьба завела нас к вам, Василий Степанович. Давайте за неё, за судьбу, и выпьем, господа.

Мужчины выпили.

– Да вот забыл уточнить, господин губернатор. Последнее время, – командир рукой указал на старпома, – из-за моей болезни фрегатом командовал старший помощник Михаил Петрович Тироль.

Тироль встал и почтительно склонил голову.

– Это хорошо, когда есть кому заменить командира. Однако, я вижу, у вас совсем больной вид, Иван Николаевич, – участливо произнёс губернатор. – Лечиться надо и вам, и экипажу. Завтра же дам команду отправить ваших больных

вместе с вами на горячие источники в Паратунке. Природа там чудная, враз на ноги поставит. Да боюсь, господа, что мирное время совсем скоро может закончиться. Должен поставить вас в известность, коль не знаете, – голос губернатора стал официальным. – В середине июня, господа, я получил официальное извещение, что ещё в марте сего, 1854 года Англия и Франция объявили России войну. В ответ на это в апреле император издал манифест о начале военных действий против этих стран.

– В апреле?.. – удивлённо переспросил старпом.

Офицеры переглянулись между собой.

– Выходит, – Тироль уважительно посмотрел на своего командира, – ваши опасения, Иван Николаевич, оправдались. Мы вовремя смылись из Кальяо.

– Да уж!.. – пробурчал Изыльметьев. – С носом оставили адмирала Прайса.

– Вы сказали «адмирал Прайс»? Интересно, очень даже интересно. Где это вы его встретили?

Старший помощник подробно рассказал губернатору историю побега фрегата из порта Кальяо. Выслушав старпома, губернатор похвалил командира «Авроры» за решительность и смекалку.

– Почему я удивился, услышав от вас, господа, фамилию Прайс? Видите ли... месяца два назад американские китобои передали мне письмо от дружески расположенного к нам короля Гавайского королевства Камеамеа III. Так вот, он, ко-

роль, пишет, что в Гонолулу стоят корабли Англии и Франции в количестве шести штук, и командует ими некий английский контр-адмирал Прайс. А подданные короля слышали, как офицеры этой эскадры спорили, кто первым ступит на землю Камчатки, англичане или французы. И чей флаг будет развеваться на новых территориях. И ещё эти китобои добавили, что своими ушами слышали, как матросы с английских кораблей хвастали, что дадут жару местным русским сухопутным крысам, этим аборигенам из степей Монголии. И будет это совсем скоро. А вскоре, сие известие о возможном нападении союзников продублировал и американский консул.

– А можно верить-то этим сообщениям, господин губернатор? Поди, пугают... – неуверенно произнёс старший помощник.

– Видите ли, лейтенант, может, вы в чём-то и правы касательно сообщений официальных властей, политика – дело тёмное и лживое, но я лично разговаривал с китобоями и верю им.

Американцы, господа, – настоящие морские волки, испытанные в трудностях тяжелейших плаваний. Опасный промысел, которым они занимаются, будит в них чувство азарта и притупляет страх. А смелые люди, смею вас заверить, не пригодны для подлых интриг, тем более, вранья. Да-да, господа! Не мне вам говорить об этом. К тому же эти китобои зимуют на наших территориях. Как можем, мы обеспечива-

ем их пропитанием и прочими удобствами. Зачем американцам обманывать нас? Нет-нет, я верю им. Весь вопрос лишь: когда?.. Когда появится враг?

Завойко сделал паузу, давая офицерам осмыслить сказанное. Затем продолжил:

– Здесь, в Петропавловске, о войне, господа, знают только понаслышке: войны как-то обходили эти края стороной. Отсюда и гарнизон крайне неопытен и малочислен, к тому же слабо вооружён. Численность моего войска, коль так можно сказать, составляет всего около двухсот тридцати человек. Шесть шестифунтовых пушек и одно полевое трёхфунтовое орудие на конной тяге – вся моя артиллерия. Сами понимаете, господа офицеры, что для защиты города этого явно недостаточно.

– Согласен, господин губернатор, маловато. Батарею я видел, орудие – нет, но обратил внимание, что кругом ведутся работы, – сказал Изыльметьев.

– Да-да, своими силами ведём строительство хоть каких-то укреплений. Придёт помощь – установим пушки. По крайней мере, рассчитываю на это. Вся надежда на начальника нашего генерал-губернатора Муравьева, дай Бог ему здоровья. Год назад к нам из Архангельска с грузом прибыл десятипушечный транспорт «Двина». А как в мае стало мне известно о нападении, я отправил сей транспорт с моим помощником в порт Аяне за пушками и солдатами. Вот ждём теперь. Недавно был вынужден обратиться с воззвани-

ем к жителям Петропавловска и окрестностей. Около четырёх сотен встали на защиту полуострова. Мало, но больше нет, остальные – женщины и дети, да и тех частично отправил подальше на материк. «Двина» скоро должна прибыть. Без подмоги, боюсь, не справимся.

Губернатор встал. Оба офицера тоже поднялись со своих мест.

Откашлявшись, Завойко строгим голосом патетическим произнёс:

– Господа! Я пребываю в твёрдой решимости: как бы ни многочисленен был враг, для защиты порта и чести русского оружия нужно сделать всё, что в силах человеческих, и драться до последней капли крови.

Завойко сделал паузу. Затем, строго глядя на командира «Авроры», продолжил:

– Господин капитан-лейтенант, я не могу вам приказать, могу только попросить вас, как командира российского военного корабля, послужить России и помочь жителям Петропавловска в отражении атаки вражеского флота.

Оба офицера переглянулись, и Изыльметьев прошептал:
– От судьбы, Михаил Петрович, видать, не уйдёшь. Придётся ещё раз встретиться с адмиралом Прайсом.

Старший помощник утвердительно кивнул:
– Да мы и служим России, больше некому... Придётся, командир. – Господин губернатор, фрегат «Аврора» с этого дня находится в полном вашем распоряжении. Экипаж ис-

полнит свой священный долг перед Отечеством.

Завойко поблагодарил офицеров и пожал им руки.

– Спасибо, господа! А то ведь мы каждый день ожидаем нападения неприятеля. И, что греха таить, когда с дальней сигнальной вышки увидели на горизонте ваши паруса, грешным делом подумали: вот он – враг. Слава Богу, ошиблись.

Старший помощник разлил остатки бренди. Все в полной тишине выпили.

– А теперь, господа, – произнёс губернатор Петропавловска, – давайте обсудим план наших действий. До вечера ещё далеко, время есть.

– Я, видимо, не смогу воспользоваться вашим любезным приглашением, господин губернатор, плохо себя чувствую, да и ноги болят, – произнёс Изыльметьев.

– Давайте перенесём нашу встречу, – предложил старпом.

Губернатор скривился:

– Жалко! Супруга будет ждать, господа. Неудобно!

– А ты, Михаил Петрович, вместе с нашим батюшкой Ионой сходи, а то действительно неудобно как-то, – предложил командир. – Да, если Василий Степанович дозволит, с собой пяток офицеров можно взять, да не забыть надобно братьев Максутовых. Пусть и князя отдохнут.

В знак согласия губернатор тут же кивнул головой.

– Как скажете, Иван Николаевич. Милости просим. Давайте теперь о деле поговорим, – решительно произнёс Завойко. – А предложения мои такие, господа...

Вечер в доме губернатора прошёл, как обычно, весело и шумно. Дом был полон народом. Помимо офицеров с фрегата «Аврора», на вечер пришли офицеры сорок седьмого камчатского флотского экипажа, составляющие гарнизон этого небольшого городка.

Собрав возле себя офицеров, свободных от игры в карты и танцев, Завойко рассказывал им о своей службе на Чёрном море и о том, как он ещё мичманом в 1827 году вместе с англичанами и французами участвовал в Наваринском сражении против турок и арабов. А в феврале 1833 года, уже будучи лейтенантом, он попал на фрегат «Паллада», которым командовал Павел Нахимов. Местные офицеры историю о службе своего губернатора на Чёрном море знали уже наизусть, а потому слушали рассеяно; офицеры с «Авроры» слушали внимательно, но нет-нет, да тоже отвлекались, бросая взгляды на хорошеньких барышень. Братьев Максutowых морская жизнь губернатора не интересовала. Один из них играл на рояле, а другой в окружении женского общества тихим и весьма приятным голосом напевал какую-то мелодию.

Время пролетело быстро, уже к полуночи все разошлись, и служанки загасили в зале свечи.

На следующее утро в порту заскрипели судовые лебёдки «Авроры». С правого борта фрегата на причал стали выгружать судовые пушки. Ближе к обеду к борту подошли подводки и крытые повозки, присланные губернатором для доставки больных членов команды фрегата на горячие источники

Паратунки.

И днём, и ночью велись работы по сооружению береговых батарей. В работе участвовало почти всё оставшееся население города, окрестностей, а также солдаты гарнизона и члены экипажа «Аврора». В скалах рубились площадки, затащивались судовые орудия, разносились боеприпасы...

А вскоре, к концу июля 1854 года, из порта Аяне прибыла долгожданная «Двина». Как и «Аврору», жители встретили транспорт радостными криками и приветствиями. И радоваться было чему: «Двина» доставила более трёхсот солдат Сибирского линейного батальона, две бомбические пушки двухпудового калибра и четырнадцать орудий 36-фунтового калибра. А ещё генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьёв прислал в Петропавловск военного инженера поручика Мровинского, который возглавил строительные работы.

По предложению Завойко фрегат и транспорт поставили на якоря в глубине бухты левыми бортами к выходу – сразу за косой Кошка. Вход в бухту перекрыли бонами.

В результате всех этих действий губернатор Завойко до подхода неприятеля успел возвести семь береговых батарей и с учетом нескольких десятков стрелков-добровольцев из местного населения гарнизон Петропавловска составил более одной тысячи человек.

Бой за Петропавловск

И вот в середине августа 1854 года на внешнем рейде Авачинской губы появились силуэты больших кораблей. Их заметили, но из-за большого расстояния наблюдатели с мыса Сигнального не смогли разглядеть флаги на мачтах пришельцев. К губернатору Петропавловска были срочно посланы гонцы с сообщением.

Тем временем, сбросив паруса, корабли встали на якоря. Их было непривычно много для этих малопосещаемых и малолюдных мест. Эскадра из шести кораблей грозно темнела на рейде.

Вот наблюдатели увидели, как с кораблей спустили шлюпки. Не скрываясь и не торопясь, они заскользили по рейду. Одни бегали от судна к судну, две шлюпки погребли к берегу и, часто табаня вёслами, раз за разом бросали в воду лотлинии, замеряя глубины. Наиболее активное движение шлюпок наблюдалось возле одного, видимо, флагманского корабля.

Наблюдатели не ошиблись. Действительно, это был флагманский корабль англо-французского флота, наконец-то добравшийся до места назначения.

Командующий эскадрой контр-адмирал Прайс принял решение обследовать побережье, для чего дал указание командиру английского парохода «Вираго», до сих пор шедшего на парусах, поднять пары. Затем вместе с адмиралом

де Пуантом он перешёл на его борт. Дабы исключить возможность обстрела «Вираго» береговыми батареями, коль таковые окажутся, осторожный флагман приказал замаскировать название английского парохода и повесить американский флаг.

«Пусть русские примут «Вираго» за безобидного американского купца, а остальные корабли – за мирную экспедицию», – заметив удивлённый взгляд командира корабля, пояснил адмирал.

Вскоре, как заметили с берега, от эскадры под американским флагом отделился странный трёхмачтовый корабль со спущенными парусами. Пыхтя чёрным дымом, он стал двигаться в направлении берега.

Среди солдат орудийной прислуги четвертой батареи, что на Красном Яру, раздался удивлённый возглас:

– Ты глянь, братцы, глянь! Без парусов, а плывёт, едрён корень...

– По местам! Приготовиться к стрельбе, – раздался зычный голос командира батареи мичмана Попова. – Чего раззявили рты... Эка невидаль – пароход. Он и без парусов может плавать. Не видели, что ль?..

– Так ить, где могли видеть-то? – недовольно пробурчал солдат гарнизона из недавних новобранцев.

Странный корабль приближался к берегу. На юте блеснули окуляры подзорных труб. Группа офицеров, в числе которых находились оба адмирала, внимательно разглядывала

береговые очертания полуострова.

– Что-то я не вижу, коль верить словам ваших американских китобоев, пустынные берега и кучку инвалидов, Дэвид, – пробурчал де Пуант. – И слева, и справа – батареи. А за перешейком – мачты двух кораблей, из которых один точно фрегат... Откуда они появились? Как это понимать, сэр?

Прайс не ответил. Скользя окуляром трубы по берегу, он что-то неразборчиво шептал и, как понял французский адмирал, про себя ругался. Наконец упавшим голосом Прайс произнёс:

– Не могли американцы соврать мне, Фебрио. Смысл им врать?!.. Но я поражён... Флаг... Русский флаг на флагштоке... Его беспричинно не вывешивают. Выходит, русские ждут нас?

– Убей меня, кто-то совсем недавно предупредил их о нашем приходе. Видите, милорд, пушки на ближайшем к нам мысе установлены наспех, без защиты с моря. К тому же в спешке выбрано и само место, позади батареи, как я вижу, коварный тыл – высокая скальная стена. Коль бить по ней, камни с неё побьют всю орудийную прислугу и завалят орудия. Видимо, пушки недавно поставили. Когда успели?.. Глядите, милорд, прямо по курсу, кажется, бот. Нас встречают... Лоцман, поди... Может, сразу захватим да расспросим, что и как...

Подумав, флагман покачал головой:

– К чему такая спешка, сударь? Подождём лучше...

Из ковша Петропавловского порта действительно вышел небольшой парусный бот с лоцманом на борту. На баке стояли лейтенант Александр Максutow и гардемарин Аниканов, которых послали на разведку.

В подзорную трубу Максutow разглядел на мачте идущего навстречу парохода американский флаг и дал команду идти на сближение с ним, но, подойдя ближе, лейтенант неожиданно разглядел на борту судна небрежно накрытое парусиной название – «Вираго». И Максutow, и гардемарин тут же вспомнили разговоры иностранцев в порту Кальяо, ожидавших посылное судно с тем же названием. Промелькнувшие на палубе красные рубахи английских моряков подтвердили их догадку.

– Вот те раз – «Вираго»!.. – удивлённо воскликнул Аниканов. – Это же в порту...

– Я даже догадываюсь, в каком... Дождались... – перебил гардемарина Максutow. – А мы им лоцмана... Союзники хреновы... И тут же резко скомандовал: – Табань! Никакие это не американцы – англичане! В порт, живо!

Бот пошёл на разворот.

Будто испугавшись небольшого судёнышка, к удивлению Максutowа, лжеамериканец застопорился и, выпустив из трубы очередной столб дыма, тоже повернул обратно.

Но тут Максutow неожиданно прокричал:

– Отставить разворот! Ставь паруса! Идём вперёд. На руле!.. Держись от парохода подальше, курс – прямо на при-

шельцев. Осмотрим эскадру.

– А не опасно, господин лейтенант? – произнёс Аниканов.

– Не знаю. Надеюсь, стрелять по нам не будут.

Первыми на пути бота оказались сразу два парусных корабля с французскими флагами на мачтах: фрегат «Форт» и фрегат «Эвридика». С их палуб на русский бот, как на туземцев, вышли поглазеть сотни матросов. Многие приветливо махали руками. На фрегате Максutow насчитал шестьдесят пушек, на корвете – тридцать две.

Чуть мористее, в трёх-четырёх кабельтов, покачиваясь на лёгкой волне, под английским флагом стояли тоже парусные корабли: английский фрегат «Президент» при пятидесяти двух пушках по корме, почти рядом – фрегат «Пайк», на котором Максutow разглядел сорок четыре пушки. Ещё дальше виднелся французский бриг «Облигадо» с восемнадцатью пушками по бортам. Лейтенант аккуратно занёс данные на листок.

Проходя мимо «Вираго», который бросил якорь рядом с «Президентом», до боли прижимая к себе окуляр подзорной трубы, Максutow разглядел на правом борту парохода три орудия.

Максutow в уме сложил количество пушек на кораблях непрошенных гостей: получилось двести двенадцать орудий.

А ещё, как отметил лейтенант, на палубах, помимо экипажей, небольшими группами стояли пехотинцы. Сомнения относительно целей союзников исчезли.

Бот развернулся, поставил дополнительный парус и под улюлюканье сотен голосов с кораблей союзников направился к берегу.

Ближе к вечеру, когда лучи уходящего на запад солнца стали постепенно тускнеть, а его огромный диск начал медленно скрываться за горизонтом, прибрежная акватория Авачинской губы запестрела парусами.

Используя благоприятное направление ветра, эскадра пошла к берегу на пушечный выстрел. С флагманского корабля «Президент» грохнул первый выстрел, и тут же громынули пушки остальных кораблей. В ответ батарея, расположенная между Сигнальной и Никольской сопками, ответила залпом из пяти пушек. Залп оказался удачным – часть палубного рангоута и такелажа на флагмане и фрегате «Эвридика» была частично повреждена. Эскадра повернула в сторону порта. Но и здесь её ждали «гостинцы» в виде ядер из пушек «Авроры», «Двины» и батареи мыса Сигнального. Русские комендоры стреляли метко. Корабли союзников отошли на безопасное расстояние.

Всё пришло в движение в городе святых апостолов, Петропавловске. Получив донесения с наблюдательных постов, отчёт МаксUTOва и подробности короткого боя, губернатор объявил о всеобщем городском сборе.

Забил в набат церковный колокол. Жители собрались на небольшой площади, на которой в кольце высоких тополей уютно примостилась деревянная церквушка.

Темно-красные стены храма, накрытые невысоким зеленым куполом, не вмещали всех. Люди толпились снаружи, и слова священника с амвона, призывающего к сплочению и защите своего города и Отечества, находящиеся внутри прихожане передавали наружу по цепочке. После службы перед собравшимися речь произнёс губернатор Завойко:

– Люди, беда пришла в наши края. Дабы навредить России, Англия и Франция соединились с врагами христиан, Турцией, с притеснителями наших единоверцев; флоты турецкие уже сражаются с нашими. Русские порты Восточного океана объявлены в осадном положении. Теперь вот война докатилась и до Камчатки. Город святых апостолов, Петропавловск, в смертельной опасности. Враг у порога. Умрём, но не позволим неприятелю топтать нашу землю.

Одобрительные крики были ответом на призыв губернатора.

Прошла ночь. Мало кто из жителей спал. Было тревожно и беспокойно.

Не спали и противники. До глубокой ночи среди вражеских кораблей на рейде отмечалась активная деятельность.

Августовское утро следующего дня, тихое, без ветра, сонное после тревожной ночи, к тому же серое и туманное, накрыло Авачинскую бухту. Ленивая предутренняя тишина обволокла окрестности. И казалось, вчерашние события – сон, который вот-вот рассеется вместе с туманом, исчезнет, его можно забыть... Но грозные полурасплывчатые в утрен-

ней дымке силуэты вражеских кораблей, стоящих на рейде, доносящиеся оттуда команды офицеров и трели боцманских дудок напомнили жителям Петропавловска о смертельной опасности.

Дымка постепенно рассеялась. Со стороны якорной стоянки эскадры наметилось оживление. Забегали шлюпки, закрипели грузовые блоки, послышались неразборчивые голоса... Шлюпки, заполненные матросами, налегающими на вёсла, потянули за собой трос, соединяя между собой корабли. С последнего, «Президента», буксир подтянули к пароходу «Вираго».

Закрепив на корме буксирный трос, пароход дал ход. Тросы буксируемых кораблей напружинились, и цепочка парусников медленно потянулась за «Вираго» в направлении мыса Сигнального.

На английском корабле уже готовились к розжигу запальники, канониры застыли в ожидании команды «Заряжай», и командир «Президента» Фредерик Николсон был готов по указанию флагмана дать команду стрелять... как вдруг к нему с бледным испуганным лицом подбежал один из офицеров.

– Сэр, беда! Прошу вас срочно подняться в каюту командующего.

Растолкав офицеров, столпившихся в коридоре, командир вошёл в каюту флагмана. То, что Николсон увидел, его потрясло. Тело контр-адмирала находилось в кресле. Его

окровавленная голова, повёрнутая к двери, лежала на столе, придавив собой египетскую саблю-талисман. Поверхность стола и ножны были залиты алой липкой кровью, которая тонкой тягучей струйкой медленно стекала на палубу. Одна рука командующего распласталась по столу, другая – безвольно висела вдоль тела; раскрытый рот застыл на вздохе... На палубе рядом с креслом лежал пистолет. В каюте пахло порохом.

Возле адмирала находился корабельный врач. Увидев командира корабля, он печально произнёс:

– Контр-адмирал Дэвид Прайс умер, господин капитан.

– Причины смерти, док? – резко спросил командир.

– Пуля, сэр.

– Чья?!.. – заорал Николсон.

Врач пожал плечами.

Командир непроизвольно посмотрел на пистолет. Нагнулся, поднял его, затем понюхал ствол. Скривился – сильно несло порохом.

– Странно, господа, странно! – несколько успокоившись, только и произнёс он. – Как это могло случиться?.. И Николсон подозрительно осмотрел присутствующих. – Кто-то хоть слышал выстрел?

Все промолчали.

Слух о смерти командующего быстро распространился среди экипажа. Фредерик Николсон был вынужден срочно собрать весь экипаж и объявить о несчастном случае, про-

изошедшем с контр-адмиралом Прайсом.

На мачте флагманского корабля взвился сигнал «Остановить движение».

В полном недоумении командир «Вираго» застопорил ход. Буксируемые корабли бросили якоря. Со всех кораблей к «Президенту» устремились шлюпки.

После короткого совещания командиров кораблей эскадры командование английскими кораблями взял на себя командир фрегата «Президент», а эскадру возглавил старший по званию контр-адмирал де Пуанте. Новый командующий обсудил план нападения. Обсуждение шло вяло, настроение у всех было подавленное.

– Господа, это война, – попытался взбодрить адмирал присутствующих, – как вы сами понимаете, потери неизбежны. Мы проделали большой путь, чтобы этим варварам продемонстрировать силу нашего оружия и доблести. И мы это сделаем. У нас более двухсот десяти пушек. Две тысячи семьсот человек на бортах, включая пехотинцев, обученных брать и более мощные береговые укрепления. Чем не сила, господа?! Заверяю: мы вскоре возьмём город. Банкет в Петропавловске я вам, господа, обещаю.

Адмирал замолчал, разглядывая притихших офицеров. Тишину нарушил командир фрегата «Ла Форт»:

– Возьмём, конечно, но с какими потерями? – недовольно произнёс он. – Откуда появились корабли?.. Мы даже не знаем численность войск в городе. Я что-то мало верю в полу-

ченную информацию от китобоев. По обеим сторонам входа в бухту стоят батареи, о которых ранее не было известно. И что там, внутри бухты, неизвестно.

– Вот потому, господа, мы сначала должны уничтожить эти батареи и войти в гавань. А затем перенести весь огонь на русские корабли и батареи, коль они там имеются. Затем высадим десант, – сказал адмирал, вытирая пот со лба.

– Я надеюсь, там не спряталась дивизия русских пехотинцев... – хмуро проговорил командир десантного отряда Паркер.

– Вряд ли, подполковник. Откуда русские её возьмут? – успокоил англичанина новый командующий, однако, как уловили офицеры, в голосе нового флагмана не было уверенности.

Своё неожиданное возвышение де Пуант не одобрял, более того, боялся. «В случае успеха, – рассуждал он, – скажут, что сработал тщательно продуманный план Прайса, а коль неудача, обвинят меня».

Тяжело вздохнув, де Пуант решил всё же не рисковать и не менять первоначальный план нападения.

– Господа, будем придерживаться ранее разработанного плана, – как можно твёрже произнёс он.

На том и разошлись.

На фрегате «Форт» взвился флагманский вымпел.

Наступил следующий день – воскресенье, 20 августа. Как и вчера, утро было сонным и таким же серым и туманным.

«Вираго» опять поднял давление пара в котлах для своей довольно-таки сильной машины и медленно тронулся с места. Привязанные к его корме друг за другом парусники «Президент» и «Ла Форте», неуклюжие без парусов и ветра, опять послушно тронулись за своим поводырём в сторону мыса Сигнального.

Расставив корабли в линию напротив батареи у западной части мыса, капитан «Вираго» приказал сбросить буксирный трос и, с лихостью развернувшись, чем вызвал зависть экипажей парусных судов, полным ходом направился к ожидавшим на рейде остальным кораблям эскадры. Прошло немного времени, и «Облигадо, «Эвридика», «Пайк» и сам пароход встали на якоря против батареи из трёх пушек на Красном Яру, имеющей среди защитников города название Кладбищенская.

Прежде чем отдать команду на начало обстрела, адмирал де Пуант внимательно разглядывал в подзорную трубу флагшток с российским флагом на мысе Сигнальном. Закусив от напряжения губу, флагман надеялся не пропустить момент, когда флаг русских поползет вниз, а на его месте взметнётся белый – флаг капитуляции. Но шло время, а белых полотнищ всё не было. На флагштоке мыса Сигнальный продолжал развеваться русский флаг...

– Глупцы!.. Что могут сделать их пять пушек против наших пятидесяти... – всматриваясь в подзорную трубу, разочарованно прошептал флагман. – Не пойму я этих русских.

А в это время командир батареи лейтенант Гаврилов отдавал последние указания канонирам, заряжавшим пушки. Наконец последняя, пятая, была заряжена. Пушки приготовилась к залпу.

– Погодь, – сказал лейтенант канониру одной из пушек, напряжённо разглядывая в подозрную трубу вражеские корабли. – Вот что, братцы! Всей батареей бить по французу «Ла Форте», он самый большой, командование эскадрой наверняка там.

– А может, как и вчерась, уйдут, господин лейтенант? – пробурчал канонир. – Как думаете?

– Странный то был уход, братец. Однако совсем не похоже, что и сегодня сие действо повторится. Ну всё, товсь! С Богом! Запальники разжечь. Орудиям приготовиться к стрельбе. Мортирам – товсь! – скомандовал Гаврилов.

Ещё раз измерив глазом расстояние до «Форта» и перекрестившись, он прокричал:

– Орудия, разом – пли!

Залп русской батареи почти слился с залпом пушек правого борта фрегата «Президент». Чуть позже окуталась пороховым дымом и палуба «Ла Форте». Поверхность моря между батареями заволкло пороховым дымом. Ядра неприятеля ударили в скалистый склон. Крупные обломки камней посыпались на людей, слышались стоны.

Русские ядра тоже нанесли урон фрегату «Ла Форте». В подозрную трубу Гаврилов разглядел взлетевшие деревян-

ные обломки палубного рангоута, сбитую ядром нижнюю рею бизань-мачты.

– Мортиры, залп! Орудия, лево пятнадцать, бить по англичанину, по «Президенту».

Через несколько минут теперь уже оба вражеских корабля одновременно произвели залп по русской батарее. Всё пространство покрылось плотной завесой порохового дыма. Земля вокруг батареи вздыбилась, два солдата упали замертво, застонали раненые. Со склона полетел град камней. Одну из мортир завалило, разбросав по сторонам орудийную прислугу. Отлетевший от скалы крупный осколок камня раздробил Гаврилову ногу, а через секунду другой осколок ударил ему в голову. Лейтенант ойкнул, смачно выругался сквозь зубы и, преодолевая боль, сильно хромя, бросился к заваленной камнями мортире и канонирам.

С моря донёсся звук очередного залпа вражеской артиллерии. Около шести десятков ядер устремились к батарее на мысе Сигнальном. Вздыбилась земля, сравнительно небольшая территория батареи превратилась в сущий ад. И среди этого грохота не менее оглушительно прозвучали выстрелы трёх чудом уцелевших русских орудий. И залп был удачным: ядра попали в корпуса кораблей неприятеля.

Около полутора часов гремела канонада. Батарея ещё держалась. Раненый Гаврилов не покидал батарею.

Одно из ядер, выпущенное мортирой, разбило часть фальшборта «Президента», другое, выпущенное уже орудиями,

ем, ударившись в основание мощной фок-мачты, упало на палубу и, шипя и дымя фитилём, закрутилось возле ног одного из членов палубной команды, готовое вот-вот взорваться. Все замерли. Однако матрос не растерялся. Он голыми руками схватил ядро и, растолкав оцепеневших от испуга товарищей, подбежал к борту и выбросил ядро в воду. Не долетев до поверхности воды, оно взорвалось.

Эту сцену в подзорную трубу наблюдал губернатор Завойко, который в сопровождении двух казаков на коне примчался на батарею.

– Смелый поступок, весьма смелый, – не отрывая от глаз трубу, прошептал губернатор. – Срочно разыщите, – обратился он к одному из казаков, – лейтенанта Гаври...

Договорить он не успел: на территорию батареи опять обрушился град ядер. Плотная стена разрывов подняла вверх землю, груду камней и разного мусора. Один из сопровождающих губернатора казаков вскрикнул: чугунный осколок вспорол ему плечо. Самого губернатора присыпало землей.

Губительный залп сделал своё дело: пушки оказались перевёрнутыми, временные ложементы разрушены, стволы орудий забиты землёй. Часть прислуги ранена. Батарея замолчала.

Видя безнадёжность сопротивления, Завойко отдал приказ оставшимся в живых защитникам и легко раненым оставить батарею и срочно идти к Красному Яру на помощь «Кладбищенской» батарее.

Еле держась на ногах, Гаврилов приказал заклепать орудия, спустить флаг, погрузить на телеги раненых и остатки боеприпасов.

Вскоре несколько десятков защитников под грохот канонады быстрым шагом направились в сторону Красного Яра.

Неожиданно один из защитников, матрос с фрегата «Аврора», бросился назад. Выхватив из-за пояса топор, он несколькими ударами перерубил флагшток.

– Не висеть на нём флагу вражескому, – пробормотал он.

И в это время с противоположной стороны бухты раздались ухающие залпы корабельных орудий и раскатистые, приглушённые расстоянием звуки разрывов. Матрос тревожно огляделся. Звуки шли от Красного Яра, где располагалась «Кладбищенская» батарея. Там шёл бой.

Вражеские корабли, окутанные пороховым дымом, обстреливали батарею, которой командовал его товарищ Василий Попов, мичман с «Авроры». А ещё матрос разглядел, как от тех кораблей в сторону берега шли десятка полтора баркасов и несколько шлюпок, набитых солдатами.

– Десант!.. Мать честная, на Василия Ивановича навалились, изверги, – заорал матрос и со всех ног бросился догонять свой отряд. Бросив мимолётный взгляд в сторону моря, он увидел пароход, который на буксире тащил в сторону Красного Яра один из фрегатов, только что обстреливавший его батарею. Ополченец поспешил догнать свой отряд.

«Кладбищенская» батарея, огрызаясь своими тремя 24-

фунтовыми пушками, заряжаемыми канонирами с «Авро-ры», несмотря на шквальный обстрел неприятеля, оказалась весьма живучей. Чтобы окончательно подавить сопротивление, флагман союзников приказал высадить десант.

К берегу приближались две большие шлюпки и более десятка баркасов, набитых французскими пехотинцами.

Бесперывные залпы орудий с корвета «Пайк» и брига «Облигадо», а потом и с фрегата «Президент» всё же сделали своё дело: батарея Попова замолчала. При виде десанта два десятка защитников отступили и приготовились принять последний бой.

Под барабанную дробь около шести сотен союзных пехотинцев, не торопясь, по-хозяйски осматривая территорию, спокойно высадились в районе батареи. Берег расцвел синими и красными пятнами обмундирования нападающих. Над батареей взвился французский флаг. Но торжествовали союзники недолго: по ним ударила батарея с мыса Кошки.

И тут из-за ближайшего пригорка показался отряд, состоящий из более сотни русских солдат и матросов. С ружьями наперевес они бежали в сторону батареи. Англичане, видимо, решив помочь своим, дали залп с орудий одного из фрегат. Снаряды не долетели до рядов русских солдат, но одно из ядер разорвалось в гуще французских пехотинцев, убив и ранив несколько человек. В рядах союзников началась паника.

Почти одновременно пушки русских кораблей тоже про-

извели по ним залп. Ядра «Авроры» и «Двины» разметали десантников; послышались крики раненых, несколько нападавших упали.

Союзники дрогнули.

При виде приближающегося отряда русских многие повернули в сторону баркасов. В это время на мачте флагманского корабля взвился сигнал к отступлению. Пехотинцы, поддерживая раненых и погрузив на плечи убитых, бросились обратно в шлюпки. Бой затих.

Однако канонада не прекращалась: с южной стороны по кораблям союзников продолжали палить пушки «Кошечной» батареи, а также орудия «Авроры» и «Двины».

Чтобы оградить себя от обстрела русских кораблей, загрузив на борт пехотинцев, корабли союзников с помощью парохода опять сменили место стоянки и, прикрывшись мысом Сигнальным, переключились на бомбардировку батареи на мысе Кошка. Несколько часов союзники обстреливали её, но защитники под руководством лейтенанта Дмитрия Максutowa, отвечая метким батарейным огнём, выдержали натиск, нанеся немалый урон врагу.

Продолжая обстреливать «Кошечную», союзники перекинули часть огня на батарею, пять пушек которой под командованием Александра Максutowa находились на перешейке между мысом Сигнальным и Никольской сопкой. Прикрываясь пушечным артобстрелом, с брига «Облигадо» и фрегата «Эвридика» союзники опять высадили десант. Метким ог-

нём батареи и этот десант был рассеян. Потеряв одну шлюпку с десантниками, союзники и на этот раз вернулись на свои корабли.

Попытка захватить город с суши провалилась. Однако прорваться в город можно было, захватив порт. Преградой этому опять были батареи на мысе Кошка, а также пушки на «Авроре» и «Двине».

С помощью парохода «Вираго» фрегаты неприятеля подтянулись ближе к порту. «Форт», «Президент» и «Пайк» всей мощью своих восьми десятков орудий обрушились на внутренний замок порта – батарею мыса Кошка.

Командир лейтенант Дмитрий Максutow отвечал редкими залпами, тщательно сверяя каждый раз расстояние до цели: порох надо беречь.

Среди грохота разрывов мелькали чумазные лица двоих мальчишек, подносящих канонирам картузы с порохом⁸⁵. Лица подростков были серьёзными и хмурыми, но глаза искрились азартом и желанием после сражения рассказать товарищам по учёбе в особой низшей военной школе о своих подвигах.

Неожиданно после очередных разрывов вражеских снарядов Максutow услышал крик:

– Погреб! Ложись!

Лейтенант бросился к оврагу, где находились запасы пороха.

---

⁸⁵ Зарядные мешочки с отмеренным количеством пороха.

Там, внизу, у самого хранилища, он увидел крутящееся раскалённое ядро, готовое вот-вот взорваться, и бежавшего к нему часового по фамилии Белокопытов. Ещё мгновение – и...

Белокопытов успел подбежать, поднять голыми руками раскаленный двухпудовый снаряд и столкнуть его вниз по склону, где он и взорвался, не причинив вреда боезапасам.

Максутов подбежал к часовому. Бледный, испуганный солдат разглядывал свои обожженные ладони, прямо на глазах покрывающиеся пузырями.

– Жив!.. – произнёс командир. – Руки надо смазать...

Серия взрывов заглушила его слова.

День подходил к концу. Постепенно стало темнеть. Канонада стала затихать, упрямая батарея на мысе Кошка ещё огрызалась. Чем дальше, тем очевиднее становилось, что победного банкета в городе сегодня союзникам устроить не придётся. Жаркий десятичасовой бой выиграли петропавловцы.

Свои изрядно потрёпанные корабли неприятель был вынужден отвести в безопасное место.

Итак, 20 августа 1854 года закончился первый штурм Петропавловска. Две русские батареи, на мысе Сигнальный и Красном Яру, были разбиты, но укрепиться на берегу союзники так и не смогли. Попытка захватить город со стороны моря провалилась. Наступило тревожное затишье.

Несколько дней англо-французы занимались устранением

повреждений своей техники и похоронами погибших на берегу Тарьинской бухты. С ближайших батарей защитники видели, как с особыми почестями союзники хоронили одного из офицеров.

Этим офицером был контр-адмирал Дэвид Пауэлл Прайс.

На траурном мероприятии народу было много: присутствовали представители всех кораблей союзников. Чуть в стороне от места захоронения с топорами и пилами в руках стояли матросы с американского китобоя, заготавливающие в бухте дрова для своих нужд. Проходя мимо китобоев, командир английского фрегата «Президент» Николсон подошёл к ним, разговорились. Американцы, с их слов, прожившие в Петропавловске весну и зиму, рассказали ему, в каких местах у русских стоят наспех построенные оборонительные сооружения, сколько на них пушек и каково количество защитников в городе. Самый молодой из китобоев добавил, мол, среди солдат, кроме воинов гарнизона, есть обычные крестьяне, охотники-камчадалы, мастеровые...

Их сведения пригодились на вечернем совете, прошедшем на борту флагманского корабля «Ла Форте». После обсуждения и споров адмирал де Пуанте принял решение предпринять повторное нападение на город 24 августа 1854 года, высадив десант со стороны Култушного озера и на Никольской сопке, где стояли две русские батареи.

День и ночь трудились и защитники города. Они восстанавливали разбитые батареи, хоронили погибших. Город

жил в тревожном ожидании следующей вражеской атаки.

С самого раннего утра бухту Крашенинникова в назначенный день накрыл плотный туман. Тёмные силуэты кораблей англо-французской эскадры, стоящие менее чем в кабельтове друг от друга, были едва видны. Придавленная густым туманом, морская поверхность лениво плескалась у бортов, спущенных на воду баркасов и шлюпок, издавая привычные хлюпающие звуки. Плавсредства были до отказа заполнены сонными пехотинцами и матросами, многие из которых продолжали спать сидя, досматривая сны. Десант ждал сигнала к началу высадки на берег. Неутомимый «Вираго» потащил корабли союзников к намеченным позициям.

Около шести утра туман стал рассеиваться. С берега стали видны зловещие контуры вражеских кораблей и копошащиеся у них под бортами плавсредства с торчащим поверх голов солдат частоколом штыков. В полной тишине, прерываемой только лёгким шумом волн, десант терпеливо ждал приказа на штурм русских берегов. И эта пауза была зловещей.

Разглядывая неприятеля, защитники ждали: вот-вот начнётся стрельба. И вскоре бомбардировка началась...

Предутреннюю тишину разорвал грохот первого вражеского залпа. Ядра «Эвридики», «Облигадо» и «Ла-Форта» накрыли территорию батареи на мысе Сигнальный, акваторию порта и сам порт. Часть ядер полетела в сторону фрегата «Аврора» и транспорта «Двина».

С моря потянуло пороховой гарью. Всё пришло в движение.

Буксируемый пареходом, немного опоздавший к месту запланированной стоянки фрегат «Президент», как только его якоря коснулись дна, всем бортом тоже произвёл залп по батарее, расположенной на северной оконечности Никольской сопки, прикрывающей дорогу между сопкой и Култушным озером. Затем последовал второй, третий залп из трёх десятков корабельных пушек...

В общем грохоте разрывов залп пяти береговых орудий русской батареи капитан-лейтенанта Коралова почти не был слышен: под покровом пороховой завесы всё слилось в общий гул. Особенно тяжёлое положение сложилось на батарее со странным названием – «Смертельная». Батарее под командованием лейтенанта Александра МаксUTOва уже несколько раз накрывала серия густых разрывов. Она несла тяжёлые потери: всё меньше оставалось орудийной прислуги. Но батарея не сдавалась и продолжала отвечать метким огнём. Одним из взрывов был тяжело ранен лейтенант МаксUTOв, но он, истекая кровью, не оставил место боя и сам наводил орудия.

А битва продолжалась. Даже «Вираго», освободившись от буксировки кораблей, встав на якоря, тоже начал обстрел с Никольской сопки. Сопка стала похожей на дымящийся вулкан, который вот-вот взорвётся. Около 9 часов утра сражение велось уже на всей территории, окружавшей Петропав-

ЛОВСК.

Огромное преимущество союзников в пушках, их мобильность, несмотря на меткий огонь защитников, дали себя знать: часть русских батарей была разрушена.

На флагманском корабле «Ла Форте» взвился сигнал «Начать высадку».

Под прикрытием артиллерии гребные плавсредства с десантом в девятьсот человек, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее, стали приближаться к берегу Никольской сопки. По ним картечью ударила одна из ещё действующих русских батарей, однако это не помешало вражеским пехотинцам высадиться на берег. И вскоре союзники овладели сопкой, с высоких склонов которой открывался вид на всю Авачинскую бухту. Русские корабли теперь были видны как на ладони. Вражеские пехотинцы стали из штуцеров обстреливать «Аврору» и «Двину». Путь к городу был открыт. Наступил критический момент.

Получив сообщение о чрезвычайной ситуации на Никольской, Завойко направил гонца к командиру «Авроры» Изыльметьеву с просьбой срочно послать в район сопки дополнительные силы.

Изыльметьев исполнил просьбу губернатора: с небольшими интервалами послал в бой отряды из матросов под командованием судовых офицеров мичмана Фесуна, прапорщика Жилкина и гардемарина Давыдова, общей численностью до восьмидесяти человек.

К орудиям «Авроры» встали все оставшиеся на борту члены экипажа.

Обстрел союзниками русских кораблей продолжался. Смертельная картечь цокала по деревянной палубе, выбивая из неё и надстроек крупные щепы. Невзирая на это, раздетый по пояс, последний оставшийся на борту гардемарин Аниканов и иеромонах Иона, подвязав кушаком полы рясы, помогали орудийной прислуге подтаскивать пороховые заряды и ядра.

– Вершины опасной горы не достигнешь, коль ленивым родился да трусливым, – вытирая пот, бормотал священник, нагруженный ядрами. – Да воздастся врагу по заслугам, да настигнет его кара небесная, – и, освободившись от груза, перекрестился, грозя в сторону врага кулаком.

От порохового дыма лицо батюшки стало серым, левый рукав рясы был оторван и болтался, мешая движению. Иона с силой рванул его и отбросил в сторону.

В это время за его спиной кто-то вскрикнул. Батюшка обернулся: согнувшись пополам, гардемарин медленно валится на палубу. Из раны на его спине хлестала кровь. Иона бросился к юноше.

Григорий стонал, харкая кровью. На палубе расплылось кровавое пятно. Иона сгрёб Григория в охапку и, закрывая его своим телом от пуль, потащил в судовой лазарет.

– Терпи, паря, терпи... Не оставит Господь тебя, с тобой он будет. Терпи, отрок... – бормотал сквозь слёзы Иона.

Пушки фрегата огрызнулись залпом, следом прозвучали орудийные выстрелы с борта «Двины».

Повсюду слышались резкие хлопки ружейных выстрелов, взрывы снарядов, бой шёл повсюду. Но эпицентром сражения стала Никольская сопка, где лицом к лицу сошлись до тысячи человек. Сопка превратилась в страшную арену сражения. Повсюду шла пальба из ружей и штуцеров, раздавались крики раненых с призывами о помощи, звуки горнов, свистков, звучали воинские команды, неслась площадная брань на английском, французском и русском языках. Ад боя сопровождался артиллерийской канонадой. Но силы были не равны: союзники теснили защитников города. Все понимали: вот-вот наступит печальный конец.

Стоя на палубе фрегата, Изыльметьев вдыхал идущий с гор смолистый запах карликового кедра, перемешанный с пороховой гарью, и с тревогой наблюдал в подзорную трубу за ходом кровавой битвы на сопке. Он видел, как редели шеренги защитников, слышал, что всё реже звучит треск ружей с нашей стороны.

Не дожидаясь приказа губернатора, он собрал отряд из оставшихся членов экипажа, не занятых при стрельбах, и срочно направил их на Никольскую.

Отряд с «Авроры» прибыл вовремя. Кроме того, из резерва, находившегося у губернатора, подоспел последний отряд солдат гарнизона.

И тут в воздухе прокатилось громкое «Ура!», и показа-

лось, будто земля задрожала от топота тысяч ног: русские перешли в штыковую атаку. Отчаянно дравшимся защитникам удалось отеснить, а затем, в полном смысле этого слова, сбросить десант с Никольской сопки.

Это спасло город от захвата и, в конечном счёте, от поражения.

Ближе к полудню противник дрогнул и на других участках сражения. Под непрерывным огнём, неся потери, союзники стали спешно отступать к ожидавшим их шлюпкам. Штурм города и на этот раз был отбит.

В схватке на Никольской сопке русские воины проявили стойкость и не потеряли самообладания, несмотря на превосходство неприятеля.

Защитники Петропавловска одержали победу.

Хоронили погибших всем поселением, членов экипажей обоих кораблей похоронили на городском кладбище.

Отслужив панихиду по усопшим, иеромонах Иона ещё долго стоял над могилами лейтенанта МаксUTOва и гардемарина Аниканова. В ушах батюшки плыли звуки «Лунной сонаты»... Иона встал на колени перед могилами и тихим срывающимся от душивших его слёз произнёс:

– Спите, чады мои! Не в суете мирской отдали вы жизнь свою, а Господом данную жизнь вам положили на алтарь, защищая Отечество своё. Царства небесного вам, спите спокойно, отроки мои безгрешные!

Вынужденный заход фрегата «Аврора» в Петропавловск

спас город от захвата англо-французскими войсками.

Героизм и стойкость гарнизона, экипажей кораблей, жителей Камчатки и, конечно, бесстрашие губернатора Завойко и его окружения дали возможность отстоять русские земли на востоке России.

Такой подвиг был по достоинству оценён императором Николаем I. Генерал-майор Завойко был переаттестован в контр-адмиралы и награждён орденами высшего достоинства. Получили высокие награды все участники героической Петропавловской обороны.

Весной 1855 года В.С. Завойко подтвердил свой воинский талант. За рекордный срок Петропавловская военно-морская база на северо-востоке России под его руководством была свернута и в полном составе успешно и без потерь перенесена к устью Амура. Тем самым были спасены от гибели флот и личный состав маленького морского соединения. Вскоре после эвакуации порта еще раз пришедшему в Петропавловск неприятелю, теперь уже нацеленному взять реванш и разгромить «этих русских», воевать было не с кем...

О [защитниках Петропавловска](#) узнала не только Россия, но и весь мир. Газеты всех нейтральных государств Европы и Америки восхищались стойкостью защитников русского города и высмеивали неудачи англо-французской эскадры.

В самой Англии оппозиция, как и в случае с адмиралом Чарльзом Нейпиром, требовала судебного разбирательства такого неудачного и дорогого мероприятия.

...Забегая вперёд, надо отметить, что этот незначительный по масштабам военных действий эпизод был единственной победой России в этой войне.

Приведя в порядок свой такелаж и рангоут, фрегат «Аврора» покинул берега Камчатки, и, совершив длительный переход, корабль в июне 1857 года прибыл в Кронштадт.

Так закончился дальневосточный поход «Авроры», длившийся три года и десять месяцев.

В 1856 году В.С. Завойко был переведен на Балтийский флот. В 1861 году он стал вице-адмиралом, в 1874-м – адмиралом русского флота. Умер первый губернатор Камчатки Василий Степанович Завойко в 1898 году, прожив 88 лет!

Иван Николаевич Изыльметьев позже командовал кораблями Балтийского флота. В 1864 году он стал контр-адмиралом и был назначен начальником Кронштадтского порта. В 1870 году получил должность младшего флагмана Балтийского флота. Умер Изыльметьев в 1871 году.

Один из эпизодов Восточной (Крымской) войны для России закончился вполне благополучно.

Теперь, дорогой читатель, нам надо опять перенестись на юг России, к Чёрному морю, на котором уже с апреля 1854 года полностью хозяйничает флот союзников. И немудрено...

Огромный англо-французский флот в Чёрном море насчитывал к тому времени около сотни кораблей, в числе которых было около пятидесяти пароходов. Командовал всем

флотом английский вице-адмирал Джеймс Дондас.

Черноморский флот из-за своей малочисленности вынужден был отсиживаться в бухтах Севастополя под прикрытием мощных береговых укреплений.

В начале сентября войска союзников высадились на побережье Крыма, под Евпаторией, совсем недалеко от Севастополя...

А нам надо вернуться в июль 1854 года...

Часть четвёртая

Тревожные будни

В середине июля 1854 года, а точнее четырнадцатого, лёгкий восточный ветер, дувший с утра, часам к десяти вовсе стих. На море – безветрие, так нелюбимый моряками штиль.

До самого горизонта, насколько хватало взгляда, простиралось милое патриархальное и неправда, что чёрное, – синее, привычное и прохладное море. Параллельно поверхности, смыкаясь у горизонта, тянулось такое же необозримое небо без единого облачка. Взобравшись на самый верх, в зенит, солнце палило нещадно. Зеркальная ярко-изумрудная вода Севастопольской бухты, придавленная зноем, была совершенно прозрачной. В лениво, монотонно накатывающихся на берег волнах, словно нырки, прыгали с берега и плавали дети, а совсем маленькие – барахтались в воде. Слышен был их визг, раздавались грозные окрики взрослых.

И вдруг родительские окрики сменились удивлёнными возгласами. Все находящиеся на берегу увидели, как там, где смыкался горизонт с небом, появились странные очертания чего-то необычного. Прямо на их глазах это «что-то» выросло в лес тёмных пик, так похожих на очертания корабельных мачт. И вот перед глазами изумлённых жителей стран-

ные очертания материализовались в реальные контуры кораблей. И эти корабли стремительно приближались к Севастополю.

Новость быстро облетела весь город. Наслышанные ранее о появлении в Чёрном море кораблей союзников и объявлении ими войны России, жители, чьи дома располагались ближе к морю, поспешили к берегу, кто жил далеко от моря, собрались на городских возвышенностях.

Все с любопытством разглядывали внешний рейд с чужими кораблями. Их было достаточно много...

Пожалуй, со времён адмирала Фёдора Клокачёва и светлейшего князя Григория Потёмкина прибрежные воды Севастополя не видели такого количества иностранных кораблей.

Даже невооружённым глазом было видно, что неприятельский флот по количеству был вдвое больше, чем стоявший в бухте русский. Жители видели, как при полном безветрии вражеские пароходы выделяли разные мудрёные выкрутасы. Так, красуясь белизной парусов и плавными обводами парусников, дымя из многочисленных труб угловатых винтовых и колёсных пароходов, они не спеша дефилировали от Камышовой бухты к древнему Херсонесу и далее – до Балаклавы. И жители терялись в догадках: что же будет дальше?..

А вскоре союзники устроили показательные тренировки. Пароходы, приняв буксирные тросы с парусников, стали тас-

кать их за собой сразу по два и по три. Зрелище впечатляющее... А вот ещё... коптя чёрным дымом из труб, несколько пароходов ринулись к входу в бухту и стали нагло делать замеры глубин фарватера.

Закончив промеры, пароходы удалились. Однако тут же из другой группы кораблей, стоявших на якорях милях в пяти от берега, отделился ещё один корабль. Оставляя за кормой всё тот же шлейф копоти, он круто развернулся и тоже ринулся в сторону входа в бухту. Подойдя ближе, корабль на полном ходу пошёл на поворот и неожиданно произвёл залп, пустив в сторону Константиновского форта (массивное гранитное подковообразное здание со стенами почти в сажень толщиной) ядро и пару бомб. Снаряды не долетели до цели.

«Какая наглость!» – ахнули жители и заспорили: врежут наглецу или нет? И через минуту все облегчённо вздохнули: грохнул залп с форта. Но и наши ядра не достали наглеца.

Никому и в голову не приходило, что это были первые боевые выстрелы в Севастополе и что солнце в последний раз освещает картины мирной жизни города.

Прошло совсем немного времени, и корабли союзников, выстроившись двумя колоннами, безбожно коптя и выжимая максимальную скорость из своих паровых машин, стали приближаться к Севастополю.

Жители опять ахнули, но уже с опаской... Что это: нападение на город?

На кораблях Черноморского флота и береговых укреплений

ниях в ожидании команды «Пли!» канониры зажгли запальники.

– Неужели войдут в бухту? – вопрошали руководители города.

– Нет ясности, – пожимая плечами, неуверенно отвечали адмиралы.

Однако на флагштоке, торчащем на смотровой площадке Морской библиотеки, взвился сигнал «Товсь!»

За ходом странных маневров союзников наблюдали офицеры, среди которых были адмиралы Корнилов и Нахимов.

– Орудия на Константиновском форте слабоваты, – не отрывая глаз от подзорной трубы, бурчал Нахимов.

– Надо в случае необходимости, чтобы «Селафаил» первым произвёл залп, он ближе всех стоит к входу в бухту, да и, судя по недавним учениям, весьма метко стреляет, – глядя на непонятные действия иностранных кораблей, недовольно произнёс Корнилов.

– И то верно, Владимир Алексеевич! – ответил Нахимов. – Командир сего корабля Зорин – моряк весьма толковый.

Однако, эффектно произведя разворот на сто восемьдесят градусов, неприятельская эскадра неожиданно ушла в море.

– Что это было?.. Психологическая атака?.. Попугать нас решили?.. – облегчённо вздохнув, произнёс Корнилов.

– Фортов побоялись... – уточнил Нахимов.

Радости жителей не было предела. Бурно обсуждая действия неприятельских кораблей, гордые за свой флот и бе-

реговые укрепления, они разошлись по домам.

Казалось бы, убедившись в мощи крепостей, неприятель уйдёт навсегда. Не рискнёт он, подлый, напасть на город.

– Поди, побоятся басурманы башки свои иностранные подставлять под залпы не одной сотни орудий наших... – степенно со знанием дела говорили отставные матросы тёткам на базарах.

– Спасибо адмиралу Лазареву, Царство ему небесное. Уж как касатик постарался... – добавляли женщины и крестились.

И уже на следующее утро, пятнадцатого числа, жители с радостью увидели, как, загадив небо чёрными выхлопами, большая часть флота союзников действительно покинула внешний рейд Севастополя. Корабли взяли курс к устью Дуная, к острову со зловещим названием Змеиный.

Гарнизон и жители Севастополя радостно вздохнули. Они окончательно поверили в неприступность своего города.

И уже ближе к вечеру с Екатерининской и Морской улиц, сидя в открытых кабриолетах, на дрожках, изысканных ландо, а кто и пешком, на Приморский бульвар стала стекаться благородная, и не очень, публика.

Разморённые дневной духотой, прикрываясь разноцветными зонтиками, дамы с детьми устремились к морю, на набережную, где с палубы красавца-корабля «Великий князь Константин», стоявшего в то время у Екатерининской пристани, доносились звуки корабельного оркестра. Послу-

шав марши, расфранчённая публика медленно фланировала дальше, а там, развлекая жителей, тоже играли оркестры, но уже армейские, из которых сильными и певучими голосами выделялся роговой хор⁸⁶ гусарского полка. Много публики было и на Приморском бульваре, возле бронзового памятника герою прошлых лет Казарскому.

В тот вечер среди праздной публики было непривычно много старших офицеров. Они спустились на набережную с Центрального городского холма, где на месте захоронения адмирала Михаила Лазарева состоялась торжественная закладка нового собора – Владимирского, и каждый офицер положил в фундамент храма свой кирпичик.

Военные рангом пониже, тоже присутствующие на закладке собора, были возбуждены: не часто выпадает случай лично присутствовать на подобных торжествах. Разбившись на небольшие группы, позабыв на время об иностранных эскадрах, барышнях, развлечениях, они горячо обсуждали рождение нового храма.

– Господа! Я восхищён, прямо скажу, речью архиепископа Иннокентия!⁸⁷ – воскликнул один из офицеров (в котором нетрудно было узнать нашего героя по первой главе, Антона Аниканова, но он уже имел звание капитан-лейтенанта).

Внешность Антона мало чем изменилась с того времени, когда в последний раз мы видели его на борту корабля «Им-

---

⁸⁶ Мужской хор и оркестр народных инструментов.

⁸⁷ Архиепископ Херсонский и Таврический.

ператрица Мария». Разве что появилась неглубокая складка, прорезавшая лоб, да мелкая сеточка морщинок возле глаз. И ещё... Лицо капитан-лейтенанта несколько осунулось и выглядело уставшим. Эти обстоятельства да небольшая хромота после ранения ноги в Синопском бою делали родственника посла Филиппа Бруннова более взрослым, а скорее, возмужавшим. Однако высокий рост, широкие плечи, природная привлекательность по-прежнему притягивали к себе взгляды молодых и не очень представительниц слабого пола.

– Нет, господа, как точно сказал митрополит, помните: «Кто не знает, что у врагов наших одно из заветных желаний состоит в том, – тут Антон поднял палец к небу, – чтобы отторгнуть здешнюю землю из состава России. Но скорее не останется во всех здешних горах камня на камне, нежели мусульманская луна займёт тут место креста Христова!...»

Аниканов сделал паузу и повторил:

– ...луна займёт место креста!.. Матушка Екатерина и князь Потёмкин оставили нам Крым и Севастополь христианскими, ими они и останутся.

– Верно, – поддержал его незнакомый армейский подполковник. – Не надо забывать, господа, Севастополь – преемник не Ахтиара мусульманского, а православного Херсонеса!

Мимо офицеров, стрельнув в их сторону глазками, прошла стайка девушек и, что удивительно, без маменек и тётюшек. Одна из девушек, в белом платье и широкополой и тоже

белого цвета шляпе, наполовину закрывавшей её лицо, уже пройдя мимо мужчин, обернулась. Взглянув на Антона, она тут же отвернулась и заспешила за подружками. Мелькнувшее на мгновение милое личико девушки показалось Антону знакомым, но прикрытое шляпой лицо барышни он толком не успел разглядеть. И всё же чувство, что этот мимолётный взгляд ему знаком, не покидало его до тех пор, пока по поводу барышень не раздались восхищённые возгласы офицеров.

Из нескольких десятков тысяч населения города в то время тысяч семь приходилось на гражданское население: чиновники, купцы, ремесленники, рабочие и дети. Женщин, включая жён и взрослых дочерей офицеров (собственно, для них и устраивались эти развлечения) в городе было мало.

Женщинам лёгкого поведения (и такие были) в публичные места ходить не рекомендовалось, а потому и интерес молодых офицеров к барышням благородного происхождения был естествен.

Над вечерним бульваром стелился праздный шум, гремела музыка, лоточники предлагали сладости и пирожки. То там, то здесь раздавались женский смех, детский крики, галантные возгласы молодых и не очень офицеров: «Ах, pardon, мадам, разрешите к вам пришвартоваться»...

По всему Большому рейду и по рукаву Южной бухты на якорях и у причалов стояли купеческие и парусные корабли Черноморского флота, а среди них – редкие пароходы с

огромными гребными колёсами по бортам. Между кораблями с зачехлёнными парусами и от судов к пристаням на парусах и вёслах сновали боты, шлюпки и даже командирские катера с гордо застывшими на корме офицерами.

Глядя на всё это, совсем не мудрено было забыть о какой-то англо-французской эскадре, притаившейся у какого-то там острова. Любому постороннему Севастополь в то время мог показаться самым счастливым, самым веселым городом в мире.

Ну пришёл неприятель... Ну увидел ощерившиеся грозными орудиями форты, представил себе морской бой с кораблями уже известного повсюду адмирала Нахимова и, сделав вывод, удалился. Чего переживать?

Откуда было жителям знать об истинных причинах демонстрации союзниками своей силы, смахивающей больше на агрессию? В городском театре они все по многу раз посмотрели пьесу Нестора Кукольника с названием «Морской праздник в Севастополе», где по сюжету происходит встреча эскадры Нахимова после Синопского боя; в Морском собрании они восхищались картиной молодого художника Айвазовского, запечатлевшего сцену Чесменского боя. И там, и там турки терпят сокрушительное поражение от моряков Черноморского флота. А тут ещё купцы, прибывшие из Одессы, рассказали, как при недавнем нападении союзного флота на Одессу враг так и не смог захватить её благодаря энергичным действиям командира корпуса графа Остен-Са-

кена. Более того, в суматохе сражения английский пароход «Тигр» сел на мель, после чего его экипаж был взят в плен, а сам корабль – сожжён. «То же будет и сейчас, коль надумают напасть на Севастополь, – думали многие. – Зачем волноваться?..»

Правда, уже ходили кое-какие слухи о надвигающейся или даже идущей большой войне и о том, что главные зачинщики в ней – напуганные победой Нахимова в Синопе англичане. И что флот союзники подогнали к Севастополю, чтобы погубить русский Черноморский флот. Ну и уж совсем неправдоподобные разговоры: славный русский город, как древний Карфаген, союзники должны стереть с лица земли.

«Брехня всё это! Слухи... – говорили жители города. – Император, чай, знает об том. Поди, не позволит басурманам перья-то свои распустить, живо рога им пообломает».

Но в столичных газетах, разными путями попадающих в Севастополь, помимо вестей о боях с турками в Закавказье и на Дунае, стала появляться информация о нападении англо-французов, как уже говорилось, на Одессу в апреле сего года, о событиях в Балтийском море, о какой-то морской блокаде Кронштадта и Петербурга, о героической защите русской крепости Бомарзунд... Тревожные вести шли и с Камчатки... А тут ещё в царстве Польском и Финляндии стало беспокойно, там появились возмутительные листки и брошюры, порочащие государя, а в Литве вдруг появились фальшивые деньги...

«Боже, когда такое могло бы быть... Куда катится мир?.. – удивлялись жители Севастополя. И тут же успокаивали себя: – Но всё это далеко от нас. Севастополь – несокрушим».

И они были в чём-то правы. Ведь все знали: город защищается славным Черноморским флотом, а это, кроме совсем старых и чинившихся в доках судов, – двенадцать грозных линейных корабля, четыре фрегата, пара бригов и одиннадцать колёсных пароходов. Сила!.. И корабли расставлены на рейде бухты так, что в случае чего будут помогать и сухопутной обороне.

А тут ещё, к радости жителей города, последние корабли вражеской эскадры покинули рейд. Чем не наглядное подтверждение ошибочности слухов? Всё это создало в Севастополе иллюзию продолжения привычной городской тишины и спокойствия.

И рынок у Артиллерийской бухты опять закишел народом. Шумные, оживлённые люди окружили мясные ларьки с телячьими и бараньими тушами, курами и утками, разнообразной зеленью, фруктами и овощами, привезёнными из ближних сёл.

Но это было в июле...

Никто, разумеется, тогда даже не предполагал, что разрушенные дома в Севастополе вскоре станут привычной панорамой, что опустеют бухты и на месте, где стояли корабли Черноморского флота, будут торчать верхушки мачт затопленных кораблей.

В Севастополе тогда мало кто знал, а может быть, и никто, что в Варне в это время собирался огромный десант союзников. Не знали руководители города и о спорах Лондона и Парижа, куда высадить этот многочисленный десант: то ли на Кавказское побережье, то ли в Крым. Как потом оказалось, – в Крым, чтобы захватить Севастополь.

И вот днём на исходе августа 1854 года моряки и горожане стали опять наблюдать необыкновенную картину: вдоль берега нескончаемой лавиной на север двигался флот союзников. Сотни десантных судов, забитых франко-английскими и турецкими войсками, направлялись в сторону Евпатории.

Достигнув пологого побережья между Саками и Евпаторией в течение первых шести дней сентября, не встречая сопротивления (чему, кстати, удивились сами союзники), девятнадцать тысяч английских, чуть более сорока тысяч французских и около шести тысяч турецких войск высадились на крымский берег. Они с ходу захватили слабо защищённую Евпаторию. Небольшой отряд русских им был не помеха – на предложение союзников не разрушать город отряд защитников покинул его. Городок тут же был разделен на турецкий, английский и французский кварталы. В каждом из них установился свой порядок.

В Севастополь помчались гонцы. Однако не успели они сообщить командующему русскими войсками в Крыму светлейшему князю Меншикову о нагрянувшей беде, как армия неприятеля сама двинулась в сторону Альминской долины и

далее – в Севастополь. Но в долине врага ждали...

Около тридцати трёх тысяч человек при почти ста орудиях в ожидании врага окопались в этой самой долине на берегу реки Альма. И дождались...

Восьмого сентября 1854 года произошло кровопролитное сражение. Русские войска потерпели поражение. Армия, возглавляемая Меншиковым, позволившая войску интервентов спокойно высадиться и не лучшим образом показавшая себя в битве, стала отступать к Севастополю.

Теперь слухи о нападении на Севастополь стали обретать реальность.

Между тем внешнеполитическая ситуация для России продолжала ухудшаться. Военные действия союзников на Балтике, угроза вмешательства в войну Австрии, Пруссии и Швеции заставляли Россию держать на границах с ними значительные контингенты войск. И всё же император Николай I предпринимал всё возможное для помощи Крыму и Севастополю.

Зашевелилась вся Россия. Несмотря на то, что Севастополь не был единственным фронтом и на остальных тоже нужны были войска, тем не менее со всех уголков страны в сторону Крыма потекли армейские части, ополченцы и обозы. Но расстояния великой империи... Страшная бюрократия... Казнокрадство... Дороги...

Ах, как прав был писатель Николай Васильевич Гоголь, говоря о главных российских бедах: воровстве и отврати-

тельных дорогах. Именно они не позволят войскам вовремя прийти на помощь Севастополю.

А гарнизон города готовился к обороне.

Военный совет в доме Корнилова

В то тревожное время должности начальника штаба флота, командира эскадры, начальника порта, губернатора и прочих городских руководителей занимали разные люди. И все они были со своими амбициями, опытом и умением, что, конечно, не давало нужного эффекта в деле обороноспособности Севастополя. Формально всеми этими начальниками руководил князь Меншиков, но...

То ли трагическое положение, в котором оказался Севастополь, то ли особенности русского характера, а может быть, и обе эти причины вместе просто кричали о том, что городу, флоту и гарнизону нужен руководитель, способный объединить все ветви власти и которому бы все подчинялись беспрекословно.

Несмотря на свои одиннадцать должностей с причитающимися выгодами, светлейший князь Меншиков на эту роль совсем не годился. Он ровным счётом ничего полезного не делал на этих постах, как и на посту главнокомандующего крымскими войсками, где эффективностью тоже не отличался.

Генерал-лейтенант Меншиков, человек начитанный, умный, честный, что было редким качеством среди высших сановников императора, уважением среди собственных войск не пользовался, что уж говорить о жителях города. И причин

для этого было достаточно...

И только два человека, адмиралы Корнилов и Нахимов, в то время больше всего подходили на роль народных лидеров, способных возглавить оборону города и объединить войска.

Корнилов и Нахимов, ученики незабвенного адмирала Лазарева, пользовались любовью и уважением среди матросов и офицеров, но всё же более сердечно все относились к Нахимову. Причём дело доходило до обожания Степаныча – старого холостяка, всецело преданного флоту. Нахимов был во всем свой: и как начальник, и как товарищ.

Корнилов с его утончённой европейской внешностью и манерами всё же был в первую очередь начальником, этаким эстетом и барином, хоть и хорошим, добрым и благородным, но – барином. Владимир Алексеевич имел более широкое специальное образование, чем Нахимов, хоть и не проявил себя таким блистательным флотоводцем, как его друг Нахимов. Административных способностей для управления большим флотом и его хозяйственной организации у Корнилова имелось больше, чем у Павла Степановича, и Нахимов это вполне сознавал. Имея служебное и возрастное старшинство, Павел Степанович без малейших колебаний согласился в сентябре 1854 года, чтобы начальствовал в городе не он, а Корнилов...

Начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Корнилов в эти тревожные после неудачного Альминского сражения дни, полные слухов и догадок, вполне естественно

выдвинулся на лидирующее положение в сложной иерархии руководства города, порта и флота. После тяжёлого разговора с Меншиковым, который неожиданно вывел войска из города и потребовал от Корнилова затопления кораблей в бухте, Владимир Алексеевич в своём доме, в его большей половине, отданной под штаб, созвал Военный совет. На совещание он пригласил военное руководство города, адмиралов и командиров боевых кораблей.

Приглашение Корнилова приняли все, хотя и не обошлось без ворчания старых адмиралов: мол, Нахимов как начальник эскадры при равных воинских званиях по возрасту, поди, постарше будет, ему и созывать совет. Однако пришли все, и Павел Степанович – первым. Все разместились в большой просторной комнате. Как и принято: вице-адмиралы и генералы расположились в первом ряду, контр-адмиралы – за ними, во втором, а офицеры рангом пониже заняли стулья задних рядов. Кому мест не хватило, расположились позади кресел и стульев у стены. Не пришедший на совет Меншиков прислал вместо себя своего адъютанта, который, несколько опоздав, расположился на заднем ряду. Он, развалившись, со скучающим видом сидел на стуле, высокомерно поглядывая на прочих посетителей.

Сам хозяин дома находился за столом, накрытым бархатной скатертью тёмно-малинового цвета, на котором в окружении нескольких стаканов стоял кувшин с нанесённым у верхнего края замысловатым орнаментом, в котором была

налита вода.

Словно предчувствуя исторический момент, не стовариваясь, офицеры сняли повседневные мундиры с погонами и, идя на совещание, облачились в недавно введённые парадные с золотыми эполетами на плечах. Грудь каждого, особенно адмиралов, была увешена наградами и регалиями.

Солнечные лучи, проникая сквозь широкие окна зала (когда-то здесь была гостиная), высвечивали сосредоточенные лица офицеров; блестело золото на погонах, и время от времени вспыхивали лучики, отражавшиеся от многочисленных орденов на груди старых адмиралов. В комнате было поутреннему прохладно и непривычно тихо.

Корнилов встал. Прикрыв рукой глаза от солнечных лучей, бьющих из окна прямо в лицо, он сделал шаг в сторону и пристально оглядел всех присутствующих. От обилия подсвеченных солнечным светом золотых эполет зарябило в глазах, от тревожных взглядов офицеров гулко заколотилось сердце. Горло перехватил спазм, и тут Корнилов почувствовал, как внутри него какая-то подленькая мыслишка скрипучим и неприятным голосом, так похожим на голос командующего войсками и флотом князя Меншикова, зашептала: «Топи свои корабли на рейде, адмирал! Топи! Приказываю. Ах, не можешь, – и внутренний голос захихикал, – тогда передай свою должность начальника штаба Нахимову и немедленно отправляйся в Николаев, к своей семье!»

Словно от зубной боли, Корнилов скривился. Именно эти

слова с издёвкой давеча ему сказал Меншиков. Князь намекал на досрочную отправку Корниловым своей семьи из Севастополя в Николаев.

Перед глазами возникло хмурое лицо князя.

...В тот роковой день, 8 сентября, услышав приглушённые расстоянием залпы множества орудий со стороны Альминской долины, он вместе с подполковником Тотлебенем в сопровождении двух казаков верхом помчался в ту сторону. К их прибытию скоротечное сражение закончилось. Им навстречу шли мрачные полки, один вид которых говорил о результате битвы: лица солдат были грустными и печальными.

Сидящего верхом на коне Меншикова в короткой шинели из солдатского серого сукна, сумрачного и злого, Корнилов встретил среди отступающих. Князь в это время разговаривал со своим адъютантом, штаб-ротмистром Грейгом, лошадь которого стояла рядом и временами взбрыкивала, чем, видимо, сильно раздражала светлейшего князя: командующий был более чем раздражён. До Корнилова донеслась фраза Меншикова: «Да-да, так и извольте доложить государю, что сами видите. И отправляйтесь в Петербург немедленно». Командующий передал Грейгу пакет, облепленный сургучом.

Пришпорив коня, Грейг покинул князя. Проезжая мимо вновь прибывших и приветствуя их, ротмистр натянул узду, придерживая коня:

– Слышали, поди, ваше превосходительство... А что говорить императору, коль спросит, а?

– Скажите государю всё и по возможности честно, рот-мистр. Честь России поставлена на карту...

Грейг недовольно буркнул:

– Легко сказать «честно».

И, с силой стегнув своего коня, он умчался.

При виде адмирала и подполковника светлейший князь устало пробурчал:

– Не знает он, видите ли, как доложить государю о нашей неудаче... Все только и любят доносить реляции о победах, сие не опасно...

Затем, не здороваясь с прибывшими, Меншиков с тяжёлым вздохом произнёс своим скрипучим мало разборчивым голосом:

– Увы, господа! Какие генералы и штаб-офицеры, таков и итог! Ни малейшего понятия о военных действиях и расположении войск на местности, – зло проговорил он. Затем, помолчав, добавил: – К примеру, князь Петр Горчаков – старый клоун. Хотя и не откажешь в личной храбрости, да толку от его правого фланга?! А генерал Кирьяков... лучше, что ли? И трезвым бывает редко. А Жабокритский с его клятвами в преданности императору... Как воевать с такими? Тьфу!..

Несколько успокоившись, он уже более миролюбивым голосом произнёс:

– Жаль, господа, что не видели вы огромную поляну из

красных весенних маков, синих васильков и зелёной травы...

Если начальным словам командующего Корнилов не сильно удивился, хотя знал, что штаб для себя Меншиков, если так можно сказать, подбирал сам, то последняя фраза князя его удивила.

– Не понял, ваше сиятельство... – произнёс Корнилов.

– Тысячи и тысячи синих, красных, зелёных мундиров вперемешку с чёрными киверами, медвежьими шапками в россыпи красных точек – фесок зуавов⁸⁸ и турок... Чем не весеннее поле? В глазах рябило, а душу воротило... Вот они, цели, бей – не промахнёшься... – пояснил князь.

Корнилов скосил глаза на идущую мимо колонну солдат, безликую, почти однотонную, в серо-землистых шинелях под цвет грязи и оттого неприметную.

А Меншиков продолжал:

– Этого чёрта безрукого, лорда Реглана, с высоты своего бивуака лично видел в телескоп. Далече... Пуля с наших ружей недостаёт... А у них штуцера – сплошь нарезные, дальнобойные, на версту с гаком бьют. Много моих офицеров, и особенно генералов, побили, одним словом, всех тех, что верхом на лошадях был. А наши ружья?.. С трёхсот шагов попробуй попади... – добавил Меншиков.

Заметив недоумённый взгляд Корнилова, пояснил:

---

⁸⁸ Лёгкая пехота в [колониальных войсках](#) Франции, части которой формировались главным образом из жителей [Северной Африки](#).

– Реглан – командующий английскими войсками. А французами командует маршал Сент-Арно, турками – Омер-паша.

– Ваша светлость, нарезные ружья, поди, и у нас есть.

– Можно и так сказать, ваше превосходительство. На всю армию пара тысяч штуцеров наберётся, – раздражённо ответил князь и тут же пожаловался: – И смею вас поставить в известность, моя армия вдвое меньше неприятельской.

– Ваша светлость, но русским не привыкать к подобному. Румянцев, Суворов, князь Бебутов... били и меньшим числом...

– Там были турки, а тут – англичане и французы, – огрызнулся Меншиков, – и, словно оправдываясь перед подчинёнными, взмахнув рукой, своим хриплым голосом с надрывом произнёс:

– А ведь как я, Бог свидетель, просил императора о подкреплении. Нет же, Долгоруков⁸⁹ убедил императора, что союзники не рискнут высадиться в Крыму. Коль, говорил он, и будет десант, то где-нибудь на линии Кавказа. А оно вона как!..

Понимая состояние проигравшего битву генерала, Корнилов и Тотлебен молчали, давая командующему выговориться. Но через минуту Тотлебен не удержался и тихо, почти шёпотом сказал:

– Представляю шумиху в газетах Парижа и Лондона по

---

⁸⁹ Военный министр России.

поводу сей баталии!

А Меншиков после небольшой паузы, покопавшись в бесчисленных карманах своего камзола, достал карту, развернул её и злобно продолжил:

– А наши карты... Разве это карты?.. Сколько раз требовал у Долгорукова прислать их. Вот прислали, наконец, и что вы думаете? Они ещё тридцать седьмого года, пять верст в дюйме и с целой кучей неточностей, да какими... Зато у противника карты местности самые что ни на есть реальные. В кармане у одного убитого английского офицера нашли. Вот полюбуйтеесь...

Здесь князь, конечно, лукавил: они, эти карты, ему до нынешнего времени совсем были не нужны. Он, как и военный министр Долгоруков, до последнего не верил в возможность высадки союзников в Крыму и уж тем более – в позднее время года с его штормами и непогодой. Именно об этом Меншиков неоднократно информировал того же министра, а тот – императора. А потому, окружив себя многочисленными адъютантами, князь не потрудился даже создать собственный полноценный штаб: отсюда и хаос, и беспорядок в управлении вверенной ему армии. Что уж говорить о его равнодушии к укреплению Севастополя со стороны суши.

Светлейший князь Меншиков, до последних дней тешивший себя иллюзиями, узнал о внезапной высадке неприятельской армии под Евпаторией, когда уже почти ничего не мог поделать. Выставил бы два-три полка с артиллерией на

берегу напротив высадки десанта... Может быть, этим всё и закончилось...

Однако вернёмся к нашим героям.

Меншиков вынул из кармана аккуратно сложенную, довольно объёмную карту окрестностей Севастополя с французскими надписями и аккуратными пометками:

– Не находите, какая чистая работа!.. Тьфу...

– Видимо, зарисовывал кто-то из местных у нас под носом или кто ещё постарался для них, – высказал предположение Тотлебен.

– Татары, конечно, – нахмурился Меншиков. – Я буду просить разрешения у государя очистить от них западный Крым, иначе поднимут восстание у нас в тылу.

– Нешто такое возможно?!.. Не думаю, что с Европой им жить станет лучше, – предположил Корнилов.

Меншиков скривился:

– Полагаю, вы правы.

– Ваша светлость! – продолжил Корнилов. – Думаю, штурм неминуем. Армию надо отводить в Севастополь.

– Вы хотите всю армию засадить за бастионы Севастополя, чтобы союзники окружили город со всех сторон? Этого хотите, адмирал? Быть отрезанными от остальной России?.. Этого нельзя допустить, ваше превосходительство. Пока есть армия, есть надежда, – твёрдо произнёс Меншиков, а потом добавил: – Потеря Севастополя – это ещё не потеря Крыма.

Он устало взмахнул рукой:

– А вы, пожалуй, езжайте назад, адмирал. А я уж останусь при армии, – и потом добавил: – И вот что, я думаю... Флот ваш...

Меншиков задумался, а затем решительно произнёс:

– Приготовьтесь...

И тут князь произнёс слова, которые только что ехидно нашёптывал Корнилову его собственный внутренний голос. Голос князя, и без того глухой и мало разборчивый, теперь от горечи переживаний, огромной ответственности за последующие действия, а может, просто от усталости, показался Корнилову ещё глуше, и вся старческая фигура князя, затянутая в генеральский мундир, сгорбилась, отчего стала зловещей.

Обескураженные словами командующего, Корнилов и Тотлебен переглянулись между собой.

А мимо без привычных маршевых тягучих и длинных песен медленно шли и шли шеренги усталых полков, бесконечные вереницы конных и воловьих упряжек с орудиями, стволы которых, словно хоботы слонов, раскачивались в такт ухабам, скрипели возы и колымаги с ранеными. И там, вдалеке, вся эта масса людей, лошадей, волов и телег вытягивалась в узкую ленту, а потом всё это исчезало в начинающих желтеть крымских благодатных долинах.

Как замороженные, стояли Корнилов и Тотлебен на месте недавних сражений. Жуткое, страшное зрелище... Поле бит-

вы, забрызганное кровью, стоны умирающих в повозках, в агонии призывающих своих матерей, и печальное похрапывание лошадей под похоронный скрип несмазанных тележных колёс. Армия отступала...

Сбрасывая наваждение, Корнилов встряхнул головой. Спазм отпустил, он откашлялся.

– Господа офицеры! – произнёс Корнилов взволнованным голосом. – Враг на пороге нашего дома. А потому я пригласил вас, чтобы сообща решить, как нам спасти город и нашу собственную честь.

Голос адмирала дрогнул, он замолчал. Сжав кулаки, через пару секунд продолжил:

– Мы все помним июльскую демонстрацию сил союзников на рейде. Враг убедился: город с моря неприступен, чего нельзя сказать о сухопутной границе. Альминское сражение – весьма печальный факт. Все мы знаем: армия наша потерпела поражение. Много потерь, господа.

– Но и союзничков полегло немало, – перебив адмирала, вставил адъютант Меншикова.

Корнилов кивнул и зло, не скрывая недовольства, продолжил:

– Господа, я встречался со светлейшим князем. И многое видел сам. Впечатление, прямо скажем, не лучшее. И где теперь наша армия, где светлейший князь Меншиков? Не успев после битвы завести армию в город, он уже вывел её. Как нам теперь защитить город силами гарнизона?

– Я, господа, удивляюсь недалёковидности союзников. Видимо, Бог не оставил Россию, коль неприятель сразу после Альмы не пошёл на Севастополь, – с места подал голос контр-адмирал Истомин.

– А пошёл бы... – раздалось из зала.

– Легко бы завладел городом с суши, – не оборачиваясь в сторону задававшего вопрос, за Истомина резко ответил Корнилов.

– В настоящий момент, боясь окружения, командующий войсками князь Меншиков с главными силами расположился за пределами Севастополя. Теперь противник будет вынужден расплыть свои усилия, воюя на два фронта: против гарнизона Севастополя и против нашей армии, – пояснил адъютант.

– Да уж князь – стратег великий, чего уж там. Слышали, поди, как народ кричал ему вслед, когда войска покидали город: «Бросил Севастополь! Изменник престола... продался французам!» – послышалось со стороны группы молодых командиров кораблей.

Корнилов посмотрел в сторону молодёжи и погрозил пальцем, строго произнеся:

– Но-но, господа! Поберегите свои эмоции, они скоро вам весьма пригодятся, – и, повернувшись в сторону адъютанта, князь недружелюбно пробурчал: – Надеюсь, ваш начальник когда-нибудь вернёт войска в Севастополь.

– Он не только мой начальник, но и ваш тоже, – париро-

вал, но совсем тихо, посланец князя.

Реплику адъютанта Корнилов не расслышал, он в это время наливал из кувшина воду, которую затем выпил большими глотками. Промокнув усы платком, он продолжил:

– Господа, враг, по всей вероятности, каким-то образом будет двигаться к Северной стороне и может занять южные Бельбекские высоты, затем подойдёт к Инкерману. Земляные батареи в Аполлоновой, Александровой бухтах и на Северной стороне не смогут остановить противника, а дополнительные укрепления в спешном порядке только строятся. Форты наши, как вы понимаете, способны отразить атаки с моря, однако они почти непригодны, коль враг пойдёт на них с суши. И представьте себе, господа, стреляя из своих орудий с высот по нашим кораблям, неприятель может принудить их оставить свои позиции.

– Тем самым облегчит доступ своему флоту на наш внутренний рейд, – пробурчал Нахимов.

– А уж если союзники завладеют и северными укреплениями, то, несмотря на наше геройское сопротивление, мы не избежим гибели флота и позорного плена.

Корнилов бросил взгляд на Нахимова, рассчитывая на его одобрение. Но Нахимов, хмыкнув, промолчал. Зато в зале начался шум. Корнилов поднял обе руки, успокаивая присутствующих:

– Тихо, господа! Прошу вас успокоиться.

Шум в гостиной затих.

– Мы все помним славные баталии адмирала Ушакова, подвиги героев Чесменского сражения, экипажа брига «Меркурий», эскадры адмирала Нахимова в Синопском бою и множество других примеров несгибаемой воли и мужества русских моряков. Так неужели мы без боя позволим утопить свой флот, а сами сдадимся в плен врагу? – задал вопрос офицерам Корнилов.

– Не бывать тому, не позволим... – послышалось из разных мест.

– А посему, – одобрительно кивнув в сторону выкриков и придав своему голосу более строгий тон, произнёс Корнилов, – предлагаю разом всем флотом выйти из бухты, принять бой с кораблями неприятеля и, коль судьбе будет угодно, с честью погибнуть или прорвать блокаду.

– Правильно... Одобряем... – закричали с задних рядов.

– Безумство... Город останется без защиты... – зашумели другие.

В зале началась словесная перепалка.

Корнилов опять попросил тишины. Однако его не слушали, наоборот, шум с задних рядов стал усиливаться. Первый ряд, где сидели адмиралы, молчал. Споры велись за их спинами и грозили перейти в потасовку. Тогда Корнилов громко грозным приказным тоном выкрикнул, топнув при этом ногой:

– Стыдно, господа офицеры! Приказываю соблюдать тишину.

Шум утих. Но из дальнего угла донёлся обрывок приглушённого разговора спорящих:

– ...матросам что скажу? Топите, мол, братцы, свой корабль собственными руками...

– Нет, ядрёна вошь, ленточкой обернёшь свой корабль и подаришь сопливым англикашкам, когда те пистолет к твоей башке приставят, – шипящим от возмущения голосом в сердцах произнёс второй спорщик.

Заметив обращённые на себя насмешливые взгляды, оба спорщика замолчали.

Владимир Алексеевич поднял обе руки вверх:

– Тихо, тихо, господа. Какие будут предложения? Прошу высказаться.

Наступила тишина. Как по команде, взгляды большинства офицеров устремились на Нахимова.

– Как считаете, Павел Степанович? – совсем тихим, несколько упавшим голосом, но с надеждой на поддержку произнёс Корнилов. После чего он сурово сжал губы и застыл в ожидании ответа.

Будучи ещё в Николаеве, где раньше находилось управление флота, когда бы по делам службы Корнилов ни приезжал в Севастополь, он всегда останавливался у своего старшего по службе товарища – Павла Нахимова. И за бутылкой марсалы они могли проговорить о флоте всю ночь: никто лучше Нахимова не знал флот. Кроме того, Корнилов видел, что из всех многочисленных адмиралов один только Павел Степа-

нович без всякой зависти относится к его блестящей карьере.

Нахимов не спеша встал, повернулся лицом к офицерам:

– Я так скажу, господа. На рейд мы вражеские корабли не пустим-с. Да-с... Займёт ли неприятель Северную или обойдёт город южнее... – ещё вопрос. Выйти всем флотом в море? Тоже весьма рискованно.

Нахимов сделал короткую паузу.

– Так вы что, не согласны с моим предложением? – обиженно спросил Корнилов.

Нахимов развернулся в его сторону:

– Не я, Владимир Алексеевич, совсем не я, а климат наш, Богом данный. Сами судите: коль будет штиль и стихнет ветер аль в море уже, аль ещё при выходе из бухты... И сие очень даже возможно в это время года... Что делать-то будем?.. А у них, союзников, почти девяносто вымпелов, из коих пять десятков пароходов и большинство даже не колёсных, а винтовых... Им ветер не потребен. А что у нас?.. С большим натягом наберём вместе со старыми кораблями, транспортниками и прочей мелюзгой половину от неприятельского флота и всего с десятков пароходов на ходу, да и те колёсные... Мы попадём в жалкое положение.

– И наши парусники прямо на выходе превратятся в мишени. Но как гореть будут!.. – раздался чей-то насмешливый голос.

Его тут же злобно оборвали:

– Типун тебе на язык, умник!

– Вот-вот! Мишени... И экипажи загубим, – согласился Павел Степанович. – Нужен ли ответ теперь, Владимир Алексеевич? – устало закончил Нахимов и тяжело уселся на своё место.

– Пожалуй, я с вами, Павел Степанович, соглашусь, – тихо, почти на ухо, произнёс сидевший рядом начальник Севастопольского порта и военный губернатор, семидесятилетний вице-адмирал Михаил Станюкович. А затем, повернувшись к присутствующим, громко добавил:

– Этак мы, господа, потеряем не только корабли, но и людей, и пушки. А знаете, поди, что защитников города маловато. Потеря флота в нашем положении – непозволительная роскошь. Да-с...

Его выцветшие от старости подслеповатые глаза как-то виновато посмотрели на Корнилова. Встретившись с ним взглядом, бывший флотоводец развёл руками и, словно оправдываясь, произнёс:

– Да-с, Владимир Алексеевич. Теперь я только хранитель казённого добра в порту и в городе, вверенном мне.

И старик-адмирал, несколько смущаясь от того, что не поддержал Корнилова, достал из кармана алмазную табакерку и большой платок.

Табакерку он получил совсем недавно от государя по случаю долговременной и полезной службы, и теперь, не скрывая гордости, на людях часто доставал её, затем, прочихавшись, медленно прятал и тут же доставал опять: смотрите,

мол. Но сейчас, покрутив государев подарок в руках, открывать табакерку не стал, а, вздохнув от огорчения, засунул вместе с платком обратно в карман.

– Ваше право высказать своё мнение, Михаил Николаевич, – не скрывая недовольства, ответил Станюковичу Корнилов.

В надежде получить поддержку, Корнилов обратился к сидящему во втором ряду контр-адмиралу Метлину:

– Николай Фёдорович, хотелось бы услышать и ваше мнение по сути моего предложения. Извольте высказаться.

Обер-интендант флота пятидесятилетний адмирал нехотя встал:

– Я, ваше превосходительство, в сомнениях. Велика опасность – это очевидно. Сил гарнизона не вполне достаточно для защиты города с суши – тоже факт. Мало того, господа, нельзя не сказать о недостаточном и неправильном снабжении боеприпасами и продуктами. Молчу уже о лекарствах.

Конечно, думаю, уверен даже: помощь к нам идёт, да при наших-то расстояниях... А потому ещё лишиться и флота... Сие поставит нас в безвыходное положение, – Метлин помолчал, затем добавил: – Боеприпасов в арсенале маловато, ваше превосходительство. Совсем не лишними будут корабельные запасы, молчу уже об экипажах. Вот и получается...

Метлин опять замолчал. Оглядев присутствующих, вздохнул, а затем, видимо, не придумав ничего радикального, произнёс:

– Тут думать надо и крепко. Поди, для того вы нас и собрали, ваше превосходительство.

Обер-интендант сел. Наступила тишина.

Наконец раздался голос одного из присутствующих капитана 1 ранга командира линейного корабля «Селафаил» Зорина:

– Разрешите, ваше превосходительство, высказать своё мнение.

Корнилов кивнул.

– Враг у нашего порога, господа, – продолжил Зорин. – И это факт! Не дано нам времени говорить длинных речей. А потому хочу довести до вас мнение офицеров моего корабля. Видит Бог, мы все не прочь вместе с другими выйти в море, принять неравный бой и искать счастья или славной смерти. Но будет ли польза от того? Ну потопим мы часть кораблей противника, да ведь и сами погибнем. Как оставить Севастополь без флота Черноморского? Никак не можно того, господа. Как нам кажется, есть другой, лучший способ отдать свои жизни, отстаивая Севастополь.

В гостиной установилась тишина.

Зорин оглядел офицеров, с явным интересом разглядывающих своего коллегу. Одни глядели на него с удивлением: этикет нарушил, ещё не все адмиралы высказались, другие – с интересом, третьи – с ухмылкой на губах. Зорина это не смутило. И он, тщательно подбирая слова, произнёс:

– Страшно, господа офицеры, произносить это, но... нуж-

но, – Зорин глубоко вздохнул и произнёс: – Дабы исключить прорыв вражеских кораблей на рейд Севастопольской бухты, необходимо, господа, заградить рейд потоплением нескольких наших кораблей, а самим выйти на берег и защищать с оружием в руках Севастополь до последней капли крови. Вот... Так я думаю, господа!

После этих слов все замерли. Каждый мысленно представил страшную для моряков картину.

Первым нарушил тишину командир корабля «Три Святителя» Куртов:

– Затопить корабли?!.. Это что, шутка? А вы, господа командиры, не забыли, что Черноморский флот есть постоянная угроза кораблям неприятеля? Пока есть флот, враг не сунется. Не станет флота – в бухту прорвутся корабли союзников.

– А форты?.. – возразил кто-то.

– Не уверен я в них, – резко парировал Куртов.

Не проронивший до сих пор ни слова контр-адмирал Новосильский негромко, больше для себя, произнёс:

– Вот удивится противник, завидев подобное!.. Мы, господа, навсегда опозоримся в его глазах. И население Севастополя, и моряки, и гарнизон – все будут подавлены, коль мы сами затопим свои корабли. Однако должен признать, что разумное зерно в словах командира «Селафаил» есть.

– Помилуйте, господа! – закричал командир «Императрицы Марии». – Затопление вовсе лишит флот даже второсте-

пенного влияния на ход обороны города. Как же так, господа, Севастополь и без флота?! Нельзя того допустить, господа. Никак нельзя.

Ему тут же возразил капитан 1 ранга Пётр Кислинский, выкрикнув с места:

– А я, господа, как ни печально сие предложение Зорина, вполне с ним согласен. Поди, флот вражеский не оставит без внимания Ялту, Форос, Алушту и прочие населённые пункты побережья... Куда флот отведём?

Сидевшие впереди Кислинского адмиралы Новосильский, Панфилов и Истомин одобрительно закивали головами. Истомин даже привстал, намереваясь, видимо, что-то сказать, но Новосильский его остановил.

Слово взял вице-адмирал Берг. Шум в зале несколько стих.

В свои почти восемьдесят лет Мориц Борисович как самый старший по возрасту на этом собрании решил не вставать. Он даже не стал оборачиваться, а, вытянув вперёд застывшие от долгого сидения подверженные приступам подагры ноги, глядя на Корнилова, философски изрёк:

– Я, Владимир Алексеевич, так думаю. Ваше предложение сражаться на море... сия традиция достойна уважения. А позвольте полюбопытствовать: ну затопим мы с десятков кораблей противника, потеряв часть своих... Прав Кислинский. Прорвём блокаду, а дальше что?.. Вход в бухту будет открыт для врага... Куда идти оставшимся? Севастополь –

единственная в Крыму база. Керчь и прочие не в счёт – малы. Да и вряд ли враг эти порты не займёт к тому времени. А там и осень, и зима на носу: ураганы и без усилий союзников затопят остатки флота...

За спиной Берга раздался голос:

– Однако, господин адмирал, наш флот, пусть и меньший, но Ушаков на море, а Суворов на суше и не таким количеством побеждали. Не пример ли для нас Синоп? Павел Степанович, скажите...

Берг не стал вступать в полемику и, не оборачиваясь, спокойно продолжил:

– Прав его превосходительство Нахимов Павел Степанович и в отношении возможного безветрия. Негоже полагаться на погоду. Но вот что, судари мои, интересно, и контр-адмирал Метлин Николай Фёдорович тоже мысль разумную высказал: а что как не успеет в должном объёме подоспеть к нам помощь с материка? А враг – вот он, прямо перед нами. Однако, – тут старый адмирал повернулся и глянул в сторону капитана 1 ранга Зорина, – прав и командир «Селафаила». Коль так случится и враг войдёт в Севастополь, что будет с Черноморским флотом? Достанется флот врагу, аль спешно жечь будем? А потому все предложения, оглашённые здесь, справедливы. Разумею я, что вам, Владимир Алексеевич, потребно сии предложения поставить на голосование. А верное ли решение примем – время рассудит.

Корнилов согласно кивнул.

Неожиданно встал до того молчавший недавно назначенный Меншиковым руководитель всеми сухопутными войсками в городе генерал-лейтенант Моллер:

– Господа! Хочу напомнить вам, не обессудьте ужо. С уходом регулярных войск гарнизона на Бельбека и далее в городе остались всего четыре батальона Виленского и Литовского полков, четыре десантных батальона с двумя подвижными морскими батареями и разные мелкие морские команды, находящиеся частью на судах, частью на берегу. Хочу сообщить вам, господа, и радостную весть. Князь Меншиков, хотя и не смог присутствовать на нашем собрании, однако выделяет на усиление гарнизона целых три полка 17-й пехотной дивизии: Московский, Бородинский и Тарутинский с батареями 17-й артиллерийской бригады и резервные батальоны – по одному от Волынского и Минского полков. Это прекрасно, но сил всё равно недостаточно. А потому видит Бог, как нужны гарнизону судовые экипажи и пушки.

Моллер сел. Не придав особого значения сообщению о дополнительных силах, явно недовольный словами генерал-лейтенанта, Корнилов вынужден был приступить к голосованию. Однако в его голосе уже не было того недавнего пафоса, и глаза адмирала не пылали бесстрашным огнём героя, желающего сразиться с превосходящими силами врага в открытом море. Как русский человек, Корнилов понимал: флот нужно топить, городу нужны солдаты, пушки и боеприпасы! Главное – не пустить в город врага... Но честь морско-

го офицера Корнилова бунтовала: она больно стучала молоточками в виски, билась тяжёлыми ударами сердца в груди, срывала голос...

Корнилов понимал, что большинство присутствующих склоняются к предложению командира «Селафаила», и мучился.

– Господа офицеры! – произнёс Корнилов слегка дрожащим от волнения голосом. – Прежде чем ставить вопрос на голосование, хочу известить вас: командующий армией его светлость князь Меншиков настоятельно требует заградить фарватер бухты путём затопления наших кораблей. Я, как вы понимаете, был категорически против сего действия, оскорбляющего честь морского офицера. Но, тем не менее, я был вынужден согласиться с требованием князя. Однако ваше решение для меня будет определяющим.

Корнилов бросил взгляд на адъютанта главнокомандующего, который в это время о чём-то шептался с соседом, но, почувствовав паузу в выступлении Корнилова, встрепенулся:

– Да-да, господа. Командующий настаивает на том. Топить, господа, топить... – довольно громко произнёс он.

– Итак, господа! – произнёс Корнилов. – Ставлю на голосование два предложения: всем флотом выйти из бухты и сразиться с врагом или утопить часть наших кораблей на фарватере, дабы преградить врагу вход в бухту.

– Предварительно снять пушки с кораблей, боеприпасы и

прочее, – уточнил адмирал Метлин. – Горько говорить это, но выхода у нас нет, господа.

Корнилов не ответил, но что-то невнятно буркнул. И уже без особого воодушевления произнёс:

– Господа офицеры, кто за первое предложение: выйти всем кораблям в море и принять бой? Прошу поднять руки.

Медленно поднялись руки части офицеров, но, что удивило Корнилова, в основном это были молодые офицеры.

– Утопить корабли всегда успеем, чего торопиться? – выкрикивала молодёжь, поднявшая руки. Корнилов благодарно посмотрел в ту сторону.

– Кто за второе... – Владимир Алексеевич не успел договорить, как поднялись руки остальных.

«Большинство», – отметил про себя Корнилов.

И мгновенно в зале наступила тишина. Присутствующие вдруг осознали всю трагичность того, за что они только что проголосовали. Затопить корабли!.. Трагизма минуте добавил негромкий голос, прозвучавший из середины зала. Командир одного их кораблей с горечью произнёс:

– Зря, господа. Зря... История не знает другого подобного примера безумного, бессмысленного уничтожения своих боевых кораблей... Такому поступку нет оправдания. Не поймут нас люди...

И перед глазами собравшихся мысленно возникли гневные лица матросов, офицеров, жителей города... Они кричали: «Зачем?.. Не дадим...»

И, не сговариваясь, все повернули головы в сторону Нахимова. Казалось, он сейчас встанет и скажет: «Что мы делаем-с? Опомнитесь, господа!» И все бы с облегчением вздохнули и переголосовали.

Но Нахимов не встал. Не поднимаясь с места, Павел Степанович печальным голосом произнёс:

– Бог милостив! Он и теперь готовит верному Ему народу русскому тяжёлое испытание, дабы потом возродиться с большею силою-с. Сдаётся мне, корабли топить надобно. Да-с...

Явно недовольный подобным решением Корнилов достаточно громко, чтобы слышали все, произнёс:

– Хочу, господа, сказать. Несмотря на то, что я уже дал слово светлейшему князю, я сделал всё, чтобы убедить командующего и вас не топить корабли. Но принятое решение принуждает меня согласиться со столь тяжёлой для Черноморского флота акцией.

– И на то есть трагические основания, – пробурчал адмирал Берг.

– Я подчиняюсь вашему решению, господа, – твёрдо произнёс Корнилов. – Павел Степанович, извольте довести сие решение до личного состава кораблей и определить очерёдность... – тут Корнилов неожиданно запнулся. Его язык отказывался произнести трагическое для моряка слово «затопление». И адмирал произнёс: – ...сей акции.

При этом его голос всё равно дрогнул, и это заметили при-

сутствующие офицеры. Скрывая своё волнение, Корнилов отвернулся, сделав вид, что хочет налить себе воды из графина. Но тут снова взял слово генерал Моллер:

– Господа офицеры! – сказал он. – Хотя я и желаю сильно быть полезным, да всё боле разумею, что руководство обороной города должно быть в единых руках, что исключает только флотское и сухопутное командование. Как вы знаете, совсем недавно Владимир Алексеевич по моей просьбе согласился принять на себя должность начальника штаба Севастопольского гарнизона. Но ситуация меняется на глазах... Этого уже мало. И я подготовил документ, где приказываю всем командирам сухопутных частей гарнизона неукоснительно исполнять приказания вице-адмирала Корнилова как утвержденные мною распоряжения.

– И правильно! – ни к кому не обращаясь, произнёс Нахимов. – Один должен быть начальник, и адмирал Корнилов – лучшая кандидатура-с. Да-с...

Корнилов смутился.

– Но ведь это неловко, – произнёс он. – И Павел Степанович, и вы, – Корнилов кивнул в сторону генерала, – старше меня.

– Будет вам, Владимир Алексеевич! – пробурчал тихо, но так, чтобы его все слышали, Моллер. – Тут, милостивый государь, не в старшинстве дело. Какая тут неловкость?! Вы моложе, на флоте авторитет отменный имеете, а потому вам и командовать всеми войсками гарнизона.

Офицеры дружно поддержали слова Моллера одобрительными возгласами.

– Я, господа, – торжественно объявил Моллер, – при вас подписываю сей документ.

Раздались нестройные хлопки одобрения.

Корнилов вытащил из кармашка часы, взглянул на них и произнёс:

– Благодарю за доверие, господа офицеры. На том, пожалуй, и закончим. Прошу расходиться. Бог нам всем в помощь!

С задних рядов послышалось шарканье отодвигаемых стульев. Командиры заспешили на корабли. Делясь впечатлениями между собой, не спеша стали подниматься адмиралы. Собрание закончилось.

Вскоре на кораблях зачитывали приказ Корнилова: «Товарищи! Войска наши после кровавой битвы с превосходящим противником отошли к Севастополю, чтобы грудью защищать его. Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я нахожусь в необходимости затопить часть судов эскадры и оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Грустно уничтожать свой труд, но помолимся Господу и не допустим врага сильного покорить нас. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться, как герой. Сборный пункт экипажей назначается на Театральной площади».

...И вот уже поперёк фарватера между Константиновским и Александровским фортами затоплены первые семь устаревших и требующих ремонта корабля.

Присутствовавший при этом Корнилов, видя наполненные слезами глаза находившегося рядом контр-адмирала Вукотича и стоящих недалеко от него офицеров, печально произнес:

– Надо покориться, господа, сей необходимости! Москва тоже горела, да Русь от этого не погибла! Напротив, она стала сильнее!

Работа на батареях кипела днем и ночью. С кораблей свозили пушки, станки и снаряды; в порту стали отпускать лес, шитые мешки, железные цистерны для воды, инструменты, даже гвозди; все средства города были обращены на усиление обороны: частные подводы возили снаряды и материалы. Из жителей Севастополя была образована милиция для караулов и обходов, мужчины и женщины добровольно приходили работать на укрепления.

Даже арестанты просили, чтобы их употребили в работу. Узнав об этом, Корнилов на паровом катере явился к ним на их мрачный блокшив⁹⁰, стоявший на мертвых якорях в самой глубине Корабельной бухты, и, сказав, что им предоставляется шанс загладить свою вину, велел освободить всех, не исключая закованных в кандалы.

Весь город принял военный вид, работа кипела без малей-

---

⁹⁰ Старое несамоходное [судно](#), оставленное в [гавани](#).

шего принуждения. Кто имел лошадь, сам отдавал ее на бастионы доставлять снаряды и землю. Дети тащили лопаты, женщины и девушки носили воду и пищу. Рабочие таскали землю в корзинах, в мешках, в полах шинелей.

Из команд, снятых с кораблей, стали формировать батальоны под начальством корабельных командиров для действий на берегу.

Адмиралы Корнилов и Нахимов все последующие дни после заседания Военного совета формировали и осматривали команды, следили за вооружением батарей Северной стороны. Помимо всего, Нахимов расставил боеспособный флот вдоль всей бухты и любое движение неприятеля по Северной, вплоть до Инкермана, было бы остановлено мощными корабельными батареями.

Через несколько дней сильные ветры и глубинное движение воды разбросали затопленные корабли. Тогда между Михайловским и Николаевским фортами были дополнительно затоплены ещё несколько старых кораблей.

Союзники совещаются

А тем временем в первой половине сентября на берегу реки Кача, берущей своё начало на северных склонах главной гряды Крымских гор, весьма опасной во время таяния горных снегов и осенних ливней, в большой штабной палатке собрался Военный совет союзников.

Посередине импровизированного помещения возвышался большой сколоченный из досок деревянный стол, покрытый зелёным английским сукном (зелёный – нейтральный цвет, отсутствующий на флагах союзников), на котором была расстелена утыканная разноцветными флажками большая карта местности.

В палатке было шумно, пахло потом и табаком. И поверх этого привычного армейского духа витал тонкий ароматный запах яблок, плетёная корзина с которыми стояла на отдельном столе недалеко от входа. Рядом с корзиной в большой плоской вазе горкой лежали кисти крымского винограда, сочные персики и груши.

После недавно одержанной победы, заставившей отступить русскую армию к Севастополю, настроение присутствующих было приподнятым.

Не стесняясь главнокомандующего союзной армией английского генерала Реглана, в это время разглядывающего карту у стола, офицеры вели себя достаточно беспардонно.

Командир второй английской дивизии генерал Лэси Ивэнс что-то смешное рассказывал коллеге, генералу Каткарту, они шумно хлопали друг друга по плечу и смеялись. Остальные генералы тоже громко разговаривали, вспоминая своих товарищей, погибших во время недавней битвы, смачно грызли яблоки, жевали виноград, выплёвывая косточки на земляной пол. Дабы, не дай Бог, не капнуть на мундир и не запачкать руки, мягкие придавленные при транспортировке персики ели редкие смельчаки.

Сам командующий в разговорах участия не принимал. Он периодически нетерпеливо поглядывал на часы и при этом что-то недовольно бурчал себе под нос.

Совещание не начиналось: маршал Сент-Арно, командующий французскими войсками, запаздывал.

В самом углу, примостившись на табурете, сидел британский корреспондент Уильям Рассел, с сосредоточенным видом писавший очередную статью в газету The Times о победе союзнических войск. Во рту он держал трубку, набитую табаком, но раскурить её не решался, помня замечание Реглана, недавно высказавшего неудовольствие по поводу зловонного запаха в палатке.

В ожидании Сент-Арно лорд Реглан бросал недовольные взгляды на расшумевшихся офицеров, спорящих между собой о вкладе каждой страны в разгром, как им казалось, русской армии.

Генерал Реглан лорд Фицрой Сомерсет, с октября 1852

года ставший бароном, в свои шестьдесят шесть выглядел старше своих лет, и тому были причины. Давным-давно, ещё в 1815 году, молодой Фицрой в битве при Ватерлоо потерял правую руку, и теперь пустой рукав, прикрытый мундиром специального покроя, постоянно напоминал ему о его героической юности. После травмы Сомерсет непосредственно в военных действиях уже не участвовал. Он исполнял обязанности адъютанта и секретаря при венценосных королевских особах, участвовал в дипломатических вояжах, даже в 1826 году побывал в Санкт-Петербурге в свите герцога Веллингтона, а потом в течение двадцати пяти лет был военным секретарём главнокомандующего британской армией.

В феврале 1854 года барон был произведён в полные генералы и принял неожиданно свалившееся на него предложение правительства Великобритании возглавить английские войска, посылаемые на войну против России. Да ещё с лестным для его самолюбия предложением стать главнокомандующим союзными войсками. Кто же откажется от такого предложения?.. Правда, назначение на эту ответственную должность не прошло легко, Реглану пришлось побороться. И виной всему был француз – командующий французскими войсками маршал Сент-Арно, который очень хотел занять пост главнокомандующего союзными войсками.

И понятно, что с французским маршалом у Реглана сразу сложились, прямо скажем, сложные отношения.

...В начале апреля 1854 года лорд Реглан прибыл в Париж,

чтобы в Тюильрийском дворце представиться императору Наполеону III. Там, во дворце, оба командующих и встретились.

Трудно представить себе двух людей, до такой степени не похожих друг на друга. Реглан – честный, прямолинейный, весьма медлительный и в мышлении, и в движениях английский аристократ, и французский маршал – выходец из мелкобуржуазных низов, авантюрист по натуре, никогда не останавливавшийся даже перед границами уголовной наказуемости.

Однако Сент-Арно был человеком быстрой сметки и очень тонкого чутья. Недаром он уловил веяние времени и, будучи начальником 2-й дивизии Парижской армии, принял сторону недавно избранного президента Франции Луи Наполеона Бонапарта и вскоре стал военным министром. В декабре 1851 года Арман Леруа де Сент-Арно стал одним из главных участников государственного переворота, создавшего империю Наполеона III, избив при этом несколько тысяч мирных французов на парижских бульварах. В награду за этот «подвиг» он был произведён в маршалы.

Сент-Арно всю жизнь провёл на войнах, а аристократ Реглан последние два с лишним десятка лет не видел ни войны, ни лагеря и в военном деле смыслил очень мало.

И, конечно, уже в Париже между командующими сразу же возник деликатный вопрос: кто будет главнокомандующим союзными войсками? Кому будут подчиняться турец-

кие войска?

Очувившись вскоре в Стамбуле, изворотливый француз попытался в привычной для себя манере, нахрапом и обманом, подчинить себе для начала Омер-пашу, командующего турецкими войсками, чтобы потом уже заявить о своих правах на общее руководство. Но тут Сент-Арно ошибся: во-первых, турок не согласился на предложение француза, а во-вторых, маршал упустил из виду, что при лорде Реглане в то время находился наш старый знакомый, посол Англии в Турции лорд Стратфорд Рэдклиф (ему так и не дали отдохнуть на родине). Опытный дипломат ласково и тактично свёл к нулю все попытки француза стать начальником над всеми союзными войсками.

Так генерал Реглан был утверждён командующим всеми войсками, напавшими на Крым и Севастополь в 1854 году...

...Шум в палатке усилился. В ответ на обидные колкости одного из английских генералов в адрес турецкого командира дивизии Сулеймана-паши раздались возмущённые голоса его коллег. На ломаном английском и достаточно громко турки, присутствующие на совещании, перебивая друг друга, с негодованием стали возмущаться несправедливыми, на их взгляд, претензиями английского генерала.

– Сэр! Ваша правда нет! – злобно возражал Сулейман. – Зуавы... – и он, подняв руки вверх, видимо, призывая Аллаха в свидетели, что-то залопотал на своём, турецком.

Услышав, что ругают зуавов, тут уже не выдержали фран-

цузы и встали на защиту своих колониальных собратьев по оружию.

Атмосфера накалялась, шум усиливался, и казалось, что вот-вот распри дойдут до рукоприкладства.

Реглану наконец это надоело. Единственной рукой он грохнул по столу, воскликнув:

– Господа, прекратите ссориться и делить победу! Сражение за Севастополь ещё не выиграно. Русские отступили, сохранив армию. Всё только начинается. Милорд, будьте так любезны, – обратился он к начальнику кавалерии лорду Лэкэну, – успокойте господ офицеров.

Пользовавшийся уважением среди офицеров генерал-кавалерист Лэкэн, картинно разгладив двумя руками усы, уже было хотел произнести речь, как, поддерживаемый командиром первой пехотной дивизии генералом Канробером, в палатку вошёл французский командующий. Следом, учащённо дыша, платком вытирая пот с лица, появился генерал Пьер Боске.

Командующий тихо поприветствовал присутствующих и последовал к столу, встав рядом с Регланом. Канробер и Боске скромно остались стоять у входа.

Внешний вид маршала и без наставлений Лэкэна заставил всех притихнуть. Многие знали, что французский командующий болен и что болезнь прогрессирует, но лицо маршала на этот раз было бледнее обычного, взгляд потухший, поступь неуверенная, голос слабый с хрипотцой...

Отдав военный поклон маршалу, французские генералы на секунду замерли, вытянувшись перед ним по стойке смирно. Англичане, хоть и не стали кланяться французам, но с сочувствием посмотрели на него, и шум тут же затих совсем. Установилась тишина, прерываемая звуками извне.

При виде маршала Сент-Арно журналист, оторвавшись на минуту от написания статьи, усмехнулся. Он вспомнил недавно переданную ему из Варны статью в *New-York Daily Tribune*, подписанную неким Карлом Марксом: «Теперь нельзя пройти по улицам Лондона, чтобы не увидеть толпу, стоящую перед патриотическими картинами, на которых изображена интересная группа «трех спасителей цивилизации»: султан, Бонапарт и Виктория». В этой статье Маркс иронично приглашал читателей ознакомиться с портретом ставленника Наполеона III, французского маршала Сент-Арно – кутилы, нечистоплотного финансового игрока с сомнительными моральными поступками и прочими пороками.

И вот этот кутила перед ним... Больной, несчастный, немощный... Рассел почувствовал некоторую жалость к нему и, вздохнув, захлопнул свой блокнот.

– Теперь все в сборе, – вяло произнёс Реглан, – начнём, пожалуй.

Сент-Арно взглянул на карту и, недовольно хмыкнув, переставил один из флажков, воткнув его в другое место, буркнув при этом:

– Дивизия Боске левее, милорд. Много левее, – а затем добавил: – Начинайте, сэр!

Бросив на француза недовольный взгляд, для вида откашлявшись, Реглан стал говорить.

– Господа! – с пафосом начал он свою речь. – Перед нами, как вы понимаете, – Севастополь, крепость Крыма, в свою очередь являющегося крепостью России. Обладать этими крепостями весьма почётно и выгодно. До нас владеть ими пытались многие, и турки в том числе. Но вот пришли мы!.. И пришли, надеюсь, надолго. О чём свидетельствует наша первая успешная битва с русскими.

Русские войска отступают в направлении Севастополя. И нам надо успеть занять Северную сторону территории города, а потом...

– Однако их армия не уничтожена, – бесцеремонно перебил главнокомандующего маршал Сент-Арно. – Рано трубить о победе. Трудности ещё впереди.

– Успешная – не значит победная, – огрызнулся Реглан. – Я хотел сказать, что русские дивизии, войдя в город, весьма сильно укрепят гарнизон Севастополя. А потому мы должны опередить их... Прошу высказываться, господа!

Два французских генерала почти одновременно выкрикнули:

– Чего тут думать? Надо захватывать Северную...

Однако их товарищи не торопились с выступлениями. Они ждали, что скажет маршал. А тот, хмуро разглядыва-

вая карту, не спешил высказываться. Терпеливо молчал и Реглан.

Уже вошло в привычку, что в силу своей некомпетентности в тактике военных действий (собственно, и стратегии тоже) лорд Реглан, не выслушав точку зрения Сент-Арно, первым своего мнения на подобных совещаниях не высказывал.

Молчание затягивалось до неприличия.

Но вот Сент-Арно подозвал к себе генерала Канробера и стал о чём-то с ним шептаться. Наконец, кивнув, маршал отпустил генерала. Канробер встал на своё место.

– Господа! Ровным, тихим и совершенно без эмоций голосом произнёс маршал. – Конечно, наш самый близкий путь – Северная сторона, куда, подавив огонь береговых укреплений, весьма удобно могли бы зайти наши корабли, не будь фарватер бухты перекрыт затопленными кораблями русских.

– Варвары... Топить корабли собственными руками! – раздался возмущённый голос генерала Уильяма Манро.

– Но, – не обращая внимания на реплику, – принимая во внимание рассказы местных жителей, что эта часть Севастополя хоть как-то защищена и вдоль всей бухты вплоть до... как его?.. – маршал кинул взгляд на генерала Канробера.

– Инкермана, господин маршал, – подсказал генерал.

– Вот-вот! Стоят корабли русских с их пушками... – маршал сделал паузу и продолжил: – И я хочу спросить вас, господа, а надо ли нам двигаться на эту Северную? Мы и так

в Варне пережили массовую эпидемию холеры, похоронив в Болгарии тысячи своих солдат. Молчу уже о потерях в сражении на Альме.

– А пожар в Варне, сэр! Склады выгорели полностью... – вставил Реглан.

Сент-Арно кивнул и закончил своё выступление словами: «При штурме Северной стороны губительный огонь русских кораблей нанесёт нам непоправимый урон. Того нельзя допустить...»

От такой длинной речи лоб маршала покрылся потом, голос совсем сел, и он зашёлся кашлем. Отдышавшись, Сент-Арно махнул рукой в сторону генерала Боске.

Боске подошёл к карте. Немного подумав, он обвёл пальцем южную часть Севастополя, затем его палец ткнул в пригород Севастополя, Балаклаву, после чего переместился в западную часть города, показав на Камышовую бухту.

Убедившись, что указанные им цели на карте увидели все, он уверенным голосом произнёс:

– Повторюсь, господа! Внутренний рейд бухты перекрыт затопленными кораблями, что исключает возможность захода наших кораблей и штурм Северной стороны и с моря, и с суши. А потому мы можем рассчитывать только на сухопутные силы. И, как сказал наш командующий, русские корабельные пушки не дадут нам без огромных потерь захватить Северную сторону. И ещё, господа! Татары-проводники уверяют, что город с южной стороны совершенно не защищен.

... Забегая вперёд, надо сказать, что, обогнув город со стороны Инкермана, союзники увидели, что линия укрепления существует, что она снабжена орудиями и живой силой. От досады командующий французскими войсками приказал повесить татар, хотя они и не были виноваты: они не знали, что было сделано для защиты города Корниловым всего за несколько дней...

– Господа, – подал голос Реглан. – Я совсем недавно беседовал с генералом Бэргойном, который на сей момент отсутствует по уважительной причине. Так вот, он тоже дал совет воздержаться от нападения на Северную сторону, а двинуться к Южной стороне Севастополя.

– Я согласен с сэром Бэргойном, – произнёс Боске. – Надо обойти город, занять Балаклаву и высадиться в Камышовой бухте. Затем уже штурмовать город.

В это время в палатку вошёл английский офицер. Он быстрым шагом подошёл к Реглану и что-то стал шептать ему на ухо. Выслушав, Реглан произнёс:

– Господа, мне только что сообщили важную новость. Со слов перебежчиков, русская армия вышла из города и остановилась в пригороде Севастополя. Что-то, видимо, задумал князь Меншиков. И что это меняет в наших планах?

Реглан вопросительно посмотрел на Сент-Арно. Маршал промолчал. Зато генерал Боске заявил:

– Тем более, господа, надо согласиться с моим и генералом Бэргойном предложением.

– Сударь, штурм города с южной стороны потребует осадной артиллерии, а она находится на борту наших кораблей, – произнёс генерал-лейтенант сэра Джордж Браун. – Где же им выгрузиться в таком случае?

– И выгрузить орудия надо как можно ближе к городу, – добавил один из присутствующих.

– А коль пойдём в обход, – неожиданно заговорил до того молчавший командующий турецкими войсками Омер-паша, – как мы по пути к Балаклаве перетащим пушки через эти чёртовы овраги?

Мнение турка, как правило, никого не интересовало, но на этот раз Сент-Арно не ушёл от ответа. Неприязненно взглянув на турецкого пашу, он произнёс:

– Не это главное, Омер-паша! Мы видели, как, командуя правым флангом на Альме, генерал Боске провёл блестящую фланговую атаку. Он смог вовремя переправить свои пушки через глубокие овраги. А потому я тоже согласен с поступившим предложением. Наши корабли смогут спокойно разгрузиться в названных Боске бухтах.

– А потом перетащить осадную артиллерию ближе к городу. А то, что русские покинули город, нам даже на руку – легче будет захватить Севастополь с юга, – опять вставил турецкий командующий.

Реглан, не удостоив турка ответом, повернулся в сторону маршала и торопливо произнёс:

– Думаю, сэра, вы правы. Не след идти на пушки неприятеля.

ля. Будем обходить город и двигаться на Балаклаву, – желая закрыть совет, он посмотрел в сторону маршала.

Сент-Арно с тяжёлым вздохом произнёс:

– Храбрость русских войск даже при недостаточности укреплений может явиться серьёзным для нас препятствием, и мы все об этом знаем.

Он непроизвольно посмотрел на пустой рукав Реглана. Тот хмыкнул и сделал вид, что не заметил бестактный взгляд француза.

– Но теперь другие времена: мы сильнее русских и военной силой, и духом! И скоро, судари, – продолжил маршал, – на стенах Севастополя мы будем приветствовать три союзных знамени нашим национальным «Да здравствует император!»

Кто-то из французских генералов робко захлопал, но присутствующие его не поддержали. Более того, офицеры её величества королевы Виктории демонстративно скривились.

На этом военный совет закончился.

...Ввиду ухудшающегося здоровья маршал Сент-Арно вскоре сдал командование французскими войсками генералу Канроберу. Сам же, погрузившись на один из кораблей, покинул Севастополь. На переходе в Константинополь в конце сентября он умер.

Итак, союзники сделали ошибку, но жребий был брошен: английские, французские, турецкие батальоны, эскадроны, батареи бесконечной лентой потянулись от лежавшей перед

ними почти беззащитной Северной стороны на юг. Ведя мелкие стычки с русскими отрядами, они подошли к Балаклаве, сломив героическое сопротивление горстки солдат греческого пехотного батальона, оборонявшегося в развалинах генуэзской крепости.

Англичане и турки заняли Балаклаву, деревни Кадык-Кой и Камары и вообще всю окрестность Балаклавы; французы 18 сентября вышли к западу от Южной стороны Севастополя, где расположились лагерем у хутора Панютин вплоть до верховья Камышовой и Стрелецкой бухт.

В тот же день английский флагманский корабль «Агамемнон» и другие транспортные суда вошли в Балаклавскую бухту, которая традиционно считалась непригодной для стоянки больших судов. Англичане тут же обследовали бухту, сделали промеры, и суда, встав на отведенные им места, бросили якоря. Над Балаклавой взвился флаг Великобритании.

Балаклавская и Камышова бухты стали отныне базами снабжения, соответственно, англичан с турками и французов.

После вековой привычной тишины, прерываемой шумом волн, скрипом уключин, призывными криками продавцов рыбы на деревянных причалах, Балаклава стала местом шумным и суетливым.

Началась оборона Севастополя.

А наши войска к середине сентября вошли в Севастополь, но через короткое время по приказу князя Меншикова

неожиданно вышли из него и разбили лагерь в районе Бельбека. Сам Меншиков обосновался в городе.

Когда ему доложили о заходе английских кораблей в бухту Балаклавы, он не поверил, пока не выслушал рассказ старого грека о подробностях взятия Балаклавы.

Балаклавский порт, который в тогдашних учебниках географии был обозначен чуть ли не лужей и служил пристанищем мелких судёнышек греческих рыбаков и купеческих ботов, вдруг оказался пригодным для трехдечных кораблей. И всего-то надо было кое-где расчистить дно фарватера, чтобы бухта Балаклавы приобрела вид военного порта.

Выявляя места дислокации русских батарей, в течение сентября враг делал одиночные обстрелы. Экономя боеприпасы, защитники отвечали редким огнём. Эта перестрелка то замирала, то возобновлялась.

Кипучая деятельность Эдуарда Тотлебена и его рабочих, всё чаще работавших под неприятельским огнём, приносила свои плоды: насыпались брустверы, щетинились орудиями бастионы, рылись длинные траншеи сообщений.

Не сидели сложа руки и союзники: напротив редутов защитников по ночам они строили свои укрепления. А утром, как правило, начиналась короткая перестрелка: пушки русских бастионов разбивали построенное союзниками, союзники крушили бастионы защитников. И к вечеру работы по строительству с обеих сторон возобновлялись.

Усиливалась неутомимая деятельность в деле обороны

Нахимова. Они с Корниловым соперничали, выказывая неслыханную отвагу (хотя этим в Севастополе было трудно удивить), а также проявляли быструю находчивость и распорядительность. Глядя на своих руководителей, бесстрашно стоявших у брустверов под градом летевших мимо них пуль, офицеры и матросы с гордостью говорили: «Заговоренные». Но каждый раз просили адмиралов поберечься. Оба руководителя уже стали привыкать к этому беспокойству подчиненных и не отвечали, продолжая часами внимательно, не пропуская деталей, разглядывать в подзорные трубы позиции врага. Корнилов произнёс:

– Молю Бога, Павел Степанович, чтобы штурм не начался. Ах, как его не хочется. Жаль, что союзники не подождали годика три, тогда бы мы не так их встретили... Три винтовых линейных корабля заложены... Опоздали, конечно, с постройкой, но... – Корнилов от досады вздохнул и, обшаривая подзорной трубой позиции неприятеля, добавил: – Успеть бы закончить укрепления...

– Тотлебен не знает продыху, днём и ночью роет и роет траншеи, строит бастионы, – ответил Нахимов. – Когда спит, не ведаю. Не зря Святого Георгия IV степени удостоен. По усердию и чин очередной, инженер-полковника, получил.

Однако угроза нападения противника к концу сентября усиливалась с каждым днём. Женщины Севастополя, догадываясь, что будет с ними после захвата союзниками города, ещё не зная о смерти маршала Сент-Арно, написали ему

письмо с просьбой вывезти их на французском корабле в Одессу. По известным причинам ответа они не получили.

22 сентября эскадра союзников в десять вымпелов захватила Ялту и окрестности. Начался отвратительный грабёж захваченных территорий. Жители стали спешно покидать свои дома. В сторону Симферополя потекли обозы, по пути смешиваясь с покидавшими Гурзуф и Алушту местными жителями. И уже каждый человек, хоть немного смыслящий в военном деле, видел, что главная бомбардировка, штурм Севастополя, вот-вот начнётся.

А потом наступил страшный октябрь. Позже эта дата войдёт в историю ещё одним печальным событием.

Октябрь 1854 года

В ожидании неизбежной бомбардировки и штурма в конце сентября и особенно в первые дни следующего месяца некоторые жители Севастополя тоже стали покидать город. Купцы запирали лавки, отдавая часть товара, который не могли вывезти, в пользу армии. Горожане приносили в военные лагеря хозяйственную утварь и различные пожитки. Дворы морских и сухопутных ведомств были завалены всяким добром. Многие писари и даже простые солдатики порядком поживились при этом. Офицерские денщики ели конфеты и угощали ими женщин-строителей знаменитой Девичьей батареи, что располагалась на четвёртом бастионе, а порой приносили и своим господам, говоря: «Кушайте, вашбродие, тут этого добра таперича валяется столько, что и девать некуда».

Раннее утро в Севастополе начиналось как обычно. Стоявшая до того ясная погода сегодня, 5 октября, ухудшилась. Город окутал туман. Стояла непривычная тишина, плотный ватный воздух гасил звуки.

Утренний перезвон склянок на кораблях затих, ночной бриз сменил направление, и морской ветерок, смешанный с запахом дыма, клубившегося из труб домов и от не успевших остыть ночных костров, заполнил улицы и переулки города.

Во дворах неказистых домов, окружавших Малахов кур-

ган и предместья, не сильно напрягаясь, отгавкали дворовые собаки, прокукарекали своё петухи. Замолчали даже вечно голодные собаки из самых трущоб Корабельной слободки.

На улицы вышли ещё сонные жители. Зевая, не реагируя на ленивые окрики унтеров, согнувшись под тяжестью ружей и ранцев, нестройными шеренгами зашагали солдаты. Провожаемые денщиками, из подъездов домов и разных там халупок-мазанок, торопясь на службу, повыскакивали офицеры.

В доках, адмиралтействе и понатыканных, на первый взгляд, в беспорядке разных портовых мастерских раздались грохот молотков и лязг пил.

Город проснулся, пришёл в движение.

Корнилов проснулся рано. Судя по отсутствию звуков шаркающих ног и скрипа половиц, слуга ещё спал. Владимир Алексеевич нехотя встал, накинул тёплый халат, зябко поёжился и, зевая, прямо из спальни прошёл в кабинет. Перед письменным столом, прогоняя сон, он сделал несколько резких взмахов руками, опять зевнул и сел за стол в кресло. На столе лежало начатое ещё вчера донесение светлейшему князю Меншикову.

По привычке адмирал придвинул поближе к себе канделябр со свечами, но зажигать передумал – света из окна хватало. Ещё раз зевнул: уж очень хотелось спать. Из открытой форточки потянуло прохладным воздухом, смешанным с дымком то ли от догоравших ночных костров с соседней

улицы, то ли из трубы соседнего дома. Владимир Алексеевич громко и с удовольствием чихнул.

Хоть и медленно, но день вступал в свои права. Светало. Серость бледного дневного света усиливал садящийся на землю кратковременный туман. И тишина... С улицы – ни звука.

Но вот за дверью послышались скрип половиц и позвякивание посуды.

– Проснулся... Что за слуги?.. Спят дольше хозяев, – проворкотал адмирал.

Поёжившись, он приподнялся и захлопнул форточку. После чего взял перо, открыл чернильницу и поначалу нехотя, затем всё быстрее стал дописывать донесение. Писал бегло, размашисто, но аккуратно. Закончив, пробежал глазами первую часть донесения, в которой он докладывал главнокомандующему, что к началу октября возведены или продолжают строиться семь бастионов с двумя десятками батарей, что вместе со снятыми с затопленных кораблей пушками вооружение сухопутной обороны доведено до трёх с половиной сотен стволов. И что душа всего великого строительства укреплений – неугомонный инженер-полковник Тотлебен, коего надо бы отметить на высочайшем уровне.

А ещё Корнилов отмечал крайне низкую ответственность интендантской и прочих служб. И в качестве свежего примера приводил такие доводы: «Не можем сладить, ваша светлость, с мортирами, кои поставили вчера на четвёртом ба-

стионе, в которые не лезут бомбы, равно как и бомбовые трёхпудовые орудия не выдерживают пальбы. Недавно поставили такую на шестом бастионе, как тут же отскочил винград⁹¹... А ещё казаки просят сапог. Я решил им выдать, однако они все претендуют, чтоб им не выдавали сапоги за две трети их жалованья...»

Раздался стук в дверь, в приоткрытую щель показалась голова слуги:

– Ваше превосходительство! Самовар готов. Изволите завтракать?» – и, посопев носом и пару раз шмыгнув, слуга просящим голосом проговорил: – Побереглись бы, Владимир Алексеевич. Кажон день спозаранку, чуть свет ужо на ногах. Пошто так можно?

Корнилов улыбнулся:

– Поди, и тебя замучил, чуть свет вставать-то... Тьфу... Сбил ты меня. Однако, кажись, спас ты сейчас как минимум пару воров-интендантов. Начал было писать светлейшему князю об их делишках... Ладно, пока так отправлю. Давай мундир, одеваться буду.

Уже к шести часам у подъезда дома стояла оседланная лошадь. Корнилов вместе с флаг-офицером в чине капитан-лейтенанта Жандром и двумя казаками выехал осматривать укрепления четвёртого бастиона⁹², который защищал

---

⁹¹ Выступающая часть (прилив) на казне гладкоствольных и нарезных артиллерийских орудий, заряжавшихся с дула.

⁹² Укрепление пятиугольной формы.

центральную часть города и располагался всего в верстах трёх-четырёх от дома. Там, по его расчётам, должен находиться полковник Тотлебен.

Сидеть верхом на коне в последнее время Корнилов уже привык. Его перестало смущать, что брюки его задирались к коленям, что тело всё время подпрыгивало в такт скачки, а ноги от необходимости сжимать круп коня быстро уставали. Но адмирал терпел, сносил эти неудобства как неизбежные атрибуты верховой езды.

«Всё лучше, чем трястись на бричке, – успокаивал он себя, с удовлетворением глядя на своего флаг-офицера, тоже не привыкшего к подобному виду передвижения. – Чего не скажешь о казаках. Сидят, как вкопанные, в сёдлах. В душе, видимо, посмеиваются над нами, флотскими».

Туман почти рассеялся, день предвещал быть тихим и спокойным. Проехав лёгким шагом Екатерининскую улицу, Корнилов выехал на перекрёсток с улицей Морской, где располагалась Театральная⁹³ (бывшая Фонтанная) площадь. Слева возвышались водозаборная башня и красивое каменное двухэтажное здание театра с четырьмя колоннами на фасаде. В центре площади – рынок, за ним начиналась Бульварная высота, на склоне которой велось строительство четвёртого бастиона. Немного левее виднелись костры лагеря одного из полков гарнизона.

Постёгивая уздечкой своих коней, адмирал и флаг-офи-

---

⁹³ Площадь адмирала Ушакова (совр.).

цер стали медленно подниматься по крутому склону. За ними, соблюдая дистанцию, следовали казаки. До цели оставалось ещё около вёрсты, когда Жандр произнёс:

– Всё хочу узнать, ваше превосходительство, откуда взялось название Малахов курган?

Корнилов вопросу не удивился:

– Точно не помню, капитан. Где-то, кажется, в 1827 году на Корабельной стороне вблизи кургана поселился переведённый из Херсона капитан Михаил Малахов. На самом кургане квартировала рота одного из экипажей, которой он и командовал. А на северном склоне кургана были пещеры, оставшиеся от каменоломен, в которых жили семьи совсем бедных матросов, не имевших средств даже на нехитрую хатёнку под крышей. Так вот, этот Малахов и его солдаты, как могли, помогали этим бедолагам. Позже это место так и называли Малаховым курганом.

Вскоре показался один из брустверов четвёртого бастиона. В проём одного из порталов, впрягшись в лямки, солдаты затаскивали тяжёлую пушку. Руководил этой операцией, направляя орудие строго по центру, сам Тотлебен. Чтобы не мешать, Корнилов спешил. Осмотрелся.

На территории бастиона трудились женщины. При виде Корнилова с их стороны донеслись смех и возгласы:

– А адмирал-то наш, девки, статный, хорошенький. Одно плохо в нём – женатый!

Послышался смех. Жандр усмехнулся:

– Известный контингент, ваше превосходительство. Проститутки... Живут за Театральной площадью. Понимают, что их притоны первыми попадут под вражеский обстрел. Добровольно помогают.

Корнилов промолчал.

Закончив установку орудия, полковник Тотлебен подошёл к адмиралу.

Осмотр укреплений произвёл на адмирала хорошее впечатление, чем не преминул воспользоваться Тотлебен. Он тут же пожаловался Корнилову:

– Земли для насыпей не хватает. А какой у нас грунт, сами знаете. Кирки колотят о камни. Издалека таскаем землю в мешках. Мучаемся... Лопат и кирок, ваше превосходительство, не хватает.

– Как так?! Судя по тем суммам, что отпускались на закупку шанцевого инструмента, его в переизбытке должно быть.

– Да разве только это... Порой и кормить-то нечем моих землекопов. Куда всё девается?.. Воруют, поди, Владимир Алексеевич.

Корнилов опять промолчал, лишь гневно глянул куда-то в сторону.

И чтобы уж совсем не расстраивать своего начальника, тут же не без тени некоторого хвастовства Тотлебен доложил о храбрости своих рабочих и солдат:

– Они, ваше превосходительство, не бросали работу и

во время пальбы со стороны неприятеля. Ничего не бояться, черти...

– Вы, Эдуард Иванович, не шибко это приветствуйте. Беречься надо. И сами на рожон не лезьте. А служивым и землякопам передайте мою благодарность. А по поводу воровства... Не впервой слышу... А лопаты будут, непременно...

– За ними уже ушёл обоз в Одессу. Поди, вскоре придёт, – вставил флаг-офицер.

На том осмотр укреплений второго бастиона и закончился.

– На пятый! – бросил Корнилов Жандру и казакам, взмахнув рукой на западную сторону города.

Расстегнув воротник мундира, Корнилов снял фуражку, не спеша протер платком пот внутри и, слегка хлопнув рукой своего коня по загривку, произнёс:

– В путь...

Не успевшие устать за день кони резво застучали копытами по пыльной дороге в сторону прикрывающего Севастополь с запада бастиона.

Неожиданно содрогнулся воздух. Со стороны моря донёлся раскатистый звук залпа сотен стволов. Затем ещё и ещё... Корнилов вздрогнул.

– Мать честная, неужто началось? – пробормотал он.

Над внешним рейдом и центральной частью города зависли рваные по краям грязно-серые облака. Не успело ещё эхо первых морских залпов смолкнуть, как со всех сторон за-

грохотали вражеские пушки. Корабельные и наземные пушки противника почти одновременно дали очередной залп по центру города, бастионам и фортам. Больше всего досталось Константиновскому.

Корнилов слегка стеганул плёткой коня. Конь фыркнул, но побежал быстрее.

Добравшись почти до цели, адмирал ещё издали разглядел знакомый профиль Нахимова, чему немало удивился. Тот стоял рядом со своим конём рыжей масти в окружении нескольких офицеров, а совсем недалеко от них, поднимая тучи пыли и камней, рвались снаряды. Корнилов уже было собрался крикнуть: «Павел Степанович, пригнись!», как Нахимов как-то неестественно дёрнулся, пошатнулся, его рука потянулась к фуражке. Страшная мысль пронзила Корнилова, он вскрикнул. Хлестнув коня плёткой, Владимир Алексеевич рванул вперёд.

Подскочив ближе, Корнилов увидел кровь, тонкой струйкой стекавшую на мундир Нахимова.

– Павел Степанович, вы ранены? – закричал, соскочив с коня, Корнилов.

Нахимов не спеша снял фуражку, пощупал голову рукой, затем недоумённо посмотрел на свою ладонь, запачканную кровью, и совершенно спокойно произнёс:

– Пустяки, царапина. Не извольте беспокоиться, Владимир Алексеевич.

Окружавшие Нахимова офицеры внимательно осмотрели

место ранения и, убедившись, что это была действительно царапина от осколка, успокоились.

Облегчённо вздохнул и Корнилов, проговорив:

– Ну вот, дождались, Павел Степанович! Кажется, началось. По Константиновскому молотят. Почему он молчит? Неужто союзники на прорыв в бухту нацелились?

– Вряд ли, Владимир Алексеевич. – Не пройдут они центром: мачты не дадут. А коль берегом – на мель сядут и наши форты в упор расстреляют.

– Тогда, думаю, дело серьёзное... Только бы не штурм... – с тревогой произнёс Корнилов.

За его спиной в это время опять раздался грохот от очередного залпа пушек. Корнилов обернулся в сторону Малахова кургана. Оттуда тоже доносились звуки залпов. Перебросившись парой фраз, Корнилов вскочил на коня и со словами «Два вице-адмирала в таком месте – перебор, Павел Степанович. Я – на Малахов... Берегите себя!» галопом помчался вперёд. Не отставая, за ним устремились сопровождающие.

Канонада усилилась. Все орудия верхнего этажа Константиновского форта были разбиты или опрокинуты; на дворе взорвались три зарядных ящика, и взрыв этот произвел опустошение.

Однако нижние батареи форта ответили метким огнём всех орудий. На английских кораблях «Кин», «Лондон» и «Агамемнон» вспыхнули пожары. Получив серьёзные по-

вреждения, они вскоре покинули место боя.

И тут загрохотали пушки наших кораблей и береговых укреплений города. Возник ужасный, не поддающийся никакому описанию грохот. По всей округе расстилался густой ядовитый дым, сквозь редкие просветы которого вспыхивали красноватые, словно короткие стрелы, огни разрывов.

Вспыхнули пожары. Снаряды выворачивали камни мостовых, срывали крыши домов, вырывали с корнями деревья. Смерть не щадила никого.

Напротив Малахова кургана, куда прибыл Корнилов, неприятель возвёл и продолжал строить свои главные укрепления. Несмотря на бомбардировку, на наших бастионах тоже шли строительные работы. Десятка три-четыре солдат да матросы, списанные с кораблей, копошились, укрепляя брустверы плетёными корзинами с землёй, вбивали короткие деревянные сваи, подтаскивали огромные валуны, подле орудий суетилась прислуга.

Бомбардировка кургана набрала ещё большие обороты. Продолжал стоять грохот, пороховой дым разъедал глаза. Достав подзорную трубу, Корнилов стал разглядывать укрепления противника и окружающую местность. И то, что он увидел, его разозлило. Подбежавшему к нему в это время контр-адмиралу Истомину Корнилов вместо приветствия, махнув рукой в сторону вражеских укреплений, дал указание:

– Дистанция перед бастионом весьма мало защищена,

Владимир Иванович. Извольте найти время исправить.

От удушливого дыма и Корнилов, и Истомин закашлялись.

– Немедля команду дайте батареям южного склона подать орудия противника, что напротив ваших редутов. Не видите, что ли?.. Не держу вас, ступайте, – не отрывая трубу от глаз, приказал Корнилов.

В подзорную трубу хорошо просматривалось пространство между морским госпиталем и Доковым оврагом. Особенно много лежилось снарядов на большой площади у Корабельной слободки. На северном краю этой площади располагался Бутырский полк, куда Корнилов собирался позже заглянуть.

Воздух опять содрогнулся от мощного залпа. Вокруг творилось что-то невообразимое. И с суши, и с моря над городом летали смертоносные снаряды. Их было столько, что адмирал невольно пробурчал: «Как они ещё не сталкиваются?..», и тут же с удовлетворением отметил, что эту массу железа и чугуна усиливали залпы русских батарей. И пусть залпы эти были не такие одновременные, как вражеские, а перекачивались с бастиона на бастион, смертоносный шквал огня всё же накрывал позиции и корабли неприятеля.

Недалеко от Корнилова раздались взрывы: взлетали кули с землей, разлетались в щепы деревянные щиты, несколько солдат упали. Образовалась куча мусора из обломков той же щепы, осколков бомб, исковерканных ружей. И на фоне этой

серой массы мусора ярким алым пятном выделялись ключья окровавленных шинелей и солдатских портянок.

Грязно-чёрная шапка порохового дыма над городом и курганом продолжала разрастаться.

Повернувшись к своим казакам, Корнилов резко скомандовал:

– Лошадей загоните на северный склон – там огонь меньше, – и сам заспешил к центру кургана, где было самое высокое место.

– Владимир Алексеевич, – услышал Корнилов за спиной голос Жандра, – кажется, пора возвращаться домой. Опасно... Вы ведь видели с террасы все, что делается здесь.

– Ну и как вы думаете, капитан, что скажут солдаты, если я на их глазах в такой час покажу им спину, покину этот кошмар и спрячусь дома? – ответил Корнилов.

– Хм... Не знаю, ваше превосходительство. Может, вы и правы. Ваше присутствие, ей богу, воодушевляет солдат. Тогда хотя бы поберегитесь, ваше превосходительство, не стойте под пулями!

Слегка придерживая фуражку рукой, Корнилов направился к центру кургана, заглядывая на каждую батарею. При виде адмирала солдаты улыбались, а канонир одной из пушек, держа в одной руке размоченный в воде чёрный ржаной сухарь, другой – затравку на казённой части пушки, собираясь поджечь заряд, неожиданно прокричал:

– Ваше благородие... не желаете пальнуть?

Корнилов улыбнулся:

– Давай, служивый, сам. У тебя лучше получится, рука, поди, набита. Только смотри, зубы не обломай об сухарь.

– Рады стараться, ваше превосходительство! Благодарствую вам, – прокричал довольный солдат, стыдливо пряча за спиной огрызок сухаря.

Тогда Корнилов, чтобы его все видели, к неудовольствию Жандра, поднялся на бруствер и, перекрикивая грохот канонады, произнёс:

– Братцы! Враг подлый напал на нас. Вон он в миле отсюда окопался и ждёт момента, когда мы ослабнем и побежим.

Канонир, что предлагал Корнилову «пальнуть», заорал:

– Тому не бывать, ваше благородие... Не бегал русский на поле боя ни от кого. Ретирады не будет!

Адмирал одобрительно кивнул в его сторону и продолжил:

– А коль услышите, что я вам скомандую преступную ретираду, колите меня штыками! Это мой приказ.

И тут все, кто был рядом: и канониры, и солдаты, и даже офицеры, закричали:

– Умрём, а не сдадим врагу Севастополь.

Под крики солдат Корнилов с горечью едва слышно пробормотал:

– Что, поди, нам только и останется, как помереть...

Адмирал знал, что враг уже окружил город. Пароходы союзников хозяйничали в Балаклаве и прочих бухтах, даже ма-

ячный огонь зажгли.

Гулко застучало в груди. Корнилов оглядел свои бастионы с малочисленной цепью солдат, прислугу, копошащуюся возле пушек, затем перевёл взгляд на укрепления противника и тяжело вздохнул: «Чего ожидать, кроме позора, с таким малым войском, плохо вооружённым и мало обученным? На полки, что выделил Меншиков, надежды мало. Коль знал бы, что так случится, никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышел в море и дал сражение... Не сегодня-завтра последует штурм, погибнем все, да поможет ли сие?»

Чтобы скрыть волнение, он почти бегом направился на один из брустверов, где шла наиболее интенсивная перестрелка.

И случилась беда: вражеское ядро попало Корнилову в живот выше левой ноги. Брызнула кровь. Корнилов пошатнулся и упал бы, не поддержи его флаг-офицер.

Ни крика, ни стона его никто не услышал. Корнилова перенесли на перевязочный пункт, куда примчался хирург. Вскоре пришёл священник. На какое-то время Владимир Алексеевич пришёл в себя. Он успел исповедоваться священнику и причаститься. Окружившим его офицерам Корнилов прошептал: «Отстаивайте Севастополь», – и вскоре опять потерял сознание.

Рана оказалась смертельной, и вечером того же дня Корнилов скончался. За несколько минут до своей кончины,

придя в сознание, Владимир Алексеевич открыл глаза и, разглядев устремлённые на него взгляды офицеров, чётко произнёс: «Спаси, Господи, царя и Россию; сохрани Севастополь и Черноморский флот! Я счастлив, что умираю за Отечество».

Весть о смерти Корнилова довольно быстро разлетелась по всему городу и окрестностям. Многие плакали, и даже недруги, не всегда лестно говорившие о нём, видя в адмирале человека чрезмерно строгого, с признаками, как они думали, карьериста, но признавая его организаторские качества, и они тоже не скрывали своих слёз.

Ночь прошла тревожно и беспокойно. С первыми солнечными лучами опять загрела канонада, с обеих сторон забухали пушки.

Вместо погибшего Корнилова Меншиков назначил на его место старшего по возрасту из вице-адмиралов, командира порта Станюковича.

Приказом по армии, гарнизону и флоту решили похоронить Корнилова в том самом склепе, в котором погребли адмирала Лазарева. Сами похороны были назначены на пять часов пополудни следующего дня.

Для проводов Корнилова адмирал Станюкович назначил батальон моряков и батальон пехоты.

Канонада не умолкла и в шестом часу вечера. Печально и глухо звонили церковные колокола. Особо печальным звон был в церкви Святого [Архистратига Михаила](#), где отпевали

адмирала.

Речей не было, с телом прощались молча. Все знали Корнилова, и никому не нужны были слова, люди знали, кого потеряли.

Ближе всех к гробу вместе с племянником покойного адмирала, гардемаринном Новосильцевым, стоял Нахимов. И Павел Степанович не прятал здесь, в церкви, своего личного горя: он стоял со свечой, и слезы скатывались по щекам, теряясь в его белесых, едва прикрывавших губу усах.

Все корабли приспустили флаги, и погребальная церемония, освещаемая факелами, тронулась по Екатерининской улице, направляясь к месту захоронения, где недавно торжественно был заложен новый Владимирский собор.

Гроб адмирала несли на руках, а за ним на бархатной подушке – его ордена. Пели певчие... В скорбном молчании с головными уборами в руках шли офицеры, матросы и солдаты, жители и прибывшие с грузами купцы. Рядом с траурной процессией шли дети.

Когда гроб с телом Корнилова опускали в склеп, офицеры, глотая слёзы и сжимая в ладонях свои фуражки, клялись:

– Эта гримза, королева английская, и Наполеон покаются ещё в своём безумии... Много положат они здесь костей, прежде чем войдут в Севастополь!

Узнав о героической гибели адмирала Корнилова, император Николай повелел возвести памятник герою на месте его гибели, назвать его именем севастопольский бастион,

оказать вдове «исключительные почести», в том числе выплатить большой пенсiон.

...А первая жестокая бомбардировка Севастополя продолжалась. И хотя были разрушены многие городские строения и частично укрепления, обстрел не принёс англичанам и французам особого успеха. Однако во время этой бомбардировки и яростных стычек друг с другом обе стороны потеряли убитыми по тысячи, а то и более человек.

Единственный в городе госпиталь был переполнен ранеными. Их было много. Уже со второй половины октября раненых и больных насчитывалось более десяти тысяч. Они лежали на земле, неделями не перевязанные и голодные. Не лучшее положение с госпиталями было и в Симферополе, куда отвозили часть раненых. Около четырёх тысяч их сохранилось там далеко не лучшим образом.

В последующие дни обстановка накалилась. Множились угрожающие признаки скорого штурма. В Балаклаву и Камышовую бухту подходил пароход за пароходом. На склады и просто валом на землю они выгружали всё новые и новые грузы. Берега обеих бухт были беспорядочно завалены тюками, ящиками, ядрами и прочим снабжением. Громко ржали голодные лошади, выгружаемые кран-балками с транспортных судов на дебаркадеры и берег, шотландцы дули в свои волынки. А из-за гор, издалека, заглушаемый площадной руганью, шумом и хохотом, доносился звук оружейных залпов. И среди этого бедлама в поисках выписанного снаб-

жения сновали разгневанные английские и турецкие интенданты. Крики... Крики...

А корабли союзников всё прибывали... Бесперывно шли бои.

Тем временем кольцо блокады вокруг города стало сжиматься. В Лондон и Париж летели сдержанные реляции союзного командования с обещаниями о скором взятии непокорного Севастополя.

Митрополии были недовольны. Рассчитывая на скоротечную победу, английское Адмиралтейство предъявило претензию лично командующему флотом Джеймсу Дондасу за упущенное время.

«С таким количеством кораблей, как у вас, милорд, за вычетом устьев Дуная и Ялты, вами до сих пор ещё не установлена блокада на Чёрном море. Одесса открыта, Керчь открыта, а весь берег от Севастополя до входа в Азовское море остаётся непотревоженным и вне наблюдений вашими кораблями. И потом, сэр, почему до потопления русских кораблей в бухте вы не попытались прорваться на внутренний рейд города?» – гневно писали английские лорды.

Отметивший недавно свои шестьдесят девять лет, адмирал Дондас, тяжело вздыхая и негодуя на незаслуженные, с его точки зрения, замечания, отвечал руководству обеих стран: «Господа! Боевые корабли, которыми вы поручили мне управлять, не стоят без дела – сражаются. Русские нам сопротивляются и, кажется, не собираются капитулировать»

перед нашими превосходящими сухопутными силами.

Русский флот заперт моей эскадрой на внутреннем рейде, но он стоит под защитой мощных береговых укреплений, и прорваться вглубь бухты не представляется возможным, как вы знаете, по причине затопления русскими своих кораблей на фарватере. Вы спрашиваете меня, господа, почему наши корабли сразу не прорвались в бухту города. Объясняю!..

После доблестной и успешной битвы на реке Альма наше сухопутное командование не решилось занять Северную сторону Севастополя (а надо было бы), а потому решение атаковать город с моря, естественно, мною не было принято. Я считаю, господа, атаковать с моря Севастополь – потерять корабли. Город с моря неприступен.

На сегодняшний день, по сообщению лорда Реглана, командующий русскими войсками князь Меншиков крупными силами своих войск что-то затевает в районе Инкермана и Балаклавской бухты. А потому оставлять наши сухопутные войска без поддержки флота нельзя.

Корабли в настоящий момент производят выгрузку осадных орудий и боеприпасов со своих бортов, а также направляют на берег часть экипажей. Как только выгрузка закончится, мои корабли немедленно будут направлены в упомянутые вами районы Крыма».

Сражения в октябре

Тринадцатого октября в сонном Севастополе около пяти утра, больше нагоняя страх, чем думы о Боге, уныло забил церковный колокол.

«Поди, опять крестным ходом по улицам бродить будут, – сонно произнёс рано проснувшийся командующий союзными войсками лорд Реглан. – Не спится этим русским...»

Но вскоре открылась дверь, и вошедший адъютант испуганно доложил:

– Сэр, русские начали наступление. Они тремя колоннами наступают от селения Чоргунь⁹⁴ к Балаклаве.

Реглан поспешно встал.

В предрассветной тишине, стараясь не сильно шуметь, полки генерала Липранди численностью до шестнадцати тысяч штыков направились в долину между Федюхиными высотами, Сапун-горой⁹⁵, рекой Чёрной и невысокой грядой, разделяющей эту долину на северную и южную часть.

Ближе к рассвету первая колонна заняла деревню Камары и, установив артиллерию, начала обстрел передового редута оборонительных укреплений англичан. Солдаты второго отряда под командованием генерала Семякина под прикрытием канонады и огня немногочисленных штуцерных ружей,

---

⁹⁴ Черноречье (совр.).

⁹⁵ Мыльная гора (с турецкого).

возглавляемые своим генералом, идущим впереди войск, пошли в штыковую атаку, насмерть перепугав заспанных турок.

Заколов около двух сотен служителей Аллаха, солдаты овладели редутом и захватили батарею из девяти пушек. Три оставшихся редута, расположенные к северу и северо-западу, были панически брошены обезумевшими от страха турками без боя. Взбешенные трусостью своих союзников, пытаясь остановить лавину отступавших, англичане дали залп из ружей по туркам. Не помогло: те продолжали бежать. Редуты остались за русскими войсками.

Раздосадованный захватом укреплений, потерей артиллерии и угрозой прорыва русских в Балаклаву Реглан решил остановить русские войска, вернуть редуты и отбить пушки. Он послал в бой полк шотландский стрелков, тяжёлую кавалерийскую бригаду и в довершение ко всему – бригаду лёгкой кавалерии генерала Кардигана.

В процессе боя и полк стрелков, и лёгкая кавалерия попали под перекрёстный огонь русских орудий, окопавшихся на Федюхинах высотах и в районе Сухой речки. К тому же наши солдаты успели развернуть захваченные орудия в сторону скачущих на них англичан.

Шотландцы начали отступать и делали это, как на параде, не ломая строя. Английские всадники, в основном отпрыски самых знатных аристократических родов Великобритании, тоже повернули обратно. Со стороны картина отступления

выглядела полным безумием: не одна сотня раненых и убитых осталась на поле боя. И если бы не подоспевшие вовремя французские войска генерала Пьера Боске, английские войска, и особенно бригада лёгкой кавалерии, погибли бы все.

После сражения генерал Боске с горечью произнёс знаменитую фразу «Это великолепно, но это не война, это безумие».

Находящийся на поле сражения корреспондент газеты «Таймс» Говард Рассел описал один из эпизодов этого крайне кровавого сражения. Бой шотландского полка (а они были в красных мундирах) Рассел обрисовал как «тонкую красную полосу, ощетинившуюся сталью». Со временем это выражение перешло в устойчивый оборот как «тонкая красная линия», означающий оборону из последних сил английских героев.

Великобритания рыдала от жалости по своим погибшим от рук русских «варваров» солдатам. И понять английских граждан было можно: в статье ведь не было указано, что «доблестные английские герои» не оборонялись от «кровавых» русских, а совсем наоборот, нападали, пытаясь нагло захватить русский город Севастополь.

В ходе этого сражения, названного впоследствии Балаклавским, русским войскам не удалось развить успех и продолжить наступление на позиции союзников. Но этот кратковременный успех поднял моральный дух защитников Севастополя.

Прошло около десяти дней. За это время наши войска по указанию императора пополнились двумя пехотными дивизиями, присланными в Крым командующим Придунайской армией Михаилом Горчаковым. Гарнизон города также пополнялся идущими с материка ополченцами и добровольцами. С приходом свежих сил общее количество русских войск под Севастополем достигло около девяноста тысяч человек, тогда как союзники насчитывали лишь семьдесят.

Настроение в русской армии, да и среди жителей Севастопольского гарнизона, заметно поднялось. Казалось, момент для действий назрел, во всём чувствовалась необходимость большой драки, дабы разрушить кольцо блокады. Однако сверх меры осторожный Меншиков медлил и не решался после Балаклавского боя на повторную атаку. А причины, как доказывал Меншиков, были веские, в том числе – недостаток пороха.

Правда, приходили сведения от перебежчиков, что и союзники морем получают подкрепления из Варны и даже из самой Англии и Франции. По крайней мере, рейды Балаклавы и Камышовой бухты были полны кораблями и транспортниками, и они всё прибывали и прибывали.

И Меншиков решился на очередную атаку позиций неприятеля. К такому решению князя, помимо пополнения, подвигло письмо императора, настаивающего на продолжении наступательных действий.

День 22 октября начался спокойно. Несмотря на ночной

ливень, пасмурную зарю, утренний небосклон с его дождливыми тучами, в полдень погода мало-помалу разгулялась. Сквозь рваные разрывы туч временами пробивалось осеннее солнышко. Мокрая земля парила. Слегка потеплело.

Со стороны Севастополя нет-нет, да и доносились ухающие звуки разрывов, так похожие на раскаты грома перед ливнем.

Из окон небольшого, в четыре комнаты, крытого железом домика с отбитым куском стены доносились голоса, среди которых нетрудно было распознать знакомый нам уже хрипловатый голос главнокомандующего Крымскими войсками светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова.

Подле входной двери на привязи у крыльца, пофыркивая и переминаясь с ноги на ногу в ожидании седоков, стояли разной масти осёдланные кони.

Вокруг дома с ружьём на плече ходил часовой. Он то и дело принюхивался к запаху дыма от костра, где его товарищи отдыхали в ожидании вкусной каши.

В отдалении, сразу за редкой рощицей из низкорослых деревьев, слышались голоса. Казаки продавали офицерам пойманных ими английских лошадей. Шёл торг.

– Ваш бродь, и так по дешёвке. Три империаля... Куды же ниже? Креста, поди, на вас нету!

– Ты это брось, – сказал офицер-покупатель, судя форме, капитан-лейтенант. – Крест-то здесь при чём? Постыдись... Вот тебе империяль, больше не получишь.

– Не-е, ваш бродь... Одна сбруя и седло гляньте, какие – аглицкой работы. Никак не можно за империял.

В это время раздался злой голос, видимо, есаула:

– А ну, поганцы, в строй. Открыли здесь базар.

– Тьфу... проснулся гад, – с огорчением прошептал казак и, похлопав коня рукой, повздыхав для приличия, согласился. И счастливый офицер тут же вставил одну ногу в стремя и хотел лихо забросить вторую на спину коня. Однако конь дёрнулся, и эффектно оказаться в седле у лейтенанта не получилось. Попытку пришлось повторить, но получилось тоже коряво.

Казак не отказал себе в удовольствии и тут же заржал над прижимистым лейтенантом.

– Ваш бродь... Ай, не свезло! Поди, конь попался шибко привередливый, – с усмешкой произнёс он. Но, заметив хромоту офицера, уже более миролюбиво подсказал: – Ногу надо резче, ваш бродь, закидывать, да второй упираться в стремяна... Это вам не по трапу лазить, чтоб на коня влезть, сноровка потребна.

– Ладно, учитель нашёлся... – покраснев от своей неловкости, пробурчал Аниканов (а это был Антон Аниканов, недавно назначенный к Меншикову флаг-офицером для связи с флотом).

Много правее от импровизированного базара горели костры. Солдаты отдыхали: кто-то сидел или лежал на деревянных ящиках, вытянув ноги, кто-то разулся и возле огня су-

шил портянки, а кто-то, зябко ёжась от осенней прохлады, снял набухшую за ночь влагой шинель и украдкой вынимал назойливых насекомых. Вверх тянулся дымок от еле тлевших влажных сучьев. Где-то покрикивали унтера... И, конечно, собаки! Как и положено, они без устали лаяли на то и дело проскакивающих мимо них то в одну, то в другую сторону многочисленных адъютантов его светлости князя Меншикова.

В самой большой комнате, с печкой у стены и явно недавно расставленными деревянными лавками и столом, в окружении генералов действительно находился Меншиков.

В этот день на Северной стороне в домике инженерного ведомства пятого армейского корпуса, где временно находился штаб, он собрал своих генералов на совещание. Надо сказать, собирались офицеры неохотно: выслушивать надоевшие нравоучения князя было скучно и неинтересно. Однако загадочный вид светлейшего князя сегодня их удивил: ожидалось что-то необычное.

Одно из окон комнаты закрывали ветки старого, но ещё крепкого дерева хурмы. Несмотря на вступившую в свои полные права осень, листья на ветках были зелёными и обильно усыпаны ещё несозревшими плодами. Именно на них в данный момент удивлённо смотрел светлейший князь.

– Сколько же им ещё зреть? На дворе – октябрь, ноябрь на носу, холода же скоро, – задал вопрос он одному из генералов.

– Ваша светлость, – ответил генерал, – так в холод и созреют. Как фонарики, будут висеть плоды на голых ветках. А листья, что вот-вот опадут, это, я вам смею доложить, образуют сказочный разноцветный ковёр на земле... Хурма не просто дерево, это кладёзь полезности и созерцания.

Меншиков хмыкнул, ещё раз окинул взглядом дерево и, резко развернувшись, подошёл к столу.

– Начнём, пожалуй! Господа, у меня две новости! Первая – двадцать третьего, думаю, к вечеру, из Петербурга в Крым прибывают великие князья, о чем я получил личное письмо её величества. Видимо, наш император, узнав, что во французской армии присутствует двоюродный брат Наполеона III, а в английской – родственник королевы, герцог Кембриджский, решил: мы-то чем хуже? И у нас будут царственные особы и сразу две.

По интонации князя, обычно резкого и острого на язык, подчинённые не поняли, язвит светлейший или, наоборот, доволен. А потому на всякий случай свои верноподданнические чувства выразить не стали, промолчали.

– Сами понимаете, господа, их сохранность – святая моя обязанность, а потому и ваша. И вторая новость – не менее важная...

Зная своего начальника, способного порой принять недобдуманное решение, присутствующие насторожились.

Сосредоточившись, уперев взгляд в пол, Меншиков стал ходить по комнате, при этом его длинное, как веретено, тело

раскачивалось в такт шагам, словно он находился на палубе корабля, идущего лагом. Машинально князь крепко сжал левой рукой эфес сабли. Так Меншиков ходил минут пять, и было видно, что он набирается духу, чтобы произнести что-то важное. Генералы заволновались ещё больше.

Наконец, видимо, подготовившись, светлейший князь самым решительным тоном промолвил:

– Господа, на днях я также получил сведения, и они верные, прошу учесть: неприятель намеревается начать генеральное наступление на Севастополь двадцать четвёртого или двадцать пятого октября сего года...

Меншиков замолчал, пристально оглядел присутствующих, стараясь узнать реакцию генералов на свои слова.

Генералы вздохнули с облегчением. То, что враг ждёт прибытия свежих сил и вот-вот должен начать штурм, особой тайной ни для кого не было. Знали даже, что главный удар он намеревается нанести по четвёртому бастиону. Знали генералы и своё преимущество в живой силе и пушках. «Конечно, надо воспользоваться этими преимуществами», – рассуждали они.

– Именно в эти числа, не позже? Чуть бы позже... – переспросил генерал-майор от кавалерии князь Владимир Меншиков, сын главнокомандующего.

Светлейший князь к своему сыну относился как к подчинённому ему генералу, не более того. Но на его вопрос он всё же ответил довольно миролюбиво, без обычной резкости:

– Видимо, в эти дни, князь, коль не врут перебежчики. А вот откуда начнут штурм – вопрос. Хотя есть сведения – на четвёртый бастион.

– Боюсь, ваша светлость, атаковать будут именно там, – высказался командир Тобольского полка генерал-майор Баумгартен. – И я боюсь за этот бастион. Если в сентябре, в начале осады, как мне доложили, французы находились в полутора верстах от бастиона, то сегодня их батареи и траншеи стоят в непосредственной близости. А после недавнего, и весьма мощного, обстрела бастион сильно разрушен, да и войск там маловато. Батальон Волынского полка да две роты стрелкового батальона... Итого, почитай, всего-то восемьсот с чем-то человек... К тому же, ваша светлость, снайперы достают: своими дальнобойными ружьями выкашивают наших солдат. Чего уж скрывать, четвёртому бастиону в случае штурма грозит неминуемый захват, а там и город на очереди...

Командующий недовольно буркнул:

– Сие мне известно, генерал. И Станюкович, и Нахимов мне о том же докладывали. А как вы хотите усилить этот бастион? Где разместятся дополнительные силы? Тем более, бастион разрушен... Но мне кажется, штурм не начнётся. Почему? Вот для этого я и собрал вас. И попрошу не перебивать меня.

Но тут выступил командир недавно пришедшей в Севастополь десятой дивизии генерал-лейтенант Фёдор Соймо-

нов. Этот пятидесятичетырехлетний генерал пользовался у главнокомандующего некоторым уважением, поэтому Меншиков лишь скривился и не сделал ему замечания.

– Хочу дополнить, ваша светлость, что, в отличие от французов, англичане почему-то не шибко торопятся. Их позиции пока находятся за версту от третьего бастиона и Малахова кургана. Вряд ли с такой дистанции они начнут атаку.

– Надеюсь, Фёдор Иванович, надеюсь, – ответил Меншиков.

– Но штурм, ваша светлость, будет, – добавил Соймонов.

– Глубокая мысль, весьма глубокая, – с сарказмом произнёс Меншиков. Затем продолжил:

– Коль недавним наступлением на Балаклаву мы лишь ослабили осаду Севастополя, то теперь с божьей помощью должны ликвидировать её, и союзникам не до штурма будет. А потому, господа...

Светлейший князь сделал многозначительную паузу, слегка напыжился, побарабанил по столу пальцами и затем решительным тоном произнёс:

– Я решил упредить начало штурма неприятеля. Самим перейти в наступление на правый фланг неприятеля как наиболее слабый, где у англичан, по нашим сведениям, всего около семнадцати тысяч человек. – Меншиков посмотрел на генерала Соймонова. – Это, Фёдор Иванович, и на ваши сомнения ответ. Сию акцию я наметил на двадцать третье октября. И рассчитываю, что сил с учётом пополнения армии

будет вполне достаточно для атаки.

В комнате возникло некоторое оживление.

– Да-да, будем наступать. Однако, господа, в связи с прибытием великих князей вынужден буду перенести наступление на день вперёд, то есть на сутки двое раньше штурма союзников.

– Ваша светлость, – перебив командующего, подал голос командир одиннадцатой дивизии генерал Павлов. – Я совершенно не знаю местности, а подробных, да что там подробных, у нас совсем нет карт местности. Есть, правда, одна, но французская, казаки притащили откуда-то. Не знаю, можно верить ей? Не заблудимся, не перебеём ли друг друга?

– Да уж постарайтесь! – взглянув зло на генерала, ответил Меншиков. – Будут вам карты, будут, – не совсем уверенно добавил он.

При этих словах главнокомандующего генерал-лейтенант Липранди усмехнулся.

– Сия история мне знакома, – шепнул он рядом стоящему генералу Данненбергу. – Знакомые обещания: по старым картам, почитай, вслепую бой вёл десять дней назад.

Пожав плечами, Данненберг промолчал.

– План мой, господа, таков. Загодя, часа в два ночи, надо скрытно начать движение и часам к шести утра как можно ближе подойти к позициям англичан...

– Время нехорошее, – пробурчал генерал Жабокрицкий.

Его бурчание услышали все, Меншиков в этот момент сде-

лал паузу.

– Почитай, полтора века назад Карл XII тоже в два ночи стал подбираться к нашей армии в сражении под Полтавой... Результат известен... Битву он проиграл.

– Накарьте мне, Осип Петрович, накарьте, – возмутился главнокомандующий. – Коль историю знаете, то не след и забывать, что Карла перед сражением ранило тяжело в ногу. Его на носилках таскали по всему полю сражения. Какое уж тут руководство?!..

Меншиков приосанился, приняв гордую позу. Видимо, он рассчитывал на внешнее сходство со своим знаменитым прадедом Александром Даниловичем Меншиковым, участвующим в этой самой битве вместе с Петром I. Замечтавшись, Меншиков обвёл затуманенным взглядом своих генералов, окруживших стол.

Наверное, в это время в ушах правнука фаворита императора Петра стоял победный шум фанфар, а перед глазами возник образ самого Петра Алексеевича, и тот шёл к нему, чтобы поблагодарить за только что одержанную победу над шведами.

«Надо же, – подумал Меншиков, – вона как судьба поворачивается. Теперь я стою во главе армии, и мне предстоит испытание своей Полтавой. Одно лишь различие – царя-батюшки нет рядом. Тьфу-тьфу, как бы меня не задело пулей, по нашим-то горам на носилках не натаскаешься».

Пауза затянулась. Кто-то из генералов стал ухмыляться и

осторожно подкашливать, стараясь отвлечь Меншикова от дум.

Светлейший князь услышал, слегка тряхнул головой и, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Главный удар наносит дивизия генерала Соймонова. Ваша артиллерия, генерал, коль помню, три десятка пушек...

– Тридцать восемь, ваша светлость, – поправил тот.

– В шесть часов утра ваши батареи должны открыть огонь по укреплениям Килен-балки. И вместе с ними по тем же целям должны начать стрельбу корабли... Адмиралу Нахиму передайте моё указание, – кивнул князь флаг-адъютанту Аниканову.

Антон сразу же засобиравшись покинуть совещание, но Меншиков его остановил:

– Экий вы, капитан, торопливый. Дослушайте до конца, да в точности передайте наши планы его превосходительству.

– Слушаюсь, ваша светлость, – ответил смущённый Аниканов.

– Ну так вот, идём далее. Ваша дивизия, генерал Павлов, на англичан наступает от Инкерманского моста через речку Чёрную. Двенадцатая дивизия...

Меншиков посмотрел в сторону её командира генерала Петра Горчакова⁹⁶, который в это время о чём-то шептался с генералом Данненбергом, и недовольно произнёс:

---

⁹⁶ Старший брат командующего русскими войсками на Дунае Горчакова Михаила Дмитриевича.

– Я к вам, Пётр Дмитриевич, обращаюсь, успеете ещё наговориться. Вы, сударь, ударите по Сапун-горе. У вас кавалерия и не малая – семь тысяч. Пехоты – пятнадцать тысяч. Улан и казаков держите, как говорят на флоте, на товсь. Команда поступит – и... с Богом! Ваша задача – отвлечь корпус французов. Не дайте этому Боске опять прийти на помощь англичанам, как он уже прошлым разом сделал.

Обратив внимание, что на него вопрошающе смотрит генерал Баумгартен, Меншиков произнёс:

– А ваш полк, Александр Карлович, остаётся в резерве в Севастополе.

Баумгартен скривился:

– Не переживайте. И там можно получить очередного «Георгия», – с усмешкой сказал Меншиков, намекая на недавнее награждение Баумгартена за сражение с турками в Малой Валахии у деревни Читати; ему тогда вручили орден Святого Георгия третьей степени, минуя четвёртую.

Баумгартен обиделся и демонстративно отвернулся от Меншикова, бормоча:

– Я-то здесь при чём?..

Меншиков прошёлся по комнате. Заметив генерала Кирьякова, он приблизился к нему, принохиваясь. «Судя по запаху, этот выпивоха сегодня трезв», – решил он. А Кирьяков приосанился, словно говоря: на, мол, нюхай, не пил я с вечера.

Но главнокомандующего вчерашнее времяпрепровождение

ние подчинённого уже не интересовало. Неожиданно он вспомнил слова генерала Жабокрицкого, и перед глазами возникла картинка: раненый король Карл на носилках, бегущие солдаты, поражение... И правнук фаворита великого Петра вдруг произнёс:

– Господа, на период наступления командовать войсками я назначаю генерала Данненберга. Прошу, господа, совместно с ним проработать детали.

«Странное назначение... – зашептались генералы. – Ответственности боится наш князь. С него хватило Балаклавского боя...»

– На этом, господа, прошу расходиться, – видя недовольство, поспешил закончить совещание Меншиков.

Так, не вовремя возникший образ раненого шведского короля толкнул светлейшего князя Меншикова на странное назначение генерала Данненберга, который ровно за год перед этим, в октябре 1853 года, проиграл на Дунае битву при Ольтенице, а главное, он совсем недавно прибыл в Севастополь.

24 октября с двух часов ночи на плато между Килен-балкой и долиной реки Чёрной⁹⁷ наши войска начали движение. Дул сильный ветер, местами срывался дождь, дороги размыло. Глинистый грунт обратился в подобие густого теста, отчего дороги представляли собой бесконечное вязкое месиво. Грузенные боеприпасами и прочим снабжением возы и телеги приходилось вытаскивать несколькими парами волов

---

⁹⁷ Массив улицы Жидилова на Корабельной стороне Севастополя (совр).

или верблюдов. Что уж говорить о тяжёлых пушках... Однако худа без добра не бывает: непогода помогла войскам генерала Соймонова скрытно подойти к исходным позициям неприятеля. И слева, и справа от его десятой дивизии шли другие войска, замыкали колонны полки Жабокрицкого.

Ровно в шесть утра, как и планировалось, пароходы Нахимова «Владимир» и «Херсонес» одновременно с сухопутными батареями открыли огонь по позициям неприятеля, зарывшегося в Килен-балке. Сражение началось на правом фланге оборонительных укреплений англичан. Однако из-за размытых дорог и крутых подъёмов, отсутствия реальных карт местности, в результате чего войска сбивались с дороги, не все батареи и полки успели вовремя выйти на заданные позиции. Вырвавшиеся из ущелья вперёд полки, атаковав с ходу два вражеских редута, попали под огонь английских батарей и стрелков. Наша пехота понесла большие потери от британских снарядов и пуль: вражеские пули из ружей системы Минье пробивали по несколько человек сразу.

И тогда, несмотря на потери, солдаты пошли в штыковую атаку. Зная бесстрашие русских, отстреливаясь, англичане отступили. Зато артиллерия неприятеля усилила прицельный огонь по шеренгам русских солдат. Грохот, стоны, проклятья и гарь...

Сражение набирало обороты. Но странно, что только первые три полка из двух русских дивизий сражались против превосходящих сил неприятеля. Почему?!..

Непонятным образом бездействовали полки генерала Жабокрицкого. Они лежали в укрытиях, ожидая приказа Данненберга. Без этого же приказа не повёл свои войска и генерал Горчаков. Его артиллерия вела лишь редкий заградительный огонь...

Но оставшиеся полки продолжали наступать. Солдаты штыками отбросили врага, захватили два редута, несколько пушек, но ответной контратакой превосходящих сил англичан они были сброшены обратно в Килен-балку. К неприятелю подошли резервы.

Русские помощи не получили, хотя понесли большие потери, особенно в офицерском составе. Генерал Соймонов был смертельно ранен пулей в живот, несколько командиров полков были убиты. Русские войска вынуждены были отступить.

Но преимущество русских вскоре было восстановлено, когда с противоположной стороны, из Инкермана, подошел, хотя и с часовым опозданием, шестнадцатитысячный отряд генерала Павлова. Перевес оказался на стороне русских войск. Англичан охватила настоящая паника: русские стали теснить их по всему фронту. Вот она, долгожданная победа! Но увы... Как и в сражении двухнедельной давности, от поражения англичан спасли их союзники, французы, и опять генерал Боске. Перевес теперь был на стороне союзников. Наступление русских войск захлебнулось.

В одиннадцать часов утра Данненберг дал сигнал к от-

ступлению войск на прежние позиции. Французская картечь расстреливала отступавших русских в упор. Наши войска при отступлении потеряли людей больше, чем в сражении.

После Инкермана всякое доверие, если оно и было, к высшему командованию сухопутных войск исчезло. Отсутствие в должном количестве пороха всех раздражало, а князя Меншикова солдаты и многие офицеры называли предателем, потому что он не первый раз не использовал возможность прорвать осаду и скинуть этих чёртовых союзников в море.

«Одна радость – доблесть наших солдат. Если кому все мы и верим, так это адмиралу Нахимову, – напишет полковник Виктор Васильчиков своему другу. – В день сражения его пароходы оказали армии неоценимую помощь. Они перевозили войска к месту боя, поддерживали пехоту огнем своих артиллерий на всех этапах сражения, затем огнём пушек прикрыли отступление наших войск. Но бой был проигран».

Армия Меншикова потеряла в Инкерманском сражении более десяти тысяч человек убитыми и ранеными. Потери союзников были меньше – до пяти тысяч.

Позднее, по признанию французских военачальников, русские разбили бы союзников, а осада города была бы снята, если бы командовавший сражением генерал Данненберг не держал в бездействии резерв, князь Горчаков без приказа бросил в бой хотя бы часть своего отряда, бесполезно простоявшего весь день, а Меншиков вовремя бы вмешался в руководство сражением.

С этим мнением был согласен и венгерский генерал того времени Клапка. Он был убеждён, что сейчас же после Инкермана, «если союзные армии не были уничтожены, то не вследствие мудрости их правительств и их начальников, а исключительно вследствие неактивности русских. Несмотря на свои значительные потери, русские располагали еще достаточными силами, чтобы попытаться это сделать. Князь Меншиков непременно должен был знать, что зима представляла ему самые благоприятные шансы против союзников, но он дал шанс неприятелю ускользнуть от полного поражения»...

Ах, как жаль! Уже тогда, разбив англичан и турок, Севастополь освободился бы от осады. Без своих союзников французы одни не смогли бы противостоять русской армии. Но как случилось, так случилось!..

Но у Инкерманского сражения был и положительный итог: неприятель всё-таки отказался от генерального штурма Севастополя в назначенный им день – двадцать пятого октября 1854 года.

Господь видел нерешительность командования русской армии, сжалился и вскоре пришёл на помощь Севастополю. Судьба подарила нашей армии ещё один шанс изменить ход войны в свою пользу.

С первого на второе ноября 1854 года над Севастополем, Крымом и всем Причерноморьем разразился чудовищной силы ураган. Казалось, сама природа взбунтовалась против

смерти и страданий жителей России и русских солдат.

В тот день с порывами шел то дождь, то снег. Черное море свирепствовало и готово было поглотить весь Крым. Рев, стон, визг, свист – все эти звуки в ужасающих размерах слились в один общий вой.

Ураган вырывал с корнями деревья и уносил их в море, а также ветхие строения; в Чёрном, Эгейском и Мраморном морях затонули сотни кораблей.

Страшный урон был нанесён флоту неприятеля, стоявшему вдоль побережья от Евпатории до Балаклавы. Стихия срывала корабли с якорей, сталкивала друг с другом, швыряла на берег. Потери у интервентов были огромны, по разным данным, – до 60 судов, по большей части транспортных. Тяжелой утратой для французов стала гибель у берегов Евпатории линейного корабля «Генрих IV». У входа в Балаклавскую бухту затонул английский пароход «Принц», на борту которого была команда с водолазным оборудованием и подводными минами для взрыва заграждения из затопленных в Севастопольской бухте кораблей.

Гибель новейшего винтового корабля, выполнявшего свой первый рейс, стала серьезной потерей. К тому же на «Принце» были запасы зимней одежды, медицинского имущества и продовольствия для английских войск, а также боеприпасы.

Серьезный ущерб понесли войска союзников и на суше. Ураган разрушил французские и английские лагеря, госпи-

тали, снес палатки, сорвал с привязи лошадей. Обе бухты, которые были застроены ранее, нельзя было узнать. В стане союзных войск вспыхнула эпидемия холеры, привезённой ими ещё из Варны, а в душах солдат и офицеров поселились страх и уныние.

Природа продолжала терзать интервентов. Зима с середины ноября выдалась холодной даже для русских воинов. Что уж говорить о союзниках, лишившихся крова, запасов тепловой одежды, топлива, медикаментов... Им нужно было заново обустраиваться и налаживать быт.

Наша армия получила прекрасную возможность ударить и разбить противника. Но... не ударила и не разбила.

Неудачи на полях сражений и ураган нанесли армии Меншикова и защитникам Севастополя тоже немалый урон. Но, в отличие от неприятеля, наш флот, стоявший в закрытых бухтах, пострадал значительно меньше: пароходо-фрегат «Громоносец» утром 2 ноября был выкинут на берег, небольшая часть кораблей столкнулась между собой, другая – села на мель... Однако ни один корабль не был утоплен.

Выстояли многие здания и укрепления. Было самое удобное время поднапрячься и сделать ещё один контрудар по ослабленному врагу. Однако Меншиков, неправильно оценив создавшуюся ситуацию, вместо немедленного наступления, окончательно махнул рукой на оборону Севастополя.

«Севастополь падет в обоих случаях: если неприятель, усилив свои средства, успеет занять четвёртый бастион, а

также, если он продлит осаду, заставляя нас издерживать порох. Пороху у нас хватит только на несколько дней, и если не привезут свежего, придется вывести из города гарнизон», — таковы были настроения Меншикова в ноябре 1854 года...

Видимо, с подачи наследников, побывавших в Севастополе, батюшка их, Николай Павлович, в конце ноября 1854 года сменил руководство Севастопольского гарнизона, назначив начальником генерал-адъютанта Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена.

Это назначение, конечно, не могло не стеснять свободу действий адмирала Нахимова. Однако Остен-Сакен был человеком ненавязчивым, спокойным, а главное, полной противоположностью Меншикова, считавшего свои войска недостаточно стойкими; он был справедлив и никогда не сомневался в героизме защитников Севастополя.

Шестидесятилетний начальник гарнизона в дела военные особенно не лез, больше давал ценные советы, как делать шипучий квас, да снабжал батальоны средствами от холеры. Жил Остен-Сакен в квартире на Николаевской батарее под защитой толстых стен и мощного свода над головой. С подчинённым ему адмиралом Нахимовым он не спорил, соглашался со всеми его предложениями, на бастионах появлялся редко, чаще сидел дома, читая церковные книги, слушал обедни и в беседах со священниками позволял себе иногда спорить с ними. Защита города всецело лежала на плечах Нахимова и его подчинённых.

АНТОН АНИКАНОВ

Вот уже год, как русские дипломаты вели переговоры с европейскими коллегами, стараясь не допустить участия в военных действиях против России Австрии и Пруссии.

В июле прошлого года ведущие страны Европы предъявили российскому послу в Вене, Александру Михайловичу Горчакову, ультиматум из «четырёх пунктов». Эти пункты предусматривали: замену российского протектората над Дунайскими княжествами общим протекторатом – Австрии, Великобритании, Франции, Пруссии и России; передачу покровительства над христианским населением Турции этими же странами; пересмотр условий конференции 1841 года о Черноморских проливах; установление свободы передвижения на реке Дунай.

Николай I поначалу отверг эти предложения. Однако после некоторых событий (неудачные сражения в сентябре и октябре русских войск в Крыму и Севастополе; предательство Австрии, несмотря на уверения о своём нейтралитете, всё-таки подписавшей 2 декабря договор с англо-французской коалицией, тем самым открыто подтвердив враждебное отношение к России) император Николай изменил своё решение. В конце декабря 1854 года он согласился на выполнение ультимативных требований коалиции, выставив одно-единственное условие: вооружённые силы союзников

должны покинуть Крым. Однако было уже поздно! Мир союзникам был уже не нужен.

Император Франции Луи Наполеон и раньше с неохотой шёл на мирный договор, теперь же, после победных сражений под Севастополем, был категорически против. Сей договор лишал его возможности овладения Крымом. Для Англии снятие осады было ещё менее возможно, потому как из всего Крыма её интересовал больше всего Севастополь...

«Севастополь есть место опасности. Какими бы трактатами мы ни обяжем Россию, она всегда может вознамериться объявить войну Турции и занять Константинополь», – доказывал лорд Палмерстон.

Переговоры по мирному урегулированию взаимоотношений с Россией шли медленно, под разными предложениями союзники срывали их. В конце концов, переговоры прекратились вовсе.

И новые караваны судов с войсками союзников поплыли в Крым.

Но ещё оставалась Пруссия, сохраняющая пока нейтралитет по отношению к России. Австрия и её новые партнёры по договору после своих успехов в Крыму (Альминское, Балаклавское и Инкерманское сражения) делали все зависящее от них, чтобы склонить Пруссию и другие державы Германского союза к военной поддержке англо-французского союза. В конечном итоге Пруссия, хоть и неохотно, но согласилась поддержать союзников, но только в том случае, если

Россия начнёт военные действия против вооружённых сил Австрии, где бы они ни находились.

Россия в начале 1855 года оказалась в полной дипломатической изоляции, что в условиях истощения ресурсов и нанесённых союзниками поражений ставило её в крайне трудное положение.

Надо сказать, что ни Австрия, ни Пруссия в войне с Россией так и не приняли участия, но в середине января 1855 года к союзникам присоединилось [Сардинское королевство](#), заключившее договор с Францией. Ряды союзников пополнились пятнадцатью тысячами [пьемонтских](#) солдат. И королевству Сардиния было ради чего гнать на убой своих граждан... Согласно плану лорда [Палмерстона](#), ему за участие в военных действиях против России должны были достаться Венеция и Ломбардия, отобранные у Австрии

Как потом скажут политики, только Сардиния получила реальные выгоды от своего участия в войне с Россией, образовав из раздробленных королевств в 1859 году государство Италия. Но всё это будет позже...

А тем временем Севастополь продолжал защищаться. В ожидании пополнения запасов, утраченных в результате урагана, союзники особой активности не проявляли, они явно тянули время. С обеих сторон велась вялая перестрелка. Не имея возможности вести большие наземные операции, интервенты повели подземную войну. Началась дуэль сапёров, пластунов и минёров. На глубине до шести метров обе сторо-

ны старались как можно ближе докопаться до позиций противной стороны, заложив в том месте мощные заряды. Так, в прямом смысле, началась подземно-минная война.

Ощерившись дулами пушек, ведя ночные вылазки, порой даже успешные с обеих сторон, противники продолжали воевать. Героизм защитников поражал неприятеля.

В январе 1855 года русские войска попытались освободить Евпаторию, и опять попытка не удалась, и сию затею оставили.

По всей России патриотично настроенное население создавало народное ополчение, из центральной части страны к Севастополю потекли обозы. 10 февраля 1855 года император издал манифест «О призвании к государственному ополчению». Однако реальный вклад дружин государственного ополчения в Крымскую войну был фактически нулевым – ополченцев вооружили негодными ружьями, не озаботившись их военной подготовкой.

Так прошли холодные месяцы осады. И вот в середине февраля 1855 года Меншикову доставили из столицы письмо, почему-то написанное не императором, а наследником, будущим императором Александром II. Из письма наш светлейший князь узнал о своей отставке.

«Государь, чувствуя себя не совершенно здоровым, приказал мне, любезный князь, отвечать Вам его именем... Государь высочайше увольняет Вас от командования Крымскою армиею», – писал ему наследник.

Обидеться Меншиков не успел, так как через несколько дней пришло другое известие, не менее печальное: 18 февраля 1855 года после тридцати лет правления умер император Николай I.

Недовольный своей отставкой, светлейший князь Меншиков покинул Севастополь. Главкомандующим Крымскими войсками стал Горчаков Михаил Дмитриевич⁹⁸. Через короткое время пришёл ещё один указ молодого императора, в котором вице-адмирал Нахимов назначался командиром Севастопольского порта и временным военным губернатором города. А уже в марте Павлу Степановичу присвоили звание полного адмирала.

К концу февраля 1855 года холодная зима в Севастополе стала по-настоящему суровой. Остывшее к тому времени море из своих глубин прибрежных вод всё ещё отдавало последние остатки тепла, и оттого по утрам над поверхностью моря стояла серая поволока, похожая на туман.

Февраль не принес для Севастополя ничего нового. Союзные войска усиленно вели осадные работы. Не дремали и наши, день и ночь они укрепляли бастионы. Возобновились сильные перестрелки. Часто происходили ночные вылазки, в которых сначала отличались моряки и пластуны, а теперь и пехотинцы могли поспорить с ними в удалстве. На бастионах жизнь текла по-прежнему.

В это время Севастополь еще делился на две половины –

---

⁹⁸ Русский военачальник из княжеского рода Горчаковых.

мирную и боевую. Баррикады в конце улиц Морской и Екатерининской разделяли эти две половины. В центральной части города с обеих сторон улиц по дороге к оборонительной линии виднелись чудом уцелевшие после бомбардировок и ноябрьского урагана вывески магазинов. С пустыми глазницами выбитых окон стояла гостиница Томаса, а кондитерская Иоганна, куда при последней бомбардировке влетел снаряд, была сильно разрушена. Над её выбитой дверью, побитая осколками и державшаяся одной стороной, сохранилась вывеска с золотыми, местами почерневшими буквами.

Но жизнь в городе продолжалась. Попадались даже так непривычно выглядевшие на фоне неубранных улиц и разбитых домов дамы в шляпах. На закате солнца они с детьми, как и в мирное время, гуляли под звуки военной музыки на бульваре Казарского. Случалось, что и в эту часть города залетали бомбы, а чаще всего – конгревовы⁹⁹ ракеты, летевшие с страшным шумом; дамы при появлении такой неожиданной гостьи громко кричали и разбегались в разные стороны.

А из Англии и Франции один за другим подходили и подходили корабли с новыми пушками, новым современным оборудованием и прочим снаряжением. Используя временную передышку, с мыса Фиолент в Варну впервые в истории по дну Чёрного моря союзники протянули кабель телеграфа, чтобы общаться с Лондоном и Парижем. Из Балаклавы

---

⁹⁹ Зажигательные.

к своим осадным укреплениям англичане подвели железную дорогу.

К концу зимы союзники оправились от шока. Пережив её, враги активизировались. С марта по май они произвели вторую и третью бомбардировки. Особенно жестоким был обстрел в апреле, на Пасху. Более пятисот орудий неприятеля непрерывно бомбили город и укрепления. Не молчали и наши батареи, испытывавших недостаток боеприпасов: на два их выстрела отвечали одним.

«Пасхальный» обстрел стоил севастопольцам до шести тысяч убитых и раненых. К тому времени армия союзников в Крыму выросла до ста семидесяти тысяч человек против сотни тысяч русских, из которых только около сорока тысяч находились на бастионах Севастополя. Обе стороны ждали развязки. Ждали штурма.

В первых числах июня 1855 года, после четвертой бомбардировки, союзники начали мощный штурм Корабельной стороны. И этот натиск был геройски отбит защитниками города, которых возглавлял генерал Хрулев. Но случилась беда: в конце того же месяца, а точнее 28 июня, во время одного из объездов передовых укреплений на Малаховом кургане пулей в голову был смертельно ранен адмирал Нахимов. Тридцатого июня 1855 года в гостинице Ветцеля¹⁰⁰, куда из лазарета перенесли Павла Степановича, прославленный адмирал скончался.

---

¹⁰⁰ Флотское здание на пл. Нахимова (совр.).

Похоронили Нахимова в склепе Владимирского собора рядом с адмиралами Лазаревым и Корниловым.

Июльское утро 1855 года. На улицы города высыпали не выспавшиеся, по большей части не слишком сытые горожане и такие же сонные и голодные военные.

Большинство домов в центральной части города, иссечённые осколками, ядрами и бомбами, были уже покинуты жильцами. В других домах, чудом уцелевших, и, судя по занавешенным изнутри окнам и стоящим на подоконниках растениям, ещё теплилась какая-то жизнь. Во дворах была откровенная грязь, оттуда шёл запах отбросов и помоев, выбрасываемых жителями прямо на улицу.

За полуразрушенным театром вместо домов оставались лишь кучи щебня и мусора, которыми было покрыто все пространство между Екатерининской улицей и четвёртым бастионом. Немногочисленные жители вперемежку с матросами бродили среди развалин в поисках нужной утвари, дверей и просто досок для строительства блиндажей и землянок.

Стрелки башенных часов на Минной стенке, сильно пострадавшей во время последней бомбёжки, приближались к семи, когда со стороны спуска к Минке¹⁰¹, перекрестившись у церкви Святого [архистратига Михаила](#), на Екатерининскую улицу, тоже сильно пострадавшую от неоднократных бомбёжек, вышли два офицера – поручик артиллерийского полка и наш знакомый, Антон Аниканов, теперь уже

---

¹⁰¹ Минная пристань.

капитан-лейтенант.

Осторожно обходя лужи, тихо переговариваясь, они шли в сторону Графской пристани. Мимо них прошли два солдата, и, к удивлению поручика, не поприветствовали их. Поручик уже было хотел что-то крикнуть им вслед, но Антон остановил его:

– Оставь, не трогай. Они теперь по желанию только ломают шапку перед нами, благородиями. Понять солдат можно...

Не спеша офицеры продолжили свой путь. Поручик постоянно чесался: то под шинель залезал рукой и тёр в районе живота, то нагибался и растирал икры ног.

Аниканов удивлённо спросил:

– Чесотка что ль?..

– Клопы. Недавно по делам был в Симферополе, остановился в гостинице «Золотой якорь». Отвратительное место, скажу тебе. Грязь кругом, стены в кровавых пятнах от борьбы прежних постояльцев с этими насекомыми, бельё несвежее... А цены... С меня заломили такую сумму, что я, переночевав, на следующий день съехал. Однако ж чешусь вот по сей день...

В это время часы стали громко отбивать время: их глухой звук бум-бум-бум раздавался по всей округе... и так семь раз. Пехотинец задрал голову в сторону башни и прислушался.

– Английские... Адмирал Грейг¹⁰² расстарался. Не пожалел денег на часы, – дал справку Антон.

Громко цокая натруженными копытами и гроыхая колёсами по булыжной мостовой, мимо офицеров не спеша двигались пустые и загруженные телеги. Легко обгоняя их, в сторону пристани с цокотом пробегали лёгкие дрожжи и кабриолеты с не выспавшимися седоками. Хмуро глядя на них, возницы телег вяло помахивали плётками и полусонными незлобными голосами покрикивали на своих лошадях:

– Чего плетётесь?! Живее давай. Копыта бережёте, ироды!

Слегка прихрамывая, Антон, не поспевая за пехотинцем, напомнил своему товарищу:

– Кирилл, не торопись, не на пожар же спешим.

– Привычка, Антон, извини. Боюсь, чтобы шлюпка без меня не ушла. А то как потом добираться на Северную и далее – до лазарета на Михайловской батарее? Там наши тяжело-раненые... Командир полка дал задание провести их, никак не можно не выполнить. Полковника самого недавно ранило, пуля раздробила колено. Союзники попытались атаковать – еле отбились. Жуть что творилось, Антон... Четырёх обер-офицеров и около двух десятков солдат нашего полка убило сразу. А уж скольких ранило... Как я сам-то жив остался?.. – замедляя шаг, пожаловался поручик. – Но и мы штыками покосили их знатно. Одних турок до двух сотен, до полусотни англичан. Долго будут помнить английские лорды и этот

---

¹⁰² 1816-1833 гг. – командующий Черноморским флотом.

бой.

И тут же, забыв про бой, поручик произнёс:

– В войне много зла, горести, обид, но есть и поэзия: глядя смерти прямо в рыло, как выражается наш полковник, смотришь на жизнь другими глазами: вспоминаешь слова Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» и понимаешь: памятник – это доблесть защитников, и ты к этому причастен, даже если и погибнешь.

– Насчёт памятника не уверен, коль жив будешь... Но почему не помечтать?

– А вот ещё, Антон! – не обращая внимания на слова товарища, продолжил поручик. – Коль получится, хотелось бы мне попасть в Георгиевский монастырь. Говорят, там Пушкин в двадцатом году бывал и ночевал даже. Уважаю Александра Сергеевича. Далече отсюда тот монастырь?..

– Я там не был, но не близко – это точно. Я бы коня тебе своего дал, но увы... Едва купил, как на второй день осколком... Да это и небезопасно сегодня. А что с Ушаковой балки не переправился?

– Не знаю, видимо, оказии оттуда нет. А ты-то куда спозаранку?..

– Куда?.. На свою «Императрицу...», надо кое-чего из вещей забрать. Экипаж вместе с половиной пушек списали на берег, теперь идёшь по палубе, а она пустынная, словно заброшенная. Только коллеги твои, пушкарки, и остались. Я тут, неподалёку, комнату снял. У князя Горчакова служу

флаг-офицером по связям с флотом.

Поручик закурил готовую папиросу. На некурящего Антона пахнуло крепким турецким табаком. Он скривился, но вспомнил вошедший в моду мотивчик и тут же продекламировал, пытаясь даже напеть:

– Папироска, друг мой тайный, как тебя мне не любить; не по прихоти ж случайной стали все тебя курить.

Кирилл рассмеялся и, смачно затянувшись, выдохнул густую струю дыма.

Офицеры остановились перед домом с отбитым углом и торчащими из стен ядрами. Далее на возвышении виднелся бульвар Казарского с чугунным памятником на белом пьедестале; недалеко – собор и недостроенная церковь.

Несмотря на сравнительно ранние часы, на площади перед причалом было шумно и многолюдно. Стоял неприятный запах от разлагающихся на жаре лошадиных экскрементов, над которыми вился рой мух, и прочих отбросов.

Повсюду были виды разрушения. По причалу шли военные без киверов и эполет, все в фуражках и высоких нечищенных сапогах; лениво поругивались меж собой бородатые купцы и лоточники; подозрительно поглядывая по сторонам, шныряли угрюмые мужики непонятного происхождения. Среди этой разномастной публики мелькали одиночные солдаты, моряки, перевязанные платками женщины и даже мальчишки с серьёзными не по годам лицами с ядрами в руках, за которые им давали в специальных пунктах по копей-

ке.

С Северной стороны, скрипя уключинами, подходили и отходили наполненные людьми баркасы и шлюпки. При подходе к стенке, табаня вёслами, матросы успевали в последний момент выкинуть за борт кранец и голосом оповестить:

– Сидим на месте, не дёргаемся...

На свинцово-серой поверхности бухты с палуб черневших на фарватере кораблей слышались окрики и сигнальные свистки боцманов. Перегоняя друг друга, сновали мелкие суда всевозможных наименований: паровые катера, ялики, лодки и гички. Прямо перед глазами наших офицеров шапками дыма пыхнули пароходы, готовясь потащить на буксире неуклюжие шаланды, нагруженные турами,¹⁰³ набитыми землей.

И над площадью среди всей этой панорамы военной суеты стоял давно ставший привычным шум спешащих по своим делам торопливых людей с хмурыми не улыбочивыми лицами.

Для людей, недавно прибывших в Севастополь, а тем более бывших в нём ранее, фарватер бухты имел необычный вид.

Ещё в феврале [1855 года](#) от Михайловского форта на [Северной стороне](#) и до Николаевской батареи – на Южной появилась вторая линия мачт из шести потопленных кораблей.

Посередине бухты виднелись верхушки корабельных

---

¹⁰³ Плетёные корзины.

мачт, похожие на странный залитый водой во время половодья лес с торчащими во все стороны совсем без листьев стволами вековых деревьев. На сильном ветру этот «лес» шумел, вздыхал, стучал и звенел остатками стоячего таке-лажа и, словно коря людей, так безжалостно поступивших с ним, размахивал обрывками корабельных тросов и верёвок. За частоколом мачт и далее вдоль бухты в сторону Инкермана вперемешку с купеческими и транспортными судами на якорях стояли остатки боевых кораблей Черноморского флота. А на внешнем рейде, милях в двух-трёх от входа в бухту, виднелась россыпь размытых утренней дымкой силуэтов вражеских кораблей, с видимым беспорядком стоящих на якорях.

– Печальное зрелище... – грустно произнёс поручик, глядя на бухты.

– Зато рейд защищён от непрошенных гостей, – пояснил Антон и, тяжело вздохнув, добавил: – Боюсь, и последние наши корабли упокоятся рядом.

Для Аниканова, морского офицера, эта панорама за последнее время стала привычной, и он без особых эмоций, едва взглянув в сторону бухты, глазами стал искать на причале свой катер с «Императрицы Марии», доставляющий офицеров на борт корабля. Зато его коллега, пехотинец, прибывший в Севастополь недавно и ещё непривыкший к такому зрелищу, сняв фуражку, застыл, покачивая головой.

– И в страшном сне такое не приснится, – удручённо про-

изнёс поручик. – Я был года два назад в Севастополе. Теперь город изменился... И первое, что заметил, – цены... Цена фунта сахара поднялась до семидесяти пяти копеек серебром. А водки и по любым ценам неделями не бывает. Правда, что странно, мясо довольно дешёвое. Ну, с ценами ладно, переживём, а вот мне кажется, город стал взрослее, что ли... Люди стали другими. Видимо, понимают, что настало время думать не о себе, а о защите своего города и Отечества. Не находишь, Антон?

– Будешь тут взрослее... То ли ещё будет. Хотя ты прав, личный интерес побоку. Но не все так, сударь, к сожалению, думают... Люди, сам понимаешь, разные... А цены... Купцы, конечно, наживаются, но и их понять можно, Кирилл. У нас с каждым днём транспорты делаются все хуже и хуже; шестьдесят верст между Симферополем и Севастополем нужно ехать в повозке недели две, от этого все вздорожало.

Мимо офицеров пробежал мальчишка, по виду татарчонок.

– Говорят, татары бунтуют, татары, мол, изменники... А я, будучи в Симферополе, чему, думаешь, так, Антон, поразился?!.. Не поверишь... Татарам!.. Мне рассказали, что при взятии неприятелем в сентябре прошлого года Евпатории татары выпороли станового, русского. И пошли слухи о якобы злодеяниях татар... русских, мол, быют... Татары и взбунтовались. А тот становой картёжником был и взяточником, подлый человек, коих свет не видывал. А из русских

помещиков татары никого не тронули, напротив, еще и помогали им. Зато казаки бесчинствуют. Помещица одна переехала в Симферополь, так говорила, казаки, заметь: не татары, разграбили её поместье. Ну на что это похоже, Антон?

– Да разве только казаки мародёрствуют? – со злостью произнёс Антон. – Я, Кирилл, на днях получал жалованье на весь экипаж, так, не поверишь, крыса-чиновник, что деньги выдаёт, потребовал с меня шесть процентов от суммы, что предназначалась к получению... Я ему в ответ: «Ты что, гад, творишь?..» А он: «Я что ли, не знаю, как вы там и на убитых жалованье получаете?..» Представляешь?!.. А как я объясню людям недостачу?.. Вот где мародёрство...

Антон замолчал.

– Этих интендантских казнокрадов и штабных щёголей везде хватает, – не возмущаясь, ответил поручик. – Все на войне нажиться хотят.

– А татар я знаю, – продолжил Антон после некоторой паузы, – квартировал как-то в татарской семье. Татары – самый работящий и смирный народ, только с ним обхождение надо иметь. Татарин терпелив, коль по-людски с ним. Но уж если озлобится, тогда он хуже зверя... Обиды они долго помнят.

Офицеры остановились, пропуская небольшую группу солдат, лениво идущих с лопатами и кирками в руках. Тусклый взгляд, усталый вид и испачканная в земле обувь невольно заставили поручика остановиться и посмотреть солдатам вслед. Остановился и Аниканов.

– Слушай, Антон, ещё совсем недавно Россия проводили время на бесконечных смотрах и парадах. И ведь сами себе в ладоши от умиления хлопали и восхищались своей силушкой, а вот беда пришла – и оказываемся мы захваченными врасплох... Как такое возможно? Что, нельзя было за столько лет защитить Севастополь с суши? Скажи мне...

– Вахт-парады, конечно, не воспитывают солдат, они для форсу, для иностранцев. Это как пальцем погрозить: смотрите, мол, какая у нас мощь... Подумайте, прежде чем паковать нам... А вот что врасплох застали... Умы, там, в столице, всё думали, что никто нас не тронет, а оно вона как... Генералы, они на парадах мужественные и грозные, а на деле... сам видишь, Кирилл. Однако не скажу так о флотских. Их превосходительства покойные Корнилов и Нахимов очков дадут вашим сухопутным...

Поручик обиделся:

– Ну прям-таки! Что, у нас нет командиров достойных? Тотлебен, Хрулёв, Истомин, Хрущёв... Да и наш полковник, к примеру...

– К чему обиды, Кирилл? – вяло произнёс Аниканов. – Разговаривал я тут с одним офицером после Альмы, так он такого наговорил... Главнокомандующий весьма халатно тогда готовил сражение. Ни тебе карт местности, ни госпиталей, ни перевязочных пунктов. Да что говорить, носилок, и тех было мало. Жуть! И потом, выстави напротив высадки союзников батареи да дай несколько залпов... Нет, стояли в

долине, ожидая противника... Тьфу!..

Поговорив ещё немного, офицеры расстались.

Восемь утра. Подъём флагов на кораблях. И так же, как и в мирное время, матросы приступили к своей обычной повседневной работе: тёрли, мыли, скоблили, наводили чистоту на палубах, драили оставшиеся пушки, медь – словом, всё, что ещё оставалось на палубах и под ними, до самого трюма.

Отставной советник Шорохов

Большой, весьма вместительный крытый дилижанс, запряжённый двумя лошадьми, ещё месяц назад расфранчённый и нарядный в Петербурге, теперь, при подъезде к Крыму, имел, прямо скажем, далеко не столичный вид.

В вязкой грязи, толкаясь по рытвинам, объезжая огромные ямы на дорогах и проваливаясь в мелкие, спускаясь с гор и поднимаясь на них, забрызганный грязью, с помятыми порожками и вмятиной в двери, ближе к вечеру дилижанс наконец-то подкатил к Крымскому перешейку, к его воротам – Перекопу¹⁰⁴.

Внутри дилижанса находились четверо пассажиров: три женщины, две пожилые и одна совсем молоденькая, да пожилой, а, судя по одутловатому и дряблему в морщинах лицу, можно сказать, и старый мужчина. Старик не отказывал себе в удовольствии во время частых остановок в пути опрокидывать по паре стопок водки, покупая её у отставных солдат, во множестве стоящих подле сёл. Вот и сейчас, прикрыв глаза, он дремал.

Женщины вели неспешный разговор, и одна из них, баронесса, с тонкими губами и аристократической внешностью обиженным тоном сетовала на несправедливость:

– Вы, Серафима Георгиевна, можете представить себе,

---

¹⁰⁴ Город на Крымском перешейке, соединяющем Крым с материком.

чтобы раненого, пусть и легко, офицера, моего сына, отправили обозным офицером с казаками сопровождать груз в Крым? Здесь, в Севастополе, и ранило его, в Симферополе теперь лежит. Поди, своих-то сыновей поберегли чиновники столичные. Где, я вас спрашиваю, справедливость? Он в прошлом году на Балтике на Аландских островах сражался, едва выжил... Что, других, здоровых, не было?

Вторая дама в спальном чепце с раскрытой книгой на коленях, держа в руке лорнет, соглашаясь с соседкой, приговаривала:

– Как я вас понимаю, матушка. У меня самой та же история. Где справедливость? Я тоже хочу спросить.

Барышня в разговор старших не вступала, она лишь участливо кивала головой.

Неожиданно мужчина открыл глаза. Сбрасывая сонное состояние, он слегка повёл плечами и, откровенно зевнув, заговорил:

– Да-с, много у нас неправильностей, спорить не буду. Однако ж позвольте, баронесса, не согласиться с вашим недовольством, – лениво произнёс он. – Оба великих князя, как писали газеты, побывали в Севастополе как раз во время одного из сражений и, заметьте, не побоялись! А возьмём, к примеру, хорошо известного вам князя Максутова... Его сыновья сражались на Дальнем Востоке, и один из них погиб, защищая Петропавловск. А сколько генералов и адмиралов знатных погибло... Да и мой отрок тоже в Севастополе и то-

же серьёзно ранен. Вот с внучкой Лизонькой едем забирать его домой на излечение, о чём письмо от военного министра господина Долгорукова имею. Но и соглашусь с вами в чём-то... Не всё в этом мире справедливо, сударыни. Не всё... Да, видимо, без того и нельзя, коль так Создатель решил, когда лепил человек и мир этот грешный. И не один государь не исправит сие, раз на то есть воля Господня.

– А разве Бог не учит нас, грешных, быть справедливыми к людям? Разве «Возлюби ближнего, как себя самого» не есть истинная справедливость? – смущённо произнесла девушка.

– А её и в самом деле нет... – захлопнув книгу, пробурчала Серафима Георгиевна.

– Тогда кто же виноват в её отсутствии? – тихо добавила Елизавета.

Дед с некоторым удивлением посмотрел на зардевшуюся от волнения внучку и вступил в разговор:

– А люди и повинны, душенька. А что такое справедливость, позвольте поинтересоваться у вас, сударыни. Каждый ведь её по-своему трактует.

– Ну вы, батюшка Пётр Иванович, как с алтаря глаголете али как священник в храме... Поди, и ответ знаете. Недаром, как сами сказывали, столько лет чиновником прослужили, – перекрестившись, произнесла Серафима Георгиевна.

– Справедливость есть соблюдение законов, – приосанившись, многозначительно произнёс Пётр Иванович (а это был

Шорохов. Помните отставного действительного тайного советника из третьей главы?), – написанные людьми с определёнными моральными качествами и собственным разумением.

– Во-во, собственным... – желчно пробурчала баронесса. Её тонкие губки обиженно вытянулись в тонкую ниточку. – А коль дурак аль пьяница? А поди, нашёптывает государю законы никудышные. Вот и допустили безобразия. Кому не лень Россию терзают. Сама видела у Кронштадта уйму кораблей вражеских. В газетах читала о Камчатке, там тож едва отбились от аспидов. Молчу уже про Крым и Севастополь, бомбардирование там идет ужасное. Спрашивается, кому мы, русские, мешаем? Где же она, эта ваша справедливость?

– А про Кавказ, сударыня, забыли? Какой год воюем. И про Карс какой-то все газеты талдычат, – вставила Серафима Георгиевна. – Нету этой справедливости, нету...

Пётр Иванович развёл в стороны руки и с пафосом произнёс:

– Россия-матушка большая, все хотят отрезать от неё лакомый кусок, а саму на колени поставить... Вот и воюем... Рога-то всё равно пообломаем басурманам. Двенадцатый год, поди, забыли союзники. Придёт время – напомним.

Затем он сделал паузу и уже с горечью продолжил:

– Вот справедливость – другое дело. Тут вы, сударыни, в точку прямо попали. Разве власть имущая может закон со-

творить совсем для всех удобный?..

– А главное – заставить всех блюсти его... – язвительно произнесла баронесса. – Война кругом, государь наш не спит ночами, весь в трудах праведных, а чиновники воруют, лежачь в тёплых местах при должностях, а маво сына... – баронесса всхлипнула. – Ужо и не знаю, жив ли...

– Ну, полно вам, полно! И воруют не все, и сын ваш, надеюсь, поправится. А вот вернусь я к сказанному...

Дилижанс резко накренился, одно из колес угодило в яму. Послышался заспанный возглас возницы «Куды прёт?» и хлёткий звук удара кнута.

– ...Законы, их же не только, как вы, сударыня, говорите, пьяницы и дураки пишут, а и сам государь с приближёнными. Я сам бывал в тех положениях, знаю. И смею вас заверить, сударыни, император истинно хочет порядка в государстве, это точно. Беда в том, знает ли он обо всех несправедливостях? Поди, не всё ему говорят, кому ж охота подставляться под гнев государя? Вот и врут-с шельмы.

– Привыкли, поди, врать-то. Сие наш обычай – закон под себя ломать, – с той же язвительностью пробурчала баронесса.

Своё слово вставила и Серафима Георгиевна:

– А чего не врать, коль закон, что дышло, куда повернёшь, то и вышло...

– А вот не все, совсем не все у нас шельмы, а иначе как же государство существует, позвольте вас спросить, дамы! Чи-

новники, они ведь разные... Многих ещё Радищев наставлял при Екатерине Второй. Он писал: «Не дерзай исполнять обычая в нарушении закона. Закон, каков ни худ, есть ниточка, что общество держит. И если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо делает себе и обществу во вред. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ни самой смерти и пребудь в оном непоколебим. Ибо сегодня нарушишь закон ради закона, завтра нарушение будет казаться самою добродетелью; и так порок воцарится в сердце твоём и исказит черты непорочности в душе и на лице твоём».

– Во-во... «не повинуйся государю...» – кому понравится?! За что касатик и отсидел в ссылке, – уверенная в том, что все врут и воруют, заявила баронесса.

Шорохов замолк, но по тому, каким был его взгляд – хмурым и серьёзным, было видно, что старый советник разговор не закончил. И точно...

– Что поделаешь?! Мы света не переменим, людей через колено не переломим, а потому должны его брать, как он есть, только не идти вслепую, а ясно видеть, что в нем наше, что чужое.

– Да вы вольнодумец, сударь, – не то с уважением, не то с настороженностью произнесла баронесса, пугливо посмотрев по сторонам. А затем добавила: – Елизавета, детка, вы за дедом-то пригляд имейте, не ровен час...

– Никого он не боится, он даже взятки не брал, когда да-

вали. Он такой!.. – с гордостью произнесла девушка.

– А коль тьма и жизнь становится тяжкой, поневоле в темноте покусишься на чужое... – перекрестившись, совсем тихо произнесла Серафима Георгиевна, до которой с опозданием дошёл смысл спора.

– Однако ж, господа, союзники, чай, не туземцы какие-то, не из тьмы пришли к нам, всё видят. А покусились на наши земли в силу характера сваго подлого и завистливого, – парировала баронесса.

Пожав плечами, старый советник и Серафима Георгиевна не ответили, промолчали.

В это время дилижанс, зажатый на дороге с обеих сторон рядами телег и арбами, везущими в Симферополь и Севастополь провиант, и потоком телег навстречу с больными и ранеными солдатами, матросами в чёрных пальто, волонтерами из греков и ополченцами с бородами, остановился. Под злобные окрики возницы дилижанс с трудом съехал на одну из улиц Перекопа и легко побежал в направлении гостиницы, известной кучеру.

Дилижанс вскоре остановился. Щелчок открывшейся двери – и голос усталого возницы прервал разговор пассажиров:

– Перекоп, господа. Здесь заночуем, с вашего позволения. Хозяин гостиницы – грек, мой знакомый. Вкусно накормит ужином, возьмёт недорого.

На последнем слове голос мужика дрогнул, и он плутовато ухмыльнулся.

Пётр Иванович, услышав про ужин, резво подскочил и первым вылез наружу. За ним осторожно, кряхтя, подались обе пожилые дамы. Задумавшись, барышня продолжала сидеть.

– Лизонька, внученька, приехали, – протягивая девушке руку, ласково произнёс Пётр Иванович. – Сейчас поужинаем, отдохнём, а завтра – в путь. Скоро мы увидим твоего отца, до Севастополя немного осталось.

Девушка обречённо вздохнула, подала деду руку, другой придержала платье и молча вышла.

Перед приезжими стоял неказистый двухэтажный дом с облупленными оконными рамами, с обвалившейся на стенах штукатуркой и грязным крыльцом, перед которым в свете заходящего солнца поблескивала лужа.

– Война, барин, – видя недоумение пассажиров, больше обращаясь к пожилому господину, виновато произнёс возница. – Откуда тута приличествующий догляд? И, обойдя лужу, запрыгнул на широкое крыльцо сбоку.

Дверь в гостиницу оказалась закрытой. Мужик стал стучать и с каждым ударом всё сильнее и сильнее. Когда после усилий возницы дверь наконец открылась, оттуда, как ни в чём не бывало, выпорхнул содержатель этого заведения. И он оказался действительно греком. При виде клиентов, привезённых знакомым кучером, а следовательно, богатых, хозяин заулыбался во весь рот, обнажая редкие зубы. Видимо, для солидности, прижав обе руки к груди, грек залопотал по-

гречески. Затем, дико коверкая слова, перешёл, как он считал, на русский.

– Дарагие! Я есть рад, что ви есть мой кости.

И дальше пошла целая тирада благодарностей, опять же на своём языке. Казалось, ещё немного, и грек в порыве чувств кинется всех целовать... Но, слава богу, до этого не дошло.

– Послушай, любезный, – нетерпеливо произнёс один из «костей», Пётр Иванович, намереваясь остановить поток любезностей хозяина. Но грек всё понял и тут же метнулся за угол дом. Не прошло и минуты, как он, притащив широкую доску, уложил её поверх лужи.

В общем, с горем пополам пассажиры дилижанса оказались внутри заведения, больше похожего на грязный, запущенный нерадивой хозяйкой сарай. И что удивительно, посередине большой комнаты, по-видимому, гостиной, стоял биллиардный стол с потёртым сукном, на котором лежали два кия и разбросанные по всему столу шары, среди которых стояли два стакана с недопитым чаем, пара опрокинутых стопок и повсюду – хлебные крошки.

На стенах этого переделанного под ночлежку сарая с претензиями на гостиницу висели две-три картины местного живописца. Как про себя отметил пожилой господин, по тому, как хозяин часто, словно невзначай, кидал взгляды на эти нетленные произведения искусства, напрашивалась мысль, что сам грек и писал эти картины.

После долгих хождений по грязным конурам с железными кроватями, почему-то называемыми хозяином номерами, наконец, «кости» как-то разместились.

Усевшись за столом в той же гостиной, где стоял бильярд, гости заказали на ужин бифштекс из говяжьего филе. Отставной тайный советник пожелал, чтобы сие изысканное блюдо было непременно свежим и приготовленным по всем правилам ресторанного искусства. Грек слегка удивился, но на том же языке, который он считал русским, он не только обещал соответствовать этому смелому гастрономическому порыву чувств, но еще и предложил очень вкусные пирожки, борщ и крымское вино. На что любитель изыска, отказавшись от борща, тут же потребовал принести вина, желательного немного охлаждённого.

Видя нетерпение проголодавшихся гостей, грек заспешил на кухню, нырнув в боковую дверь.

Уже смеркалось, когда на столе появились глиняные тарелки с кусками мяса, посыпанными какой-то травой, глиняный кувшин с портером, лепёшки и пирожки. В отдельном кувшине дамам был подан напиток, как потом оказалось, это был узвар.

Мясо подозрительно пахивало, пирожки оказались татарскими мантами, лепёшки – уж точно не сегодняшней выпечки, жёсткие.

Пригубив из кружки портвейн странного цвета, далёкого от янтарного, видимо, местного розлива, советник по-

морщился. Однако всё равно содержимое выпил и, крякнув, пробурчал:

– Господи, кислятина-то какая... – затем, поразмыслив, что приближается ночь, другого алкоголя нет и не будет, опять наполнил кружку.

Совсем стемнело, на столе появились керосиновые фонари. Ужин прошёл в молчании, прерываемом редкими недовольными восклицаниями женщин по поводу качества пищи. Кислятина, как неоднократно повторял Пётр Иванович, наливая кружку за кружкой, вскоре закончилась. Лизонька ела мало, как, впрочем, и обе дамы. Они больше пили узвар, кстати, не вызывающий нареканий.

После ужина пассажиры вышли на улицу, сели под кипарисами на длинную скамейку за домом и наслаждались прохладным вечером. Грубоватое лицо тайного советника после выпитого кувшина портера покраснелось, на губах его заиграла хмельная добродушная улыбка весьма довольного собой человека. Он задремал рядом с внучкой.

Наговорившись вдоволь за время утомительного пути и излив друг другу душу, дамы теперь лениво и неспешно вели меж собой разговор, больше сетуя на превратности войны. Обе направлялись в Симферополь, где в госпитале, который ещё надо было разыскать, лежали их сыновья, тяжело раненные в Севастополе на одном из бастионов.

Лиза, пребывая в мечтах, больше молчала, лишь изредка отвечала на вопросы женщин короткими фразами. За длин-

ную совместную поездку наговорились. Лиза с дедом направлялась к своему отцу в Севастополь, тоже раненому, и, судя по его письму, лежал он в частном доме в центре Севастополя, арендованном под госпиталь. Сам Пирогов оперировал отца. Старый Пётр Иванович поехал с внучкой, чтобы забрать сына домой, в столицу.

Глядя в чёрное с проблесками блестящих искорок небо, Лиза мечтала увидеть падающую звёздочку и успеть загадать желание. Какое?.. Конечно, чтобы отец поскорее поправился. Как назло, небосклон был обездвижен. Тишина! Мысли девушки перенеслись в другое время, радостное и безмятежное.

В июле прошлого года она вместе с мамёнкой по приглашению папа уже была в Севастополе. Море и горы. Ах, какой город! Особенно его часть, известная как Корабельная слобода, живописно расположенная амфитеатром на горе. А Севастопольская бухта... Нет сомнения, что в целом свете не найти лучше её. Широкая, глубокая, извилистая, с крутыми берегами, с изумрудной водой и окруженная со всех сторон горами, а посередине бухты – корабли, много, много... Прелесть...

Ах, какое незабываемое время!.. Папа водил их на большой парусник, катал на катере вдоль бухты, возил за город в монастырь, где бывал Пушкин, которого она обожала. Вечерами они с маман гуляли по набережной... Там, на набережной, она увидела того красивого застенчивого офицера,

которого дед представил ей на балу у великой княгини Елены Павловны в начале прошлого года. А вот как его зовут – забыла. Где он сейчас?.. Что с ним?.. Жив ли?..

Тихий храп деда прервал размышления девушки. Лиза поправила его голову, сползшую ей на плечо, и вздохнула.

Так прошёл вечер. Ночь тоже выдалась спокойной. К счастью пассажиров, следствием ужина были только урчание в животе и изжога.

Рано утром, позавтракав теми же лепёшками и брынзой (кстати, весьма свежими), Пётр Иванович рассчитался с хозяином гостиницы. Цена, названная греком, тайного советника удивила, но спорить он не стал – заплатил. Кучер, сидевший уже на козлах, коленями придерживая кнутовище, связывал растрепавшийся кнут, но, услышав сумму, названную греком, ухмыльнулся, едва не выронив кнутовище.

Стуча копытами по разбитой дороге, отдохнувшие за ночь лошади потянули свою повозку дальше.

Недалеко от Екатерининской улицы Шороховы, опять же по совету пронырливого возницы, в одном из домов сняли две комнаты за смехотворные деньги. По сравнению с соседними разваленными каменными строениями, с чернеющими от пожаров обгорелыми стенами, этот дом был довольно сносным, а главное, на удивление, почти не тронутый бомбёжками. А ещё к нему примыкал небольшой дворик, обнесённый хлипким покосившимся невысоким забором, вдоль которого росли побитые осколками старые раскидистые пло-

довые деревья, одно из которых – с надломленным стволом.

Поначалу немолодая подслеповатая хозяйка очень удивилась неожиданным постояльцам, пожелавшим остановиться в её скромном, как она считала, жилище и хотела было отказать им, но, узнав о цели прибытия столичных господ, всплакнула и согласилась, назвав цену.

Комнат в доме было четыре: две смежные и две отдельные, в одной из которых ютилась сама хозяйка, а другая, пристроенная к дому со стороны двора, как сказала хозяйка, была уже занята неким офицером.

– Не будет он вам мешать, редко бывает дома, всё на службе, – успокоила она, – очень культурный молодой человек. Да вот уже несколько дней, как в отсутствии. Жив ли касатик?

На том и решили. Возница занёс в дом вещи пассажиров и посетовал на дороговизну сена для лошадей:

– Прибавить надать прогонные, барин. Своими поистратился ужо. Почитай, до четырёх рубчиков серебром пуд сена нынче стоит, и то, поди найди. А мне ж ишо обратно итить.

– Как обратно?.. – с досадой произнёс Шорохов. – Позволь, любезный, а как мы?.. Нам же больного везти...

– Не знаю, барин. Приказ властей: грузиться ранеными... Вы, коль найдёте сына, повозку купите. Оно нынче недёшево, конечно, но рубчиков за девяносто, глядишь, и сторгуете, – мужик почесал свою бородёнку и то ли, чтобы слышал барин, то ли для себя горестно добавил: – А вино?!.. Мыслимо ли, ещё недавно было рупь, теперича девять стоит. Кады

так можно жить?

Пётр Иванович вздохнул:

– Однако это ужасно и досадно, – и от безысходности, в знак согласия махнув рукой, достал кошелёк.

Возница с довольным видом слегка стеганул вожжами, и уставшие кони понуро тронулись с места.

– И всюду-то у него знакомые, и всё-то он знает, – пробурчал отставной советник. И вслед ему прокричал: – Смотри, коль что не сложится, с нами – обратно...

Мужик что-то невразумительно прокричал в ответ, и дилижанс скрылся за поворотом.

На следующий день утром, надев парадный мундир, вместе с Лизой Пётр Иванович пешком направился к губернатору или к кому там ещё, способному указать, где находится его сын.

Конец июля. Стояла жара, было душно. Небольшой ветерок разносил по улицам неприятный запах. Ноздри забивал едкий запах карболки, и казалось, он был везде и от него никуда не скроешься. Лиза в широкополой шляпе, в белом платье недовольно морщилась, прикрывая носик платочком.

И Петра Ивановича, и Лизу город поразил. Будучи в Севастополе по казённым делам лет так двадцать назад, тайный советник помнил его цветущим и благоухающим. В центре, на набережных по вечерам звучали оркестры, гуляла празднично одетая публика, среди которых, выделяясь белоснежными мундирами, прохаживались бравые офицеры. Повсюду воз-

вышались стройные кипарисы, цвели катальпы, свежий морской ветерок гулял по прибрежным улицам.

– Неужели это Севастополь?.. – сокрушался старик.

Ещё больше внешний вид города поразил девушку, она представляла его совершенно другим, а тут: разрушенные дома, грязные улицы, вонь от разлагающихся на жаре трупов животных, горожане – хмурые, плохо одетые, куда-то спешащие... И где-то здесь, среди этой разрухи, страдал их раненый сын и отец.

Однако гнетущее впечатление развеял первый же встречный мужик в поддёвке, стоптанных башмаках, с густой нечёсаной бородой. На вопрос Петра Ивановича, как найти дом губернатора, он, глядя на расфуфыренных господ, с широкой добродушной улыбкой на лице тут же показал рукой в сторону Морской улицы¹⁰⁵, при этом, пригладив свою бороду, добавил:

– Тама живут адмиралы, и Новосильский Фёдор Михайлович, наш губернатор, тож... Поди, помните бриг «Меркурий», господа хорошие. Я служил по молодости на ём в том геройском плавании. А Фёдор Михайлович был тогда ишо лейтенантом на том бриге. А кады турки нагнали нас, так наш лейтенант с пистолетом стоял в пороховом погребе. И взорвал бы, едрён корень, и себя, и корабль, не отстань от нас турки. Геройский охфицер был, чего и говорить. Вот та-переча апосля Пал Степаныча нашего городом и портом ко-

---

¹⁰⁵ Проспект Нахимова (совр.).

мандует. Вы, господа, поспешайте. Он долго на месте не сидит. Коль обстрел не начнётся, може и застанете его. Поспешайте.

И, отойдя на несколько шагов, отставной матрос обернулся и крикнул:

– Ужо поберегись, барин, коль опять вражина бомбить начнёт. Безопасных местов у нас боле нету.

Поблагодарив разговорчивого отставного матроса, взяв внучку под локоть, Шорохов заспешил в указанном направлении.

Дом губернатора на Морской улице, даже не спрашивая прохожих, Шороховы нашли быстро. Возле него стояла группа военных, взяв в плотное кольцо адмирала, разговаривающего с женщиной. Этот адмирал, видимо, и был новым губернатором Новосильским. Он терпеливо выслушивал настойчивые требования дамы, теребя в руках фуражку. До Петра Ивановича донеслись его слова: «Сударыня, ну поверьте, – для достоверности губернатор прижал руку к сердцу, – на сей момент никак не можно удовлетворить вашу просьбу. Обозы с медикаментами опять застряли где-то. Потерпите...»

К своему удивлению, Шорохов узнал в этой даме Бакунину Екатерину Михайловну, отца которой, Михаила Михайловича, генерал-майора и бывшего во времена его молодости столичным губернатором, он знал. Однако он умер где-то около двадцати лет назад.

Несмотря на недовольство окружающих губернатора, очевидно, тоже просителей, явно подававших даме знаки нетерпения, Бакунина продолжала шумно выражать собственное недовольство и размахивать перед адмиралом листком бумаги, по всей видимости, с перечнем крайне необходимых медикаментов.

Но вот, растолкав окружающих адмирала людей, ординарец подвёл к Новосильцеву коня, всунув ему в руку уздечку. Просители зашумели, выкрикивая просьбы и протягивая губернатору свои листки с перечнем просьб. Едва не задев ногой ближайшего посетителя, адмирал, как заправский всадник, взлетел в седло.

– Господа, господа, совершенно нет времени, – устало произнёс он. Однако на чей-то выкрик по поводу нехватки леса удивлённо возразил: – Как нет досок и брёвен?.. Намедни завезли же. Идите и получите.

– Ваше превосходительство, так нет уже ничего. Купцы подлые продали лес англичанам. А нам кукиш вместо брёвен... А с него мало что получится.

В это время со стороны Малахова кургана послышалась заглушённая дальностью очень оживлённая ружейная перестрелка, а затем раздались бухающие звуки орудийной канонады.

Губернатор, пришпорив коня, осторожно выбрался из окружения и вместе с ординарцем помчался вдоль улицы.

Раздосадованная неудачей, Бакунина спрятала листок в

небольшую сумочку, и тут она встретилась взглядом с Шороховыми.

О Екатерине Бакуниной, по линии матери внучатой племяннице фельдмаршала Кутузова, по собственному желанию окончившей курсы при Крестовоздвиженской общине сестер милосердия, основанной великой княгиней Еленой Павловной, в Севастополе знали многие. Ещё в декабре прошлого года она в составе третьего медицинского отряда общины (три врача, два фельдшера, восемь сестер) приехала в Севастополь для оказания помощи раненым.

Забегая вперёд, скажем, что храбрая женщина во время захвата противником южной части Севастополя последней из сестер милосердия перейдёт через мост на Северную сторону. И это будет совсем скоро...

Недовольная неудавшимся визитом к губернатору, тем не менее, Екатерина Михайловна с тёплыми ностальгическими нотками в голосе воскликнула:

– Ах, как неожиданно... Какими судьбами в наших краях, Пётр Иванович? Да ещё с Лизонькой!

– Да вот, сударыня, Екатерина Михайловна, пришлось-таки. Сын мой, Егор, ранен, где-то здесь в городе лежит. Хотим вот с внучкой забрать его. И письмо от министра военного князя Долгорукова на то имею. Да, право, не знаю, как найти его. Не поможете?..

Оставив Шороховых на одной из лавок под тенью дерева, Бакунина попросила их подождать, а сама быстрым шагом,

насколько позволяло её одеяние сестры милосердия, удалась.

После совсем непродолжительного времени энергичная Бакунина вернулась. Оказалось, чему она сама очень удивилась, что младший Шорохов находится совсем недалеко, на той же улице, в доме купца Гущина, приспособленного под лазарет для тяжелораненых, где как раз Екатерина Михайловна и была старшей медицинской сестрой.

Сообщая это известие Шороховым, глядя на их счастливые лица, в особенности Лизы, что сын и отец нашёлся, Бакунина, повидавшая за это время немало горя и человеческих страданий, едва сдержала слёзы.

У того дома была мрачная слава: «попасть к Гущину» означало приговор к смерти. Это был дом умирающих, дом гангренозных, отравляющих воздух вокруг себя нестерпимым зловоньем, с которым не могли справиться целые ведра так называемой «ждановской жидкости»¹⁰⁶. Редко кто проживал здесь сутки; большей частью через несколько часов изуродованный защитник Севастополя отдавал Богу душу...

Ещё не доходя до двухэтажного каменного с большими помпезными окнами дома, располагавшегося вдоль улицы, Шороховы почувствовали отвратительный гнилостный запах, парящий повсюду. И дед, и внучка зажали носы. Дорогу им преградила телега с двумя деревянными бочками с плес-

---

¹⁰⁶ Жидкость, превращавшая зловредный воздух в более здоровый, распространяя запах древесины.

кавшейся через край водой.

Рядом с телегой, запряжённой в неё старой совсем худой клячей, стоял мальчишка лет двенадцати, босой, в изодранной рубаше. Парнишка вместе с кобылой терпеливо ожидал, пока с тыльной стороны дома выйдет арба, крытая выцветшей холстиной, из-под которой выглядывали окровавленные части людских тел.

Шороховы вопрошающе посмотрели на Бакунину.

– Умершие, – тихо сказала она. – А воду возим из колодца. Союзники давно разрушили виадуки, перекрыв нам речную...

– Господи, как это всё ужасно, – прошептала Лиза.

– Да, Лизонька, ужасно и противно. Бывает, сморишь в глаза собаке и думаешь: человек! А иногда сморишь в глаза человека и думаешь: собака... – гневно высказалась Екатерина Михайловна. – И вроде бы союзники – люди, воспитанные такими же матерями, как мы, а поди ж ты, хуже собак, эти чванливые англичане и галантные французы. Что-то я не припомню, чтобы в Париже, Берлине, да мало ли где, топтали землю сапоги наших солдат и так издевались над гражданским населением, перекрывая воду. И они ещё нас считают варварами?!..

Постукивая колёсами по уцелевшим на дороге булыжникам, арба с печальным грузом медленно проплыла мимо водозаборки.

– Пошли, что ли?.. – произнёс мальчишка. – Чего сто-

ишь?.. Трогай...

Кляча лениво повернула голову на голос ворчливого мальчишки, слегка всхрапнула, поднатужилась, телега дёрнулась и... поехала.

Бакунина первой вошла в большой зал здания. Она быстрым привычным шагом, осторожно обходя лежащих на полу раненых, прошла по залу и скрылась в одной из боковых дверей.

Шороховы остались у двери. Увиденное повергло их в шок. От испуга Лиза ухватилась за плечо деда.

В душном, несмотря на открытые окна зале, стоял тяжёлый смрад от человеческих испражнений, крови, гниющих ран, немного перебиваемый запахом свежеструганной древесины. Если и можно было дышать, то весьма осторожно, неглубокими вдохами, стараясь не разглядывать источник этого «амбрэ» – тела изувеченных, доживавших последние часы людей.

В помещении было очень душно, стоял гул, ежеминутно прерываемый криком от боли несчастных раненых, в беспомощности зовущих своих матерей.

На глаза старого советника навернулись слёзы. Он со страхом смотрел на лежащих по полу, боясь увидеть там своего Егора. Неожиданно прямо возле него послышался дребезжащий, видимо, от потери сил, голос раненого солдата с перебинтованными ногами и пропитанной спёкшейся кровью грязной повязкой на голове. Он тянул вверх руку и, зады-

хаясь, звал на помощь. Подавляя тошноту, подступившую к горлу, Лиза нагнулась к нему. Но в это время к раненому подбежала сестра милосердия, немолодая женщина небольшого роста с красными воспалёнными глазами. Поздоровавшись с Шороховыми, сестра нагнулась к солдату.

– Что, миленький, что?.. – зашептала она.

Солдат, преодолевая боль, попытался ей улыбнуться, но улыбка не получилась... У него не хватило сил сомкнуть губы, и он так и остался лежать с этим оскалом. Из последних сил он протянул сестре небольшой свёрток, завёрнутый в тряпицу, связанный бечёвкой, из которого выглядывал листок с криво нацарапанной фамилией и адресом. И, дёрнувшись последний раз, так с несостоявшейся улыбкой на лице и помер.

Сестра прошептала над покойным привычные слова молитвы, три раза перекрестила солдатика и закрыла ему веки. Затем она поднялась, развязала свёрток – там были деньги.

– Отправлю, касатик, обязательно отправлю матери, – и, увидев вопрошающий взгляд старого господина, добавила: – Так многие делают... Затем, оглядев залу, она спросила:

– Вы кого-то ищете, господи?

Пётр Иванович помедлил с ответом, боясь произнести свою фамилию и услышать страшный ответ, но тут открылась дверь, куда недавно зашла Бакунина, и оттуда вышла она сама, держа в руках целую кипу листов.

– Пётр Иванович, хвала Господу, вашего сына сюда при-

везли по ошибке. Его осмотрел Николай Иванович Пирогов, отругал кого надо и месяц назад дал указание отвезти вашего сына на Северную сторону в лазарет Михайловской батареи к киевскому хирургу Гюббенету. А он, Гюббенет, поверьте мне, творит порой чудеса. Глядишь, ваш Егор в полном здравии находится.

Она подошла к Шороховым, так и стоявшим подле входной двери, боясь сделать шаг, чтобы не наступить на лежавших повсюду людей.

При упоминании фамилии Пирогова, о котором в столичных газетах писали много хвалебного, действительный тайный советник несколько воспрянул духом:

– Екатерина Михайловна, голубушка, как попасть на ту батарею и встретиться с Пироговым?

– Не получится, Пётр Иванович. Николай Иванович отсутствует, в июне в Петербург отбыл, ожидаем его возвращения к сентябрю. Вместо него теперь, упоминала уж, Гюббенет Христофор Яковлевич, весьма опытный доктор, дай Бог ему здоровья. Он, почитай, с начала осады в Севастополе трудится. А попасть на батарею можно с причала, туда на шлюпках можно переправиться, – и Бакунина, обрадованная, что не принесла печальную весть своим знакомым, сообщила: – Поезжайте немедленно. Врачи там отменные, даже есть американцы-добровольцы, трудятся не покладая рук.

Открыв дверь, она вывела Шороховых на свежий воздух. День давно уже перевалил за полдень. Липкая от влаж-

ности июльская жара нагревала уличный булыжник, на котором босоногие дети старались не задерживаться, а отсутствие движения морского ветерка делало зной невыносимым. По спине Петра Ивановича стекали противные ручейки пота, лоб покрылся испариной. К его удивлению, Лиза стойко переносила все эти неудобства – не жаловалась, только просила не идти слишком быстро.

До Графской пристани дед с внучкой дошли довольно быстро, благо она была недалеко.

Конечно, и вид затопленных кораблей посередине бухты, о чем и хорошо, и плохо писали газеты Петербурга, и печальное зрелище разбитого города на фоне доносящихся откуда-то разрывов, так похожих на раскаты грома во время грозы, неприятно поразили Шороховых. Да что там поразили – вселили тревогу и даже страх от витающей над городом безысходности. К этому прибавились и угрюмые лица прохожих, и неприглядная поверхность деревянных причалов.

Несмотря на отсутствие морского ветра, дышалось возле воды значительно легче. И дед, и внучка, прикрыв глаза, стояли на самом краю настила и не могли надышаться.

Необычная пара на причале привлекла внимание извозчиков возможностью немного заработать. К ним подошёл высокий сухощавый с длинными руками мужик, по виду – бывший матрос, коль судить по давно не стиранной на нём робе.

– Куда изволите, господа? – настороженно разглядывая

одеяние необычной пары, подчёркнуто вежливо произнёс матрос.

– На Михайловскую батарею, любезный, – ответил Пётр Иванович.

Матрос тут же назвал цену и рукой показал на стоявший на привязи в саженьях пятнадцати ялик.

– Доставим в лучшем виде, вашбродь. Не извольте тревожиться.

– Сына раненого хочу забрать. Не знаю, жив ли.

Отставной матрос как-то по-особому посмотрел на господ, тяжело вздохнул, и стоимость проезда снизил почти в половину.

К причалу в это время подошёл катер. Из него выпрыгнул матрос и, ловко внахлёст намотав на причальный кнехт швартовый конец, подал руку офицеру, взяв у него небольшой саквояж. Офицер лихо перепрыгнул через невысокий борт катера, но слегка не рассчитал и поскользнулся. С его головы слетела фуражка, но он успел её схватить, не дав скатиться в воду. Довольный своей реакцией, офицер рассмеялся. И этот смех на фоне общей угрюмости привлёк внимание Шороховых, стоявших рядом.

Лиза кинула взгляд в сторону незадачливого офицера и... остановилась. В нём она узнала того красивого офицера, о котором совсем недавно вспоминала. Удивлённо воскликнул и Пётр Иванович, распознав в офицере своего собеседника на балу у великой княгини:

– Ба, вот это встреча! Рад видеть вас, дорогой Антон Дмитриевич, в таком месте и в полном здравии.

Обернувшись на голос и узнав старика, ошарашенный Антон от изумления вытаращил глаза, а когда увидел даму рядом с ним, то на мгновение потерял дар речи.

Они так и стояли, разглядывая друг друга. Голос мужика вывел их из оцепенения:

– Барин, вашбродь, ехать-то будем? Аль как?..

– Подожди, подожди, любезный! Будем, конечно, – закричал советник и бросился к Антону.

Они по-русски троекратно расцеловались. Возбуждённый Пётр Иванович обернулся к внучке:

– Лизонька, нет, ты глянь, глянь, кто это...

И без того покрасневшая от жары и духоты девушка от смущения стала лицом похожа на красный помидор.

– Вижу, дедушка, вижу. Я очень рада. Здравствуйте, сударь, – зачем-то придерживая шляпу, только и сказала она.

Почувствовав некую задержку, а то и вовсе потерю клиентов, мужик опять настойчиво повторил вопрос по поводу поездки.

Шорохов развёл руками и, обращаясь к Антону, дрогнувшим голосом произнёс:

– Дела, сударь, требуют нашего короткого расставания, уж не обессудьте. Сына еду забирать – раненый он в лазарете на Михайловской лежит. Адрес, где мы с Лизонькой остановились, коль не трудно, запомните.

И он назвал адрес.

– Где-где вы остановились? – удивлённо переспросил Антон.

Пётр Иванович повторил.

– Бывают, конечно, в жизни совпадения, но чтоб такие... Я ведь, Пётр Иванович, там же квартирую, но именно сегодня собирался съехать. Видимо, коль ничего непредвиденного не случится, придётся отставить сие действо.

Поговорив буквально минуту-две, они расстались. Уже отойдя на несколько шагов, Пётр Иванович обернулся и прокричал:

– Милостивый государь, Антон Дмитриевич! А не затруднит ли вас к вечеру разжиться неким напитком, от коего голова светлее становится и мысли яснее и в порядок правильный выстраиваются...

Антон рассмеялся, вспомнив шампанское и его количество, потреблённое старым советником на балу.

– Не извольте беспокоиться, что-нибудь придумаю, Пётр Иванович.

Молчавшая во время разговора мужчин Лиза тоже повернулась и, не ожидая от себя такой смелости, неожиданно приветливо помахала Антону рукой. Лейтенант замер, боясь пропустить каждый взмах этих божественных движений.

Глядя издали на остановившихся клиентов, думая, что их коллега никак не может договориться с ними в цене, к господам заспешили конкуренты. Завидя их, особенно пер-

вых двух, заклятых «врагов» в нелёгком извозчицьем деле, отставной матрос почти бегом, оглядываясь на пассажиров (не дай бог, перехватят с другой стороны), рванул соперникам навстречу. Его угрожающая стойка, бычий взгляд наклонённой слегка вперёд головы, ну и, конечно, два сжатых кулака остановили движение наглых коллег, и те молча повернули обратно.

И вскоре, лавируя посередине бухты между верхушками корабельных мачт затопленных кораблей, ялик стал приближаться к берегу Северной стороны, к Михайловской батарее.

Ещё не придя в себя от неожиданной (но такой желанной) встречи, сжав в руке фуражку, Антон продолжал стоять на причале, устремив взгляд в сторону ялика: платье и шляпа девушки белым пятном выделялись на тёмном фоне лодки. И там, в лодке, находилась его Цирцея!..

Забытые нежные волнительные чувства мирных дней снова переполняли его. И казалось, что всё позади: нет войны и нет страшных бомбардировок, смерти и разрухи, всё в прошлом...

Вдохнув полной грудью, Аниканов надел фуражку, кинул последний взгляд в направлении Михайловской батареи, подхватил свой нехитрый багаж и медленно с неохотой покинул причал.

Ближе к вечеру совершенно уставшие Шороховы тем же способом и с тем же лодочником, с которым сговорились ранее, переправились обратно в город.

Егора они нашли в печальном состоянии, а главное, его нельзя было забрать с собой. Измотанный и очень уставший доктор Гюббенет с воспалёнными от постоянного недосыпания глазами весьма не рекомендовал отцу забирать сына.

– Не выдержит ваш сын переезда без медицинского наблюдения и перевязок, помрёт, смею вас заверить, господа, – сказал он и тут же посоветовал: – Вы, господин Шорохов, постарайтесь лучше достать где-нибудь лекарства, список которых я дам, да и питаться вашему сыну нужно лучше. Где будете брать, не знаю, сами понимаете: война... Однако, коль письмо имеете от министра, постарайтесь обратиться к начальству, может, оно и поможет. Сию идею ваш сын подсказал, он же у вас по интендантской службе... А нет, лучше езжайте назад, пока есть такая возможность.

И вот, добравшись наконец до дома, Пётр Иванович и Лиза привели себя в порядок: переоделись, умылись холодной колодезной водой, заботливо приготовленной хозяйкой, и в ожидании ужина, оговоренного заранее, сели за домом на лавку возле сбитого из досок стола под яблоней.

Дневная жара несколько спала, небольшая прохлада приятно освежала. Они сидели молча. Вдали раздавались одиночные разрывы, где-то рядом слышались голоса соседей, негромко поскуливала хозяйская дворняжка...

Первой заговорила Лиза.

– Дедушка, я останусь, – неожиданно тихо произнесла она. – Нельзя оставлять папеньку.

Пётр Иванович совсем не удивился этим словам. Он с нежностью посмотрел на красивый профиль лица уже взрослой внучки, вспомнил её ещё маленьким ребёнком, незаметно вздохнул и мягко, по-отечески и тоже тихо ответил:

– Опасно, Лиза, и весьма. Вспомни, что врач сказал: «Пока есть возможность...» А он просто так не скажет. А если не будет той возможности?.. А давай-ка, Лизонька, останусь я, а ты поезжай, милая. Негоже девушкам быть в городе, коль, не дай бог, сюда ворвутся враги.

– Нет, я останусь, – твёрдо и решительно возразила Лиза. – Не будем спорить, дедушка.

Помолчав, Пётр Иванович не менее решительно произнёс:

– Остаёмся вместе, Лизонька. Да и надо сказать, обратный путь вовсе не безопасный для одинокой барышни. В общем, вопрос решён и хватит об этом. Тем более... – дед хитро поглядел на внучку. – Антон Дмитриевич рядом будет...

Загавкала дворняга.

– А вот и наш сосед пожаловал, – весело воскликнул он, увидев, как из-за дома с большим свёртком и баклагой в руках, пригибаясь под раскидистыми ветками старой яблони, вынырнул Антон Дмитриевич, за ним – хозяйка и, виляя хвостом, собака.

– Ну вот, все в сборе, – в предвкушении ужина объявил Пётр Иванович.

Несмотря на печальные события минувшего дня, ужин

прошёл, можно сказать, весело. Мужчины и хозяйка с удовольствием пили хоть и кислый, к тому же разбавленный, портер, неизвестно как добытый Антоном. Украдкой поглядывая на молодого человека, смущаясь, Лиза тоже пригубила хмельного напитка, на что дед лишь погрозил ей пальцем. Не оставалась обделённой и собачка. Свернувшись клубочком у стола, она жадно ловила бросаемые ей кусочки пищи и, не жуя, проглатывала их.

Уже почти стемнело, вечерний полумрак лёг на землю, когда хозяйка покинула своих постояльцев, уведя с собой почти сытую дворнягу.

После полного впечатлений трудного дня ужин, портер, вечерняя прохлада расслабили компанию, хотелось говорить и говорить... По крайней мере, этого хотел старый советник, но выслушивать нравоучения Петра Ивановича вряд ли хотели молодые люди... Да и о чём говорить? О политике? О войне?

Лиза знала, что дед сейчас будет философствовать и с ним лучше не спорить – конца-края не будет спорам. И она не ошиблась...

– Вот сподобился я, молодые люди, как-то прочитать в журнале «Телескоп» некое произведение некоего Чаадаева Петра Яковлевича. Ты, Лизонька, сей журнал тоже листала, будучи совсем крошкой, помнишь?

Девушка улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Так вот! А прочитал сию публикацию я потому, как б-о-

о-льшой скандал случился. Уваров, в то время министр народного просвещения, боже, как он ногами топал, негодуя на автора, потребовал от полиции даже журнал запретить.

– Господи, что такого он написал? – спросила Лиза.

– Ни много ни мало, «Царство Божье». «Совершенный строй» желает построить этот Чаадаев. Каково?!.. Он пишет о мрачном и тусклом нашем существовании, где нет внутреннего развития, и о том, что мы все живём для того, чтобы преподать какой-то урок далёким предкам. Призывает любить Родину, но истину ставит превыше всего.

– Бред... – высказался Антон. – «Царству Божьему» на небесах быть полагается. «Совершенный строй»?.. Для кого?.. Для союзников?.. А как же мы, Россия, и прочие народы?

– Вот, в точку, Антон Дмитриевич. Чаадаев пишет, что англичане, кельты, германцы, греки и прочие народы Запада образуют Европу, достоинство которой в долге, справедливости, праве и порядке. И всё это Европа якобы приобрела вследствие познания ею истины. И не нужны, настаивает он, другие цивилизации неевропейской формы быта. К чему я всё это говорю? – Пётр Иванович махнул рукой в сторону окраин города. – Вон они, европейская справедливость и порядок. Позор! Что они здесь делают, за тысячи вёрст от своих домов, а?.. Речную воду, и ту отключили, мерзавцы. Что-то я не припомню, чтобы наши войска, будучи в Берлине, Париже, да мало ли где топали сапоги наших солдат, так по-

ступали с жителями. Вот кто варвары, так это они, союзники.

– Не слышал я о сих рассуждениях господина Чаадаева. А где он сейчас, автор сей, Пётр Иванович? – спросил Антон.

– Да где ему быть?.. По указу государя объявлен сумасшедшим. Издателя сослали, журнал закрыли. А где сейчас сей автор, право, не знаю. Поди, коль жив, читает в газетах о справедливости своей Европы.

– Хотел бы я спросить этого Чаадаева, за какую же истину погиб мой брат Михаил, Царство ему небесного, защищая Петропавловск, что на Камчатке? Он ли дрался на территории Англии? Нет же... на своей! – зло произнёс Антон. – А в том, что за справедливость сражался брат, согласен, только не мнимую, европейскую, а свою!

Разговор затих. Начатая Шороховым тема после этого исчерпала себя. Говорить больше не хотелось. Наступила тишина. Каждый размышлял о своём.

Нельзя сказать, что Антон обрадовался, узнав, что Шороховы решили остаться, совсем нет, – опасно, но возможность быть рядом с этой прелестной девушкой, чего скрывать, воодушевила его.

– Что хочу сказать, – наконец заговорил слегка захмелевший Антон, – решение ваше, господа, весьма достойно уважения, слов нет. Сколько продолжится осада Севастополя, одному Богу известно. Но боюсь, конец близок и он, вероятно, будет неутешительным. Сегодня, а вы должны это знать, я служу флаг-офицером у командующего Крымскими войсками.

ми князя Горчакова, получил приказ оповестить генералов, указанных самим князем, о завтрашнем важном совещании.

Антон посмотрел по сторонам и уже более тихим голосом продолжил:

– Скажу вам по секрету, очевидно, будет принято решение об атаке неприятеля. Дай-то бог нашим войскам прорвать осаду. Однако будет ли она успешной – неизвестно. Мы уже дважды в октябре того года пытались это делать – результат плачевный.

– А позвольте полюбопытствовать, Антон Дмитриевич, какой из Горчаковых ваш начальник? – спросил Пётр Иванович. – Я знаю Михаила Дмитриевича – генерала и Александра Михайловича – дипломата. В июне пятьдесят четвёртого последний был назначен в дипломатическую миссию в Вену.

– Михаил Дмитриевич, конечно. После князя Меншикова он стал начальствовать над войсками.

– Хм... ну и как он?

Антон задумался.

– Сказать, что его шибко полюбили в армии... Наверное, нет. Князь, конечно, пытается быть более дружелюбным, чем его предшественник, и это видно. Но Михаил Дмитриевич имеет досадную трудность с языком, русским, я имею в виду. По-французски наш главнокомандующий объясняется ничуть не хуже самих французов. Солдаты, да и мы, офицеры, когда он говорит на родном языке, не всегда его понимаем.

К тому же он говорит тихо и неразборчиво. Даже нам, его адъютантам, приходится переспрашивать.

– Есть такой грех у князя, есть... А что тихо говорит... Стесняется, поди... Он и по молодости редко русский употреблял, всё больше французский пользовал. С Лизой только по-французски разговаривал. Помнишь, Лиза?

– Как не помнить, – прошептала она.

– А вот вы, молодой человек, дали хорошую идею. А не пойти ли мне завтра на совещание вместе с вами? Письмо я имею от военного министра для командования, где указано о всякой мне помощи на случай нужды. Вот она, нужда, и появилась.

– Да-да, Антон Дмитриевич, – поддержала деда Лиза. – Мы весьма в том нуждаемся. Лекарства для папеньки нужны, а их у врачей нет.

Антон задумался, но через минуту решительно произнёс:

– Как можно вам отказать в этом благородном деле? Извольте, Пётр Иванович, быть готовым с утра. Совет будет проходить на Николаевской батарее – это недалеко отсюда.

– Непременно буду, – с готовностью произнёс советник. Затем, посмотрев на молодых людей, добавил: – Оставлю вас, молодёжь, мне по такому случаю не грех и выспаться. Ты, Лизонька, оно хоть и весьма тепло, однако ж не простудись и не сиди долго. Антону Дмитриевичу тож, поди, потребно отдохнуть.

С этими словами Пётр Иванович несколько тяжело

поднялся и, осторожно ступая в темноте, ушёл.

Антон и Лиза остались одни. Наступила неловкая тишина, нарушаемая только неясными со стороны соседских домов звуками. Но и они вскоре затихли. Город засыпал.

– Вы, Елизавета Егоровна, весьма и весьма смелая девушка. Не каждый столичный мужчина рискнёт приехать сегодня в осаждённый неприятелем город, – наконец произнёс Антон, с грустью глядя на еле видный в темноте профиль Лизы.

– Какая же это смелость? Это обязанность, Антон Дмитриевич, коль отец при смерти. Я сегодня видела действительно смелых женщин – сестёр милосердия. Одна Екатерина Михайловна Бакунина чего стоит.

Антон оживился возможностью продолжить разговор:

– У нас тоже есть своя героиня, Дарья Михайлова, Даша Севастопольская, как её прозвали солдаты. Простая девушка, дочь простого матроса, а скольких спасла раненых на поле боя... И она не одна такая. Сразу после первой битвы на Альме городские женщины-добровольцы без страха попасть под обстрел на себе таскали раненых солдат и офицеров.

Разговор опять затих. Антон мучился, не решаясь сказать Лизе о тех внезапно возникших ещё там, в Петербурге на балу, чувствах к этой милой девушке. И вдруг, сам не ожидая такого от себя, он взял ладонь Лизы в свою руку. Нервная дрожь пробежала по его телу. Даже в полумраке Антон почувствовал устремлённый на него взгляд Лизы. Ладонь её,

поначалу напрягшись, обмякла, слегка задрожала.

«Уберёт сейчас...» – мелькнула у него мысль. Не убрала. Лиза очень осторожно накрыла его ладонь своей ручкой. И сразу стихли все звуки... Наступила полная тишина... Сердце Антона тяжело забилося в груди. Голова закружилась. «Вот оно, счастье, вот оно, блаженство... Обними её...» – прошептал внутренний голос. И Антон, глубоко вдохнув полной грудью, уже было намеревался последовать совету голоса, как Лиза медленно, не отнимая своих рук от рук Антона, поднялась. И, подчиняясь какой-то неведомой силе, медленно поднялся и Антон. Так, держась за руки, они и стояли молча.

Далёкий грохот и неяркая вспышка, озарившая небо, разрушили это волшебное состояние. Лиза осторожно освободила свою руку и, прошептав: «Поздно уже, Антон Дмитриевич, вам рано вставать», – прикоснулась губами к его щеке. Уловив движение Антона, пытавшегося обнять её, тут же отстранилась и, не оборачиваясь, поспешила прочь.

Антон так и остался стоять, как там, на причале, провожая немым взглядом свою Цирцею.

Роковое совещание

Как и предыдущий, день двадцать восьмого июля обещал быть душным. Не давая людям насладиться ранней прохладой, июльское солнце быстро набирало высоту, на небе – ни облачка.

Оставив Лизу с хозяйкой, согласившейся сопровождать девушку в госпиталь к отцу, к десяти часам Аниканов и Шорохов подошли к Николаевской батарее, где квартировал начальник Севастопольского гарнизона генерал-лейтенант граф Остен-Сакен, и где было назначено совещание.

Рядом с фортом, массивным сооружением более четырёхсот сажень в длину, в тени раскидистой почтенного возраста акации, ожидая начала совещания, стояла группа генералов и офицеров. Чуть далее, рядом с коновязью, расположились офицерские денщики: одни дремали, притулившись к стенам здания, другие, разнося вокруг запах дешёвого табака, курили свои «носогрейки». Поодаль от них, образовав круг, стояли генеральские адъютанты, лениво ведя беседу. Один из них, майор с перевязанной ниже локтя правой рукой, достал левой из кармана мундира сигаретницу и с помощью товарища, вынув сигарету, закурил. Выдохнув струю дыма, он, видимо, продолжая прерванный разговор, обиженным тоном произнёс:

– А мне, судари мои, прогонных не дали вовсе. Хорошо,

были свои... А коль не было бы?.. Как добрался бы из Саратова?.. Ужо и генерал мой казначею трёпку задал, а тот только третий месяц ухмыляется, паразит. А цены, цены в Севастополе, господа!.. Спрашивается, когда получу законные?.. Как жить?..

– Кому война, а кому мать родна... Ах, стоит ли, майор, об этом... – равнодушно посоветовал один из его коллег.

При виде флаг-офицера командующего и господина, идущего рядом с ним, явно не из местных, офицеры с любопытством повернулись в их сторону.

Пётр Иванович тут же приосанился, принял непринуждённый вид столичного вельможи.

Поздоровавшись, Антон представил Шорохова:

– Господа, прошу познакомиться: действительный тайный советник...

– В отставке, – поправил Шорохов.

– Шорохов Пётр Иванович. Пётр Иванович изволил намедни приехать из столицы к раненому сыну.

Отставной советник с достоинством, строго по протоколу поздоровался. И сделал это так картинно, что генералы усмехнулись: на фоне разваленных домов, не убираемых неделями улиц, нет-нет да и звучащего грохота от взрывов снарядов выглядело сие действие весьма комично... Однако высокий ранг гражданского гостя офицеров впечатлил. Щёлкнув каблуками, они кивнули ему. Правда, на этом их почтение к бывшему столичному чинуше закончилось. С ли-

цами, полными равнодушия, генералы отвернулись. Но это не смутило опытного чиновника.

– Господа! Я прибыл сюда никак не с инспекцией, смею вас заверить. Я здесь сугубо по личному делу. Вот, хотел забрать тяжелораненого сына- подполковника на излечение в Петербург. Да доктор Гюббинет весьма не рекомендовал мне сие сделать по причине большого риска его здоровью. А потому, господа, я решил остаться в городе. Глядишь, и сгожусь вам в нелёгком деле защиты Севастополя.

При этих словах лица офицеров смягчились, и генерал-лейтенант Хрулёв, начальник двух оборонительных линий, разгладив усы, подал отставному советнику руку.

– Милости просим-с в наш ад, Пётр Иванович. Ужо не обессудьте за неудобства, кофей по утрам вам пить не придётся, война-с, сударь, уж не взыщите, – вежливо, но с некоторой иронией произнёс генерал.

На том знакомство закончилось. В конце улицы показалась бричка Горчакова с откидывающимся кожаным верхом в окружении нескольких казаков. В бричке сидели сам главнокомандующий и пассажир, в котором генералы узнали генерал-адъютанта барона Вревского, недавно прибывшего из столицы по личному указанию императора Александра Павловича.

Скрипнув рессорами, бричка остановилась. Князь и его спутник вышли, поздоровались, и тут, заметив Шорохова, оба, как по команде, воскликнули:

– Ваше превосходительство, Пётр Иванович, какими судьбами?..

– Господа, – произнёс Горчаков, – пока не знаю, с какими целям прибыл в Севастополь господин Шорохов, но по молодости мы немало с ним усердствовали на службе государевой, хотя и по разным ведомствам. Как ваша супруга, Пётр Иванович? Великодушно прошу меня простить, запомнил её имя...

– Умерла моя супруга, Михаил Дмитриевич. Ужо как три года.

Горчаков выразил соболезнования. Узнав причину приезда своего знакомого и бегло прочитав письмо военного министра, поданного Шороховым, Горчаков обещал помочь. Затем, приняв строгий вид, попросил офицеров заходить вовнутрь:

– Время, господа, пора начинать совет.

– Михаил Дмитриевич, не откажите в любезности присутствовать, коль сие возможно, – уже вслед князю произнёс Пётр Иванович.

– Будьте так любезны... – не оборачиваясь, бросил Горчаков.

Возле входа князь повернулся. Отыскав глазами Аниканова, пробурчал:

– И вы, капитан, извольте присутствовать, – затем он что-то ещё хотел сказать, но передумал...

В комнате, о чём-то шумно споря, уже находились

несколько генералов, среди которых были исполняющий обязанности губернатора адмирал Новосильский и начальник штаба гарнизона Васильчиков. При появлении главного командующего все дружно замолчали. Но вот все расселись, совещание началось с короткой речи Горчакова.

– Господа, буду краток. Не мне вам рассказывать о со-
здавшейся на сегодня обстановке, она весьма тяжёлая. Запа-
сы пороха катастрофически уменьшаются, сена для лошадей
может хватить лишь на месяц или полтора, не более. Больше
семи месяцев мы держим осаду; армия устала, гарнизон за-
щитников тоже. Сил нет смотреть на измученных горожан.
А силы неприятеля только растут. По моим сведениям, их
армия насчитывает до ста десяти тысяч солдат. У нас – мень-
ше, примерно девяносто. Не думаю, что эти сведения точны,
но и эти цифры впечатляют. И хотя моральный дух солдат
позволяет мне сделать вывод об их стойкости и самоотвер-
женности, долго так продолжаться не может. Назревает во-
прос, господа: а дальше что?..

На последней фразе голос главного командующего дрогнул.
Он хмурым взглядом обвёл присутствующих. Лица офи-
церов были напряжены. Генерал Липранди нервно тере-
бил свой ус, полковник Козлянинов, слегка откинувшись на
спинку стула, застыл, прикрыв глаза. В тревожном ожидании
также застыли генералы Хрулёв и Семякин. Словно желая
ответить на вопрос, князь Васильчиков даже встал со стула,
нервно покусывая кончик уса.

Разглядывать остальных Горчаков не стал, и так понятно: офицеры волнуются, в страхе ожидая, что главнокомандующий произнесёт: «Господа, мы оставляем город...»

И только граф Остен-Сакен был спокоен. Не обращая внимания на разговоры коллег и доклад, он углубился в чтение лежавшей на его коленях записной книжки.

«Граф верен себе, не переживает. Зачем переживать, коль ответственности за армию на нём нет...» – с некоторой завистью подумал Горчаков.

Наконец, главнокомандующий продолжил:

– Итак, господа! Ныне настало время решить неотлагательно вопрос о предстоящем нам образе действий в Крыму: продолжать ли пассивную защиту Севастополя, стараясь только выигрывать время и не видя впереди определенного исхода, или же немедленно по прибытии ожидаемого нами пополнения перейти в решительное наступление? Если, господа, наступать, то когда и где? Прошу высказать своё мнение на этот счёт.

Сказанное князем явно намекало присутствующим на то, что он уже сам ответил на заданный им же вопрос. По комнате прошелестел вздох облегчения.

– Фуф.. Не будем сдавать город. И на том благодарствуем, – прошептал на ухо Шорохову Аниканов.

Да не рассчитал, сказал довольно громко. Горчаков недовольно посмотрел в его сторону, но замечание делать не стал. Напряжение в комнате несколько спало.

Шорохов хотел было что-то спросить у Антона, но тут поднялся Остен-Сакен и, испросив разрешения у Горчакова, невозмутимым голосом произнёс:

– Ваше превосходительство, господа, весьма понимаю ваше желание прорвать наконец осаду Севастополя...

Барон Вревский одобрительно кивнул.

– Но... – многозначительно продолжил граф. – У нас, как в Севастополе, так и в полевой армии, стоящей у Чёрной речки, сил против союзников недостаточно, что и подтвердил Михаил Дмитриевич. Да, мы ожидаем подкрепления, однако не надо забывать, что его ждёт и неприятель. А потому, коль решимся на прорыв блокады, с какой бы стороны ни предпринять наступление: с Сапун-горы, Чёрной речки, Федюхиных высот или прямо из Севастополя, – перевес всё равно останется на стороне противника.

Граф оглядел комнату. Офицеры слушали его внимательно, а князь Горчаков – нет, он тихо разговаривал с посланцем императора, а тот, тыкая пальцем в свой листок с какими-то данными, в чём-то убеждал генерала. Горчаков, видимо, соглашался и кивал головой.

– Даже если, – продолжил Остен-Сакен, – после тяжких потерь нашим войскам удастся объединенными силами гарнизона Севастополя и полевой армии занять хотя бы Сапун-гору, то неприятель, узнав о выходе гарнизона из города, в это же самое время, а может, и на следующий день займет Севастополь.

– Но зачем выводить из города гарнизон? – задал вопрос генерал Хрулёв. – Находясь на бастионах, защитники оттягивают на себя большие силы союзников.

– Без гарнизона, а это, как вы знаете около сорока тысяч солдат, атаку полевой армии можно считать заранее провальной, – парировал граф. – Я бы даже сказал, бессмысленной.

– А почему вы, Дмитрий Ерофеевич, думаете, что союзники обязательно ворвутся в город, коль гарнизон или часть его выйдет? – спросил барон Вревский.

– Непременно, Павел Александрович, непременно, – вежливо ответил барону граф. – После недавней смерти главнокомандующего союзными войсками лорда Реглана и генерал Симпсон, и генерал Кодрингтон, я уж не знаю, кто из них теперь командует армией, поверьте мне, догадаются напасть на беззащитный город.

Барон опять что-то сказал Горчакову, но тот промолчал, пожав плечами.

– Хорошо, – продолжил Остен-Сакен, – пусть мы решимся на прорыв блокады и завладеем частью укреплений противника, допускаю сие, господа. Но тогда мы понесём опять потери, лишимся командиров, солдат. Голодные, уставшие, войска на следующий день будут сражаться уже со свежими силами неприятеля, передислоцированными за это время со стороны Камышовой бухты. Нетрудно предвидеть последствия, Михаил Дмитриевич, совсем нетрудно.

Мы уже имели сей печальный опыт огромных потерь при

предыдущих атаках. Я имею в виду две последние – Балаклавскую и Инкерманскую. И не станет у нас ни пороха, ни сена, ни достаточного количества продовольствия и прочего снабжения... С нашими-то разбитыми дорогами пополнения придётся ждать долго. А впереди – зима, господа. Вспомните ураган в ноябре прошлого года. Тогда он помог нам, не дал врагу напасть на город. Что будет в этом году, неизвестно.

Граф сделал паузу, помолчал, затем, взглянув на Горчакова, решительно произнёс:

– Но и оставаться в оборонительном положении тоже нельзя... Это гибель...

– Так что же вы предлагаете, граф? – нетерпеливо задал вопрос Горчаков.

Остен-Сакен откашлялся, повернулся в сторону офицеров и глухим голосом, явно волнуясь, произнёс:

– С разбитым сердцем и глубокой скорбью в душе я, по долгу совести, присяги и убеждению моему, предлагаю из двух зол меньшее, единственное средство – оставить Южную сторону Севастополя. Сохраним армию, порох и прочее... Дождёмся окончания военных действий на кавказском направлении, существенного пополнения оттуда войсками и разобьём противника. Оставление Севастополя глубоко огорчит гарнизон, понимаю, но...

– Не позволю! Город не будет оставлен, – вскочив с места, вскричал Горчаков. – Не позволю, пока я, государем назначенный, главнокомандующий...

В громких словах старого генерала многие уловили скорее эмоциональный оттенок, чем сознательное нежелание согласиться с Остен-Сакеном.

Что и говорить, Горчаков и сам видел неизбежность трагических последствий в случае неудачного наступления, но в его кармане лежали царские письма с требованием всемерно активизировать действия армии – прорвать блокаду, к тому же рядом сидел царский посланник, настаивающий на том же...

– Ваше высокопревосходительство, вы хотели знать мнение каждого, я своё высказал, не обессудьте, – в заключение произнёс Остен-Сакен.

Горчаков и посланник опять зашептались. Было видно, что барон с жаром убеждал в чём-то главнокомандующего.

В комнате повисла тишина. Живо представив себе всю трагичность сказанного графом, офицеры затихли.

– Как оставить город?!.. Поболе семи месяцев стоим под осадой, – прошептал Васильчиков на ухо генералу Хрулёву.

– И будем стоять, – успокоил тот.

Наконец, Горчаков произнёс:

– Господа, не присутствующие по разным причинам военачальники мне письменно представили свои соображения на этот счёт, я их позже прочитаю. Хотелось бы знать ваши мнения. Прошу, господа.

Первым выступил генерал-лейтенант Липранди, который высказался за наступление. Его поддержал генерал Хрулёв,

но генерал Семякин был против.

– Уважаемые господа, – сказал он. – С той же болью, что высказался генерал-лейтенант Остен-Сакен, должен признать, что полный успех при нашей атаке неприятеля маловероятен. И тому есть много причин, о которых мы все с вами прекрасно осведомлены...

Генерал-майор барон Вревский нахмурился. Немного подумав, он обратился к Семякину:

– Похвально, конечно, что ваши старшие сыновья сражаются на передовых... Смелые у вас дети – в отца, видимо. Не зря государь наш месяц назад удостоил вас за храбрость высоким рангом генерал-лейтенанта. А потому совсем не след, Константин Романович, иметь вам подобные мысли. Не след... Вы же боевой генерал...

Выслушивать от офицера ниже званием, к тому же ещё и моложе себя, подобные слова для пятидесятирёхлетнего генерала было обидно. Однако Семякин промолчал, не стал спорить с посланником императора.

Голоса остальных выступавших разделились примерно поровну, но с небольшим преимуществом в пользу атаки на неприятеля. Этого было явно недостаточно.

Тогда Горчаков достал из своей папки записки отсутствующих военачальников.

– Господа! Вот мнения наших коллег.

Горчаков помахал тоненькой пачкой бумаг перед офицерами.

– Читаю... Генерал от инфантерии¹⁰⁷ Павел Евстафьевич Коцебу написал аж на двух листах. Он – за наступление. Адмирал Новосильский – за наступление.

Держа в руках короткое донесение Новосильского, Горчаков вопросительно посмотрел в его сторону. Тот кивнул в знак согласия.

– Так... господа, а вот мнение нашего инженерного генерала Бухмейера. Александр Ефимович. И он тоже – за наступление. Генерал-лейтенант Сержпутовский – за наступление. А вот наш Ушаков – против.

– Кто бы сомневался, – пробурчал Горчаков.

К своему огорчению, читая докладные, князь видел: голоса, отданные за выступление армии, неискренние. Между строк читаются беспокойство и неуверенность в успехе. И что самое неприятное, он, главнокомандующий, был с этим согласен. Горчаков почти наизусть помнил записки генералов, что были против наступления. Они писали: «Федюхины высоты, которые надлежало атаковать, неприступны, наши переправочные средства неудовлетворительны, берега Черной речки очень топкие, дальнобойных орудий для обстрела неприятельских позиций у нас очень мало...»

Горчаков обвёл взглядом комнату:

– Кто ещё хочет высказаться?

Офицеры молчали.

– Итак, господа, большинство согласно выступить и раз-

---

¹⁰⁷ Пехоты.

рушить осаду города.

Офицеры продолжали молчать: слишком большая ответственность лежала на каждом.

– Ну что ж... военачальники, высказавшиеся за решительные действия, взяли верх, а потому принимаем решение наступать, – подвёл итог Горчаков.

Голос князя прозвучал, и это слышали все, как-то неуверенно, глухо и с нотками сомнения.

– Думаю, недели на подготовку к наступлению нам хватит, господа. Нет возражений? Тогда позвольте на сим закончить. Рекомендации, господа, получите, и попрошу строго им следовать. И, в первую очередь, сие касается генералов Реада¹⁰⁸ и Липранди. Вы, Николай Андреевич, – обращаясь к Реаду, сказал Горчаков, – изрядный опыт имели в кавказских баталиях, вам сам Бог велел и начинать. Двумя дивизиями, кои под ваше начало передаются, потребно заблокировать Федюхины высоты, завязать артиллерийский обстрел, но если Гасфортовские высоты не будут под нашими войсками, вам не след будет атаковать, придётся ждать моего распоряжения. Вам же, генерал Липранди, поручается овладеть высотами близ Чоргуня, обозреть позиции близ реки Чёрной, коль не будет угроз – атаковать Гасфортовские высоты... Места, Павел Петрович, вам хорошо знакомы, надеюсь, не заблудитесь.

---

¹⁰⁸ Русский генерал, участник Наполеоновских, Кавказских войн и Крымской кампании.

На этом Горчаков закрыл совещание. Офицеры стали расходиться. Уже на улице один из генералов отвёл в сторону Остен-Сакена и доверительно сказал:

– Дмитрий Ерофеевич, я восхищаюсь вашей самоотверженностью, я хотел сказать то же самое, но... у меня, к стыду, не хватило храбрости.

– Ах, оставьте, – огорчённый итогами совета, ответил Остен-Сакен. – А как не принять сие губительное решение, коль рядом глаза и уши государя – барон? Князь Горчаков, конечно, человек замечательной храбрости, но перечить императору... Сие, сударь, позволительно не каждому.

Выйдя на улицу, ожидая Горчакова, Антон и Петр Иванович отошли под тень дерева. Молча провожая взглядом выходявших офицеров, Шорохов размышлял. Его поразило услышанное на совете. Он тоже обратил внимание на неуверенность командующего войсками при принятии решения. Под впечатлением от итогов совещания молчал и Антон.

Наконец, старый советник стал говорить, больше рассуждая вслух, чем для Аниканова или кого-либо:

– Кто же всё-таки прав? Я давно знаю князя Горчакова. Он всегда пользовался репутацией человека весьма храброго, честного и благородного. А теперь я вижу перед собой генерала неуверенного, нерешительного... Я, конечно, человек не военный, но принимать решение, от которого зависит судьба не только Севастополя, общим голосованием?!.. Помилуйте, это нонсенс. Как я помню, Михаил Дмитриевич од-

но время был начальником штаба у графа Паскевича – человека грубого, не терпящего возражений от подчинённых, да и мягкостью в общении не отличавшегося. Однако Паскевич всегда имел своё мнение – личное.

– Казалось бы, Михаил Дмитриевич, – советник посмотрел на Антона, – должен был перенять сей волевой опыт... С учётом реалий, какими бы они ни были, самостоятельно, не оглядываясь на подчинённых, принять решение... Ан нет!..

Антон не отреагировал. В ожидании своего начальника, поглядывая на выход, он слушал отставного советника рассеяно, в полуха.

Шорохов тяжело вздохнул:

– Видимо, наш князь боится ответственности. Да-с, боится...

– Как сие понимать, Антон Дмитриевич? – напомнил о себе Пётр Иванович.

Ответить Антон не успел. Показался Горчаков. За ним – Вревский. По ходу движения они разговаривали.

Запряжённая тройкой полуфура, крытая выцветшей попоной с бурыми разводами и обтрёпанными краями, проходившая в это время мимо них, привлекла всеобщее внимание. Телега была загружена телами умерших.

Сняв фуражку и равнодушно взглянув в сторону телеги, Горчаков перекрестился. Перекрестились и сняли головной убор и остальные. Почти не обращая внимания на грустную процессию, офицеры стали прощаться.

Идущий рядом с полуфурой фуршетный¹⁰⁹ солдат даже не повернул головы в сторону начальства. Словно привязанный вожжами к телеге, он брёл за ней, не проявляя ни малейшего интереса к окружающему его миру. Однако, проходя мимо вставших и застывших в печальной позе денщиков, фурштат, почуяв табачный дым, принюхался и слегка повёл носом в их сторону.

Один из денщиков, немолодой солдат, заметил это движение и, вытащив из кармана кисет, подбежал к стоявшей недалеко двуколке. Покопавшись в ней, он быстро вытянул откуда-то газету, ловко оторвал от неё небольшой листок и насыпал в него из кисета табаку. Затем завернул и бегом нагнал телегу.

– Накось, сердешный, возьми, – пробормотал он.

Фурштат безучастно протянул руку, взял свёрток и, не взглянув на благодетеля и не поблагодарив его, с тем же безучастным видом поплёлся дальше.

– Может, и меня так вот провожать будет, – перекрестясь вслед полуфуре, прошептал денщик.

Вскоре телега скрылась из виду.

Старого советника вид этой телеги с окровавленными телами, который к тому же усилился разыгравшимся воображением, что там могло быть тело и его сына, шокировал. И хотя он видел подобное и вчера, пропуская телегу с телами у дома Гущина, но равнодушные офицеров его изумило.

---

¹⁰⁹ Фурштат – нестроевой военный чин, состоящий при обозе.

«Сколько же надо пережить, увидеть смертей на войне этим благородным и порядочным людям, чтобы так равнодушно сие лицезреть? Один только вид трупов, ещё недавно говоривших, радовавшихся, печалившихся, голодных или сытых, воспринимать как вполне обыденное событие... И это происходит каждый день... Что же война делает с людьми?.. Как же она обездушивает, очерствляет... Нет, не понять нам, гражданским, этих военных», – размышлял он.

В это время Пётр Иванович увидел, что Горчаков прощался с бароном. Показав Вревскому рукой на одну из бричек, он произнёс:

– Увидимся позже, Павел Александрович. К вечеру я вас жду.

Проводив посланника, севшего в бричку одного из генералов, Горчаков подошёл к Шорохову. Антон хотел было покинуть советника, но князь движением руки остановил его.

– Останьтесь, капитан, – услышал Антон.

А главнокомандующий обратился к своему старому другу:

– Как же, Пётр Иванович, наслышан, наслышан о вашем желании остаться в наших краях, похвально! Да боюсь, ваш благородный порыв напрасен. На бастионах будет кому постоять... Свою преданность Отечеству вы, Пётр Иванович, по молодости уже доказали... Уезжать вам надо, и непременно...

Горчаков вытащил часы.

– Жалко, нет времени нам встретиться и вспомнить молодость, дела... Поди, слышали решение совета. А в вашем вопросе я помогу, не извольте беспокоиться. Дал бы задание вашему знакомому Антону Дмитриевичу решить их от моего имени, да не получится. Отзывают его в столицу. И генерал пристально взглянул на Антона.

– Приказ, Антон Дмитриевич, относительно вас пришёл. Отбыть вам потребно в распоряжение его сиятельства графа Нессельроде.

Удивлённый Антон не нашёл ничего лучшего, как выпалить:

– Зачем?..

– Ну уж этого, капитан, мне не должно знать. Вы же, как мне известно, по части иностранной коллегии состояли ранее?

– Состоял, ваше превосходительство.

– А барон Бруннов, слышал я, ваш родственник? Хотя сие отношения к делу не имеет. Собирайтесь, капитан. За службу благодарю. А теперь свободны. Закругляйтесь с делами, выезжать приказано немедля. Завтра жду вас у себя – поручение для вас есть.

Обескураженный таким поворотом дел, Антон медленно отошёл от стариков и задумался.

«Филипп Иванович расстарался. Тётка, поди, ему всю плешь проела за меня. Можно, конечно, и уехать... Но... Лиза!..»

Вчерашний вечер не выходил из его головы. То, что он расстанется с девушкой и она уедет из этого пекла, было, с одной стороны, хорошо: она не подвергнется опасности, а с другой – плохо: они расстанутся.

– ...со мной внучка Лизонька, – донёсся до Антона разговор Шорохова и Горчакова, – и она желает ухаживать за папенькой, коль нельзя его транспортировать. Никак не можно нам сей момент покинуть город.

– Хм... Не знал. Поди, барышня ужо... – и по-стариковски пожаловался: – Ох, время, время... как же ты безжалостно. Так говорите, Лиза...

Князь задумался. Затем подозвал Аниканова:

– Вот что, капитан. Успеете рассчитаться и проездные получить. Расстарайтесь от моего имени организовать транспорт для раненого сына Петра Ивановича. Снабдите его нужными лекарствами и обеспечьте сопровождение лекарем. Я надеюсь на вас. Ну, Пётр Иванович, теперь будем прощаться. Помогите нам всем Господи!

И он, по пути дав указания своим адъютантам, заспешил к своей бричке.

Нельзя сказать, что старый советник сильно опечалился по поводу отъезда – понимал: защитник из него вряд ли получился бы достойный, к тому же долг отца, попытаться спасти сына, находящегося при смерти, не давал ему выбора. И Пётр Иванович успокоился, подавив возникшее давече чувство патриотизма. Но что скажет Лиза?

Почти одновременно Антон и советник взглянули друг на друга, и у обоих возникла одна и та же мысль: «Коль покинуть осаждённый город потребно обоим, ехать до Петербурга нужно вместе...» И, словно сговорившись, оба с облегчением вздохнули. Слова одного из адъютантов главнокомандующего «Антон Дмитриевич, пора ехать» отвлекли его от раздумий. Его коллега рукой показывал ему на свою брочку, приглашая сесть.

– До вечера, Пётр Иванович. Дорогу обратно найдёте?

Шорохов кивнул. Они расстались.

Уже почти стемнело. Серый полумрак быстро темнел, на Бельбек опускалась ночь.

Сбросив с себя мундир и нательную рубаху, уставший за день Горчаков подставил свой голый торс под ледяную струю колодезной воды. Пожилой денщик, служивший князю много лет, дабы не намочить брюки генерала, осторожно лил воду на спину своего хозяина, приговаривая:

– Мать-водица, лейся. Уходите, печали, боли, приходи, силушка богатырская...

Горчаков кряхтел, фыркал, сплёвывал попавшую в рот воду, а на спину лилось следующее ведро, и присказка повторялась...

И так несколько раз, пока, опёршись рукой на стоявшую рядом скамью, князь, кряхтя, не разогнулся.

– Хватит, хватит лить – лёд на спине уже. Тебя, Ермолыч, послушать, так я уже Ильёй Муромцем стал. Глянь-ка, по-

хож я на добра молодца в свои шестьдесят-то с лихвой лет? Может, мне в молоке, а потом в кипятке искупаться? А...

– Может, и искупаться... Только где я тебе столько молока раздобуду?.. А кипяток... это можно, организую. Однако зачем? Ты, Михал Митрич, ещё ого-го мужик. Вона стройный, поди, какой... – ворчал денщик, обтирая полотенцем тело генерала.

Поужинав, Горчаков сел за написание письма военному министру. Мысль эта родилась у него спонтанно, после того как совет принял решение начать наступление.

Со стороны Севастополя донеслись звуки ночного обстрела. И это укорило решимость старого генерала написать письмо и как-то оправдать себя на случай поражения.

Положив перед собой чистый лист, обмакнув перо в чернила, он задумался. Тревожные мысли за последствия в случае неудачного наступления не покидали старого генерала.

«Можно, конечно, последовать совету Остен-Сакена и немедленно уйти на Северную сторону, благо переправа на Северную сторону уже строится. Много жизней сохраню, армию, порох... – размышлял он. – Можно отвергнуть совет графа и оставаться в прежнем положении, ожидая естественного развития событий... Каких?.. – спросил он себя. – Урагана?.. Или союзники разругаются и сами уйдут... Бред... Но плохо, что я, главнокомандующий, решил против собственного своего убеждения предпринять общее наступление на неприятеля! Хм... Однако же совет поддержал... –

успокоил он себя. – Но отвечать-то мне в случае чего... И что же делать?..»

И тут же вслух прошептал:

– Нет ответа... Но Вревский... Его настойчивые рекомендации... И письма императора... Господи, но это же не аргументы для успеха... Раньше, раньше надо было крошить союзников. Что мешало сие сделать Меншикову ещё при высадке под Евпаторией?.. Что?!..

Горчаков с раздражением бросил перо. На чистом листе бумаги расплылась клякса. Чертыхнувшись, Михаил Дмитриевич скомкал лист. Взял следующий.

Мысли старого главнокомандующего метались из крайности в крайность. Ему хотелось написать в столицу правду и честно сказать, что время упущено, и, дабы побереечь армию, надо оставить город. Что требовать активных действий от него, находясь в тысяче вёрст от Севастополя, по меньшей мере, неразумно. Что снабженцы – воры. Что дороги не пригодны... Что купеческий люд в обход приказа продаёт неприятелю дефицитный лес, и прочее...

Хотелось, очень хотелось Горчакову всё это высказать, но перед его глазами всплыл образ молодого государя, который гневался, выговаривая ему, опытному генералу: «Что же ты, князь, не оправдал надежд моих? Струсил... Состарился... Поди прочь в отставку...»

«Кто защитит меня, кто оградит от позора?..» – мысленно горестно вопрошал Горчаков. Обречённо вздохнув, сам и

ответил: – А кто, как не военный министр Долгоруков?!..»

И перо, обмакнувшись опять в чернила, резво стало выводить слова:

«Ваша светлость, Василий Андреевич! Собрание военачальников сегодня решило наступать, на что с болью в душе и по настойчивой рекомендации барона Вревского я согласился, потому что если бы я того не сделал, то Севастополь все равно был бы через очень короткое время потерян. Неприятель действует медленно и обдуманно, он собрал сказочную массу снарядов, чем совсем не можем похвастать мы. Неприятельские войска сдавливают нас все более и более, и в Севастополе уже нет ни одного непоражённого места, пули свищут над всем городом. Не следует обманываться, ваша светлость, я иду на неприятеля в отвратительных условиях.

Его позиция весьма сильна, на его правом фланге почти отвесная и очень укрепленная Гасфортова гора, по правую руку – Федюхины высоты, перед которыми находится глубокий, наполненный водой канал, через который можно будет перейти только по мостам, наводимым под прямым огнем неприятеля. Войск у меня мало. Если, на что я мало надеюсь, счастье мне будет благоприятствовать, я позабочусь извлечь пользу из своего успеха. А нет, нужно будет подчиниться божьей воле.

Я отступлю на Мекензиевы горы и постараюсь эвакуировать Севастополь с возможно меньшими потерями. Я надеюсь, что мост через бухту на Северную будет вовремя готов и

это облегчит мне задачу. Благоволите, Василий Андреевич, вспомнить ваше обещание, которое вы дали при отправке меня в Крым, на что согласился я с великой неохотой: оправдывать меня в нужное время в должном месте. Если дела примут худой оборот, в этом не моя вина. Я сделал все возможное. Но задача была слишком трудной с момента моего прибытия сюда, в Крым.

На сим заканчиваю. С глубочайшим почтением князь Горчаков. Писано июля двадцать девятого 1855 года».

Горчаков перечитал письмо, вложил в конверт и надёжно запечатал его. Перекрестившись на икону Святого Николая с тлеющей под ней лампадкой, лег спать с глубоким непоколебимым убеждением, что он будет на другой же день разбит и значительная часть армии, которую он завтра бросит на неприступные высоты без всякой пользы для дела усеет трупами Федюхины высоты и подножие Сапун-горы.

На следующий день ближе к полудню, прождав Горчакова около часу, Антон, наконец, увидел его. Верхом на коне, в окружении группы всадников, в основном своих адъютантов и связных офицеров, главнокомандующий остановил коня перед штабом, передал уздечку подбежавшему ординарцу, с его помощью осторожно опустился на землю. Увидев капитана, Горчаков махнул ему рукой, приглашая подойти.

– Вот, капитан, – вынимая из кармана конверт, не здороваясь, произнёс он. – По приезде в Петербург передайте его лично графу Долгорукову. Коль граф будет спрашивать о

чём-либо, расскажите, как оно тут на самом деле теперича. Да без прикрас и похвальбы, а то знаю я вас, молодёжь, кажин желает отличиться перед начальством. Но одно упомяните всенепременно: войска полны решимости и государю да России-матушке преданны. Всё, прощайте!

И, резко развернувшись, князь направился в направлении ожидающих его офицеров.

Отъезд Шороховых и Антона затянулся. И основная причина, несмотря на указание главнокомандующего, была в том, что Антон никак не мог уговорить доктора Гюббинета, оставшегося вместо Пирогова, выделить хоть кого-нибудь для сопровождения раненого подполковника. Тот из-за отсутствия таковых категорически отказался выделить лекаря. В конце концов помогла Бакунина. Екатерина Михайловна дала из своей группы одну из сестёр милосердия. Оставалось найти транспорт.

Город жил в тревожном ожидании очередного штурма неприятеля, и многие догадывались: последнего. Севастополь покидали жители, лазареты были забиты ранеными, которых надо было вывозить из города, любой транспорт был нарасхват.

Возница дилижанса, доставивший Петра Ивановича и Лизу в Севастополь, тоже отказался брать пассажиров, говоря, что уже взял аванс за доставку раненых куда-то там далеко за Крым.

С большим трудом, заплатив за выдавший виды простор-

ный крытый дилижанс, запряжённый парой лошадей, по возрасту никак не моложе допотопного дилижанса, Шороховы были готовы к отъезду.

Договорившись с Антоном о встрече на выезде из города, 4 августа ближе к обеду, рассчитавшись с хозяйкой дома, Шороховы тронулись в путь. За городом, со стороны Федюхиных высот, доносились звуки канонады, прерываемые трескотнёй ружейной перестрелки. Возница с тревогой поглядывал в сторону пальбы и, часто крестясь, стегал лошадей, бормоча:

– Проскочить бы Инкерман... Не дай бог басурман попрёт...

И гнал, гнал, несмотря на просьбу пассажиров из-за раненого ехать помедленнее.

В районе Инкермана они остановились. Длинная вереница телег и прочего транспорта, покидавших город, запрудили дорогу. Прислушиваясь к грохоту бомбардировки, на ней стояли угрюмые люди и пытались понять, надолго ли эта дорожная пробка.

Поправив отцу повязку и попросив сестру милосердия присмотреть за ним, Лиза покинула дилижанс в надежде увидеть в толпе Антона.

– Далеко не отходи, Лиза, – произнёс дремавший отец.

Пройдя сажень двадцать, Лиза остановилась. Приподняв край шляпы, она посмотрела вдоль дороги, пытаясь среди пёстрой ленты нагруженных доверху повозок и толп людей

разглядеть знакомый профиль Антона.

Но вдруг над её головой послышалось странное сплошное шипение.

– Ядра... – раздался чей-то истощный вопль.

И тут же загрохотали взрывы. Они густо ложились по дороге и обочинам, разрывая в клочья повозки, кроша людей. Раздались душераздирающие крики раненых. Началась паника.

Лиза бегом, насколько позволяло длинное платье, бросилась к своим. Она увидела взрыв на том месте, где стоял дилижанс, и остановилась. Взрывной волной её опрокинуло назад. Что-то больно ударило в спину. Елизавета потеряла сознание...

Вся окрестность гремела, пороховой дым стелился вдоль поверхности земли, скрывая изувеченные тела людей и животных, разбросанную домашнюю утварь, разбитые телеги и почтовые дилижансы...

Совсем недалеко шло сражение...

...Ранним утром, а скорее ночью, 4 августа 1855 года на улице в окружении нескольких штабных офицеров и прибывшего только что в штаб генерал-майора Вревского в кресле, зябко кутаясь в накидку, услужливо брошенную ему на плечи одним из адъютантов, сидел князь Горчаков. Согреваясь от утренней прохлады, не выспавшийся Горчаков допивал уже вторую чашку чая. Прихлёбывая уже остывший напиток, князь с нетерпением поглядывал на лежавшую

перед ним пока бесполезную подзорную трубу: темно, ничего не видно, солнце только-только собиралось появиться на небосклоне. Где-то там впереди, верстах в семи-восьми, под покровом ночи к Федюхиным высотам подбирались войска генерала Реада.

Время тянулось медленно. Казалось, именно сегодня оно решило не торопиться, заставляя главнокомандующего нервничать.

Так прошёл час. Но вот за домом послышался топот копыт – прибыл связной. Через минуту-другую начальник штаба доложил князю, что войска Реада с божьей помощью достигли нужных позиций и ждут указаний.

Князь вытащил из кармашка мундира брегет, машинально подкрутил завод, взглянул на циферблат и громко, чтобы слышали все, объявил:

– Господа, время... Пожалуй, начнём с божьей помощью.

Горчаков поднялся, снял накидку и бросил её в руки подбежавшему вовремя адъютанту, затем потребовал от полковника, начальника штаба позвать офицеров связи, коих было в должном количестве на время сражения.

Пришли двое. Горчаков выбрал одного из них – мичмана с пушком над верхней губой среднего роста с детской улыбкой на юношеском лице, грозно перепоясанного новенькой португеей с пристёгнутой саблей. Мичман замер перед главнокомандующим.

– Вот что, мичман, извольте срочно отправиться к Федю-

хиным высотам к генералу Реаду. Передайте от меня, что дело можно начинать. И поторопитесь...

Уже через полчаса мичман передал указание Горчакова генералу Реаду дословно.

На Телеграфической возвышенности, соседствующей с горой Гасфорта, полки генерала Липранди вели бой. Однако сама высота ещё находилась в руках неприятеля. Полученный приказ был явно расплывчатым и непонятным. Но приказ есть приказ, Реад отпустил офицера связи с напутствием:

– Хорошо, я приступаю. Так и передайте его превосходительству.

Несчастья начались сразу с первыми проблесками солнечных лучей, слегка осветивших место сражения.

Произошла странная история. По неизвестной причине генерал Реад двинул свои дивизии прямо на неприятельские пушки Федюхинских укреплений.

Стало светать. В подзорную трубу Горчаков видел, как солдаты под градом пуль и ядер карабкались на гору, падали, покрывая склоны своими телами.

– Что он делает? Липранди ещё не занял эти высоты... – в гневе закричал князь.

– Наверное, ваш приказ исполняет, – пробормотал начальник штаба.

– Я не отдавал приказа наступать, смею вам заметить, полковник, – словно оправдываясь, раздражённо и слишком поспешно заявил Горчаков.

Опустив трубу, он укоризненно посмотрел на посланника императора. Тот странным образом скривился, покачал головой и, резко повернувшись, крикнул:

– Коня!

Видимо, ожидая этой команды, адъютант Вревского тут же подвёл к нему коня. Генерал вскочил и, бросив Горчакову «Я к Реаду», с места галопом умчался в сторону начавшегося сражения.

Повернувшись к начальнику штаба, Горчаков резко бросил:

– Я, как знал... Срочно направьте мой резерв на помощь генералу Реаду... – затем, помолчав, добавил: – И три полка генералу Липранди...

Взлетев на коней, офицеры связи помчались в расположение названных частей. Задуманная князем Горчаковым операция пошла насмарку.

А между тем совсем рассвело. Неприятель подтягивал значительные подкрепления к Федюхиным высотам и окрестностям. Союзники успели перебросить на различные участки более пятидесяти тысяч человек, обе разбитые дивизии Реада были отброшены с гор с огромными потерями, а посылаемые Горчаковым резервы вводились в бой сравнительно небольшими частями. И атака наших войск захлебнулась.

Под впечатлением от такого трагического начала, расстроенный главнокомандующий глухим от переживания го-

лосом задал вопрос своему начальнику штаба:

– Странно, но впечатление, что неприятель ждал нашего наступления именно в этом месте... Почему?..

– Ваше превосходительство! Видимо, те несколько рекогносцировок, сделанных нами до сражения, были замечены союзниками. Не исключаю я и предателей среди местного населения, крутившихся подле нас. И то, и это могли сделать известным неприятелю наше намерение атаковать именно в этом месте. Вот они и встретили нас...

– Видимо, так, – с готовностью согласился главнокомандующий.

– Восхищаюсь я, ваше превосходительство, солдатами нашими, их стойкостью и героизмом, – неожиданно добавил начальник штаба.

– Не вы один, сударь, – пробурчал Горчаков.

Вскоре с разных мест сражения стали прибывать связные. Доклады их о потерях были неутешительными. Позиции союзников были исключительно сильны; они били по русским войскам, сами будучи отлично прикрыты от действия нашего артиллерийского и ружейного огня. В этом бою погибло более двухсот пятидесяти офицеров, включая генералов Рead и барона Вревского... И конечно, огромное число солдат...

Как стало известно со слов офицера связи, присланного генералом Липранди, его войска, выбив итальянцев, захватили Телеграфическую гору и поставили на ней батарею, которая обстреливала гору Гасфорта, но далее идти войска его

не смогли. Посланные на Федюхины высоты полки тоже постигла участь первых двух дивизий генерала Реада, атаковавших гору ранее... Это был провал атаки. Горы устилали трупы солдат и офицеров. Сражение продолжалось, наши войска несли большие потери.

– Надо прекратить бой, – упавшим от волнения голосом произнёс Горчаков. – Извольте дать команду, полковник!

Вскоре под непрерывным огнём вражеской артиллерии войска стали отступать. Сражение было окончательно проиграно.

В последующие дни началась ужасающая по интенсивности и непрерывности огня бомбардировка Севастополя, и она уже не прекращалась вплоть до 27 августа – последнего штурма союзников...

После дневной бомбардировки, по своей силе затмившей все предыдущие, в день последнего штурма с семи часов вечера по шаткому мосту, своевременно переброшенному через бухту на Северную сторону, гарнизон Севастополя и жители стали покидать южную часть города. Пыхтя трубами, сжигая последние остатки угля, два парохода тоже переправляли на Северную сторону солдат гарнизона, раненых, пушки, лошадей. На следующий день люди, уже переправившиеся на тот берег, стали наблюдать, как специальные команды подрывников посередине бухты затапливали последние корабли Черноморского флота. Весь день и всю ночь в оставленном городе раздавались взрывы от сотен бомб и гранат,

лопавшихся в подожженных бомбовых складах.

На воздух взлетали доки, порты, укрепления... В ночное небо поднимались огромные столбы огня и дыма. Дым был так густ, что местами стоял непроницаемой стеной.

Тридцатого августа 1855 года союзники вошли в горящий Севастополь. Борьба Севастопольского гарнизона закончилась на триста сорок девятом дне героической обороны, и это событие затмило всё, что знала до той поры новая история осадных войн.

Союзники за время Севастопольской обороны потеряли более семидесяти тысяч человек (не считая больных и умерших от болезней). Защитники города – более ста тысяч. Такова была цена англо-французской авантюры.

А в оставленном людьми Севастополе ещё долго поднимались столбы дыма, тлели пожарища, покрывая разрушенный город слоем пепла, чтобы он, как птица Феникс, позже мог возродиться вновь...

Много лет спустя

Неприветливая зима 1881 года с её холодными дуящими сутками вдоль улиц пронизывающими ветрами, промозгlostью, редким снегом, порою сыпавшим по ночам, по всем признакам, подходила к концу. И хотя весна ещё только собиралась прийти, но само предчувствие скорого окончания мерзкой погоды оставляло в душе отставного контр-адмирала Антона Дмитриевича Аниканова ощущение радости, так напоминающее ожидание ребёнком Нового года с его подарками и хороводами вокруг ёлки.

Тихо и спокойно в доме. За окнами гостиной – вечерняя серая мгла и хмурая погода. Слегка наполняя комнату привычным запахом, потрескивали дрова в камине. В помещении, тем не менее, было прохладно.

Укутавшись в плед, супруга Антона Дмитриевича, Елизавета Егоровна, дремала в кресле напротив мужа. У её ног, свернувшись калачиком, лежала болонка: белая, пушистая, словно игрушечная.

Прикрыв глаза, сквозь веки пожилой адмирал с нежностью смотрел на жену. Постаревшая, слегка располневшая, с чертами лица, ещё сопротивляющимися старости, она оставалась такой же привлекательной, как когда-то в молодости на балу, где он впервые увидел свою Цирцею...

– 1853 год... Петербург... Бал у великой княгини... Му-

зыка... Император Николай Павлович... Господи, как давно это было, – вздохнув, умиротворённо прошептал адмирал.

И совсем другие ощущения возникали у него, когда он смотрел на спящую супругу. Перед ним всегда вставала одна и та же картина того страшного дня в Севастополе в августе пятьдесят пятого.

...Грохот канонады, пороховой дым, пыль, поднятая разрывами снарядов, истошные крики и стоны людей и... лежащая в беспомощности на дороге с большим кровавым пятном на спине Елизавета.

Сажень в десяти от неё – перевёрнутый с разбитым салоном дилижанс. Бьющиеся в предсмертной агонии лошади с вывороченными внутренностями... и страшная картина изувеченных снарядом тел Петра Ивановича, его сына Егора и сестры милосердия...

...По привычке Антон Дмитриевич пригладил свои усы, седые, но такие же, как и в молодости, короткие и аккуратно подстриженные.

Внешне адмирал мало был похож на шестидесятилетнего старика: тот же рост, что и раньше, та же стать, те же живые глаза. Разве что поредевшие волосы на голове, густые и седые бакенбарды на щеках, небольшие морщины у глаз мелкой сеточкой свидетельствовали о возрасте отставного адмирала.

Тяжеловато, опёршись рукой на подлокотник кресла, Антон Дмитриевич встал, подошёл к окну и нараспашку рас-

крыл его. В гостиную ворвался ветер – зашелестели шторы, от сквозняка хлопнула дверь. Супруга открыла глаза.

– Антон Дмитриевич, батюшка, – простудишься, и меня продует.

В это время в комнату заглянула служанка.

– Антон Дмитриевич, просили грог. Нести? – спросила она.

Антон Дмитриевич взмахнул рукой:

– Неси, перед ужином не грех и выпить.

Что-то щёлкнуло в голове адмирала. Дежа вю!.. «Где-то я это уже и слышал, и видел», – мелькнула мысль... И он тут же вспомнил...

...1847 год... Лондон, плохая погода, Бруннов, Шарль Луи Наполеон, открытое окно и причитания тётушки: «Филипп Иванович, батюшка! Как можно? Пожалуйста, закрой окно. Простудишься сам и Антошу»... И тот же грог...

Адмирал покачал головой и улыбнулся.

– Лизонька, не поверишь, вспомнил весьма давнее время. Довоенный Лондон, Брунновых Филиппа Ивановича и тётушку Шарлоту. Помнишь?.. А когда Севастополь пал, я тебя еле живую едва успел в лазарет Михайловской батареи довести. Доктора вытащили тебя с того свету... Потом Париж... Переговоры... Помнишь, дорогая?

– Почему я не должна помнить, милый? Пока выздоравливала после ранения, ты мне из Парижа по десятку писем в месяц присылал. Восхищался Филиппом Ивановичем, как

они с графом Орловым успешествовали на переговорах. С англичанином Кларендоном чуть не на кулачки шли... Ты так смешно описывал, что сие было, пожалуй, лучшим лекарством для меня. Как не помнить...

– Да, в том, 1856-м, славно потрудились все. Не поверишь, дорогая – весьма активно способствовали нам французы.

– Французы?!.. И это после всего?

– А зачем Наполеону усиление англичан в Средиземном и Чёрном морях? Никак не можно было того допустить. Вот французская делегация и смягчала условия договора. Союзные войска убрались из Крыма, вернули нам южную часть Севастополя... И это главное, – ещё не отойдя от воспоминаний, вздохнув, произнёс адмирал.

Открылась дверь, служанка внесла поднос с кувшином горячего напитка и парой фужеров. Она разлила грог и удалась.

Неожиданно Антон Дмитриевич грустно улыбнулся. Елизавета Егоровна удивлённо посмотрела на мужа.

– Дорогая, у меня такое ощущение, что сейчас откроется дверь и войдет Шарль Луи Наполеон собственной персоной.

– Дорогой, Наполеона нет уже. Как ему появиться... Почитай, лет восемь как умер, – затем она тихо добавила: – И Брунновых нет, Царство им небесное...

– И сиятельного князя Меншикова, – перебив супругу, так же тихо произнёс муж, – и Горчакова Михаила Дмитриевича... И брат Михаил упокоился в земле... Уходят бывшие

герои... Уходят... Жаль, и наше время стучится в дверь...

Не говоря ни слова, супруги подняли фужеры. С нежностью посмотрев друг на друга, они отпили по глотку...

К О Н Е Ц

Автор будет благодарен за отзывы и пожелания читателей этой книги.

E-mail: nva06@mail.ru